МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ

ЗАПИСКИ

Книга 2

П. Н. Врангель

Записки

Книга вторая

Под редакцией Л. М. Суриса

Москва-Берлин
2015

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)524
В81

Врангель, П. Н.
В81 Записки : книга вторая / П. Н. Врангель ; под ред. Л. М. Суриса. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 474 с.
ISBN 978-5-4475-3691-6

Пётр Николаевич Врангель (1878–1928) – русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей (1918−1920) Белого движения в годы Гражданской войны. Главнокомандующий Русской Армии в Крыму и Польше (1920); генерального штаба генерал-лейтенант (1918); Георгиевский кавалер.

Записки генерал-лейтенанта Врангеля, активного участника Первой мировой войны и перешедшей в России в Гражданскую войну – ценнейший документ не только для понимания целей и хода военных действий, но и истории России XX века.

Кроме описания событий и их точного анализа, записки содержат подлинные документы, позволяющие понять ход военных действий.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-4475-3691-6

Книга вторая

Глава I
Смена власти

Утром 22-го марта «Emperor of India» бросил якорь в Севастопольском рейде. Стоял чудный весенний день. В неподвижном море отражалось голубое небо и, залитый лучами солнца, белел и сверкал, раскинувшийся по высоким берегам бухты, Севастополь. На набережных виднелись снующие по всем направлениям люди, бухту бороздили многочисленные ялики и челны… Жизнь, казалось, шла своей обычной чередой и дикой представлялась мысль, что этот прекрасный город переживает последние дни, что, может быть, через несколько дней его зальет кровавая волна и здесь будет справляться красная тризна.

К нам подошел катер под Андреевским флагом и по трапу на палубу поднялся морской офицер. Он доложил, что прислан ко мне командующим флотом и что для меня отведено помещение на крейсере «Генерал Корнилов». Я приказал перевезти вещи на крейсер, а сам решил съехать на берег и прежде всего повидать председателя военного совета генерала Абрама Михайловича Драгомирова. По словам встретившего меня офицера, заседание совета должно было состояться в 12 часов дня в «Большом дворце», занятом командующим флотом, где и находился генерал Драгомиров.

Первое знакомое лицо, встреченное мною при сходе на берег, был генерал Улагай. Я не видел его с декабря прошлого года, в то время он лежал в Екатеринодаре, тяжело больной тифом. После своего выздоровления он в последние дни борьбы на Кубани командовал Кавказской армией, сменив генерала Шкуро, удаления которого потребовала от генерала Деникина Кубанская рада. Расчет ставки, усиленно

выдвигавшей генерала Шкуро, в надежде использовать его популярность среди казаков, оказался ошибочным. Кавказская армия – кубанцы, терцы и часть донцов – не успев погрузиться, отходила вдоль Черноморского побережья по дороге на Сочи и Туапсе. За ними тянулось огромное число беженцев. По словам генерала Улагая, общее число кубанцев, в том числе и беженцев, доходило до сорока тысяч, донцов – до двадцати. Части были совершенно деморализованы и о серьезном сопротивлении думать не приходилось. Отношение к «добровольцам» среди не только казаков, но и офицеров было резко враждебно: генерала Деникина и «добровольческие» полки упрекали в том, что, «захватив корабли, они бежали в Крым, бросив на произвол судьбы казаков». Казаки отходили по гористой, бедной местными средствами, территории; их преследовали слабые части конницы товарища Буденного, во много раз малочисленное наших частей, но окрыленные победой. Большинство кубанских и донских обозов были брошены, запасов продовольствия на местах не было, и люди, и лошади голодали. В виду ранней весны подножный корм отсутствовал, лошади ели прошлогодние листья и глодали древесную кору. Казаки отбирали последнее у населения, питались прошлогодней кукурузой и кониной.

Генерал Улагай оставил свою армию в районе Сочи. Заместителем своим он назначил генерала Шкуро, во главе донских частей оставался генерал Стариков. Последние дни в Сочи среди членов Кубанской рады разногласия особенно усилились. Все громче раздавались голоса о необходимости вступить в переговоры с большевиками, другие предлагали просить о защите Грузию. Кубанский атаман генерал Букретов и председатель правительства инженер Иванис за несколько дней до отъезда генерала Улагая выехали в Крым.

На мой вопрос – «неужели при таком превосходстве наших сил нет возможности рассчитывать хотя бы на частичный успех – вновь овладеть Новороссийском и тем обеспечить снабжение, а там, отдохнув и оправившись, постараться вырвать инициативу у противника…» – генерал Улагай безнадежно махнул рукой.

– «Какой там, казаки драться не будут. Полки совсем потеряли дух».

Мне стало ясным, что дело действительно безнадежно. Дух был потерян не только казаками, но и начальниками. На продолжение борьбы казаками рассчитывать было нельзя.

В Крым переброшено было, включая тыл, около двадцати пяти тысяч добровольцев и до десяти тысяч донцов. Последние прибыли без лошадей и без оружия. Даже большая часть винтовок была при посадке брошена. Казачьи полки были совершенно деморализованы. Настроение их было таково, что генерал Деникин, по соглашению с Донским атаманом генералом Богаевским и командующим Донской армией генералом Сидориным, отказался от первоначального намерения поручить донским частям оборону Керченского пролива и побережья Азовского моря и решил немедленно грузить их на пароходы и перебросить в район Евпатории, отобрав от полков последнее оружие.

Добровольческие полки прибыли также в полном расстройстве. Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии и пулеметов. Люди были оборваны и озлоблены, в значительной степени вышли из повиновения начальников. При этих условиях и Добровольческий корпус боевой силы в настоящее время не представлял.

Фронт удерживался частями генерала Слащева, сведенными в Крымский корпус. Корпус состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей,

зачастую еще в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей. При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков и 2000 шашек. Общая численность противника на фронте генерала Слащева – XIII-ой советской армии была до 6000 штыков и 3000 шашек. При этих условиях, сил у генерала Слащева для обороны перешейков было достаточно, однако, сборный состав его частей и их слабая подготовка и, отмеченное нашей разведкой, постоянное усиление противника, заставляло считать наше положение далеко не устойчивым.

Я застал генерала Драгомирова в Большом дворце. Через час должно было открыться заседание военного совета и он спешил ознакомить меня в общих чертах с последними событиями.

Собранное накануне совещание оказалось чрезвычайно многочисленным. Несмотря на все усилия генерала Драгомирова, определенного решения добиться не удалось. Значительное число участников совещания решительно отказалось обсуждать вопрос о назначении преемника Главнокомандующего, считая недопустимым введение в армию принципа выборного начала и полагая, что преемник генерала Деникина должен быть назначен приказом последнего. Генерал Слащев, под предлогом необходимости его присутствия на фронте от дальнейшего участия уклонился и выехал из Севастополя; с ним уехали и представители Крымского корпуса. После совещания генерал Драгомиров донес по аппарату в Феодосию, где оставался генерал Деникин, о результатах первого совещания и высказанном последним пожелании. Однако генерал Деникин решительно отказался от назначения себе преемника, подтвердив свое требование о выборе нового Главнокомандующего военным советом.

Со своей стороны я считал совершенно недопустимым выбор нового Главнокомандующего его будущими подчиненными и единственно правильным назначение такового самим генералом Деникиным. Я ознакомил генерала Драгомирова с привезенным мною ультиматумом англичан.

– «По тем отрывочным сведениям, которые я имел в Константинополе, и которые получил только что от генерала Улагая, и при условии лишения нас всякой помощи со стороны союзников, я не вижу возможности продолжать борьбу», сказал я. «Я прибыл сюда потому, что не счел возможным не разделить с армией ее, быть может, последние часы и если судьба пошлет мне испытание встать во главе армии, я его приму. Однако я считаю, что при настоящих условиях генерал Деникин не имеет нравственного права оставить то дело, во главе которого он до сих пор стоял. Он должен довести это дело до конца и принять на себя ответственность за все, что произойдет».

– «Решение Главнокомандующего уйти – окончательно. Я убежден, что он его не изменит», ответил генерал Драгомиров (20 марта генерал Деникин писал генералу Драгомирову:

«Главнокомандующий
Вооруженными Силами
на Юге России.
№ 145.
20 марта 1920 г.
Феодосия.
Многоуважаемый Абрам Михайлович,

Три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий Вас А. Деникин

Его Высокопревосходительству
А. М. Драгомирову.
Председателю Военного Совета».)

Соседняя зала, где должно было происходить совещание, постепенно наполнялась народом. Оттуда доносился шум, говор, топот многочисленных ног. Вошедший с какими-то бумагами адъютант приотворил дверь и я увидел значительную толпу в несколько десятков человек.

– «Это не военный совет, ваше высокопревосходительство, а какой-то совдеп», сказал я. «Я полагаю совершенно невозможным скрыть от военного совещания новые обстоятельства, в корне меняющие обстановку».

Я указал на ноту англичан. «Новый Главнокомандующий, кто бы он ни был, должен с полной определенностью знать, что при этих условиях будут от него требовать его соратники, а последние, что может им обещать новый вождь. Все это невозможно обсуждать в таком многолюдном собрании, в значительной мере состоящем из мальчиков. Ведь некоторые из нынешних командиров полков в нормальное время были бы только поручиками. Я полагаю, что из состава совета должны быть удалены все лица, младше командиров корпусов, или равных им по власти».

Генерал Драгомиров со мной охотно согласился. Мы тут же по списку наметили состав этих лиц: председатель – генерал от кавалерии Драгомиров, командующий флотом вице-адмирал Герасимов, Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский, командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин, начальник его штаба генерал-лейтенант Келчевский, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Турбин, генерал-лейтенанты: Шатилов, Боровский, Покровский, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Улагай, Ефимов, Стогов, Топорков, начальник штаба Главнокомандующего генерал-майор Махров, начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Евдокимов и я.

Генерал Драгомиров, отпустив прочих участников совещания, просил старших начальников перейти к нему в кабинет. Известие об ультиматуме англичан всех поразило. Значение его в полной мере учитывалось всеми, все были сумрачны и молчаливы. Генерал Драгомиров сообщил присутствующим, что генерал Деникин по-прежнему настаивает на выборе себе преемника. Однако все члены Совета продолжали считать такой порядок разрешения вопроса недопустимым.

Председательствующий предложил следующий выход из положения: старшие начальники в частном совещании выскажут свои предположения и назовут лицо, которое, по их мнению, может в настоящую минуту наиболее успешно выполнить возложенную на него задачу; генерал Драгомиров об этом сообщит генералу Деникину, доложив, что мнение участников совещания не связывает Главнокомандующего в его решении и еще раз предложит генералу Деникину приказом назначить себе преемника.

Я просил слова и вновь повторил сказанное уже генералу Драгомирову: в настоящих условиях я не вижу возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы. Ультиматум англичан отнимает последние надежды. Нам предстоит испить горькую чашу до дна. При этих условиях генерал Деникин не имеет права оставить армию. Мои слова были встречены гробовым молчанием. Мне стало ясно, что, как самим генералом Деникиным, так и всеми присутствующими, вопрос об оставлении Главнокомандующим своего поста уже предрешен.

– «Если генерал Деникин все же оставит армию», – продолжал я, – «и на одного из нас выпадет тяжкий крест, то прежде чем принять этот крест, тот, кто его будет нести, должен знать, что от него ожидают те, кто ему этот крест вверили. Повторяю, я лично не представляю себе возможным для нового Главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать – это сохранить честь вверенного армии русского знамени. Конечно, общая обстановка мне менее знакома, чем всем присутствующим, а потому я, быть может, преувеличиваю безвыходность нашего положения. Я считаю совершенно необходимым ныне же выяснить этот вопрос». Все молчали.

Наконец, генерал Махров стал говорить о том, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать – «пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия».

– «Да, Петр Семенович, это так», ответил генерал Шатилов, «если бы этот шанс был… Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде…» Генерал Махров не возражал.

Для меня не было сомнения, что выбор участников совещания остановится на мне. Жребий был брошен, я сказал все, и дальнейшее зависело не от меня. Сославшись на нездоровье, я просил генерала Драгомирова разрешения оставить совещание.

На душе было невыразимо тяжело. Хотелось быть одному, разобраться с мыслями. Я вышел из дворца и пошел бродить по городу, ища уединения. Я прошел на Исторический бульвар и долго ходил по пустынным аллеям. Тяжелое, гнетущее чувство не проходило. Мне стало казаться, что душевное равновесие не вернется, пока я не получу возможности поделиться с кем-либо всем, что мучило мою душу. Мне вспомнилось посещение мое, в бытность в Севастополе, епископа Севастопольского Вениамина. Это было накануне оставления мною родной земли. Я также тогда переживал тяжелые часы. Теплая, полная искренней задушевности, беседа с владыкой облегчила тогда мою душу. Я решил пройти к епископу Вениамину. Последний знал уже о моем приезде и, видимо, мне обрадовался:

– «Вы хорошо сделали, что приехали сюда. Господь надоумил Вас. Это был Ваш долг», сказал он. «Я знаю, как тяжело Вам, знаю, какой крест Вы на себя берете. Но Вы не имеете права от этого креста отказываться. Вы должны принести жертву родной вам армии и России. На вас указал промысел Божий устами тех людей, которые верят Вам и готовы Вам вручить свою участь. Еще до Вашего приезда, как только генерал Драгомиров собрал совет, к нему обратился, указывая на Вас, целый ряд русских людей, духовенство православное, католическое и магометанское, целый ряд общественных организаций. Вот у меня копии с двух таких обращений».

Владыка, порывшись в лежащих на столе бумагах, передал мне две из них.

Пока я читал, владыка вышел в соседнюю горницу, откуда вынес икону Божьей Матери, старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами. Он подошел ко мне. – «Этой старинной иконой я решил благословить Вас, когда Вы прибудете сюда на Ваш новый подвиг».

Я преклонил колено. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело и я, спокойно решившись покориться судьбе, вернулся в Большой дворец.

Совещание давно уже кончилось. Следующее заседание было назначено на 6 часов вечера. Старшие начальники единогласно указали на меня, как на преемника генерала Деникина. Генерал Драгомиров сообщил Главнокомандующему о результатах сегодняшнего совещания.

Во дворец приезжал, державший флаг на дредноуте «Emperor of India», адмирал Сеймур. Глубоко порядочный человек, тип английского джентльмена в лучшем смысле этого слова, он был положительно удручен новым политическим выступлением своего правительства. Он через несколько часов уходил в Феодосию.

Командующий флотом адмирал Герасимов предложил мне перекусить. На вопрос мой о тоннаже, запасах угля и масла, которыми мы могли бы обеспечить суда, на случай необходимой эвакуации, я получил безнадежно неутешительный ответ. Тоннаж в портах Крыма достаточен, однако ни одно судно выйти в море не может. Не только нет запасов угля и масла, но и на кораблях ни угля, ни масла нет. Даже боевые суда нет возможности освещать электричеством. «Вы не поверите», добавил адмирал Герасимов, «нам нечем даже развести пары на буксирах, чтобы вывести суда на рейд. Если, не дай Бог, случится несчастье на фронте, никто не выйдет».

В 6 часов заседание совета старших начальников возобновилось под председательством генерала Драгомирова. Я передал присутствующим, что указание их на меня, как на будущего преемника генерала Деникина мне известно, что оказываемое мне моими соратниками в эти грозные дни доверие меня особенно обязывает перед самим собой и перед ними это доверие оправдать, что прежде чем дать свое согласие я должен быть уверен, что в силах выполнить то, что от меня ожидают, что, как я уже имел случай высказать, я не вправе обещать им победы, что в настоящих условиях мы на победу рассчитывать не можем. Я могу обещать лишь одно: не склонить знамени перед врагом и, если нам суждено будет погибнуть, то сохранить честь русского знамени до конца.

– «Англичане решили выйти из игры», – сказал я. – «Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки. Никаких переговоров с большевиками с нашей стороны я, конечно, не допускаю. Мне представляется в настоящих условиях необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры. Переложить на них одиум переговоров, всячески затягивая таковые, а тем временем закрепиться, привести армию и тыл в порядок и обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации… Если мои соображения разделяются, я прошу совет особым актом указать какие задачи ставятся новому Главнокомандующему».

Я тут же предложил проект акта. Генерал Шатилов записал его под мою диктовку:

– «На заседании старших начальников, выделенных из состава военного совета, собранного по приказанию Главнокомандующего в Севастополе 22 марта 1920 года, для избрания заместителя генералу Деникину, председателем совета генералом от кавалерии

Драгомировым было оглашено ультимативное сообщение Британского Правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы Правительство Короля Великобритании обратилось бы с предложением к Советскому Правительству об амнистии населению Крыма и в частности войскам Юга России, причем, в случае отказа генерала Деникина на это предложение. Британское Правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую то ни было помощь.

При этих условиях, совещание выразило желание просить Главнокомандующего о назначении его заместителем генерала Врангеля с тем, чтобы он, приняв на себя главное командование, путем сношения с союзниками, добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от Советского Правительства».

– «Я вправе надеяться», – в заключение сказал я, – «что вы не откажетесь поставить ваши подписи под этим постановлением, ежели, конечно, его текст вас удовлетворит и тем разделить со мной ту тяжкую ответственность, которую я принимаю по вашему желанию перед русскими людьми. Я отлично отдаю себе отчет насколько эта ответственность тяжела и потому прошу еще раз все это обдумать…».

Я оставил совет и вышел в соседнюю комнату. Прошло десять, пятнадцать, двадцать минут, обсуждение продолжалось. Изредка через дверь доносились до меня оживленные голоса; о чем-то спорили. Наконец дверь в кабинет отворилась. Вышел командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов.

– «Ваше превосходительство, пройдите туда, без вас все равно ничего не решат».

– «Как так, в чем дело?» Генерал Кутепов пожал плечами.

– «Да вот. Все понимают, что другого решения нет, а поставить свою подпись не соглашаются».

– «Кто же собственно не соглашается?».

– «Генерал Турбин и генерал Улагай».

Коменданта крепости генерала Турбина я почти не знал, зато смелого и благородного генерала Улагая знал отлично. В отсутствии гражданского мужества я его подозревать не мог. Причину с его стороны надо было искать в чем-то другом. Я прошел к совету.

– «У вас господа, по-видимому, возникли какие-то сомнения. Я считаю необходимым их выяснить, ибо то решение, которое мы примем, может иметь значение, лишь если оно будет единодушным».

Генерал Улагай стал возражать: против решения никто ничего не имеет. Однако, он, Улагай, считает, что обуславливание моего согласия получением акта за подписью участников совета есть признак недостаточного доверия моего к своим сотрудникам, что ни один из них, конечно, от своих слов не откажется и в письменном подтверждении этих слов надобности нет.

– «Я поражен», – сказал я, – «слышать эти слова от; генерала Улагая. Особенно от него. Мы, кажется, пережили немало вместе и не раз имели случай друг друга испытать. Я не допускаю мысли о возможности между нами какого-то недоверия. Мне лично нет надобности в письменном подтверждении слов каждого из здесь присутствующих. Однако, никто из нас не знает, что ожидает нас, быть может, в ближайшем будущем. Каждый из нас, а я тем более, должны будем дать ответ перед будущей Россией, перед русскими людьми, наконец, перед теми, кто нам дорог».

Генерал Улагай тотчас заявил, что он готов дать свою подпись. Генерал Турбин со своей стороны не возражал. Стали подходить к столу и подписывать.

Подписали: Генерал от кавалерии Драгомиров, вице-адмирал Герасимов, генерал-лейтенант Богаевский, генерал-лейтенант Сидорин, генерал-лейтенант Келчевский, генерал-лейтенант Вязьмитинов, генерал-лейтенант Шатилов, генерал-лейтенант Турбин, генерал-лейтенант Боровский, генерал-лейтенант Покровский, генерал-лейтенант Топорков, генерал-лейтенант Юзефович, генерал-лейтенант Шиллинг, генерал-лейтенант Кутепов, генерал-лейтенант Ефимов, генерал-лейтенант Улагай, контр-адмирал Евдокимов, генерал-лейтенант Стогов и генерал-майор Махров.

Последним подписал я:

«Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с ней чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего.

Генерал-лейтенант Барон П. Врангель. 22 марта 1920 года».

В то время, как подписывался акт, генерал Драгомиров был вызван к аппарату генералом Деникиным. Последний справлялся о том, известно ли мне новое политическое положение и постановление утреннего совещания. Получив утвердительный ответ, генерал Деникин сообщил, что им отдается приказ о назначении меня его преемником.

Приказ этот гласил:

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2899.

Г.Феодосия. 22 марта 1920 года.

§ 1.

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

§ 2.

Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

Мы вышли в зал, где тем временем собрались все члены совещания. Генерал Драгомиров предоставил мне слово.

Я начал говорить и при первых же словах почувствовал, как спазмы сжимают мне горло. Меня глубоко растрогала оказанная мне всеми моими соратниками неподдельно трогательная и радостная встреча. Я ясно чувствовал, что среди безысходного горя, разбитых надежд, страданий и лишений, они ищут во мне поддержки и опоры. Привезенное мною известие наносило им новый удар.

Что ожидает их в ближайшем будущем. Что станется с теми, кто шли за нами, жертвуя личными интересами, здоровьем и самой жизнью во имя борьбы за свободу и счастье родины. Что станется с десятками тысяч русских людей, которые в слепом ужасе бежали сюда, на последний клочок русской земли, под защиту штыков армии?

Неужели напрасно принесено столько жертв, пролито столько крови и слез?

Неужели бесследно будет вычеркнута из истории России светлая страница борьбы ее лучших сынов, борьбы среди смрада российского пожарища, потоков крови, развала и бесчестия родины. С трудом выдавливая фразы из горла, закончил я свою речь.

Я остался с генералом Драгомировым и генералом Шатиловым.

Я решил немедленно ответить на ноту Великобританского Правительства и, приказав послать за начальником политической канцелярии управления

иностранных сношений Б. Л. Татищевым (начальник управления иностранных сношений А. А. Нератов был болен), стал диктовать генералу Шатилову ответ англичанам. Татищев вскоре прибыл и нота тут же была подписана мною.

«Телеграмма адмиралу де-Робек, в Костантинополь, отправленная из Севастополя 22 марта (4 апреля) 1920 года.

Приказом генерала Деникина я назначен Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России и вступил в исполнение моих обязанностей. Категорическое требование Великобританского Правительства прекратить борьбу, ставит мою армию в невозможность продолжать таковую. Возлагая на Великобританское Правительство всю нравственную ответственность за принятое им решение и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, я отдаю участь армии, флота и населения занятых нами областей, а также всех тех, кто участвовал с нами в настоящей борьбе, на справедливое решение Великобританского Правительства.

Я считаю, что долг чести тех, кто лишает своей помощи в самый решительный час армию юга России, оставшуюся неизменно верной общему делу союзников, обязывает их принять все меры к обеспечению неприкосновенности армии, населения занятых областей, а также тех лиц, которые не пожелали бы вернуться в Россию и, наконец, тех, кто боролся против большевиков и ныне томится в тюрьмах Советской России.

Я имею право требовать от моих подчиненных жертвовать жизнью для спасения отечества, но я не могу требовать от тех, кто считает для себя постыдным принять пощаду от врага, воспользоваться ею.

При этих условиях я нахожу необходимым, чтобы та возможность, которую Британское Правительство предлагает Главнокомандующему и его главным сотрудникам найти приют вне России, была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление своей Родины принятию пощады от врага.

Я готов согласиться на самые тяжелые условия для существования за границей этих лиц, чем обеспечилось бы, что этой возможностью воспользуются только те, кому совесть не допускает воспользоваться милостью врага.

Само собой разумеется, что во главе этих лиц я прошу считать меня самого.

Возможно быстрое разрешение вопроса о перемирии и его осуществление является необходимым.

Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь.

Для спокойного разрешения вопросов, связанных с прекращением военных действий и ликвидацией военных и гражданских учреждений, в связи с передачей Крыма Советскому Правительству, необходимо предоставить мне не менее двух месяцев, от дня завершения переговоров.

В течение этого времени союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым.

Врангель».

Я собирался ехать на крейсер «Генерал Корнилов», когда мне передали принятую по аппарату телеграмму генерала Слащева; последний телеграфировал, что считает мое положение в Севастополе опасным и просит разрешения прибыть с бронепоездом и отрядом своих войск для моей охраны. Я приказал ответить, что

в охране не нуждаюсь, прибытие бронепоезда и войск считаю излишним, лично же генерала Слащева всегда рад буду видеть. Поздно ночью я вернулся в отведенное мне помещение на борту «Генерала Корнилова».

Едва стало светать, как я уже проснулся, разбуженный непривычным шумом утренней уборки. Звенели цепи, трещали скребки, шумела выбрасываемая насосами вода, гулко отдавался в металлических переборках корабля тяжелый топот уборщиков… Сон не возвращался, докучливые, беспокойные мысли лезли в голову. Я встал, оделся и сел писать приказ войскам.

Что мог сказать я им, чем ободрить упавший дух. Наше тяжелое, по-видимому, безвыходное положение известно и офицерам и солдатам. Не сегодня, так завтра им станет известна и измена наших союзников. Не дрогнут ли при этом новом ударе сердца тех, кто грудью своей прикрывает последнюю пядь родной земли? Войска знали, что я никогда не скрывал от них правды и, зная это, верили мне. Я и теперь не могу сулить им несбыточные надежды. Я мог обещать лишь выполнить свой долг и, дав пример, потребовать от них того же:

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

№ 2900.

Г.Севастополь. 22 марта 1920 года. Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен генералом Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения.

Призываю верных сынов России напрячь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгод, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье.

В этом залог нашего успеха.

С верой в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

Вошел генерал Шатилов. Он также почти не спал, просидев до поздней ночи с начальником штаба генералом Махровым. Он успел ознакомиться с главнейшими вопросами нашего общего положения.

Правительственного аппарата не существовало. С переходом в Крым «демократическое» правительство Мельникова пало и бывшему начальнику финансового управления М. В. Бернацкому было поручено генералом Деникиным составить новый «деловой» кабинет. За исключением М. В. Бернацкого, находившегося в Феодосии, и больного начальника управления иностранных сношений А. А. Нератова, все остальные начальники гражданских управлений и многие из ближайших их помощников разъехались. Во главе остатков громоздких управлений с огромным числом служащих, без помещений, с остатками растерянных и брошенных дел, остались второстепенные исполнители.

При упразднении и расформировании частей управлений и учреждений, по распоряжению генерала Деникина, всем оставшимся за штатом было обещано четырехмесячное содержание. Огромные суммы подлежали выдаче в качестве «эвакуационного» пособия.

Крошечный Крым, при полном отсутствии естественных богатств, должен был принять, кормить и оплачивать в течение многих месяцев и армию, и бесконечно разросшиеся тылы Вооруженных Сил Юга России.

Неумелая финансовая политика, упорный отказ генерала Деникина от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств юга России, несовершенство налогового аппарата, приводили к тому, что вся финансовая система сводилась к печатанию денежных знаков. Однако новые и новые эмиссии не могли удовлетворить денежной потребности, беспрерывно возраставшей, по мере обесценения денежных знаков бесконечными их выпусками. При отходе в Крым из четырех экспедиций заготовления государственных бумаг три были частью вывезены и бездействовали, частью погибли. Оставшаяся в Феодосии экспедиция не успевала печатать. С утерей нами всего юга России и оставления нас нашими союзниками и без того незначительные суммы, находящиеся в банках и на руках финансовых агентов главного командования заграницей, не могли считаться прочно обеспеченными от захвата многочисленными кредиторами.

На довольствии в армии состояло более 150 000 ртов, но из этого числа лишь около одной шестой могли почитаться боевым элементом, остальную часть составляли раненые, больные, инвалиды разных категорий, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, громадное число чинов резерва, в большинстве случаев престарелых, чинов многочисленных тыловых учреждений.

Крым местными средствами был беден и в мирное время он жил за счет богатой Северной Таврии; теперь же с населением в значительной степени возросшим, с расстроенным долгими годами германской и гражданской войны хозяйственным аппаратом, он не мог прокормить население и армию. В городах южного побережья Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, благодаря трудному подвозу с севера, хлеба уже не хватало.

Цены на хлеб беспрерывно росли. Не хватало совершенно и необходимых жиров. Не было угля и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой.

Огромные запасы обмундирования и снаряжения были брошены на юге России и раздетую, и в значительной части безоружную, армию, нечем было снабжать. Винтовок было в обрез, пулеметов и орудий не хватало, почти все танки, броневые машины и аэропланы были оставлены в руках противника. Немногие сохранившиеся боевые машины не могли быть использованы за полным отсутствием бензина. Огнеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, могло хватить лишь на короткое время.

Уцелевшие орудия нечем было запрячь. Конница осталась без лошадей и единственная конная часть была вторая конная дивизия генерала Морозова (около 2000 шашек), входившая в состав отошедшего в Крым с севера сухим путем корпуса генерала Слащева. Кроме этого корпуса, все отошедшие в Крым войска лишились своих обозов. В бедном коневыми средствами Крыму, недостаток конского состава не представлялось возможным пополнить, особенно при наступавшем времени весенних полевых работ.

Войска за многомесячное беспорядочное отступление вышли из рук начальников. Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей.

Развал достиг и верхов армии. Политиканствовали, интриговали, разводили недостойные дрязги и происки. Благодатная почва открывала широкое поле деятельности крупным и мелким авантюристам. Особенно шумели оставшиеся за бортом, снедаемые неудовлетворенным честолюбием, выдвинувшиеся не по заслугам генералы: бывший командующий Кавказской армией

генерал Покровский, генерал Боровский, сподвижник грабительского набега генерала Мамонтова, его начальник штаба, генерал Постовскии. Вокруг них собиралась шайка всевозможных проходимцев, бывших чинов многочисленных контрразведок, секретного отдела Освага и т. п.

Среди высшего командования донцов также было неблагополучно. Генерал Сидорин и генерал Келчевский, окончательно порвав с «добровольцами», вели свою самостоятельную казачью политику, ища поддержки у «демократического» казачества.

Генерал Слащев, бывший полновластный властитель Крыма, с переходом ставки в Феодосию, оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым. Однако, полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц.

Аппарат внутреннего управления был в полном расстройстве. Проделав эволюцию от единоличной диктатуры до демократического правительства, при ко-

тором Главнокомандующий являлся лишь главою вооруженных сил, генерал Деникин спутал все карты в колоде своей политической игры.

Во главе гражданского управления в Крыму стоял Таврический губернатор Перлик, недавно назначенный после оставившего этот пост Н. А. Татищева. Он бессилен был, при отсутствии твердых руководящих сверху указаний, управлять внутренней жизнью края.

Если этих твердых руководящих указаний не давалось за последнее время, то и раньше единая определенная внутренняя политика отсутствовала. Одновременно с гражданским управлением политика проводилась и политической частью штаба во главе со вторым генерал-квартирмейстером. Двойственность и, как следствие ее, «разнобой», при таком порядке вещей, были неизбежны. Неудовлетворительный подбор представителей власти на местах, при общем бессилии правительственного аппарата, еще более этот «разнобой» усиливал.

Отношение местного татарского населения было в общем благожелательно. Правда, татары неохотно шли в войска, всячески уклоняясь от призывов, но никаких враждебных проявлений со стороны населения до сего времени не наблюдалось. Настроение в городах, особенно в портовых, с пришлым, в значительной степени промышленным населением, также в общем не внушало особенных тревог, хотя под влиянием работы эсеров, успевших проникнуть по новому демократическому закону в значительном количестве в местные городские самоуправления, среди рабочих портового завода в Севастополе уже имели место значительные беспорядки. В штабе имелись сведения о готовящейся забастовке.

Ушедший в горы с некоторыми своими приспешниками, капитан Орлов присоединил к себе несколько

десятков укрывавшихся в горных деревушках дезертиров. Он изредка появлялся на Симферопольском шоссе, нападая на отдельных проезжающих и одиночных стражников. Однако на более крупные предприятия не решался. С отходом армии в Крым к нему бежали ищущие наживы, не брезгующие средствами, проходимцы. Среди последних оказался и бывший личный адъютант генерала Май-Маевского капитан Макаров. Имелись сведения, что большевистские агенты снабжают отряды Орлова и Макарова оружием и деньгами.

Условия будущей работы представлялись безнадежно тяжелыми. Не только приходилось все строить заново, но и погашать старые обязательства.

Генерал Шатилов успел повидать и новых чинов штаба Главнокомандующего. С оставлением генералом Романовским поста начальника штаба и уходом генерал-квартирмейстера генерала Плющевского-Плющик, начальником штаба Главнокомандующего был назначен генерал Махров. Должность генерал-квартирмейстера занял полковник Коновалов. Делами второго генерал-квартирмейстера ведал полковник Дорман.

Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое время состоял в Кавказской армии начальником военных сообщений. Это был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер генерального штаба. Ума гибкого и быстрого, весьма живой. Он не прочь был поиграть «демократизмом». Либерализм начальника штаба в настоящее время являлся в значительной мере отражением политических взглядов его ближайших помощников обоих генерал-квартирмейстеров.

Среди офицерства ставки и высших чинов, настроенных в общем право, либерализм начальника штаба и его ближайших помощников вызывал большие нарекания. Их обвиняли в «эсеровщине».

Однако полковник Коновалов даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера. Впоследствии я имел случай убедиться в справедливости этого мнения. Полковник Дорман был также способный офицер.

Дежурным генералом состоял генерал Трухачев, занимавший эту должность с первых шагов Добровольческой армии, хорошо знающий свое дело.

Я наметил в дальнейшем ограничить работу штаба исключительно военными вопросами, изъяв из ведения штаба вопросы политического характера.

Я считал, что всякие перемены личного состава, особенно в настоящие дни общего развала, были бы только вредны. Неизбежные перемены могли быть сделаны лишь постепенно более или менее безболезненно в порядке работы. В виду сложившихся в последнее время моих отношений с генералом Деникиным, я считал особенно необходимым возможно щепетильно относиться к тем его сотрудникам, которые ныне становились моими. Все эти соображения я высказал генералу Шатилову, прося его вместе с тем дружески переговорить с генералом Махровым, ознакомить его с моими соображениями и взглядами на дальнейшую ожидаемую мной от штаба работу.

В разговоре с генералом Махровым надлежало, в частности, затронуть вопрос и о той части работы штаба, касающейся внутренней разведки, которая вероятно перешла к нему после расформирования пресловутого Освага. Я подразумевал ту «информацию вверх», коей освещалась деятельность старших начальников, не исключая помощников главнокомандующего. Я не мог допустить мысли о возможности предательства моих ближайших сотрудников и всякую слежку за ними считал недостойной.

Предстоящая работа требовала огромного с моей стороны напряжения и личного участия как в тылу, так и на фронте. В настоящие трудные дни личное влияние вождя приобретало особое значение. Одной из крупных ошибок моего предшественника было постепенное полное прекращение общения с войсками. Я предложил генералу Шатилову должность моего помощника с тем, чтобы при поездках моих на фронт, он мог бы меня заменять в Севастополе. Приказ о назначении генерала Шатилова помощником главнокомандующего состоялся 24-го марта.

Вскоре прибыл генерал Махров. Он привез известие об отъезде генерала Деникина с несколькими лицами его личного штаба из Феодосии в Константинополь. Генерал Деникин оставлял Крым на том же корабле, «Emperor of India», который привез меня.

Генерал Слащев телеграфировал, что будет сегодня в Севастополе.

Доклад генерала Махрова подтвердил мне те сведения, которые сообщил генерал Шатилов.

Общая стратегическая обстановка представлялась в следующем виде: отношения большевиков с поляками окончательно испортились и со дня на день можно было ожидать возобновления борьбы на польском фронте. Туда были переброшены, освободившиеся после разгрома армии генерала Деникина, красные части, за исключением незначительного числа войск, оставленных для преследования окончательно деморализованных, потерявших всякую боеспособность, прижатых к Черному морю, казаков.

На крымском фронте против частей генерала Слащена действовала XIII-ая советская армия, общей численностью около 6 000 штыков и 3 000 шашек (число бойцов в передовой линии; общее число на фронте и в

тылу в шесть-семь раз больше). В состав XIII-ой Советской армии входили части эстонской пехотной дивизии, 46-ой стрелковой, 8-ой червонного казачества кавалерийской, 13-ой кавалерийской бригады и ряд мелких отрядов: карательный китайский, заградительный, пограничный конный и т. д.; за последние дни к противнику подошла латышская пехотная и ожидалось прибытие 3-ей стрелковой дивизии.

Позиция противника усиленно укреплялась и усиливалась артиллерией. Стратегический план красного командования, по-видимому, предусматривал крупные наступательные операции на польском фронте, ограничиваясь на нашем фронте обороной.

Занятые нашими войсками позиции были весьма неудобны, так как делали чрезвычайно затруднительной активную оборону. В летнее время Сиваш в средней своей части мелел и позиции легко обходились. Представлялось настоятельно необходимым выдвинуть часть позиций вперед, овладев выходами из Сальковского и Перекопского дефиле.

Генерал Махров предлагал воспользоваться для намеченной операции частью полков Добровольческого корпуса, наименее утерявших боеспособность, произведя на обоих флангах противника десанты и одновременно нанося удар с фронта и действуя десантными частями в тыл противника. Я предложил генералу Махрову детально разработать намеченную операцию, совместно с командующим флотом и одновременно снестись с нашей морской базой в Константинополе, дабы необходимый для десантных операций флота уголь был бы срочно доставлен. Я дал указания немедленно наметить будущую линию нашей обороны и произвести все расчеты по организации будущих работ по ее укреплению. Придавая исключительное значение укреплению северных выходов из Крыма, я предполагал

поручить организацию и общее руководство работами бывшему моему начальнику штаба генералу Юзефовичу.

Одновременно должны были производиться работы для подготовки укреплений к северу от Севастополя с целью прикрыть порт и нашу главную базу.

Я дал указания немедленно принять самые решительные меры по учету, разбору и сохранению всех эвакуированных в Крым запасов, по оборудованию, где только возможно, необходимых мастерских и складов. Все дело снабжения, как армии, так и городов Крыма, я решил сосредоточить в одних руках, что одно давало возможность избегнуть излишних междуведомственных трений и гарантировало наиболее планомерное использование в общих интересах скудных местных средств. Главным начальником снабжения я решил назначить генерала Вильчевского, бывшего начальника снабжения Кавказской армии, неподкупная честность, энергия и твердость которого мне были хорошо известны.

Бесчисленное количество войсковых частей необходимо было свести в более крупные соединения, сократить многочисленные штабы и усилить боеспособным элементом боевой состав полков, дать армии правильную организацию. Я наметил свести войска первоначально в три корпуса: корпус генерала Кутепова, главным образом бывшие части Добровольческого корпуса – Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии; корпус генерала Слащева, сведя бесконечные части, его составлявшие, в две пехотные дивизии – 13-ую и 34-ую, кадры которых входили в состав корпуса; донские части должны были составить Донской корпус. Регулярные конные части намечалось свести в шесть полков.

Готовясь к продолжению борьбы, я считал совершенно необходимым безотлагательно обеспечить армию на случай несчастья. Я предложил генералу Махрову немедленно разработать, совместно со штабом командующего флотом, план эвакуации, наметить те порты, куда войска должны были отходить и где они должны были грузиться, принять меры к сосредоточению в этих портах необходимого тоннажа, запасов угля и масла. До той поры, пока флот не был обеспечен углем и маслом, мы оставались под угрозой гибели.

Снабжение Крыма, как топливом, так и всем прочим, производилось через Константинополь. Там же пребывали верховные союзные комиссары, непосредственные руководители политики своих правительств на Ближнем Востоке и юге России. Я просил генерала Шатилова безотлагательно проехать в Константинополь и совместно с нашим военным представителем наметить меры по обеспечению Крыма, хотя бы на первое время, необходимыми запасами.

Генерал Шатилов должен был повидать Великобританского верховного комиссара адмирала де Робек и командующего английским оккупационным корпусом генерала Мильна, с коими и вести переговоры в духе ноты моей в ответ на предъявленный мне ультиматум, всемерно стараясь не дать англичанам возможности «выйти из игры», втягивая их в переговоры с большевиками и, по возможности, выигрывая время. Генерал Шатилов решил выехать через день, 25-го марта.

Прибыл генерал Слащев. После нашего последнего свидания, он еще более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный отрывистый разговор производили тягостное впечатление. Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и

высказал уверенность, что под защитой его войск, я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл. Затем я ознакомил его с последними решениями военного совета. Генерал Слащев ответил, что с решением совета он полностью согласен и просил верить, что его части выполнят свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника. Я вкратце ознакомил его с намечаемой операцией по овладению выходами из Крыма. Затем генерал Слащев затронул вопросы общего характера. Он считал необходимым в ближайшие же дни широко оповестить войска и население о взглядах нового Главнокомандующего на вопросы внутренней и внешней политики.

Неопределенная за последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных давшему делу групп, окончательно сбила с толку всех. Необходимо было ясно и определенно дать ответ на наиболее жгучие вопросы, вырвать из рук наших врагов козыри их политической игры. Без этого нам не вдохнуть в войска утерянную веру в правоту нашего дела и не вернуть доверия населения. С этим нельзя было не согласиться.

Тут же генерал Слащев стал жаловаться на «левизну» начальника штаба и его ближайших помощников, на несоответствие целого ряда старших начальников добровольческих частей, которые, якобы «совсем ненадежны», что его корпус, во главе с ним самим, единственно верные мне части и что он имеет сведения о том, что в Севастополе старшие чины Добровольческого корпуса «подготавливают переворот», чем и вызвана была его телеграмма накануне. Я поспешил прекратить разговор, предложив генералу Слащеву съехать со мной на берег, чтобы повидать прибывших с ним людей его конвоя.

На Нахимовской площади был выстроен полуэскадрон. Я поздоровался с людьми, благодарил их за славную службу и объявил, что в ознаменование заслуг славных войск, отстоявших последнюю пядь родной земли, произвожу их начальника генерала Слащева в генерал-лейтенанты, а его начальника штаба в генерал-майоры. Генерал Слащев отбыл на фронт, я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов», где принял депутацию духовенства и общественных деятелей.

Депутации приветствовали меня в весьма теплых выражениях, высказав уверенность, что отныне русское знамя в твердых руках. Я благодарил, упомянув о том, что нравственная поддержка, оказываемая мне ими, особенно ценна в эти трудные дни: «Вы знаете наше положение, знаете то тяжелое наследство, которое досталось мне и слышали уже вероятно о том новом ударе, который нанесен нам нашими недавними союзниками. При этих условиях с моей стороны было бы бесчестным обещать Вам победу. Я могу обещать лишь с честью вывести вас из тяжелого положения», закончил я.

После этого я беседовал с членами депутаций. Здесь также затрагивалось большинство тех вопросов, которые так больно переживались всеми: крестьянский, в связи со жгучим земельным вопросом, ставшим главным орудием пропаганды среди крестьянства врагов нашего дела, острый вопрос об отношениях южнорусской власти к новым государственным образованиям, отношение главного командования с казачьими правительствами, наконец, отношение к западноевропейским державам и, в частности, возможность при измене нашему делу Антанты опереться на Германию. Все эти вопросы весьма волновали общество и армию. Мои ответы встречены были, по-видимому, с большим удовлетворением и собеседники мои настаивали на необходимости ознакомления с моими взглядами возможно более широких кругов населения.

При отъезде депутаций епископ Вениамин, бывший в числе присутствующих, просил разрешения остаться, желая иметь со мной особый разговор. Он обращал внимание мое на угрожающий упадок нравственности в армии. Междоусобная война со всеми ее ужасами извращала все нравственные понятия, грязнила душу. В то же время ничего не делалось для духовно-религиозного воспитания войск. Работы духовенства в войсках почти не было. Я не мог с этим не согласиться. Управляющий военным и морским духовенством протопресвитер Шавельский, находясь безотлучно при ставке главнокомандующего, стоял лично, видимо, весьма далеко от войск. Войсковое духовенство сплошь и рядом было не на высоте. В связи с общей работой по возрождению армии я считал совершенно необходимым не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и проведение целого ряда мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе и духовно-религиозного воспитания. Работа и в этом отношении предстояла большая и во главе военного духовенства должен был быть поставлен человек исключительно деятельный. Мало зная наше высшее духовенство, мне трудно было наметить такое лицо; я решил посоветоваться с членом церковного собора графом П. Н. Апраксиным, бывшим таврическим губернатором, ныне председателем Ялтинской городской думы, человеком высоко честным и глубоко религиозным. Он находился в Севастополе и я просил его на следующий день прибыть ко мне. Граф Апраксин горячо рекомендовал мне самого епископа Вениамина, который, помимо других качеств, как епископ Севастопольский, был хорошо известен населению Таврии и пользовался среди последнего высоким уважением.

Протопресвитер Шавельский, по словам графа Апраксина, под влиянием событий последнего времени

сильно пал духом. Разбитый душой, глубоко морально потрясенный, он в настоящее время для работы был мало пригоден. Я написал протопресвитеру Шавельскому письмо, прося его взять на себя задачу ознакомиться на месте с положением наших беженцев заграницей, о тяжких условиях существования которых до нас доходили слухи, и принести им слово утешения, 31-го марта состоялся приказ о назначении епископа Вениамина управляющим военным и морским духовенством.

Из Феодосии прибыл М. В. Бернацкий и подал мне прошение об отставке. Мне удалось убедить его взять прошение обратно. Его уход в эти дни оставил бы меня в беспомощном положении. М. В. Бернацкий считал необходимым в ближайшее время проехать заграницу, чтобы точно выяснить, на какие из депонированных заграницей сумм мы имеем возможность рассчитывать.

В этот день посетили меня представители союзнических военных миссий. Из разговоров с представителем французской миссии генералом Манжен, я убедился, что об ультиматуме, предъявленном англичанами, ему ничего не известно.

25-го марта на Нахимовской площади был назначен торжественный молебен и парад войскам. После обедни в соборе, крестный ход во главе с епископом Вениамином под колокольный звон направился к Нахимовской площади, по дороге к нему присоединялись крестные ходы из других церквей. Вдоль Екатерининской улицы и вокруг площади стояли развернутым фронтом войска. Против памятника адмиралу Нахимову был установлен аналой. Здесь стояла группа высших чинов и представители союзнических миссий. Окна, балконы, даже крыши домов, были усеяны зрителями. Стоял тихий солнечный день. Голубое небо отражалось

в гладкой, как зеркало, бухте. Плавно неслись звуки церковного пения соборного хора, в неподвижном воздухе не трепетал огонь многочисленных свечей, стоял дым кадильного курения. Молебен кончился, епископ Вениамин огласил изданный накануне, указ Правительствующего Сената.

«УКАЗ

Именем Закона из Правительствующего Сената, всем подчиненным ему присутственным местам и должностным лицам и во всеобщее сведение.

Именем закона, Правительствующий Сенат слушали: Приказ от 22-го марта 1920 года бывшего Главнокомандующего генерала Деникина о назначении Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта барона Врангеля и приказ последнего о вступлении его в должность.

Приказали: Промыслом Божьим предначертано новому Главнокомандующему стать во главе воинских сил и гражданского управления в исключительной важности исторический момент, когда, невзирая на героические усилия доблестной армии, большевистские полчища стоят на подступах к Крыму и мирное население, истощенное чрезвычайными тяготами жизни, теряет уверенность в будущем. В этот грозный час с честью вывести армию и население из настоящего беспримерно трудного положения и отстоять оплот русской государственности на Крымском полуострове может только крепкая вера в нее и сильная воля любимого войсками вождя. Проникнутая беззаветной любовью к Родине, решимость не знавшего поражений и заслужившего всеобщее доверие генерала Врангеля приять на себя великий подвиг предводительства вооруженными силами, борющимися с врагами Веры и Отечества, обязывает всех истинных сынов России

сплотиться вокруг него в служении святому делу спасения Родины. Правительствующий Сенат, со своей стороны, в сознании лежащей на нем обязанности утверждения законности и порядка, почитает своим долгом призвать все органы государственного управления и все население страны к дружному объединению под властью нового Главнокомандующего, к полному ему повиновению, к честному и самоотверженному служению нуждам армии, не за страх, а за совесть и не щадя живота своего, и к сохранению в тылу спокойствия, порядка и бодрости духа. В благоговейном уповании на милосердие Господне к исстрадавшейся родине нашей и с непоколебимой верой в нового народного вождя, которому отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений, – Правительствующий Сенат определяет: особым указом дать знать о сем всем присутственным местам и должностным лицам н распубликовать сей указ во всеобщее сведение. Марта 24-го дня 1920 года.

Обер-Секретарь П. Мезенцов
Помощник Обер-Секретаря С. Бубель-Яроцкий
По Общему собранию Правительствующего Сената».

Прочувственное слово сказал протопресвитер Шавельский, благословил меня иконой Св. Михаила Архангела.

На возвышение поднялся епископ Вениамин.

– «Слушайте, русские люди, слушайте русские воины, слушайте вы, представители наших союзников, слушайте вы, те большевики, которые находитесь здесь, среди толпы…» звенящим, покрывающим всю площадь, голосом начал владыка. Он говорил о тяжких страданиях, ниспосланных нашей родине свыше, как искупление за грехи всех слоев русского народа, о высоком подвиге, который свершают те, которые среди

развала и позора родины чистым несут родное русское знамя, о том тяжелом крестном пути, которым, вот уже несколько лет, идет русская армия.

Путь этот тернист, он не кончен.

Мы только что перенесли тяжелые испытания, ближайшее будущее, быть может, готовит нам новые. Но вера творит чудеса, тот, кто верит, кто честно и мужественно идет указанным ему совестью путем, тот победит.

– «Месяц тому назад, русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала, быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага…».

Сказанная с огромным подъемом и необыкновенной силой проповедь произвела большое впечатление.

После окропления войск святой водой, полки построили на площади резервный порядок. Я, поднявшись к памятнику адмиралу Нахимова, обратился к войскам. Обрисовав в нескольких словах наше тяжелое положение, я сказал, что без трепета и колебания стал во главе армии в эти дни. Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед родиной и верю, что мы дождемся светлого дня воскресения России. Войска проходили церемониальным маршем.

Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые, заплатанные сапоги, усталые землистые лица, но весело и бодро блестят глаза, твердо отбивают шаг. Где-то в глубине души шевелится теплое, бодрое чувство: «Нет, не все еще потеряно, нет, мы можем еще держаться…».

После парада я присутствовал на устроенном в мою честь флотом завтраке в морском собрании. Беседовал с офицерами и представителями команд. И здесь настроение было бодрое, приподнятое, казалось, каждый себя старался уверить в возможности светлого будущего.

Из морского собрания я проехал в штаб, где принимал представлявшихся чинов штаба, а затем делал визиты военным представителям Англии, Франции и Соединенных Штатов.

На другой день я съехал с крейсера «Генерал Корнилов» и переехал в приготовленное для меня помещение в город, так называемый «Малый дворец», одноэтажный, небольшой особняк с крохотным садом, выстроенный когда-то для Великого Князя Алексея Александровича, генерал-адмирала Русского флота.

По окончании военного совета 22-го марта старшие начальники разъехались: генерал Улагай отправился к своей армии, генерал Сидорин в Евпаторию к своим донцам, генерал Кутепов в Симферополь. На местах началась работа по реорганизации Крымского, Донского и Добровольческого корпусов, производился учет материальной части, войска приводились в порядок.

Мой штаб, совместно со штабом командующего флотом, подробно разработал предстоящую операцию по овладению выходами из Крыма. Для начала наступления ожидалось лишь прибытие вышедших из Константинополя транспортов с углем. Для участия в операции, помимо корпуса генерала Слащева, были намечены части Добровольческого корпуса: дроздовцы и алексеевцы. По завершении операции, я наметил сосредоточить добровольцев в северо-западной части полуострова, возложив на Добровольческий корпус оборону Перекопского перешейка, части же Крымского корпуса сосредоточить к востоку и возложить на них оборону перешейка у Салькова и Геническа; эшелонированный вдоль линии железной дороги и имея весьма малый фронт, корпус мог передохнуть и спокойно произвести намеченную реорганизацию.

Из Симферополя прибыл и. д. губернатора Перлик. Начальника губернии чрезвычайно беспокоил вопрос

о продовольствии городов. Вследствие расстроенного транспорта подвоз хлеба из северной хлебородной части полуострова в города южного побережья совсем прекратился, что, в связи с прибытием в Крым большого числа войск и беженцев, делало вопрос о продовольствии этих городов особенно острым. Большой недостаток ощущался и в других предметах продовольствия. Не хватало жиров, чая, сахара. Беспорядочные, самовольные реквизиции войск еще более увеличивали хозяйственную разруху и чрезвычайно озлобляли население. Необходимо было принять срочные меры, чтобы остановить дальнейшую разруху.

С приходом армии в Крым, чрезвычайно усилилась работа большевистских агентов. Работа эта последнее время особенно сильно велась среди крестьянского населения. Хотя в Крыму земельный вопрос и не стоял так болезненно, как в прочих частях нашего отечества, но и здесь, особенно в северных земледельческих уездах, агитация на почве земельного вопроса могла встретить благодатную почву. Что же касается уездов Северной Таврии, с крупными селами и громадными помещичьими имениями, то вопрос этот стоял там особенно остро. По имевшимся оттуда сведениям, враждебная нам пропаганда среди крестьян имела там большой успех. Начальник губернии также придавал исключительное значение ознакомлению населения со взглядами власти на земельный вопрос.

Благодаря тому, что генерал Деникин до последнего времени не решился разрубить этот гордиев узел и дальше бесконечного обсуждения в комиссиях вопрос не пошел, а за это время враждебные нам группы успели использовать его, как орудие политической борьбы, вокруг этого вопроса создалась такая сложная болезненная атмосфера, что даже и сочувствующие нам общественные группы и благонамеренные органы прессы окончательно потеряли под ногами почву.

Пресса в Крыму была представлена целым рядом повседневных изданий: «Юг России», «Крымский Вестник», «Вечернее Слово» и «Заря России» в Севастополе, «Таврический Голос», «Время», «Южная Речь» в Симферополе, «Ялтинский Вечер» в Ялте, «Евпаторийский Курьер» в Евпатории, «Вечернее Время» в Феодосии и т. д.

Конечно, камертон давала Севастопольская пресса: «Вечернее Слово», редактируемое Бурнакиным, листок монархического оттенка, «Юг России» под редакцией Аркадия Аверченко, газета умеренного направления и «Крымский Вестник», либеральничавший еврейский орган. Серьезного государственного органа не было.

После смерти пресловутого Освага на территории Вооруженных сил Юга России образовался целый ряд вскармливаемых правительством информационных органов:

«Пресс бюро», «Редагот», «Инфот», «Осогот», «Политотдел» и т. д. Все эти органы стоили огромных денег и, пополненные прежними сотрудниками Освага, вели почти безответственную и, в большинстве случаев, явно вредную работу. Цензура была поставлена совершенно неудовлетворительно. Места цензоров занимались в большинстве случаев строевыми офицерами, не обладавшими ни необходимыми сведениями, ни достаточным кругозором. Сплошь и рядом статьи совершенно невинного характера, почему либо казавшиеся цензору подозрительными или просто ему непонятные, не пропускались, зато подчас, по недомыслию, на столбцы газет попадали заметки определенно провокационного характера; то сообщалось «по сведениям из осведомленного источника» о «предстоящем назначении на ответственный пост» какого-либо лица, успевшего предыдущей деятельностью своей вызвать общее неудовольствие, то появлялось

известие о намечаемой «реформе в армии – снятии с офицеров погон» и т. д.

В нервной, напряженной обстановке тех дней подобные известия встречались весьма болезненно. За последнее время во всей прессе с исключительной горячностью обсуждался вопрос о стеснениях цензуры, предъявлялись требования «предоставить свободу печати» и т. д. Шумиха принимала недопустимые размеры. Я пригласил к себе всех трех редакторов газет. Предложив им чаю, я высказал большое удовлетворение видеть у себя представителей местной прессы, наиболее близко стоящей к органам правительственной власти, к голосу которой, конечно, прислушивается провинциальная печать.

– «Некоторые из вас, господа, знают меня, вероятно, по прежней моей деятельности и знают, что я всегда был другом печати. Печатному слову я придаю исключительное значение особенно в настоящие дни, когда вся страна, весь народ не могут оставаться в стороне от событий, переживаемых родиной. Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам. Вместе с тем, я должен указать вам, что мы находимся в положении исключительном.

Мы в осажденной крепости – противник не только угрожает нам с севера, но мы вынуждены нести охрану всего побережья, где можно ожидать высадок его отрядов. При этих условиях мы не можем обойтись без цензуры. В самых либеральных государствах на театре военных действий, а тем более в осажденных врагом крепостях, самая строгая цензура неизбежна. Эта цензура не может исключительно распространяться на военные вопросы, ибо во время войны, а тем более войны гражданской, где орудием борьбы являются не только

пушки и ружья, но и идеи, отделить военную цензуру от общей невозможно.

Я не сомневаюсь, господа, в вашем патриотизме и очень бы хотел избавить вас от тех стеснений, которые мешают вашей работе. Вместе с тем, будучи ответствен за то дело, во главе которого стою, я вынужден принять меры для ограждения армии и населения, под защитой армии находящегося, от всего того, что могло бы им угрожать. Я предлагаю на ваше усмотрение два выхода: или сохранить существующий ныне порядок, причем я обещаю вам принять все меры к тому, чтобы упорядочить цензуру, чтобы подобрать соответствующий состав цензоров, или, освободив печать от цензуры, возложить всю ответственность на редакторов. В этом случае последние явятся ответственными перед судебной властью. В случае появления статей или заметок, наносящих вред делу нашей борьбы, они будут отвечать по законам военного времени, как за преступление военного характера. Должен обратить ваше внимание, что, по военным законам, действия, наносящие вред нам и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. Обдумайте, господа, мое предложение и дайте мне ваш ответ».

Первым подал голос редактор «Крымского Вестника», поспешивший заявить, что в виду нашего исключительно тяжелого положения и учитывая все приведенные мною соображения, он готов признать вопрос об отмене цензуры несвоевременным; с ним согласился представитель редакции «Юга России». Один Бурнакин сказал, что готов принять ответственность за свой орган. После этой беседы вопрос об отмене цензуры на столбцах печати больше не обсуждался.

В эти дни в Крым пришли известия об убийстве в Константинополе в здании Российского посольства

генерала Романовского. Подлое убийство из-за угла. Подробности не были еще известны.

27-го марта, в соборе, штабом главнокомандующего служилась панихида по своему бывшему начальнику. Выходя из собора после службы, я увидел на паперти Петра Бернгардовича Струве и Н. М. Котляревского, бывшего сотрудника и секретаря А. В. Кривошеина. В день моего отъезда из Константинополя П. Б. Струве в городе отсутствовал и, вернувшись, узнал о выезде моем в Крым. Он поспешил прибыть в Севастополь, справедливо полагая, что мне необходимы желающие работать, преданные делу, люди. Я глубоко оценил эти побуждения. Человек большого ума, огромной эрудиции, Струве, как ученый и политик, был хорошо известен в Европе. Как советник он мог мне быть чрезвычайно полезен.

От П. Б. Струве и Н. М. Котляревского узнал я впервые подробности убийства генерала Романовского и обстоятельства, вызвавшие занятие здания Российского посольства английскими войсками. Н. М. Котляревский привез мне рапорт нашего военного представителя генерала Агапеева. Последний так описал это событие:

«23 марта в 3 часа дня я был извещен по телефону нашим военно-морским агентом о приезде в 3 часа дня в Константинополь генерала Деникина. Поручив офицеру, доложившему мне, предупредить об этом некоторых чинов военного представительства, я взял с собой офицера для поручений и отправился на автомобиле на пристань Топханэ, откуда мне телефонировал военно-морской агент, встречать приезжающего генерала Деникина.

Около $4^1/_2$ часов генерал Деникин в сопровождении генерала Романовского прибыл в здание Русского Посольства и прошел в квартиру посла. Я также прошел туда.

Через несколько минут генерал Романовский вышел в вестибюль, чтобы отдать распоряжение шоферу.

В тот момент, когда он входил, возвращаясь из вестибюля, в биллиардную, к нему сзади подошел неизвестный, одетый в офицерское пальто образца мирного времени с золотыми погонами, который выхватил из правого кармана револьвер системы «Кольт», и произвел три выстрела в упор. Через 2 минуты генерал Романовский, не приходя в сознание, скончался. Убийца бросился по главной лестнице Посольства наверх и пытался проникнуть на черный ход, но дверь туда была заперта по приказанию смотрителя зданий дня за 4 до этого. Тогда убийца бросился к другой двери в залу, где живут беженцы. Эта дверь также была заперта но ее открыла убийце одна из беженок, и убийца быстро прошел на черный ход и скрылся».

Напуганная убийством генерала Романовского, боявшаяся за участь мужа, жена генерала Деникина обратилась к прибывшему одновременно с ним в Константинополь генералу Хольману с просьбой прислать для защиты мужа английские войска Обязанности российского дипломатического представителя исполнял русский консул Якимов, заменявший давно назначенного, но все еще не прибывшего к месту назначения, поверенного в делах Щербатского. Якимов заявил английским властям протест против нарушения экстерриториальности посольства. Генерал Агапеев просил генерала Деникина снестись с генералом Хольманом и не допустить оскорбительного для русского достоинства ввода в посольство английских солдат. Все оказалось тщетным. Генерал Деникин не выполнил просьбы генерала Агапеева. Англичане заявили, что бывший Главнокомандующий находится под их покровительством и они не могут отказать ему в защите.

«С моей стороны», писал генерал Агапеев, «вслед за вводом английской полиции была сделана попытка напомнить генералу Деникину, что на нем, как на бывшем Главнокомандующем В. С. Ю. Р. лежат некоторые нравственные обязанности в вопросе о поддержании достоинства России, причем я начал разговор с ним о наглой выходке генерала Хольмана и как я на нее реагировал, но генерал Деникин, не дав договорить мне, резко оборвал меня, встал и тоном, не допускавшим возражений сказал: «Ваше превосходительство. Зачем вы мне это говорите…» То напоминание, которое я сделал, было, конечно, неприятно генералу Деникину; я полагаю он принял решение, сознавая, что оно несовместимо с престижем той идеи, которой он служил, но не желая, чтобы это сознавали другие. Так как попытка моя потерпела полное крушение, то мне ничего не оставалось больше как повернуться и уйти»

Посольство было занято гуркосами. Генерал Деникин, даже на панихиде, присутствовал окруженный ими. На другой день, накануне похорон своего соратника и друга, генерал Деникин выехал в Англию. После его отъезда английским командованием было выпущено объявление с предупреждением, что если виновники убийства не будут обнаружены, то все русские офицеры будут выселены из района Константинополя. (На убитом генерале Романовском в боковом кармане кителя оказалось перлюстрированное письмо генерала Шатилова к генералу Науменко Письмо было частное, касавшееся личных вопросов, – просьбу устроить службу одному лицу.)

Необходимо было оградить престиж русского имени. Я отдал приказ об отчислении генерала Агапеева и г-на Щербатского, как не принявших достаточных мер по охране генерала Деникина и прибывших с ним лиц, «следствием чего явилось убийство в Константинополе

генерала Романовского и ввод в Русское посольство английских войск». В частном письме генералу Агапееву я изложил ему мои соображения и просил не сетовать на меня, ибо я вынужден поступить так, дабы избегнуть в дальнейшем возможности повторения со стороны англичан новых бестактностей. Я принял меры, чтобы приказ мой стал известен представителям союзного командования. Приказ возымел действие и через несколько дней вывешенные в Константинополе объявления английских властей были сняты, а начавшиеся было против русских мелкие репрессии совершенно прекратились. В дальнейшем, несмотря на враждебную нам политику Английского правительства, со стороны английских представителей в Константинополе и в Крыму я встречал неизменно самое корректное, предупредительное отношение. Много позже, уже по оставлении России, я от моих английских друзей слышал, что приказ, отданный мною в ограждение русского достоинства, отданный в дни, когда судьба Крыма была всецело в руках англичан, был англичанами оценен по достоинству.

Военным представителем в Константинополе я решил назначить генерала Лукомского, большой ум и организаторские способности которого я высоко ценил, во главе дипломатического представительства поставить Л. Л. Нератова, дипломата старой школы, долгое время бывшего товарищем министра иностранных дел при царском правительстве, опытного, осторожного и исключительно тактичного человека, к тому же имевшего большие связи по старой службе в иностранных дипломатических кругах.

А. А. Нератов близко стоял к армии, все время руководя управлением иностранных сношений, за отсутствием начальника управления С. Д. Сазонова, постоянно проживавшего в Париже.

Сазонов, далеко стоявший от нашей борьбы, не был с состоянии учесть новую обстановку, приспособиться к новым условиям работы. Он не мог примириться с тем, что положение представителя Великой России теперь другое, и, оберегая свое достоинство, все время уходил от дела. Его присутствие в Париже стало бесполезным, да и по существу место руководителя внешней политикой должно было быть в центре государственного управления.

Я решил, предложив А. А. Нератову назначение в Константинополь, просить П. Б. Струве стать во главе управления иностранных сношений.

С уходом Сазонова, теряло смысл и дальнейшее существование пребывающей в Париже политической делегации, одним из членов которой являлся С. Д. Сазонов. Делегация эта под главенством бывшего председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова и при участии ряда общественных деятелей выступала по вопросам нашей внешней политики, с протестами, записками и меморандумами, не имевшими, конечно, существенного значения. Я телеграфировал нашему послу в Париже, что в дальнейшем все сношения будут вестись исключительно через него одного. Члены делегации из общественных деятелей стали с этого дня в оппозицию главному командованию, не брезгая ничем, чтобы вредить в иностранных кругах тому делу, которое с таким трудом приходилось вести.

29-го марта я объявил положение об управлении областями, занимаемыми вооруженными силами на Юге России.

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2925.

Г. Севастополь, 29-го марта 1920 года.

Объявляю положение об управлении областями, занимаемыми вооруженными силами на Юге России.

Правитель и Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему. Непосредственно Главнокомандующему подчиняются:

помощник главнокомандующего, 26

начальник его штаба,

начальник военного управления,

начальник морского управления – он же командующий флотом,

государственный контролер,

начальник гражданского управления, ведающий: внутренними делами, земледелием и землеустройством, юстицией и народным просвещением,

начальник хозяйственного управления, ведающий: финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью и путями сообщения,

начальник управления иностранных сношений.

Все эти лица составляют при Главнокомандующем совет, имеющий характер органа совещательного.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

Приказ этот я издал по предварительному соглашению с атаманами и председателями правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани.

Наконец, Главнокомандующий в отношении подведомственных ему казачьих войск получал полную мощь и нахождению в рядах армии казачьих частей, хотя бы и разных войск, но на разных основаниях, был положен конец. Этот приказ впервые ясно и определенно поставил вопрос о диктатуре.

Глава II
Первые дни

Все вопросы по снабжению войск и населения, экспорту и импорту были объединены в руках начальника снабжении. Через два дня об этом последовал приказ.

Одновременно был издан ряд приказов по запрещению самовольных войсковых реквизиций лошадей, скота и пр., по уменьшению тягот городского населения от постоя войск, по обеспечению населения продовольствием, для чего с целью сократить убой скота введены были обязательные для войск и населения три постных дня в неделю. Войскам в городах запрещено было брать хлеб из частных лавок и начальникам гарнизонов приказано было организовать повсеместное войсковое хлебопечение. Запрещен был вывоз из пределов Крыма хлебных злаков, рыбных продуктов, всякого рода жиров и запрещено было приготовление сладких кондитерских изделий; предложено было городским самоуправлениям ввести на отпуск хлеба карточную систему с условием, чтобы на каждого едока приходилось не более одного фунта хлеба (отпуск хлеба войскам из войсковых хлебопекарен производился по прежним нормам). Хлеб указывалось выпекать из пшеничной или ржаной муки с примесью 20% ячменя. Такой хлеб, как показали произведенные опытные выпечки, оказался вполне удовлетворительным.

Вновь назначенный начальник снабжения взялся за дело с той исключительной энергией, которая была ему свойственна. Организовывался целый ряд мастерских, седельных, оружейных, слесарных, швальни и сапожные. Огромный Севастопольский портовый завод приспособлялся для починки орудий, пулеметов, броневых машин и аэропланов. В Константинополь был дан ряд нарядов по закупке жиров и других необходимых предметов продовольствия, бензина, керосина,

масла и угля. Первые транспорты с углем уже прибыли и начало намеченной мною операции было назначено на 1-ое апреля.

Намечая целый ряд мер по приведению армии в порядок и организации тыла, я все время думал об обеспечении на случай несчастья возможности эвакуации, требуя присылки все новых и новых транспортов угля.

В нескольких десятках верст от Симферополя имелись залежи угля. Об этих залежах было давно известно, однако они доселе не разрабатывались, хотя пласты были поверхностные, разработка легка и уголь хорошего качества. Крым пользовался донецким углем. Я приказал срочно исследовать месторождение и произвести разведку для проведения к угольным месторождениям железнодорожной ветки от ближайшей станции Бешуй-Сюрень.

В случае необходимости для нас оставить родную землю, нам трудно было рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам приют. Исключение могли составить лишь славянские страны и прежде всего Сербия, столь много обязанная Великой России. Я послал Сербскому Королевичу Александру письмо, прося его приюта и защиты на случай нашего несчастья. Я писал, что делаю все возможное, чтобы спасти от красного ига последний клочок русской земли и хочу верить, что Господь мне в этом поможет, но что я должен предвидеть худшее.

Приближались дни Светлого Праздника. Как мало напоминали они такие же дни минувших годов тихой русской жизни; весна была в полном разгаре, церкви полны молящихся, но не было обычного предпраздничного радостного ожидания. Цены страшно росли, продуктов не доставало, все жили под гнетом грозного

будущего. В страстную пятницу я исповедывался, на следующий день приобщился. После заутрени в соборе, разговлялся в офицерском собрании лейб-гвардии Казачьего полка, несшего гарнизонную службу в городе. Полк этот был один из немногих, где сохранился старый офицерский состав. Большинство сотенных командиров командовали сотнями еще в германскую войну.

В первый день праздника 29-го марта я принимал поздравления представителей иностранных миссий и высших чинов, а вечером на яхте командующего флотом «Лукулл» вышел в Ялту. Я наметил посетить ряд городов, чтобы на месте ознакомиться с нуждами населения.

Мы прибыли в Ялту 30-го утром. На дебаркадере приветствовали меня целый ряд депутаций от сената, городского самоуправления, Красного Креста, прессы и т. д. Приняв депутации, я проехал в городской собор, где, прибывший со мной, епископ Вениамин отслужил молебствие, затем в гостиницу «Россия», где в большом зале присутствовал на торжественном заседании сената, после чего принимал целый ряд лиц. Тут же в гостинице «Россия» обществом помощи чинам Добровольческой армии был устроен завтрак. Днем я осматривал расположенные в Ялте лазареты и санатории.

На следующее утро я вернулся в Севастополь.

Встретивший меня, только что прибывший из Константинополя, генерал Шатилов сообщил неприятное известие. Накануне на городском бульваре офицер лейб-гвардии Петроградского полка капитан Манегетти, встретив нескольких матросов, сделал им какое-то замечание. Один из матросов ответил. Капитан Манегетти выхватил револьвер, выстрелил в упор и убил матроса. Среди команд флота и в городе случай вызвал массу разговоров. Расследование уже было закончено,

оно показало, что и офицер и матросы были в нетрезвом состоянии. Действия капитана Манегетти не были вызваны необходимостью самозащиты или защиты офицерского достоинства и поведению его нельзя было найти оправдания. Я приказал на другой же день предать капитана Манегетти военно-полевому суду, причем заседание суда назначить гласным. Зал был переполнен публикой, среди которой было много людей флотских команд. Капитан Манегетти был приговорен к смертной казни, причем суд постановил во внимание к прежним его боевым заслугам ходатайствовать передо мной о смягчении наказания. Я заменил смертную казнь разжалованием в рядовые. Инцидент не имел дальнейших последствий. Через несколько месяцев капитан Манегетти доблестно погиб в бою.

31-го марта мною был подписан приказ о введении во всех частях гарнизонов судов чести для штаб– и обер-офицеров, причем права судов в отношении наложения наказаний были значительно расширены вплоть до разжалования в рядовые.

Генерал Шатилов имел в Константинополе несколько свиданий с английским верховным комиссаром. Последний не скрывал своего убеждения в бесполезности переговоров Великобританского Правительства с большевиками.

Генерал Лукомский принял уже ряд мер по обеспечению Крыма необходимым и прежде всего углем, на чем я особенно в своих письмах к нему настаивал.

В Севастополе я пробыл всего день и проехал в Симферополь, где смотрел части 1-го корпуса, несущие в городе гарнизонную службу, присутствовал на молебствии в соборе, принимал ряд должностных лиц и осмотрел несколько лечебных заведений. По приезде на вокзал я был встречен почетным караулом от Добровольческого корпуса и был очень поражен увидеть выстроенный у моего вагона караул юнкеров Констан-

тиновского училища, входившего в состав частей, подчиненных генералу Слащеву. На правом фланге стоял сам генерал Слащев; последний доложил мне, что узнав о предстоящем прибытии моем в Симферополь и «не доверяя добровольцам», прибыл с юнкерами для моей охраны. Я весьма сухо заметил ему, что одинаково доверяю всем частям армии и ни в какой особой охране не нуждаюсь и, поздоровавшись с юнкерами, прекратил дальнейшие разговоры и прошел к почетному караулу 1-го корпуса, а затем на площадь, где были выстроены войска. Генерал Слащев был, видимо, весьма смущен.

31-го марта в районе Перекопа разыгрался упорный встречный бой. Со стороны противника действовала 1-ая латышская дивизия с конницей, 2-ой донской дивизией генерала Морозова, поддержанной нашей пехотой, аэропланами, боевиками и танками, противник был разбит. Перекопский вал и ближайшие подступы остались в наших руках, 1-го апреля красные, подтянувши только что прибывшую 3-ю стрелковую дивизию и сосредоточивши до трех тысяч конницы, пытались снова наступать, но встреченные нашей контратакой, были отбиты. В этот день наш правый десант – Алексеевская бригада – имевший целью отвлечь резервы красных, благополучно высадился у д. Кирилловки, в сорока верстах северо-восточнее Геническа и занял село Ефремовку. Однако, при дальнейшем продвижении на соединение со своими частями в районе Геническа алексеевцы были атакованы красными и, не проявив должной стойкости, стали отходить, причем понесли значительные потери.

2-го апреля наши части овладели южными предместьями Геническа. Одновременно в районе Хорлов была произведена высадка нашего левого десанта – полков Дроздовской дивизии. Высадка производилась при чрезвычайно трудных условиях: красные занимали Хорлы двумя полками с большим количеством пулеме-

тов и четырьмя орудиями, хорошо пристрелянными по единственному ведущему в порт каналу. Славные дроздовцы, с помощью моряков, преодолели все препятствия.

3-го апреля части правого десанта продолжали продвижение на Ново-Алексеевку. Одновременно, правофланговые части Крымского корпуса, под начальством храброго генерала Ангуладзе, атаковали и овладели станцией Сиваш. Испорченный противником Сивашский мост был быстро исправлен и наши части, продолжая наступление, при поддержке бронепоездов, после блестящей атаки юнкеров-константиновцев, заняли укрепленную противником станцию Чонгар. В Перекопском районе весь день 3-го апреля шел сильный бой. Все атаки противника были отбиты нашими частями, усиленными прибывшими марковцами. В этот день дроздовцы, продолжая наступление, овладели селом Адаман, где захватили четыре орудия в полной запряжке. Дроздовская дивизия дралась блестяще, имея противника со всех сторон и испытывая недостаток в снарядах.

3-го вечером я выехал на фронт и рано утром со станции Таганаш, в автомобиле с генералом Слащевым проехал к нашим частям, ведшим наступление на станцию Джимбулук. Со мной прибыл пожелавший сопровождать меня епископ Вениамин. Наши части при поддержке огня бронепоезда вели наступление. Противник отходил. Его артиллерия обстреливала наши цепи. Стрелки залегли на гладкой солончаковой равнине. Неприятельские снаряды взбивали фонтаны черной жидкой грязи. Выйдя из автомобиля, я пошел вдоль цепи, здороваясь с людьми, благодаря их за славное вчерашнее дело. Епископ Вениамин с крестом в руке благословлял людей. Начальник дивизии генерал Ангуладзе лично поднял цепь и повел стрелков.

Вскоре укрепленная красными станция Джимбулук была взята нами. Противник с Чонгарского полуострова беспорядочно отходил на север. Получено было от командира Алексеевской бригады полковника Гравицкого донесение, что им занят Геническ. Противник отходил, преследуемый нашими частями. Обойдя стоящие в резерве войска, я вернулся на станцию Джанкой и оттуда на автомобиле проехал к Перекопу. На следующий день утром части генерала Ангуладзе заняли станцию Сальково.

Между тем, дроздовцы, продолжая наступление и отбивая атаки конницы противника, прорвали фронт красных южнее Преображенки и присоединились к нашим частям у Перекопа, вынеся с собой всех своих раненых и захваченные трофеи. Во время боя под начальником Дроздовской дивизии генералом Витковским было ранено две лошади. За бои последних дней нами было захвачено тесть орудий и шестьдесят пулеметов.

Поставленная мною войскам задача была выполнена, но главное значение боя было моральное. Последние бои показали, что непобедимый дух в армии еще жив. А раз жив дух, то не все еще потеряно.

Я послал генералу Шатилову телеграмму, приказав широко оповестить о нашей победе население.

В Севастополе были получены сведения о возобновлении военных действий на Польском фронте. Польские войска перешли в наступление и по всему фронту теснили красных. Наше тяжелое военное положение несколько облегчалось. Мы могли рассчитывать, что противник, отвлеченный всецело поляками, даст нам временную передышку. Эту передышку мы должны были всемерно использовать.

Войскам было приказано немедленно приступить к укреплению занятых ими позиций. Одновременно

приказано было начать подготовку укрепленных тыловых позиций в районе села Юшунь и станции Таганаш. Приказано было спешно строить железнодорожную ветку от станции Джанкой на село Юшунь. Постройка этой ветки была намечена генералом Слащевым еще до прибытия моего в Крым, однако работы пока мало подвинулись. Необходимые для укрепления позиций материалы частью находились на месте, частью должны были быть подвезены из Феодосии и Севастополя. Руководство работами по укреплению выходов из Крыма и проведению ветки Джанкой-Юшунь были возложены на генерала Юзефовича.

Возвращаясь в Севастополь, я на несколько часов остановился в Симферополе, где принял в вагоне ряд лиц, в том числе прибывшего из Евпатории редактора газеты «Евпаторийский Вестник» Ратимова, добивавшегося иметь со мной личный разговор. Ратимов ходатайствовал о поддержании издаваемого им органа, весьма сочувственного армии направления. Положение газеты в Евпатории было весьма трудное, ибо поддержки, со стороны расположенного там штаба Донского корпуса, газета не встречала. При штабе корпуса издавалась газета «Донской Вестник» и в «Евпаторийском Вестнике» штаб видел конкурента и противника, ибо самое направление донского органа было определенно враждебно главному командованию. В подтверждение своих слов, Ратимов передал мне целый ряд номеров «Донского Вестника». Просмотрев их, я просто оторопел. Орган издавался при ближайшем участии командира корпуса и начальника штаба, что было мне хорошо известно. Редактором состоял начальник политической части сотник граф Дю-Шайля. О нем я уже ранее имел сведения самого неблагоприятного характера, он принимал деятельное участие во враждебной главному командованию политике донцов.

Оппозиция донского командования не была для меня новой, однако то, что я увидел, превосходило все мои ожидания.

В ряде статей официального органа разжигалась самым недопустимым образом вражда казаков против добровольцев, восстанавливалось казачество против «генералов и сановников», проводилась мысль об отделении всего казачества от России. Я не знал, чему более удивляться, подлости ли изменнической работы лиц, стоявших во главе донцов, или наглости их открытой, ничем не прикрашиваемой, работы. Я предложил господину Ратимову проехать со мной в Севастополь.

Прибыв туда, я немедленно послал за донским атаманом генералом Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера «Донского Вестника» и предложил лично переговорить с Ратимовым. Оставив генерала Богаевского и Ратимова вдвоем, я прошел к себе в кабинет и тут же набросал приказ, в котором писал:

«По соглашению с донским атаманом, приказываю генерал-лейтенанту Сидорину сдать должность генерал-лейтенанту Абрамову. Отрешаю от должности начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Келчевского и генерал-квартирмейстера генерал-майора Кислова. Начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа Дю-Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть».

Закончив приказ, я вышел к генералу Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ.

– «Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии».

– «Да, конечно…» видимо с громадным трудом, едва слышно, ответил атаман.

Я тут же подписал приказ и передал его адъютанту для исполнения.

Проведенное следствие обнаружило полную виновность генералов Сидорина и Келчевского. Сотник граф Дю-Шайля являлся второстепенным исполнителем. В момент ареста он попытался покончить жизнь самоубийством и тяжело себя ранил. Генерал Сидорин пробовал привлечь на свою сторону офицеров корпуса, однако, успеха не имел.

Ознакомившись с результатами следствия, я предал генералов Сидорина и Келчевского и сотника графа Дю-Шайля военно-полевому суду. Суд под председательством генерала Драгомирова приговорил обоих генералов к каторжным работам, каковое наказание я заменил им, во внимание к прежним боевым заслугам Донской армии, исключением со службы, с лишением мундира.

Сотник граф Дю-Шайля тяжело раненый, лежал в госпитале и дело о нем было выделено; оно рассматривалось много позднее. Ввиду того, что граф Дю-Шайля был не более как мелкий проходимец, простой исполнитель, и что я нашел возможным смягчить участь главных виновников, суд сотника графа Дю-Шайля оправдал. Последний выехал за границу и после оставления нами родной земли продолжал враждебную армии политику.

Одним решительным ударом был положен предел оппозиционной работе донского командования. Проискам и интригам недовольных генералов наступил конец. Одновременно с генералами Сидориным и Келчевским, выехали за границу генералы Покровский, Боровский, Пестовский. Интриги прекратились.

Один лишь генерал Слащев не мог успокоиться. Убедившись, что я в разговорах с ним тщательно избегаю касаться всего того, что не имеет отношения к вопросам, связанным с его командованием, он стал засыпать меня своими сумбурными рапортами. Рапорты эти столь характерны, что я не могу не привести одного из них.

«5 апреля 1920 года. Секретно в собственные руки.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России. № 021.

РАПОРТ.

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего гланокомандующего и командвойска не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условий новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о ломке всего того, что, может быть и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Все это сказалось:

1. Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги, либо болтается из стороны в сторону;

2. Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому – нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.)

Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идет с коренными защитниками фронта, до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в Вашем штабе остались лица «корейского» направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1. Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на военном совете (уход генерала Деникина) во всеуслышание, в присутствии командиров полков, что, если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут и провозгласили ему «ура». Это заявление и «ура» на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что считал своим долгом встать и спросить: «чему мы служим – Родине или лицам». – Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2. Генерал Махров и полковник Коновалов портят все дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственные должности «лиц», подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграмму о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой – на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссия осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых, до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых – отменил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1. Пресечь попытки разных лиц и партий, провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен;

2. Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3. Объявить себя диктатором (неограниченным правителем) без флера, а ясно для всех (для народа);

4. Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим хлеб за труд;

5. Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева, хотя бы на должности, где интриги их будут бессильны;

6. Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести).

Слово свое сдержал.

Честь свою я сохранил и тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым – я сделаю все, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащев».

В Севастополе я пробыл всего один день и 7-го апреля вновь выехал в Симферополь, где посетил университет и присутствовал на совете университета.

Генерал Кутепов железной рукой приводил свои войска в порядок, беспощадно предавая военно-полевому суду и подвергая смертной казни грабителей и дезертиров. Местные либерально-общественные круги во главе с симферопольским городским головой Усовым стали генералу Кутепову в оппозицию, предъявляя от имени общественности протесты против смертной казни и т. д. Я предложил городскому голове на другой день прибыть в Севастополь. Сообщая о его выезде, либеральная пресса намекала, что, в связи с вызовом симферопольского городского головы к Главнокомандующему, ожидается ряд перемен в высшем командовании, что главным командованием, вероятно, приняты будут меры против самовольных действий некоторых высших чинов и т. п.

Городской голова вошел в мой кабинет с видом победителя. Но видя, что я не подаю ему руки и не прошу сесть, заметно смутился.

– «Я знаю о неладах Ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний», сказал я. «Я не хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или Вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением и я действую так, как мой ум и моя совесть мне повелевают. Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не Вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не остановлюсь ни перед чем и без колебания устраню всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю Вас, что я не

задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались Вы».

Господин Усов вышел из кабинета, как в воду опущенный. Через день газеты сообщили, что «вернувшийся из Севастополя симферопольский городской голова отказался сообщить подробности своего разговора с Главнокомандующим». Еще через несколько дней те же газеты сообщили, что господин Усов тяжело заболел и подал в отставку.

В Севастополь вновь прибыли с Кавказского побережья генерал Улагай и командир Донского корпуса генерал Стариков. Попытки генерала Улагая перейти в наступление оказались тщетными. Казаки совсем не хотели драться. Среди кубанского правительства, рады и высшего командования кубанцев и донцов происходили нелады. Генералы Улагай и Стариков настаивали на перевозке кубанцев и донцов в Крым, однако кубанский атаман генерал Букретов не соглашался.

Я собрал совещание из атаманов донского, кубанского и терского войск, генералов Улагая и Старикова, генерала Шатилова, генерала Махрова и командующего флотом. Генералы Улагай и Стариков повторили свои доклады. Атаманы донской и терский их поддержали, генерал Букретов вновь заявил, что считает перевозку кубанцев в Крым нежелательной, что, как кубанский атаман, он считает необходимым предварительно опросить всех казаков об их желании. На мое возражение, что я не могу допустить обсуждений казаками приказаний начальников, генерал Букретов ответил:

– «А я, как атаман, не могу допустить, чтобы казаков перевезли в Крым, где они будут пасынками, как были всегда в Добровольческой армии. В этом я не вижу надобности. Неправда, что казаки не желают драться. Не желают драться лишь их старшие начальники – генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабьев и другие».

– «Раз так, то пускай сам генерал Букретов командует армией», вспылил генерал Улагай. Я остановил его и обратился к Букретову:

– «Вы упрекаете старших начальников в нежелании драться. Зная всех их, я, конечно, этому верить не могу; однако из Ваших слов мне ясно, что, при подобном отношении атамана, правительства и рады к высшему командному составу, последний не может иметь среди казаков должного авторитета. Вы уверяете, что казаки готовы драться с другими начальниками. Отлично, вступайте в командование Кубанской армией сами и бейте большевиков».

– «Нет, командовать армией я не согласен».

– «В таком случае, нам разговаривать не о чем. Ответственность взять на себя вы не хотите, а агитацию безответственных лиц среди казаков против их командующего армией я допустить не могу. Можете идти, но из Крыма вы не выедете».

Я обратился к генералу Герасимову: «Поручаю Вам принять меры, чтобы ни одно из отходящих из Крыма судов не приняло на свой борт генерала Букретова».

Генерал Букретов вышел. Все присутствующие казались весьма смущенными. Генерал Богаевский и генерал Вдовенко стали убеждать меня изменить мое решение.

– «Атаман лицо неприкосновенное», говорил генерал Богаевский, «вы только что отдали с согласия атаманов приказ, где подтвердили права казачества на внутреннее самоуправление; задержание генерала Букретова произведет тяжелое впечатление на всех казаков…» Генерал Шатилов стал также убеждать меня. Я твердо стоял на своем:

– «Я не могу допустить, чтобы генерал Букретов вернулся к армии и там продолжал агитацию. Я ни одну минуту не верю ему, что казаки готовы драться, но пусть он сам несет ответственность за все, что произойдет…».

Наконец генерал Шатилов предложил поехать к генералу Букретову и лично переговорить с ним. Через полчаса генерал Шатилов вернулся и сообщил, что генерал Букретов готов согласиться на командование армией. Я вновь просил генерала Шатилова проехать к кубанскому атаману и передать ему, что я сожалею о происшедшем недоразумении и прошу его вернуться на совещание. Генерал Букретов прибыл.

– «Я рад узнать, что Вы изменили свое решение и готовы принять на себя тяжелую ответственность. Забудем все бывшие недоразумения», сказал я, протягивая ему руку.

Тут же подписал я приказ о назначении генерала Букретова командующим Кубанской армией и зачислении в мое распоряжение генералов Улагая, Шкуро, Науменко и Бабьева.

Дабы подчеркнуть еще раз единение Главнокомандующего с атаманами, я просил генерала Богаевского согласиться принять на себя звание командующего Донской армией. Фактически таковой не существовало, ибо войска, находящиеся уже в Крыму, были сведены в корпус, а части генерала Старикова по составу не превосходили дивизии и, в случае переброски в Крым, должны были войти в состав Донского корпуса. Принятие генералом Богаевским должности командующего Донской армией имело значение лишь принципиальное.

9-го апреля состоялось под моим председательством первое заседание совета начальников управлений при мне. Открывая заседание, я ознакомил совет с нашим общим политическим и военным положением и, указав на то, что мною принимаются все меры для боеспособности армии, подчеркнул, что эта боеспособность зависит в большой степени от того, как организован тыл.

В первую очередь я обратил внимание на необходимость принятия ряда мер по улучшению хозяйственного положения – удешевления предметов первой необходимости, увеличения запасов муки в городах и пр. В Крыму имелись запасы сырья, готовой соли, большое количество железного лома, имелись залежи серы, туфов и, в районе станции Бешуй, угля. Необходимо было принять меры для возможности их разработки и использования. Затем, мною было обращено внимание на необходимость сокращения непомерных штатов всевозможных управлений и учреждений, на несоответствие окладов служащих в различных ведомствах, на необходимость разработать вопрос о нормировке рабочих ставок и хотя бы частичной натурализации оплаты труда. Наконец, мною было обращено внимание на то, что городские и земские самоуправления расходуют получаемые ими многомиллионные авансы не по прямому их назначению, а на повышение окладов служащих и т. п.

Генерал Вильчевский доложил, что, при условии расходования не более фунта хлеба в сутки на человека, он надеется, что муки хватит в Крыму до нового урожая. Им уже был принят ряд мер для устранения продовольственного кризиса и для обеспечения населения недостающими продуктами, путем подвоза. Так, выписано было несколько миллионов порций солонины и мясных консервов из Болгарии, приобретены были жиры в Константинополе и т. д. В ближайшие дни должны были начаться изыскания бешуйских угольных месторождений.

Совет наметил образование особой комиссии под председательством моего помощника генерала Шатилова для пересмотра штатов всех учреждений с целью возможного сокращения их и для установления единообразных окладов содержания во всех ведомствах, со-

ответственно классам занимаемых должностей. Другая комиссия была образована под председательством генерала Вильчевского для разработки вопроса о нормировке рабочих ставок и возможном переходе, хотя бы к частичной, натурализации оплаты труда и с целью наметить другие пути к облегчению рабочим борьбы за существование: устройство кооперативов, швален, развитие существующих уже потребительских лавок под названием «Армия – населению».

В конце заседания и. о. начальника управления финансов Б. В. Матусевич сделал доклад о причинах падения русского рубля. Намечено было образовать под председательством начальника управления финансов особую комиссию, коей поручить наметить ряд мер по улучшению налоговой системы и по увеличению доходов казны.

Я все более убеждался, что те лица, которые до сего времени стояли во главе различных отраслей государственного управления на Юге России не были в состоянии справиться с той огромной задачей, которую судьба ставила им. Вся гражданская и экономическая жизнь в стране была разрушена, все приходилось создавать сызнова, не просто восстанавливать, а именно создавать, в полной мере учитывая все новые политические и экономические условия. С такой задачей могли справиться лишь люди, обладавшие широким запасом знаний и государственного опыта и необыкновенной политической гибкостью. Последние два условия, конечно, трудно было совместить в одном лице. Наиболее испытанные государственные деятели приобрели необходимый опыт и знание дела, проведя всю службу в прочно сложившихся бюрократических условиях старой России. Они никак не могли от этих условий отрешиться, не могли плодотворно работать при отсутствии прочно и правильно налаженного

административного аппарата в условиях военно-походной жизни междоусобной войны; в работу свою они неизбежно переносили все отрицательные черты нашей старой бюрократии, не умели близко подойти к населению, вводили в живое дело неизбежный канцеляризм, служебную волокиту, условные, потерявшие свое значение, формы. Необходимая в эпоху революционных потрясений, свободная в формах, творческая работа была им не под силу. Те круги нашей либеральной общественности, среди которой черпал своих сотрудников генерал Деникин, были для работы еще менее подходящими. Люди в большинстве случаев слов, а не дела, принадлежащие главным образом к тому классу русской интеллигенции, которой даже и в политической борьбе был чужд действенный порыв, они были неспособны к творческой работе, не обладая в то же время ни необходимыми знаниями, ни достаточным опытом.

Я ясно понимал, что в настоящих исключительно тяжелых условиях с огромной, предстоящей в Крыму, работой может справиться лишь государственный деятель, обладающий исключительными данными. Единственным лицом, которому эта работа могла бы быть под силу, был, по моему убеждению, А. В. Кривошеин.

Я знал его лично давно, его государственная деятельность в течение многих лет была известна всей России. Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления. Служил и в земском отделе министерства внутренних дел, где близко ознакомился с крестьянским вопросом, в государственном земельном банке, состоял начальником переселенческого управления, товарищем министра финансов; в бытность последним, широко развил деятельность кресть-

янского банка и направил ее к повсеместному созданию мелкой крестьянской собственности. В течение десяти лет был министром земледелия, ближайшим сотрудником П. А. Столыпина, проводя в жизнь земельную реформу последнего. Достижением высоких служебных положений он обязан был одному себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значение в высших правительственных кругах, он в равной мере, пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных.

Выдающийся администратор, он всегда удачно выбирал своих сотрудников, целый ряд которых, впоследствии, пройдя его школу, выдвинулись на разнообразных поприщах государственной службы.

Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона.

Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной мой тяжкий крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что, горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя родины.

9-го апреля Н. М. Котляревский выехал в Париж к А. В. Кривошеину с моим письмом.

Первые шаги новой власти, решительные меры по восстановлению порядка в тылу и недавняя победа на

фронте внесли в население некоторое успокоение, однако лицо новой власти продолжало быть закрытым. Враждебная нам пропаганда делала свое дело. В многочисленных разговорах моих с представителями военной и гражданской власти и с общественными деятелями, я неизменно убеждался, что от новой власти ожидают разъяснения наиболее больных вопросов. Вопросы эти всегда были те же: земельный, отношение к казачеству и государственным новообразованиям, отношение к государствам западной Европы. Весьма дружественно расположенный к нам начальник американской миссии адмирал Мак Колли и французской – генерал Манжен, также указывали мне на необходимость, в противовес тенденциозному освещению намерений нового командования в иностранных кругах, широко ознакомить с моими взглядами общественное мнение.

Идя навстречу общим пожеланиям, я пригласил представителей печати и ознакомил их со своим взглядом на предстоящие нам задачи:

– «После тяжелых шестидневных боев мы овладели плацдармами Крыма и прочно их за собой обеспечили.

Армия, после пережитых испытаний, спешно приводится в порядок, переформировывается. В самом ближайшем будущем я проведу целый ряд мер организационного характера, которые должны устранить часть недочетов, значительно затруднявших управление армией. Проведены уже отчасти в жизнь целый ряд мер для повышения нравственного уровня в войсках. В частях введены суды чести для офицеров, коим предоставлены широкие права до разжалования штаб-офицеров включительно.

Наравне с заботами об армии, будет проведен ряд мер к разрешению наиболее назревших вопросов государственной жизни.

Трехлетняя анархия, неоднократная смена власти, из которых каждая провозглашала программы, имеющие целью увлечь за собой симпатии населения заманчивыми обещаниями, исполнить каковые физически не могла никакая власть, – настолько усложнили целый ряд отраслей промышленно-экономической жизни, что разрешить это сразу нет никакой возможности.

Примером может служить хотя бы земельный вопрос.

Я стремлюсь к тому, чтобы разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности.

Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире – вот основные задачи власти.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России, крупное землевладение отжило свой век.

Улучшение материального благосостояния рабочих и удовлетворение их профессиональных нужд является одной из моих главнейших забот.

Теперь о причинах наших бывших неудач.

Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась.

Вместо того, чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной и проводить одну политику, «русскую» вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая», какая-то частная политика, руководители которой видели

во всем том, что не носило на себе печать «добровольцев» – врагов России.

Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями. В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделяли всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований.

Я вижу к воссозданию России совершенно иной путь. Несколько дней тому назад мною заключено соглашение с представителями всех казачьих войск, коим между мною и казаками установлены определенные взаимоотношения. Казачьи области остаются в своем внутреннем самоуправлении самостоятельными, их же вооруженные силы полностью подчиняются мне.

В областях не казачьих, я объединил всю полноту гражданской и военной власти без всяких ограничений, причем при разрешении вопросов внутренней жизни, я намерен широко обращаться к помощи общественных сил.

Мы в осажденной крепости и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе.

Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, которая удовлетворит все круги населения. Пока же борьба не кончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу, значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда.

На такой же точке зрения я стою в отношении к вопросу, о так называемой «ориентации». С кем хочешь, – но за Россию, – вот мой лозунг.

В частности, касаясь германской ориентации, о которой так много пишут и говорят за последнее время, я не могу придавать ей серьезного значения. Германия, истощенная войной и занятая внутренними делами, едва ли может оказать реальную помощь другим странам.

Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

11-го апреля мною был отдан приказ об образовании под председательством сенатора Глинки, одного из ближайших сотрудников А. В. Кривошеина, бывшего начальника переселенческого управления, комиссии по разработке земельного вопроса. В основу работы комиссии должны были быть положены следующие руководящие начала:

1. Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована;

2. Землею должно владеть на правах прочно установленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд;

3. Посредником для расчетов между крупным и мелким землевладением должно быть государство.

Я понимал, что в бесконечно разнообразных этнографических и экономических условиях необъятных пространств России среди общего развала и смуты, разрушивших все хозяйство страны и нарушивших все правовые взаимоотношения, разрешить удовлетворительно земельный вопрос в полном объеме невозможно,

что любое решение вызовет неудовольствие многих, что несомненно в будущем жизнь внесет свои неизбежные коррективы. Но настоящие условия этой жизни не позволяли дальше ждать, требовалось разрубить этот гордиев узел. Разрешение этого вопроса имело исключительное психологическое значение. Оно должно было выбить из рук наших врагов главное орудие политической борьбы, ударить по воображению населения и армии, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах.

С первых дней приезда моего в Крым, я обратил внимание на необходимость установления начал нормального правопорядка, столь пошатнувшегося за годы гражданской войны.

Одной из главнейших причин развала армий генерала Деникина было отсутствие в них твердого правового уклада и чувства законности. Войска развратились, военно-судебное ведомство, во главе с главным военным и морским прокурором, было бессильно. Приказом Главнокомандующего право на возбуждение уголовного преследования предоставлено было непосредственным начальникам виновных. В существовавшие корпусные суды, в состав которых входили опытные юристы, дел почти не поступало, почти все дела рассматривались военно-полевыми судами, находившимися фактически в полном подчинении войсковым начальникам. Военно-полевые суды стали постоянно действующим аппаратом судебной власти и, состоя из лиц в большинстве случаев незнакомых с самыми элементарными юридическими познаниями, сплошь и рядом совершали грубые непоправимые ошибки, в корне нарушая основные понятия законности и правопорядка. Престиж суда оказался подорванным.

Моим приказом от 6-го апреля предание суду должно было производиться не по усмотрению войскового начальства, а путем непосредственного внесения прокурорским надзором обвинительного акта в суд с сообщением о том начальству обвиняемого для отдания в приказ.

Наряду с другими мерами для решительного искоренения грабежей и разбоев, приказом моим от 14-го апреля образованы были особые военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, комендантов крепостей, а, впоследствии, при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад. Комиссии в составе председателя и пяти членов назначались по возможности из лиц с высшим юридическим образованием, а делопроизводитель обязательно с таковым. Комиссии подчинены были непосредственно главному прокурору. Их рассмотрению подлежали дела об убийствах, грабежах, разбоях, кражах, самочинных и незаконных реквизициях, а равно о всяких других незаконных действиях, клонящихся к стеснению местных жителей, совершаемых военнослужащими. Пределы власти каждой комиссии распространялись на территории соответствующего уезда или на чинов данного войскового соединения. Несколько позднее, в интересах более полного обеспечения мирного населения, в состав комиссии было включено по два представителя крестьян от волости с правом совещательного голоса и присутствия при производстве комиссией расследования, причем производящий расследование обязан был отмечать в соответствующих протоколах и актах о пожеланиях представителей волости и удовлетворять их, если они не противоречили закону и могли быть выполнены без ущерба для дела.

Расследование дела производилось одним из членов комиссии на правах военного следователя, но без

тех формальностей, кои установлены в законе при производстве предварительного следствия. Конечно, при такой конструкции допускалось некоторое смешение следственных и чисто судебных функций, но в условиях работы комиссий, которые должны были обладать всей полнотой власти и независимостью и в то же время действовать скоро и решительно, этот недостаток был неизбежен. Однако, член комиссии, производящий расследование не мог участвовать в постановлении по данному делу приговора по существу. При рассмотрении дел военно-судные комиссии должны были руководствоваться правилами о военно-полевых судах. Приговоры утверждались соответствующими военными начальниками. В случае несогласия последних с приговором, дело передавалось в корпусный или военно-окружной суд.

Военно-судные комиссии за все время нашей борьбы в Крыму оказали правительству огромную помощь в борьбе со всевозможными злоупотреблениями, разъедавшими армию. Грабежи войск прекратились почти совершенно. Об этом свидетельствовали ряд беспристрастных очевидцев, целый ряд приговоров сельских сходов, обращавшихся ко мне с благодарностью за учреждение комиссий, избавивших население от грабежей и разбоев, красноречивее всяких слов свидетельствовавшие об их значении. Даже та часть крымской прессы, которая первоначально высказывалась против военно-судных комиссий, вынуждена была впоследствии признать их полезное значение.

Рядом приказов были изъяты из ведения военно-полевых судов дела о несовершеннолетних от десяти до семнадцатилетнего возраста и исполнение приговоров над присужденными к смертной казни предписывалось не производить публично. При общем огрубении нравов публичное приведение приговоров в

исполнение мало устрашало, вызывая лишь еще большее нравственное отупение.

Наше политическое положение продолжало оставаться неопределенным. 6/19 апреля адмирал Сеймур вручил мне следующую ноту:

«Великобританское Адмиралтейство уведомляет, что Лорд Керзон послал господину Чичерину в субботу 17-го апреля телеграмму, в коей он сообщает, что хотя вооруженные силы на юге России и были разбиты, но нельзя допустить, чтобы они были обречены на полную гибель и если бы не последовало немедленного ответа Чичерина, что он согласен на принятие посредничества Лорда Керзона и прекращение дальнейшего наступления на юге. Британское Правительство было бы вынуждено направить корабли для всех необходимых действий, чтобы охранить армию в Крыму и предупредить вторжение советских сил в ту область, в которой находятся вооруженные силы юга России».

10/23 апреля начальник французской миссии генерал Манжен писал Струве:

«Как следствие нашей сегодняшней беседы, я имею честь препроводить при сем выдержку телеграммы морского министра Французской Республики, с содержанием коей я ознакомил генерала барона Врангеля:

«Французское Правительство будет согласовывать свои действия с Правительством Великобритании, дабы поддержать генерала Врангеля, предоставляя ему всю необходимую материальную поддержку, пока он не получит от советов условий перемирия, обеспечивающих его армии соответствующее положение».

11 (24) апреля прибывший из Крыма в Константинополь Нератов телеграфировал, что «согласно большевистскому радио, Керзон передал в Москву требование об установлении перемирия с Добровольческой армией, угрожая, в случае продолжения

военных действий, вмешательством английского флота. Чичерин изъявил согласие немедленно приступить к переговорам о мире».

Однако, через пять дней, 16(29) апреля, начальник английской миссии генерал Перси вручил мне нижеследующую ноту:

«Главнокомандующий Великобританской армией на Черном море генерал Мильн поручил мне передать Вам нижеследующее сообщение, адресованное Лордом Керзоном верховному комиссару Великобритании адмиралу де-Робек.

– Ответ, который мы получили от Чичерина на наше предложение установить условия для армии генерала Врангеля в Крыму, не был до сих пор удовлетворительным. Вместо того, чтобы выдвинуть условия советов, как мы его об этом спрашивали, Чичерин стремится добиться других политических уступок, которые мы не можем ему предоставить. Таким образом, мы бессильны в настоящий момент исполнить просьбу генерала Врангеля. В случае, ежели бы как это представляется всего вероятнее в настоящее время, мы не могли достигнуть для него необходимых условий, единственный выход заключался бы в том, чтобы он сам их осуществил. Продолжение войны генералом Врангелем имело бы роковой исход и не могло бы быть поддержано нами никакой материальной помощью.»

Тем временем, переговоры поляков с большевиками были прерваны, польские войска перешли в наступление и теснили красных по всему фронту. Последние спешно сосредоточивали на западном фронте все свои силы. Падение Крыма развязало бы красному командованию руки, давая возможность сосредоточить все усилия против поляков. Это, конечно, учитывала Франция, неизменно поддерживавшая Польшу. Французское

правительство не могло сочувствовать политике англичан. По моему поручению, Струве телеграфировал нашему послу в Париже В. А. Маклакову просьбу выяснить взгляды Французского правительства.

17 апреля (1 мая) Маклаков телеграфировал:

«Французское правительство относится отрицательно к соглашению с большевиками. Никакого давления для сдачи Крыма не окажет. Не будет участвовать ни в какой подобной медиации, если бы другие ее предприняли. Сочувствует мысли удержаться в Крыму и Таврической губернии. Считая большевизм главным врагом России, Французское правительство сочувствует продвижению поляков. Не допускает мысли о скрытой аннексии ими Приднепровья. Если создано было бы Украинское правительство, оно может быть признано только де-факто».

19 апреля (2 мая) я письмом на имя генерала Перси ответил на переданную им мне ноту Великобританского правительства от 16(29) апреля:

«Великобританское правительство 2-го апреля предъявило генералу Деникину требование прекращения гражданской войны, угрожая в противном случае лишением Вооруженных сил на Юге России всякой поддержки».

По вступлении моем в должность Главнокомандующего, я сообщил Великобританскому правительству, что, будучи вынужден принять это его требование, я отдаю участь армии, флота и населения юга России на справедливое решение Правительства Его Британского Величества, причем я полагаю долгом чести тех, кому мы оставались все время неизменно верными, спасти всех, кто не пожелал бы принять пощады от врага. Вместе с тем, я указал на полную невозможность для нас вступить в непосредственные переговоры с противником.

В сообщении, сделанном лордом Керзоном господину Чичерину, переданном мне адмиралом Сеймуром, заключалось категорическое заявление, что в случае отказа советского правительства от посредничества Англии, или нового наступления на южном направлении. Британское правительство будет вынуждено направить свои суда для принятия всех нужных мер по охране моей армии в Крыму и предотвращению вторжения советских сил в то убежище, которое в Крыму нашли вооруженные силы на Юге России.

В письме от 29 апреля Вы передали мне содержание сообщения лорда Керзона Британскому верховному комиссару в Константинополе. Из него вытекает, что предъявление господином Чичериным некоторых неприемлемых политических требований, побуждает Британское правительство считать, что единственный выход из создавшегося положения, чтобы я сам добивался от советского правительства желаемых условий для себя.

Я не могу допустить мысли, что Британское правительство отказывается ныне от того посредничества, которое оно само взяло на себя после того, как я его поставил в известность о невозможности для меня непосредственных переговоров с врагом».

Указав, что борьба с большевиками есть борьба народная, что «никакая амнистия, никакие обещания не дадут мира большевистской России, ибо сам народ не стерпит Советского режима», я писал:

«Единственным средством приостановить непрерывную анархию в России, является сохранение в ней здорового ядра, которое могло бы объединить вокруг себя все стихийные движения против тирании большевиков. Не новым наступлением на Москву, а объединением всех борющихся с коммунистами народных сил, может быть спасена Россия от этой опасности, которая

грозит переброситься на Европу. Поэтому сохранение неприкосновенности территории, занятой Вооруженными силами на Юге России и обеспечение неприкосновенности казачьих земель совершенно необходимы для осуществления той цели, которую ставят себе союзники и в достижении которой нуждается цивилизованный мир, прекращения гражданской войны и анархии в России.

Для облегчения Британскому правительству ведения переговоров с советской властью, я предполагаю послать в Лондон особо уполномоченных лиц, знакомых с настоящим положением дел в пределах моей территории и казачьих земель и посвященных в мои предположения.

В заключение, я считаю долгом указать и Британскому правительству и всей Антанте на опасность для них того положения, которое получится в случае лишения ими меня и моей армии всякой поддержки в настоящий критический момент, без какого-либо с моей стороны к тому повода. Такой факт был бы торжеством советской власти и капитуляцией перед коммунизмом и в будущем не мог бы не отразиться на отношении к союзникам русского народа, который не примирится с советской властью».

В половине апреля большевики перешли против наших кавказских частей в наступление и заняли Сочи. Командующий Кубанской армией генерал Морозов и некоторые члены рады вступили 17-го апреля, с согласия генерала Букретова, в переговоры с большевиками.

Получив об этом сведения, я приказал спешно выслать в порт Адлер весь свободный тоннаж и обратился к адмиралу Де-Робеку с просьбой помочь английским флотом. Туда же выехал генерал Шкуро, на коего я возложил поручение принять для перевозки в Крым те части, начальники которых не пожелали бы

вступить в переговоры с большевиками. Погрузка производилась в весьма трудных условиях с лодок, грузились как на русские транспорты, так и на английские военные корабли. Лошадей, орудия и пулеметы пришлось бросить. Так как при эвакуации Новороссийска в Крым попали одни донцы, то я приказал теперь в первую голову грузить кубанцев.

Генерал Букретов, генерал Морозов, члены кубанского правительства и рады убеждали офицеров и казаков, что Крым ловушка и что через несколько дней части армии в Крыму вынуждены будут капитулировать.

19-го апреля погрузка закончилась, и корабли отошли в Крым. Большая часть кубанцев сдалась, незначительная часть ушла в горы, остальные были погружены; погрузилась и большая часть донских полков и Терско-Астраханская бригада.

Сам генерал Букретов, сложив с себя звание кубанского атамана и передав атаманскую булаву, согласно кубанской конституции, председателю кубанского правительства, инженеру Иванису, бежал в Грузию. За ним последовали члены кубанской рады – самостийники, захватив с собой часть кубанской казны.

21-го апреля части с Кавказского побережья прибыли в Феодосию. Я через день приехал туда, смотрел полки, беседовал с офицерами. Большинство офицеров и казаков были мои старые соратники, сражавшиеся под моим началом на Северном Кавказе и под Царицыном. В Крым прибыли наиболее сильные духом, изверившиеся и малодушные остались на Черноморском побережье. Прибывшие офицеры и казаки негодовали на предательство атамана и самостийных членов рады. Я был уверен, что, очистившись от малодушных, находясь вне тлетворной работы демагогической рады и поставленные под начальство крепких

духом офицеров, отдохнувши и пополнившись всем необходимым, прибывшие казачьи полки вновь станут теми прекрасными частями, которые неизменно били врага на Северном Кавказе и в Задонье.

Донские части направлялись в Евпаторию, где должны были войти в состав Донского корпуса. Кубанские части я наметил свести в дивизию. Во главе кубанской дивизии и приданной ей бригады терцев-астраханцев, я поставил доблестного генерала Бабьева.

Бабьев был один из наиболее блестящих кавалерийских генералов на юге России. Совершенно исключительного мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерами и казаками, он, командуя полком, бригадой и дивизией, неизменно одерживал блестящие победы. Его конные атаки всегда вносили смятение в ряды врага. За время Великой войны и междоусобной брани, находясь постоянно в самых опасных местах, генерал Бабьев получил девятнадцать ран. Правая рука его была сведена, однако, несмотря на все ранения, его не знающий удержа порыв остался прежним. Горячий русский патриот, он с величайшим негодованием относился к предательской работе казачьих самостийников. Я мог быть спокоен за те части, во главе которых он стоял.

За несколько дней до поездки в Феодосию, я смотрел в Евпатории полки Донского корпуса. Во главе корпуса теперь стоял генерал Абрамов, высокой доблести, неподкупной честности, большой твердости и исключительного такта начальник. Донец по рождению, офицер генерального штаба по образованию, командовавший до революции регулярной дивизией, долгое время исполнявший должность генерал-квартирмейстера в одной из армий, командовавший на юге России гвардейской казачьей бригадой, генерал

Абрамов пользовался заслуженным уважением всей армии. Став во главе корпуса, он твердой рукой наводил порядки. Сменил целый ряд начальников, подтянул офицеров и казаков. Я не сомневался, что ему удастся в самое короткое время привести корпус в порядок и вернуть ему прежнюю боеспособность.

Тогда же из Евпатории проехал я на фронт, где видел части Крымского и Добровольческого корпусов. Намеченная мною перегруппировка закончилась. Крымский корпус был эшелонирован на Сальковском направлении вдоль линии железной дороги, добровольцы сосредоточились на перекопском направлении. Юнкерские училища, дравшиеся в составе войск генерала Слащева, были выделены, и юноши, многие почти мальчики, жизни которых были столь дороги будущей России, получили возможность учиться. Части на фронте, успевшие поотдохнуть, почиститься и приодеться, имели бодрый веселый вид. Работы по укреплению позиций шли полным ходом. Рылись окопы, строились пулеметные гнезда, позиции заплетались проволокой. Кипела работа и по постройке тыловых укреплений, лихорадочно строился Юшунский подъездной путь. Руководивший работами генерал Юзефович, для ускорения работ по постройке железной дороги использовал целый ряд подъездных путей, имеющих второстепенное значение, перевозя разобранные шпалы и рельсы на новую дорогу.

Дисциплина в тылу, особенно в крупных городах, также значительно поднялась. Я неуклонно требовал от начальников гарнизонов самых решительных мер против разнузданности и разгильдяйства воинских чинов в тылу, требовал, чтобы все боеспособные без уважительных причин не оставляли бы своих частей, чтобы все выздоровевшие немедленно отправлялись из лазаретов на фронт; настаивал на соблюдении установленной формы одежды.

В середине апреля я сменил коменданта севастопольской крепости. Новым комендантом был назначен генерал Писарев, хорошо мне известный по деятельности его в Кавказской армии, где он командовал корпусом. При нем Севастополь сразу подтянулся. В конце мая генерал Писарев был назначен мною командиром Сводного корпуса, в состав которого вошли Кубанская дивизия и бригада туземцев, выделенная из состава Крымского корпуса. Генерала Писарева заменил генерал Стогов, остававшийся в должности коменданта до конца борьбы в Крыму.

Пришлось заменить и командующего флотом адмирала Герасимова, прекрасного человека, но мягкого и недостаточно решительного, 19-го апреля командующим флотом и начальником морского управления был назначен вице-адмирал Саблин.

28-го апреля я отдал приказ о наименовании впредь армии «Русской». Соответственно с этим, корпуса должны были именоваться армейские по номерам, казачьи по соответственному войску.

Название «Добровольческая» переносилось с Добровольческой армии и на политику ее руководителей. Оно перестало быть достоянием определенных воинских частей, оно стало нарицательным для всего, возглавляемого генералом Деникиным, движения. «Добровольческая политика», «добровольческая печать», «добровольческие власти» стали ходячими формулами. Славное в прошлом, связанное с первыми шагами героической борьбы генералов Алексеева и Корнилова, «добровольчество», название столь дорогое для всех участников этой борьбы, потеряло со временем свое прежнее обаяние. Несостоятельная политика генерала Деникина и его ближайших помощников, недостойное поведение засоривших армию преступных элементов, пагубная борьба между главным

«добровольческим» командованием и казачеством, все это уронило в глазах населения и самой армии звание «добровольца».

Из двух сражавшихся в России армий, конечно, право называться Русской принадлежало той, в рядах которой сражались все те, кто среди развала и смуты остались верными родному национальному знамени, кто отдал все за счастье и честь Родины. Не могла же почитаться Русской та армия, вожди которой заменили трехцветное русское знамя красным и слово Россия – словом интернационал. Конечно, и в рядах Красной Армии было немало русских честных людей. В настоящее время Красная Армия по составу своему была уже не та, как два года тому назад. Во время борьбы на Северном Кавказе в рядах большевистских войск стояло все то мутное, что вынесла на гребне своем революция, все те худшие элементы, которые разложили и развратили Русскую армию. Такому врагу не могло быть пощады. По мере развития нашей борьбы обе стороны вынуждены были прибегать к мобилизации и в ряды красных войск попадали такие же воины, как те, которые сражались в наших рядах. Присутствие их на той или иной стороне большей частью зависело от случайных географических причин.

Этого не учел мой предшественник. Его односторонняя, непримиримая политика преследовала не только всех инакомыслящих, но и всех тех, кто случайно оказывался прикосновенным к любому делу, враждебному или просто недостаточно дружественному добровольческому. Преследованию подвергались не только те, кто так или иначе, вольно или невольно, был прикосновенен к большевикам, но и к Украине, к Грузинской республике и пр. Неумная и жестокая политика вызывала ответную реакцию, отталкивала тех, кто готов был стать нашим союзником и превращала ис-

кавших нашей дружбы во врагов. Мы несли с собой не мир и прощение, а жестокий карающий меч. Тысячи офицеров, видевших в нас своих избавителей, переходя к нам, попадали под политическое подозрение и томились под следствием. Такое же отношение было и к гражданскому населению во вновь занимаемых нами областях. Под подозрение попадали и преследованию подвергались и те, вся вина которых состояла в том, что они под угрозами вынуждены были предоставить перевозочные средства для подвоза провианта красным войскам, или те, кто умирая с голода, служили писцом в потребительской лавке или телеграфной конторе.

Приказом от 29-го апреля я освободил от всяких наказаний и ограничений по службе всех офицеров и солдат, если они сдались и перешли на нашу сторону, безразлично до сражения или во время боев, а равно и всех служивших ранее в Советской армии и по добровольном прибытии в войска Вооруженных сил на Юге России, подвергшихся наказаниям или ограничениям по службе, восстановив их в правах и преимуществах, выслуженных до 1-го декабря 1917 года. Равным образом были освобождены от всякого наказания и ограничения по службе все офицеры и солдаты, ранее служившие в новых образованиях (Украина, Грузия) и подвергшиеся за это карам и ограничениям. Всем таким лицам возвращались их служебные преимущества.

Приказом от 8-го июня все эти льготы распространены были на чинов гражданских управлений и учреждений. В двадцатых числах мая я обратился с воззванием к офицерам Красной Армии:

– «Офицеры Красной Армии!

Я, генерал Врангель, стал во главе остатков Русской армии – не красной, а русской, еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой служили когда-то и многие из вас.

Русское офицерство искони верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг. Русская армия открыла фронт врагу и обезумевший народ стал жечь и грабить Родную землю.

Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братской кровью лежит перед нами Мать – Россия…

Три ужасных года, оставшиеся верными старым заветам, офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели вы, бывшие офицеры непобедимой Русской армии…

Что привело вас на этот позорный путь. Что заставило вас поднять руку на старых соратников и однополчан.

Я говорил со многими из вас, добровольно оставившими ряды Красной Армии. Все они говорили, что смертельный ужас, голод и страх за близких толкнули их на службу красной нечисти. Мало сильных людей, способных на величие духа и на самоотречение… Многие говорили мне, что в глубине души сознали ужас своего падения, но тот же страх перед наказанием удерживал их от возвращения к нам.

Я хочу верить, что среди вас, красные офицеры, есть еще честные люди, что любовь к Родине еще не угасла в ваших сердцах.

Я зову вас идти к нам, чтобы вы смыли с себя пятно позора, чтобы вы стали вновь в ряды Русской, настоящей армии.

Я, генерал Врангель, ныне стоящий во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю вам забвение прошлого и предоставляю возможность искупить ваш грех.

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России,

генерал Врангель»

Воззвание это было приказано широко распространить среди противника, направляя за фронт через наших агентов, сбрасывая с аэропланов и т. п.

Весьма озабочен был я и облегчением тяжелого положения служащих военного и гражданского ведомств. При беспрестанном вздорожании жизни, их положение, особенно семейных, было невыносимо тяжело. Целым рядом приказов денежные отпуски были увеличены, были намечены отпуски для семей, главы которых оставались в безвестном отсутствии, остались при эвакуации Одессы и Новороссийска, попали в плен и т. п.

Вместе с тем проводилось усиленное сокращение штатов, непомерно разросшихся, был принят ряд мер по улучшению налоговой системы, повышены акцизные, таможенные и другие пошлины.

Однако, наш рубль продолжал стремительно падать. Маленькая территория Крыма, конечно, не могла кормить армию. Вызова не было, потребление значительно превышало предложение. Начальник финансового управления Бернацкий справедливо полагал, что поднять ценность рубля может лишь внешний заем, однако, в настоящих условиях на такой заем едва ли можно было рассчитывать. Тем не менее, с целью выяснить все возможности, М. В. Бернацкий 28-го апреля выехал в Париж.

В связи с вздорожанием жизни, становилось тяжелым положение и всего городского населения, в том числе и рабочих. Враждебные нам силы это, конечно, использовали и за последние дни среди рабочих в севастопольских портовых заводах стало заметно брожение, готовилась забастовка. Последняя поставила бы нас в самое тяжелое положение, на заводах велась самая лихорадочная работа по исправлению орудий, пулеметов, аэропланов, броневых машин, по заготовке авиационных бомб, шанцевого инструмента и т. п.

В Севастополе кроме лейб-казачьего полка других сил не было. Я решил лично переговорить с рабочими,

вызвал выборных к себе и долго с ними беседовал. Я указал им, что еще 9-го апреля советом начальников управлений при мне намечено рассмотреть вопрос о возможности прийти на помощь рабочим и что в настоящее время комиссией, рассматривающей этот вопрос, уже намечено повышение поденной платы чернорабочих до сравнения ее с соответствующей оплатой труда низших служащих в правительственных учреждениях, причем в дальнейшем плата будет повышаться в соответствии и одновременно с увеличением содержания низших служащих в тех же учреждениях. Устанавливаемая таким образом плата должна приниматься за основание при установлении оплаты труда квалифицированных рабочих. Из свободных от назначения на фронт предметов обмундирования и продовольственных запасов рабочим будут выдаваться в счет заработной платы по интендантской цене, установленной для военнослужащих, предметы обмундирования с рассрочкой платежа на двенадцать месяцев и интендантский паек натурой, первоначально в половинном размере. В городах и пунктах пребывания рабочих было намечено открыть особые казенные потребительские лавки, сосредоточить в них из казенных запасов возможное количество продовольственных продуктов, мануфактуры и других предметов домашнего обихода и снабжать ими рабочих по льготным ценам в размере до десяти процентов месячной заработной платы. В первую голову приказано было открыть две такие лавки в Севастополе. В заключение я, указав рабочим на тяжелое положение государственного казначейства и скудость имеющихся запасов, выразил уверенность, что они оценят то, что делает для них армия, делясь с ними последним, и со своей стороны помогут ей своей работой.

Рабочие ушли, видимо очень удовлетворенные. Забастовка не состоялась и дальнейшие попытки к агитации успеха не имели.

Глава III
Приказ о земле и волостном земстве

Комиссия сенатора Глинки, бывшего товарища министра земледелия и начальника переселенческого управления, которому я поручил сперва образовать в Ялте совещание по земельному вопросу из лиц мною указанных, а затем уже особую комиссию в Симферополе, работала весьма интенсивно. В состав комиссии, заседавшей в Симферополе, вошли в качестве ее членов: представители от ялтинского совещания общественных деятелей, в количестве четырех человек, управляющий отделом земледелия и землеустройства, начальник общей части этого отдела, начальник таврического управления земледелия и государственных имуществ, таврические: губернский землемер, начальник межевого отделения, заведующий государственным земельным фондом; управляющие государственным земельным банком и таврическим его отделением, старший нотариус симферопольского окружного суда, начальник симферопольского уезда, товарищ председателя съезда сельских хозяев, председатель таврической губернской земской управы, явившиеся из числа всех приглашенных земских деятелей, председатели перекопской, евпаторийской и член феодосийской уездных земских управ, три представителя волостей симферопольского и феодосийского уезда и шесть особо приглашенных лиц, общим количеством тридцать членов комиссии.

С первых же дней работы комиссии, вокруг нее поднялась буря страстей. И печать, и представители «демократической общественности» и «консервативные» представители крупной земельной собственности горячо отстаивали свои точки зрения. Одни требовали «признания завоеваний революции и безвозмездного предоставления малоземельному и безземельному

крестьянству всей казенной и частновладельческой земли», другие, не допуская возможности принудительного отчуждения, хотя бы и за плату, утверждали, что «собственность священна», что всякое стеснение крупного хозяйства помешает экономическому возрождению страны. Трудно было вести комиссии эту работу в этой атмосфере, насыщенной борьбой, так как среди членов комиссии не было единодушия. Разрешать земельный вопрос во всем его общем всероссийском масштабе, комиссия не считала себя вправе, учесть же все психологическое значение известных аграрных мероприятий для успеха борьбы с большевиками, в условиях настоящего революционного времени комиссия не могла. Ища средней линии, стремясь найти выход из положения, комиссия ограничила свои работы, наметив некоторые земельные мероприятия и лишь в пределах многоземельного Крыма, применительно к этим особым его местные условиям.

Комиссия составила проект правил, согласно которым передавались земледельческому населению лишь те пахотные и сенокосные земли частновладельческих имений, которые сдавались в аренду или оставлялись владельцем без обработки за последние шесть лет. При этом каждому землевладельцу предоставлялось сохранить за собой до 200 десятин, а в хозяйствах, имеющих государственное или краевое значение – до 400 десятин. Совершенно неприкосновенными сохранялись у их владельцев – все усадебные земли и постройки, площади ценных культур, а у крестьян их надельные участки и земли, купленные при содействии крестьянского банка.

Все обреченные на отчуждение земли должны были немедленно быть приведены в ясность, но при этом допускалась еще в течение года добровольная их продажа владельцами покупщикам. Относительно выбора

последних, как и о размере продаваемых участков, – установлены были особые правила. И только не распроданные к указанному сроку земли должны были поступать в распоряжение правительства для дальнейшего их использования по назначению. Преимущественное право покупки предоставлялось постоянным арендаторам и в особенности тем из них, которые имели на арендуемой земле усадебную оседлость о хозяйственное обзаведение.

Для приведения в исполнение постановлений законопроекта предполагалось учредить особые посреднические комиссии.

Вместе с тем, симферопольская особая комиссия разработала правила о немедленной разбивке на участки и продажи землепашцам всех пригодных для сельскохозяйственного пользования земель казенных и государственного земельного банка и о возвращении немецким колонистам земель, отобранных у них на основании особых узаконений 1915 года, а равно и ряд других практических мероприятий.

Однако, этот проект комиссии не является результатом единогласного решения. Даже некоторые из подписавших его членов комиссии подали затем особые мнения о несогласии своем с наиболее существенными пунктами проекта, а часть членов вообще отрицала необходимость издания какого-либо имеющего законодательный характер акта по земельному вопросу и признавала возможным ограничиться пока отдельными приказами, охватывающими частные случаи, с расширением лишь деятельности государственного земельного банка по добровольной покупке земель у частных владельцев и наилучшим использованием незасеянных и вообще пустующих земель.

Из представителей земств и крестьянского населения, председатель таврической губернской земской

управы подал особое мнение о немедленной передаче земледельческому населению не только обычно сдаваемой в аренду земли частновладельческих имений, но и всей неиспользованной за последние три года площади, с предоставлением владельцам сохранить за собой участки лишь не более 100 десятин.

Таким образом, комиссия в сущности не указала общего решения земельного вопроса, недостаточно широко пошла навстречу сложившимся в крестьянской среде представлениям о действительных потребностях земельного устройства. Она только дала обширный материал, ценный для дальнейших работ.

Между тем как крестьянству, главному оплоту русской государственности, так и армии, для опоры ее на широкие крестьянские массы нужно было ясное и твердое слово о земле и слово отвечающее желаниям крестьянства, его чаяниям, мечтам. Слово закрепляемое и делом.

Газеты с известиями о работах земельной комиссии в это время проникли за фронт красных. В Севастополе пробирались через фронт отдельные крестьяне из южных уездов Северной Таврии, они осведомляли нас о положении и ожиданиях зафронтового крестьянства и сами справлялись о том, как новый Главнокомандующий предполагает разрешить вопрос о земле и местном управлении.

Я вызвал некоторых из них, именовавших себя представителями крестьянских союзов, к себе. Долго и подробно говорил с ними сам, поручив сенатору Глинке записать и формулировать их соображения и желания и поскольку они не противоречат моим взглядам, – принять все это во внимание при последующей работе.

Крестьяне говорили, что население тех местностей, откуда они прибыли, за исключением лишь голытьбы и отбросов, крайне тяготится советской властью и

коммуной. Крестьяне желают водворения в деревне мира, порядка и государственности, они ждут закона о земле и земском управлении, но хотят сами взять в свои руки заведывание земским хозяйством и распоряжение землей; они уверяли, что поведут дело разумно, хозяйственно и справедливо, без всякой обиды и разрушения сохранившихся хозяйств частных владельцев. Только при таких условиях крестьянство, по их заявлению, поймет и признает, что дело Русской армии – их собственное и государственное, народное дело.

Эти беседы окончательно укрепили меня в моем решении идти навстречу настроениям армии и населения. Я тут же поручил сенатору Г. В. Глинке приготовить в самый кратчайший срок земельный законопроект, определенно указав ему те главные основания, на которых этот законопроект должен быть составлен.

Чтобы оценить необходимость и правильность этого решения, надо уяснить себе общую обстановку в областях, занимавшихся около года Добровольческой армией, так как и в тех, которые оставались вне действия законов правительства генерала Деникина. Условия сельского хозяйства, в связи с полной необеспеченностью его и с отсутствием правового порядка в землепользовании, привели к полной хозяйственной разрухе.

Захваченная крестьянами в Северной Таврии помещичья и хуторская земля, равно и часть крестьянской надельной, не признаваемая советским правительством собственностью ее давних хозяев – состоятельных крестьян-земледельцев и в значительной мере предоставленная, так называемой «деревенской бедноте», обрабатывалась далеко не полностью. Так называемые «совхозы», бывшие крупные имения, оставленные советской властью за собой и долженствовавшие служить

для насаждения коммунальных хозяйств, дали столь жалкие результаты, что с начала 1920 года советская власть сама начала издавать спешно законы об уничтожении коммунальных хозяйств и создании, с ведома самих крестьян, из небольших участков этих имений, опытных станций. Впоследствии, по проведении в Крыму земельного приказа, в распоряжение правительства юга России было принято свыше пятнадцати крупных имений, бывших «совхозов». Имения эти были приведены советской властью в полное разорение. Живой и мертвый инвентарь сохранился в очень ограниченном количестве; постройки, частью сожжены, частью растасканы. (Например, в имении Фальц-Фейна «Аскания-Нова», из 400 лошадей осталась 1, из 120 верблюдов – 72, из 1000 волов – 60, из 300 коров – 3, из 200 свиней – 67, из 45 000 овец – 5000. Посевная площадь повсюду сократилась чрезвычайно, так в указанном имении из 4370 десятин экономической сельскохозяйственной земли было засеяно 415 десятин, в имении Кудрявцева из 980 десятин – 40 десятин, в имении Карабона из 2550 десятин – 180 десятин, в имении Желябина из 1945 десятин – 120 и т. д., т. е. в общем засеяно менее 8 процентов.)

В южных уездах Таврической губернии, которые около года полностью находились в пределах управления Вооруженных сил на Юге России, утвержденное генералом Деникиным положение о волостных земских учреждениях все еще введено в действие не было. Старая губернская и уездная земская управы, полномочия которых, за невозможностью созыва земских собраний, потеряли свою силу, не отвечали современным условиям и не пользовались авторитетом среди широких слоев крестьянского населения. Землепользование и землевладение были везде непрочны. При этом повсеместно имелось большое количество совершенно неиспользованных земель.

Таким образом, революционная волна, разрушившая дворянское землевладение, уничтожила прежние основы, составлявшие дореволюционный фундамент земельной России.

Но вместе с помещиками, эта волна смыла с их родной земли и мелких крестьянских собственников, хуторян, расшатала арендаторские хозяйства и вынесла на своем гребне те темные силы, которые, под названием деревенской бедноты, осели в деревнях, терроризируя все хозяйственное трудовое население и служа главным оплотом советской власти.

Восстановить прежние условия жизни, помимо отвлеченных соображений, было конечно нельзя и практически: имения были расстроены, инвентарь уничтожен, условия найма рабочих другие; арендные ставки не могли быть нормированы; наконец, личное пребывание владельцев в пределах своих имений – небезопасно.

Нужно было прежде всего поднять, поставить на ноги трудовое, но крепкое на земле крестьянство, организовать, сплотить и привлечь его к охране порядка и государственности.

А главное, – необходимо было использовать возможность психологического воздействия на крестьянские массы, вырвать из рук наших врагов главное орудие пропаганды против белой армии и белого движения: всякое подозрение в том, будто бы цель нашей борьбы с красными – восстановление помещичьих прав на землю и месть за их нарушение.

И я остановился на мысли издать «приказ о земле» положив в основу земельного порядка прежде всего требования жизни, указанные мною еще 8-го апреля, а именно:

1. Использовать все земли, годные к обработке, в каких бы условиях они не находились, для владения

ими возможно большего количества действительно трудящихся на земле хозяев.

2. Все наделяемые землей землепашцы должны получить ее в собственность, за выкуп и в законном порядке.

3. Создать для осуществления реформы на местах органы земского самоуправления и привлечь к участию в них самих крестьян.

Но чтобы крестьянство знало, что несет ему, освобождающая его от большевистского бесправия, Русская армия, приказ о земле и земских учреждениях должен был быть не только разработан и объявлен немедленно, но и введен в силу на деле. Необходимо было наглядно показать отношение к земельному вопросу белого движения и твердые намерения национальной власти.

Позднее эти основные положения выразились в следующих кратких словах, последующих моих приказов: «Народу земля и воля в устроении государства», (Приказ от 20-го мая № 3226) – и «Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения» (Приказ от 15-го июня № 94).

Имея теперь мои решительные требования и указания, сенатор Глинка исполнил быстро возложенную на него задачу. К середине мая проекты закона о земле и о новом волостном земстве были им изготовлены и мною были одобрены. Они позднее были рассмотрены под личным моим председательством в состоявшем при мне совете, 18-го мая Г. В. Глинка ознакомил участвовавших с обоими проектами, после чего я предложил членам совета высказаться по существу. Мнения и здесь разделились, большинство страшилось огромности поставленной задачи, опасалось того противодействия, которое оно встретит при своем осуществлении.

Лишь военные члены совета, наиболее близко стоявшие к армии, опираясь на мнение командиров частей на фронте, учитывали в полной мере психологическое значение, как для самой армии, так и для населения, немедленного разрешения этого вопроса.

За оба проекта высказались кроме их составителя лишь я, генерал Шатилов и и. д. начальника военного управления генерал Никольский. К постатейному обсуждению, которым я лично внимательно занялся ранее, не переходили и по закрытии заседания совета, я утвердил оба проекта по существу.

Прибывший через два дня А. В. Кривошеий понял все психологическое значение принятого мною решения, проявив свойственную ему, удивительную политическую чуткость и исключительную гибкость ума.

– «Проект этот не совершенен», говорил Александр Васильевич, «но раз он может облегчить армии ее успехи, привлечь к ней доверие крестьянства, раз сама армия ждет слова о земле, то времени терять нельзя, сама жизнь позднее внесет необходимые в дело поправки».

Он настоял только на придаче закону особой формы «Приказа о земле», а посреднические земельные комиссии посоветовал назвать земельными советами.

– «Пусть слово о земле будет сказано в приказе вождя армии. Приказ отданный в суровой обстановке военного лагеря, не может быть столь совершенен по форме, как нормально изданный закон».

25-го мая 1920 г. были объявлены (См. приложение):

1. «Приказ о земле».

2. «Правила о передаче распоряжением правительства казенных государственных, земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и

3. «Временное положение о земельных учреждениях».

Одновременно с изданием приказа о земле и приложенных к нему правил и временного положения было опубликовано «Правительственное сообщение по земельному вопросу», подробно разъясняющее условия и причины издания земельного закона, его содержание и значение.

«Приказ о земле» и приложенные к нему «правила» и «временное положение» были затем обнародованы указом Правительствующего Сената, действовавшего в то время в составе департаментов, восстановленных на Дону, и перенесшего свое местопребывание в Ялту. Сенат счел необходимым высказать в своем указе нижеследующее:

«Приказ Правителя, облеченного всей полнотой власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственную собственность, но не даром, а за выплату Государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель.

Такой путь перехода, распределения и укрепления земельных угодий отвечает правовым понятиям народа и соответствует историческому развитию земельного законодательства Верховной властью.

Отныне в деревне должен установиться твердый земельный порядок и хозяйственная обеспеченность жизни трудящихся на земле, а сам закон будет осуществляться при ближайшем участии сельских хозяев, под высшим контролем Правителя и Главнокомандующего.

Закон земельный направлен к общему благу государства и на нем будет строиться экономическая мощь России.

Споры, неудовольствия, раздоры вокруг земельного вопроса должны смолкнуть. Каждый верный сын нашей многострадальной Родины, не из-за страха, а по

долгу совести, обязан отдать свои силы и знания и поступиться своими личными интересами, всемерно помогая Правителю и Главнокомандующему в скорейшем и наилучшем осуществлении закона о земле».

Следует заметить, что при спешности, с которой издавался земельный закон и желательности изложить его в самой краткой форме, невозможно было ввести в него разрешение некоторых частных вопросов, какие должны были возникнуть при его применении. К числу таких вопросов относятся: о размерах и порядке взимания аренды и скопщины за урожай 1920 года на мелких, подлежащих отчуждению, участках, об усадебной оседлости и постройках, находящихся на подлежащих отчуждению землях и состоящих в пользовании арендаторов или живущих на этой земле хозяев, о применении закона к землям: городским, годным для устройства курортов и т. д. Вопросы эти были разрешены дополнительными приказами.

* * *

Согласно приказу о земле, пахотные, сенокосные и выпасные угодья имений казенных и государственного земельного банка, и все излишки частновладельческих имений, превосходящих установленные размеры неприкосновенно сохраняемого за каждым хозяином владения, передаются трудящимися на земле хозяевам. Размер участков, сохраняемых за собственниками, намечается для каждой волости местными земельными советами, но утверждается высшей правительственной властью (Приказ о земле, ст. 2, п. п. 8 и 3 и ст. 14, п. 1).

Очень существенное исключение делается для имений (совхозы), в которых распоряжались и вели хозяйство поставленные советскими властями управляющие или комиссары, а также для особо культурных или

промышленных хозяйств, имеющих по признанию местного населения государственное или краевое значение. Имениями этими временно распоряжается правительство, и они могут передаваться в заведывание либо казенным управлениям, либо местному волостному земству, с обязательством сохранения в них правильного хозяйства и обзаведения. Однако и в этих имениях подлежат передаче трудящимся на земле хозяевам в первую очередь арендный фонд, а затем и все те угодья, которые будут признаны излишними для сохранения представляемой имением хозяйственной единицы (Приказ о земле, ст. 7).

В имениях, которые советской властью обращены в коммуны, эти достижения революции немедленно уничтожаются, а их земли следуют общей участи частновладельческих имений и за выделом из них участков собственникам, они поступают в распоряжение волостных земельных советов. Последние либо учреждают для них особые управления, либо устраивают в них трудящихся на земле хозяев (Приказ о земле, ст. 6).

За хозяевами и арендаторами, имеющими на обрабатываемых ими участках, подлежащих отчуждению, усадебную оседлость, укрепляется усадебная земля, которая вообще у всех владельцев считается неприкосновенной и не подлежащей отчуждению.

Казенные леса сохраняются в распоряжении казны, а частновладельческие принимаются под наблюдение лесных правительственных управлений. Но местному населению обеспечивается право получать из частновладельческих лесов топливо и строительные материалы в мере действительной потребности в них, принимать участие в разработке леса и увеличивать в необходимых случаях за счет лесных площадей сельскохозяйственное пользование (Приказ о земле, ст. 5).

Целый ряд земельных угодий, таким образом, изъемлется из правил об отчуждении и сохраняется в полной неприкосновенности за их собственниками. Таковы:

1) надельная, 2) купленная с содействием крестьянского банка по установленным для сего нормам, 3) выделенная на хутора и отруба по законам землеустроительным, 4) отведенная в надел церквям и причтам, а также монастырская и вакуфная, 5) принадлежащая сельскохозяйственным опытным, учебным и ученым учреждениям и училищам, 6) входящая в черту городских поселений, а также признаваемая необходимыми для расширения этих поселений, 7) принадлежащая городским поселениям, хотя бы и не входящая в их черту, если они обслуживают нужды городских общественных управлений, для каких бы то ни было надобностей, 8) предназначаемая для культурно-просветительных поселков или для поселения на них воинов армии, 9) усадебная, огородная, равно как занятая искусственными насаждениями, поливными посевами и особо ценными культурами или садами, кому бы и в каком бы размере таковые не принадлежали, за исключением указанных выше усадебных мест, состоящих в пользовании хозяев и арендаторов и подлежащих укреплению за ними вместе с полевой землей, 10) под мельницами, фабриками, заводами и другими постройками промышленного характера в размере, необходимом для правильной их работы, а также занятыми подсобными к ним сооружениями и устройствами и 11) не входящая в состав волостей, кому бы они не принадлежали, если эти земли относятся к неподлежащим отчуждению угодьям, указанным выше, а в части угодий сельскохозяйственного пользования не превышают размера участка, оставляемого всякому собственнику при отчуждении от него таких угодий

(Приказ о земле, ст. 2, п. 2, п. 8 и ст. 14, п. 1) либо местной нормы приобретения земли при содействии крестьянского банка (Приказ от 2-го и приказ от 3-го октября, № 162, отд. II).

Вся земельная реформа имеет таким образом в основе одну идею – укрепление права бессословной частно-земельной собственности. Правда, допускаются перемены в личностях собственников. Разделяется по-новому земельная собственность. И, наконец, право частной собственности уступает всегда интересам общегосударственным. Но все же преобразуемый земельный строй зиждется всецело на крепкой связи землевладельца-хозяина с его землей, на полном праве его не только владеть и пользоваться, но и распоряжаться своим участком, а впредь до выдела его в натуре – иметь право на выдел такого участка.

Все земли, подлежащие передаче трудящимся на земле хозяевам, укрепляются за ними в полную собственность, но не безвозмездно, а при условии выплаты за них государству их стоимости по оценке достаточно льготной и способами, облегчающими эту выплату. Право собственности на недра земли впредь до разрешения этого вопроса общероссийской государственной властью сохраняется однако за прежними владельцами (Приказ о земле, ст. 3 и примечание к ст. 13).

Выбор хозяев, за коими укрепляется земля, а также определение высшего размера укрепляемых участков, предоставлено всецело местным представителям «Земли» – уездным земельным советам. Состав последних таков, что голосу местных крестьян – хозяев, но именно этому хозяйственному элементу крестьянства дается широкое участие в решении местного земельного вопроса сообразно местным же потребностям хозяйственной жизни.

Приказ о земле дает им лишь руководящие общие указания, подлежащие обязательному исполнению, а именно: 1) при определении условий, которым должны удовлетворять хозяева при укреплении за ними обрабатываемых ими земель, местные учреждения, решающие окончательно этот вопрос, могут брать в основание целый ряд условий: подданство, несудимость, личный труд на земле, технические познания в земледелии, арендование земли, проживание в имении и т. п.; 2) запрещается безусловно (дополнительным приказом) укреплять землю за дезертирами и уклоняющимися от воинской повинности; 3) во всяком случае преимущественное право на укрепление обрабатываемых участков предоставляется хозяевам, имеющим уже на них свою усадебную оседлость и хозяйство и обычно снимавшим эти земли в аренду или испольную обработку; 4) земли каждой волости должны служить в первую очередь обеспечением устройства на них постоянных жителей волости (по признаку постоянного проживания и ведения на этих землях хозяйства, а не приписки к волости) из числа фактических хозяев-землевладельцев. Лишь за удовлетворением этой категории землепашцев, свободные остатки могут быть обращаемы на устройство пришлого земледельческого населения; 5) волостные земельные советы обязаны с особым вниманием выяснить права на землю воинов, борющихся за восстановление государственности, всячески охранять их интересы и предоставлять им и их семьям преимущественное перед прочими, в равных с ними условиях находящимися хозяевами, право на укрепление земли. По весьма понятным причинам этому правилу придавалось особое значение, оно не только неоднократно было повторено, но включено и в приказ о земле, как имеющее декларативный характер; 6) установление предельного размера до которого фактическое землевладение может быть закрепляемо за

отдельными обрабатывающими землю хозяевами, также предоставлено на волю местных земельных учреждений. Они обязываются не только исходить из соображений о возможности вести на земле прочное хозяйство. Другое весьма важное ограничение беспредельности усмотрения местных органов заключается в том, что, во всяком случае действительное владение хозяев, превышающее в общей сложности размер установленных для данной местности норм для покупки земли с содействием бывшего крестьянского банка, не может быть уменьшено (Приказ о земле, ст. 14, п. п. 2 и 3, ст. 15, ст. 16, п. п. 1 и 2, приказ о земле, отдел III и приказ от 21-го августа № 123).

Таким образом, приказ о земле отказывается прежде всего от идеи общего наделения. Нет и мысли о даровой раздаче земли. И нет обещаний обеспечить землей всех желающих и сделать земельными собственниками и сельскими хозяевами весь пролетариат, хотя бы деревенский, не говоря уже о давно отслоившемся от него городском пролетариате, совершенно чуждом земле и хозяйству. Далее устраняется мысль всероссийского земельного передела для уравнения землепользования распоряжением закона и власти всех губерний и уездов по каким-либо общим нормам земельного устройства. Все приурочивается к упорядочению землепользования каждой волостью в пределах своей волости. И этот местный характер всего землеустройства резкой чертой проводится в приказ, со всеми выгодами его практического осуществления и со всеми его недостатками по сравнению с широкими планами не осуществимого общего передела земель всего государства между всеми, для чего потребовалось бы принудительное расселение и переселение широких масс земледельческого населения с севера на юг и с запада на восток на пространстве «шестой части вселенной».

Наконец, отказ от «норм» хозяйства, открывает полную возможность сохранения на месте всяких размеров хозяйств, если по местным условиям и по убеждению местных людей такое распределение земель отвечает интересам земского мира и жизненности земельного хозяйственного строя.

Вовсе не требуется при этом, чтобы каждому хозяину, за которым укрепляется земля, был отграничиваем тотчас отдельный отрубной участок, так как это потребовало бы очень большого количества землемеров и слишком замедлило бы проведение реформы в жизнь. Поэтому имеется в виду, как общее правило, отвод земли группам хозяев, откладывая окончательное землеустройство на последующее время. Однако, по точному смыслу и духу закона и в таких случаях земля должна отводиться непременно в личную, а не общую или общинную собственность, то есть хотя и в одном общем куске для целой группы хозяев, но с указанием, сколько земли принадлежит в нем каждому хозяину (доля) и с правом производить выдел и общее развертывание не по общему согласию всех соучастников владения, а по приговорам сходов совладельцев, постановляемых большинством голосов. Отграничение отдельным хозяевам отрубных участков должно иметь место в тех случаях, когда это возможно по техническим условиям, а по каким-либо причинам особенно необходимо. Во всяком случае участки должны быть отводимы с соблюдением основных общих правил землеустройства: владельцу – к его усадьбе, а отдельным группам хозяев так, чтобы их участки не были чрезполосны с другими уже отведенными участками и не препятствовали бы правильному землеустройству на остальных землях имения, подлежащих отчуждению, но еще не распределенных между хозяевами (Приказ о земле ст. ст. 3, 10 и 12, ст. 14, п. 1 и 4 и Правительственное сообщение по земельному вопросу).

Нелишне еще раз отметить существенное отличие проектируемого отчуждения земель от всяких программ советского землеустройства: новые собственники обязаны вносить в казну выкуп на установленных в земельном приказе основаниях: 1) полной оплатой государству стоимости каждой десятины удобной земли, без различия – пахотной, сенокосной или выпасной – признается сдача в государственный запас хлеба в зерне преобладающего в местности посева (ржи или пшеницы), в количестве пятикратного среднего за последние десять лет урожая этого хлеба с казенной десятины; 2) размеры среднего за последние 10 лет урожая с десятины для каждого уезда, части уезда или волости, без различия размеров владений посевщиков, выясняются уездными земельными советами и представляются на утверждение совета при Главнокомандующем; 3) причитающееся в оплату отчуждаемых участков количества хлеба вносится новыми собственниками в течение 25 лет ежегодно равными частями, составляющими на каждую десятину одну пятую часть среднего урожая; 4) плательщику предоставляется во всякое время досрочно произвести полную оплату стоимости всего или части укрепленного за ним участка земли взносом хлеба или его денежной стоимости по рыночным местным ценам времени уплаты, и 5) правительству в случае государственной надобности, а также плательщикам по их о том ходатайствам, предоставляется заменять годовые хлебные платежи деньгами по рыночной стоимости хлеба к сроку платежа (Приказ о земле, ст. 9, п. п. 1–3, 5 и 6).

Хозяева, в пользовании которых находится земля, подлежащая отчуждению, облагаются выкупными за нее сборами хлебом или деньгами в казну еще до ее укрепления, а именно со времени распространения на данную местность приказа о земле и затем продолжают

вносить эти сборы в установленном при укреплении размере впредь до уплаты государству полной стоимости укрепленных участков. В случае не внесения сборов в срок, состоящие в пользовании неисправных плательщиков участки, как не укрепленные в собственность, так и укрепленные, передаются распоряжением волостных земельных советов другим лицам, с правом укрепления за ними этих участков (Приказ о земле, ст. ст. 8 и 10).

Порядок сбора хлеба, места и сроки ссыпки, определение количества ссыпанного зерна и разрешение вопросов об условиях замены зерна денежными сборами предполагалось установить особой инструкцией (Приказ о земле, ст. 9 п. 7) и последующими приказами установлены были значительно более льготные условия платежа за землю: приказом от 26 июля 1920 года за № 3367, разъяснено о взносе денежных и хлебных платежей за землю на 1920 г.: 1) взносы должны производиться лишь с посевной десятины (предполагалось ранее– с круговой), в размере не свыше одной пятой действительного в текущем году урожая (по тексту приказа, вместо среднего за последние десять лет) и при том зерном того хлеба, который был засеян и собран (Приказ требовал – ржи или пшеницы); 2) взносы эти поступают: по письменным и словесным договорам – владельцам имений, если они или их доверенные имеются налицо, а во всех остальных случаях – непосредственно в казну, и 3) все взносы скопщины и денежные платежи, поступающие от поставщиков как собственникам, так и в казну тотчас зачитываются плательщикам в качестве первого платежа государству в счет выкупной стоимости отчуждаемой земли, окончательный расчет за которую с бывшими собственниками принимает на себя государство.

Сбор, устройство помещения для ссыпки хлеба и хранения пятой части урожая, вносимой в казну натурой, возложены были, до открытия земельных советов и волостных земских управ, на волостные сельские правления под наблюдение начальников уездов и уездных по земельным делам посредников (Приказ 26 июня 1920 г. № 3367; распоряжение управл. землед. и землеустр. 10 июля).

* * *

Отделом IV приказа о земле на начальника управления финансов возложено было в срочном порядке разработать и представить на утверждение Главнокомандующего «предположения об основаниях о порядке и сроках окончательного расчета государства с собственниками отчуждаемых земель и о возмещении государственному казначейству расходов по этим расчетам». Предположения эти были составлены и назначены к рассмотрению в особой комиссии с участием представителей от заинтересованных ведомств, но рассмотрение не состоялось ввиду эвакуации из Крыма. Предположения же управления финансов внесенные на обсуждение особой комиссии, сводились к выдаче собственникам отчуждаемых земель свидетельств на право получения через 25 лет стоимости трех урожаев, с уплатой в виде процентов ежегодно 1/25 от трех урожаев или 4% годовых. Остальные два урожая, взимаемые с новых владельцев земли, предполагалось считать процентом роста за рассроченные на 25 лет взносы зерна. При этом три урожая предположено было уже исчислять не со всей площади удобной земли, как это установлено «приказом» для новых владельцев отчуждаемых земель, а лишь с пахотной земли с соответствующим понижением платы за сенокосы и запасы.

Вопрос о выкупе был, как кажется, единственным вопросом, возбудившим некоторые сомнения на местах. Крестьяне впрочем, не возражали против мысли о выкупе; но не учитывая выгод для плательщиков и убыточности для казны платежа за землю хлебом – они указывали, что выкупные платежи исчислены слишком высоко и что их нужно уменьшить.

Вопрос этот, несомненно, пришлось бы вновь пересмотреть при разработке правил об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета государства с собственниками отчуждаемых земель и о возмещении государственному казначейству расходов по этим расчетам (Приказ о земле, отдел 1).

По мысли приказа право собственности новых владельцев создается в два момента, как это было с положением 19 февраля 1861 года. Сначала и немедленно: хозяевам, за коими укрепляются земли на указанных выше основаниях, выдаются выписки из постановлений уездных земельных советов об утверждении представленных волостными земельными советами проектов укрепления. Документы эти подобно уставным грамотам 1861 года служат бесспорными актами «владения» землей для новых собственников впредь до уплаты государству полной стоимости отчуждаемых земель. Когда же выплата состоялась, наступает второй момент создания собственности и выданные ранее выписки (Приказ о земле, ст. 12 и 13) заменяются основанными на этих актах крепостными данными.

Последние и должны были быть тою крепкою «бумагою», которую жаждет крестьянство на имеющиеся у него земли.

Самый порядок проведения в жизнь приказа о земле установлен с таким расчетом, чтобы с одной стороны прежде всего немедленно прекратить всякую самовольную расправу с захватчиками и вместе предотвратить

всякие новые земельные захваты, без постановлений проходящих в законном порядке, и осуществить реформу с наименьшим разрушением уцелевшего еще местами сельскохозяйственного строя, без разорения существующих хозяйств и уменьшения их сельскохозяйственной производительности. В соответствии с этим первой статьей приказа о земле установлено правило, в силу коего в каждой местности, немедленно по занятии ее русской армией «всякое владение землею сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной властью от всякого захвата и насилия. Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев». Таким образом в каждой вновь занимаемой Русской армией местности земельный закон вводится в действие автоматически, без особого о том постановления, со времени подчинения ее власти Главнокомандующего. Создавшееся к тому времени фактическое владение землею признается ненарушимым. Оно является исходным пунктом для дальнейшего применения приказа и, как сказано в той же ст. 1, с этого времени может быть изменяемо единственно и только в том порядке, какой установлен этим приказом. Изменения эти приказ предусматривает в следующих случаях: 1) возвращение законным собственникам захваченных у них земель из состава не подлежащих отчуждению и передач земледельцам; 2) удаление с участков лиц, признанных не имеющими прав на укрепление за ними этих участков, и 3) другие изменения владения отдельных хозяев, какие признают необходимыми земельные советы, в связи с предельными размерами укрепляемых участков, землеустроительными соображениями и т. п. Словом во всех случаях какое-либо изменение владения допускается

только по постановлениям земельных учреждений и по их распоряжениям. Но в дальнейшем после укрепления, в собственность участков из состава земель, подлежащих отчуждению для передачи земледельцам или для восстановления прав законных собственников, все полномочия земельных учреждений по отчуждениям оканчиваются и все последующие споры о праве собственности на эти земли и о нарушении владения ими подлежат уже на общем основании ведению только судебных установлении (Приказ о земле, ст. ст. 1, 2, 6, 7, 10, 12, 13 и 17).

Меры к возможному сохранению при проведении в жизнь закона существующих хозяйств и их нормальной производительности выражаются в том: 1) что при укреплении в отдельных имениях земли, подлежащей отчуждению, в первую очередь передаются трудящимся на земле хозяевам пахотные, сенокосные и выпасные угодья, «не обрабатываемая самими собственниками или оставленная ими без надлежащего использования, либо сдаваемая обычно в аренду за деньги или из части урожая», а затем уже земли, на которых ведет хозяйство сам собственник (Приказ о земле, ст. 3 и 2) что волостные земельные советы обязаны «принимать меры к тому, чтобы каждому хозяину, засеявшему или обработавшему под посев землю, при всех перемещениях или изменениях землепользования было бы обеспечено получение урожая его посева и вознаграждение за вложенный в землю труд по ее обработке (Приказ о земле, ст. 16, п. 3).

Наряду с этим, на волостные земельные советы возлагается вообще забота и ответственное попечение о производстве на землях волости своевременной и надлежащей обработки, засева и сбора урожая, для чего советы могут принимать все соответствующие меры и в необходимых случаях брать в свое распоряжение и

заведывание необрабатываемые участки и сдавать их в аренду, привлекая к содействию по делам этого рода должностных лиц сельского управления (Приказ о земле, ст. 18).

Устанавливая порядок отчуждения и передачи трудящимся на земле хозяйствам угодий сельскохозяйственного пользования, земельный приказ допускает также возможность перехода таких угодий к мелким земледельцам путем покупки их от прежних собственников по добровольным сделкам (Приказ о земле, ст. ст. 4, 8, и 11, п. 4). Стеснительное условие, которое при этом ставится, – это одобрение таких сделок волостными земельными советами (Приказ о земле, ст. 14, п. 6), что необходимо для устранения обхода правил закона путем подобных сделок. Земли, перешедшие земледельцам по подобным сделкам о купле-продаже, не облагаются выкупными платежами (Приказ о земле, ст. 8).

С той же целью предупреждения обхода закона и все вообще добровольные сделки о купле-продаже земель сельскохозяйственного пользования в пределах волости могут быть совершаемы не иначе как по одобрении их волостным земельным советом (Приказ о земле ст. 14, п. 6). Правило это, однако, как пришлось разъяснить позднее, не распространяется, конечно, на земли, не подлежащие отчуждению, продажа и купля которых может совершаться свободно на общих основаниях (Приказ 3 октября 1920 г. № 163, ст. 4).

Проведение в жизнь земельного закона, согласно одобренному мною первоначальному проекту, предполагалось возложить на волостные земства, проект введения которого сенатором Глинкой мне был представлен одновременно с правилами земельного приказа. Но, решив приурочить к началу наступления войск издание последнего, я признал желательным по приезде Кривошеина земский проект обсудить еще раз

поэтому, чтобы не задерживать проведение в жизнь осуществление земельных мероприятий, временно, впредь до выведения волостного земства и прочного установления и упорядочения земской жизни на местах и решил возложить на волостные и уездные земельные советы учрежденные временно на один год, для этого было издано приложенное к приказу о земле «Временное положение о земельных учреждениях».

Это нисколько не нарушало моего решения – передать земельное дело самому земледельческому населению, так как по положению о земельных учреждениях члены волостных земельных советов должны были избираться особыми волостными земельными сходами, составляемыми из того же круга лиц и избирающими членов из той же среды, как и в волостных земствах, а именно из мелких земельных собственников крестьянского типа, с участием старших представителей от владеющих землею в пределах волости церковных причтов и училищ и всех прочих землевладельцев. Равным образом и в уездных земельных советах преобладают члены, избираемые теми же волостными земельными сходами.

С утверждением же и изданием 15 июля 1920 года «Положения о волостном земстве» окончательно установлен намеченный ранее порядок и право избрания земельных советов перешло к волостным земским собраниям.

Согласно Временному положению о земельных учреждениях каждый «волостной земельный совет» должен был состоять не менее чем из 5-ти и не более чем из 10-ти избираемых волостными земельными сходами членов, которые избирают из своей среды председателя. Правительственные служащие, главным образом, землемеры и землеустроители, командируются лишь в помощь волостным земельным советам, по их о том

ходатайствам, и решающего голоса на советах даже не имеют (Временное положение, ст. ст. 2, 5, б и 8).

«Уездные земельные советы» состоят под председательством уездного посредника по земельным делам, из председателя уездной земской управы, мирового судьи, представителя от ведомства финансов и избираемых волостными земельными сходами представителей от волостей в числе не менее четырех (Временное положение, ст. 10).

Этим-то двум учреждениям, из коих первое состоит исключительно из выборных от местного населения лиц, а второе из них не более чем на половину, я и решил предоставить самые широкие полномочия.

Все земельные дела, как-то – производство обследований, установление норм, определение прав земледельцев на укрепление за ними земли, распределение земли, отвод участков, возвращение неправильно захваченных земель законным их собственникам и другие – разрешаются этими учреждениями окончательно и только в двух случаях требуется утверждение высшей правительственной власти, а именно – при установлении предельного размера владения сельскохозяйственными угодьями, менее которого не может быть оставлено у всякого земельного собственника при отчуждении его земли, и всех оснований оценки отчуждаемой земли (Приказ о земле, ст. ст. 2, 4,6,10,14, и 18 и Временное положение о земельных учреждениях ст. ст. 9 и 12).

В целях сохранения должного влияния правительственной власти на ход дела, постановления уездных земельных советов могли быть отменяемы высшею губернскою властью, но лишь в случае нарушения общих узаконении и постановлений правительственной власти, либо законных прав частных лиц и интересов общественных и государственных (Временное положение о земельных учреждениях, ст. 14).

Таким образом, приказ о земле 25 мая 1920 года действительно передавал все земельное дело в руки самого земледельческого населения. Что касается правительственных должностей по земельным делам, каковыми являлись губернский и уездные посредники, то их обязанности сводились лишь к объединению деятельности уездных и волостных земельных учреждений и оказанию всяческого содействия к успешному выполнению ими лежащих на них обязанностей в полном соответствии с требованиями закона.

* * *

15-го июля появился приказ мой о волостном земстве.

ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России.

№ 94.

Севастополь. 15(28) июля 1920 года. (По гражданскому управлению).

Переход земли в собственность обрабатывающих ее хозяев и раздробление крупных имений на мелкие участки предрешают изменение прежнего строя земского самоуправления.

К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной земской жизни необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников из числа трудящегося на земле населения.

Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения.

Только на этом начале построенное земское самоуправление я считаю в настоящее время прочной опорой дальнейшего государственного строительства.

В уверенности, что широкие круги хозяйственного крестьянства самой жизнью призываемые ныне к преобладающему участию в устройстве земского дела на местах, дружно откликнутся на этот призыв, выдвинут из своей среды наиболее способных работников и тем посильно послужат общей нашей задаче спасения Родины, приказываю: впредь до установления общегосударственной властью окончательного порядка земского самоуправления, вводить в действие в местностях занимаемых войсками Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, утвержденное мною 15-го сего июля временное положение о волостных земствах.

Генерал Врангель».

Разработка правил о восстановлении земского самоуправления производилась при участии представителей от земских учреждений и ряда приглашенных сведущих лип. Первоначальный проект волостных земств, представленный сенатором Глинкой, потребовал дальнейшего развития правил об уездном земстве. И обнародование временного положения о земском самоуправлении сильно отстало от земельного приказа, что несколько затруднило даже и проведение его в жизнь. Мысли мои, легшие в основание предположенного порядка земской жизни – «по-новому», весьма ярко изложены были моим сотрудником в этом деле, бывшим министром земледелия А. В. Кривошеиным, в данном им интервью газете «Великая Россия». Интервью это появилось в виде передовицы, под названием «Ставка на деревню».

– «К интенсивному и свободному строительству призваны Главнокомандующим», говорит Кривошеий, «новые силы, широко поставлен вопрос о децентрализации земского управления в связи с созданием и укреплением целого класса мелких собственников, – по земельному приказу 25 мая 1920 года.

Я имею сведения, что наряду с другими обстоятельствами, принятые меры имели влияние на постановку правительством Франции вопроса о нашем признании, чего не удавалось добиться ни генералу Деникину, войска которого доходили до Орла, ни владевшему всей Сибирью адмиралу Колчаку.

Земельный приказ обязывал сделать и второй шаг.

На очереди встал вопрос об организации управления и самоуправления на местах.

Главнокомандующий решает его также смело в направлении привлечения мелкого земельного собственника к участию в местном самоуправлении.

Под скромным названием нашего закона ускользает все значение этого шага на пути намеченного нами общего плана преобразования земской жизни.

Революция передвинула все устои, изменила все условия жизни.

Нам ясно, что должны быть изменены и формы управления на местах.

По нашему закону вся деятельность уездного земства перенесена на волость.

При пространствах русской жизни это одно уже само по себе колоссальное благо. Мы отдали мелким крестьянским собственникам не только власть земскую, но и власть административную.

В этом отношении наш закон идет дальше любого из западных.

Будущее же уездное земство получает права губернского.

Мы готовы идти и дальше.

Но будущее зависит от того, как покажет себя, с точки зрения государственности и национальной культуры, класс мелких собственников и привлекаемое к деятельному участию в земстве крестьянство.

Справятся ли эти элементы с тяжелой задачей.

Как обеспечена будет церковь, какова будет новая школа, больница, суд. От этого будет зависеть весь дальнейший ход намеченных реформ…

Вместе с покойным П. А. Столыпиным, добавляет А. В. Кривошеин, я работал над поднятием экономического благополучия русской деревни.

Я глубоко верил в ее здравый государственный смысл.

Верю и теперь.

Сейчас мы делаем необходимую смелую попытку устроения будущего земского и государственного порядка.

Верим, что она приведет к оживлению национального культурного строительства».

Главные основания временного положения о волостном земстве, развитого впоследствии положением и об уездном земстве (Приказ от 12 октября 1920 года), состояли в следующем:

Гласные «волостных» земских собраний избираются из своей среды сельскими избирательными сходами, составляемыми из следующих, достигших 25-летнего возраста, лиц:

во-первых: на сходе этом участвуют все домохозяева-крестьяне, имеющие собственную надельную или иную землю и ведущие самостоятельное полевое или хоть приусадебное хозяйство, и

во-вторых: все приписавшиеся по собственному выбору к ближайшему сельскому сходу: а) землевладельцы всякого звания, по одному на каждое владение, независимо от его размера; б) настоятели православных церквей, представители религиозных обществ всех исповеданий, если только церкви и общества владеют землей в пределах волости; в) арендаторы имений, имеющие в пределах волости оседлость не менее трех лет, если ведут самостоятельно сельское хозяйство или

имеют торгово-промышленное, либо фабрично-заводское предприятие и г) представители казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ по одному от каждого, если эти учреждения, общества и товарищества владеют в пределах волости недвижимою собственностью (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 10).

Число гласных на каждую волость определяется особым расписанием: оно составляется начальником уезда и утверждается губернатором с тем, чтобы на каждый избирательный сельский сход, имеющий не менее 200 избирателей, по возможности, приходился хотя бы один гласный, но чтобы общее число гласных в волости составляло не менее 20 и не более 40 человек. Избирательные сходы, содержащие менее 200 избирателей, самостоятельных выборов не производят, а присоединяются к соседнему избирательному сходу (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 9).

Таким образом, к участию в сельских избирательных сходах допускаются только лица, имеющие прямое отношение к земле, работающие на ней. Состав этих сходов, по сравнению с составом волостных земельных сходов, созывающихся для избрания волостных земельных советов гораздо шире, так как в эти избирательные собрания входят все крестьяне – домохозяева поголовно, с правом самостоятельного голоса, а не в качестве десятидворных выборных.

Избранные волостные гласные на первом же своей собрании избирают из своей среды председателя, а затем волостную земскую управу в составе председателя и не менее трех членов. По желанию собрания, должности председателя волостного земского собрания и волостной земской управы могут быть совмещаемы

(Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 21 и 22).

Уездные земские собрания составляются из гласных, избираемых волостными земскими собраниями «по два от каждого собрания – в уездах с числом волостей не выше 15, и по одному – в прочих уездах» и несколько гласных от входящих в состав уезда городов, по выбору городских дум, в количестве по особому расписанию. Кроме того, в состав уездного земского собрания на правах его членов входят:

весь состав уездной земской управы и по одному представителю от каждой волостной земской управы уезда, городские головы городов не выделенных в особые земские единицы и по одному представителю от православной церкви, от одного из неправославных исповеданий, преобладающего в уезде, и от управления земледелия и землеустройства, в случаях когда у означенных учреждений имеется в пределах уезда недвижимость (Временное положение о волостных земских учреждениях, ст. 9).

Уездные земские собрания избирают из своей среды председателя и из лиц имеющих право быть избираемыми уездными земскими гласными – председателя и членов уездной земской управы, в количестве по определению самого земского собрания.

Волостные земские собрания, кроме управы, избирают еще из числа лиц, пользующихся правом участия на сельских избирательных сходах и волостные земельные советы, состав и порядок действия коих определяется врем. полож. о земельных учреждениях 25 мая 1920 года, а также по одному от волости представителю в уездный земельный совет. Таким образом дело землеустройства в волости всецело переходит в ведение местного земства, причем и уездное земство принимает участие в земельных делах, но только через председа-

теля уездной земской управы; последний включается в состав уездного земельного совета (Временное положение о волостных земских учреждениях, прил. ст. 25).

Так все земское дело ведаться должно волостными и уездными земскими собраниями, которым принадлежит общая распорядительная власть и надзор за исполнительными органами. Волостные же и уездные земские управы являются исполнительными земскими органами, на обязанности которых лежит подготовка к слушанию земскими собраниями, подлежащих их рассмотрению дел и финансовых смет, непосредственное заведывание всем земским хозяйством и ответственное исполнение всех распоряжений и постановлений земских собраний.

С введением волостных земских управ, к ним переходят все обязанности прежнего волостного правления; председатели волостных земских управ пользуются правами волостных старшин. Поэтому сословные волостные правления действительно по общ. пол. о крестьянах 1861 года упраздняются по мере образования новых учреждений по закону 15-го июля 1920 года (Врем. пол. вол. земск. учр. ст. 4 и врем. пол. уездн. земск. учр., ст. 1, 14 и 20).

Все дела, отнесенные в ведение уездного земства, по земскому положению 1892 года, распределены так, что волостные земства ведают только делами волостного масштаба, дела же и вопросы, затрагивающие интересы нее одной, а двух и более волостей или целого уезда по-прежнему сохраняются в компетенции уездных земств (Врем. пол. вол. земск. учр., ст. 3 и врем. пол. уездн. земск. учр., ст. 1).

Затем между волостным и уездным земством главнейшие дела распределяются так:

1. Волостному земству принадлежит: заведывание всеми земскими сборами и повинностями денежными и

натуральными, следовательно раскладка и надзор за выполнением повинностей: а) по снабжению войск и населения продовольствием и фуражом, по требованию военных и гражданских властей; б) всякого рода натуральных повинностей хлебных и денежных и сборов за землю, по приказу 25 мая 1920 года. На том же земстве лежит разрешение через волостные земельные советы вопросов землепользования и организация содержания государственной стражи (Врем. пол. вол. земск. учр., ст. 3, п. п. 2, 5 и 12).

2. Уездному земству принадлежит: а) наблюдение за выполнением земских повинностей волостными земствами; б) распределение по уездам и волостям пользования и содержания земских зданий и сооружений; в) определение обязанностей доли участия отдельных волостей в содержании уездных земских установлении и предприятий, а также в образовании и использовании капиталов, имеющих общественное значение; г) раскладка между волостями тех общегосударственных сборов, разверстка коих возлагается на земские учреждения; д) распределение между волостями всех вообще поступающих, через уездные земства на волостные земские потребности ассигнований, сборов и сумм; е) преподание указаний и инструкций волостным земствам по тем делам, кои имея общеуездное значение, требуют по свойству своему единообразного или согласованного применения; ж) рассмотрение и утверждение волостных земских оценок и з) переложение натуральных повинностей в денежные (Врем. пол. уезд. земск. учр., ст. 1, п. 1 и ст. 15, п. п. 1, 3 и 16).

Все земства ведут свое дело самостоятельно, но постановления волостных и уездных собраний требуют утверждения их высшей правительственной властью (губернской), лишь в трех случаях, точно определенных в законе; а) об отчуждении и залоге недвижимых

имуществ, б) о займах, поручительствах и гарантиях со стороны земства и в) о заключении договоров с частными лицами – предпринимателями относительно устройства и эксплуатации ими земских сооружений или предприятий общего пользования.

Все прочие постановления земских собраний могут быть только приостановлены; по волости – начальником уезда, а по уезду – губернатором, но лишь в том случае, когда ими будет усмотрено: что данное постановление 1) не согласно с законом или постановлено с нарушением круга ведомства пределов власти, либо порядка действий земских учреждений или 2) не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности. В зависимости от причины приостановления постановления, вопрос окончательно разрешается: в первом случае – председателем съезда мировых судей (по волостным земствам) или окружным судом по административному его отделению (по уездным земствам) и во втором случае – общим присутствием уездного управления (по волостным земствам), в случае же несогласия губернатора с постановлением совета – высшей центральной правительственной властью (Врем. пол. вол. земск. учр., ст. 31 и 34–36 и вр. пол. уездн. земск. учр. ст. 33 и 35–39).

Вопрос о губернском земстве, его роли и деятельности в будущем строе земельных учреждений, в виду коренных изменений всего строя земской жизни, я решил оставить открытым, считая его разрешение делом будущего.

* * *

Как приказ о земле, так и временные положения о земстве, армией и крестьянством встречены были, по всем собранным сведениям, благожелательно. До самых

последних дней пребывания нашего на родине, наши войска пользовались со стороны крестьян всегда благоприятным отношением. Население должно было убедиться, что власть искренно желает идти навстречу чаяниям народа и прилагает все усилия к проведению в жизнь намеченных мер. Ко времени оставления Крыма новый порядок землеустройства и земской жизни, задуманный, разработанный, объявленный и проводимый в жизнь с исключительной быстротой в течение полугода, начал понемногу осуществляться и применяться на практике уже в девяноста волостях из ста семи, входивших в занятую нами территорию.

Надо думать, будь эти условия сближения дела армии с желаниями крестьянства налицо в те дни, когда Русская армия победоносно шла к Москве и освобождена была уже от красного ига половина русской земли, общий ход белого движения был бы иной… И, как знать, может быть дни советской власти были бы сочтены!

* * *

Необходимая подготовительная работа по проведению в жизнь земельного приказа 25 мая 1920 года была закончена к половине июня.

В занятых армией прифронтовых уездах: мелитопольском, днепровском и части перекопского – имелся значительный земельный фонд, подлежавший отчуждению и так как проведение в жизнь приказа о земле именно здесь в ближайшем противнику районе имело особо показательное значение, то решено было в первую очередь открыть действия уездных по земельным делам советов и посредников в этих уездах, а затем постепенно вводить эти должности в южных уездах. В Ялтинском вовсе не предполагалось открывать земель-

ных учреждений, в виду отсутствия крупных казенных и частных сельскохозяйственного характера владений и курортного значения всей приморской полосы. И здесь волостной земельный совет был учрежден впоследствии лишь для одной байдарской волости, присоединенной к симферопольскому уездному земельному совету. По занятии части бердянского уезда должность уездного посредника была учреждена и в этом уезде.

В начале июня уездные посредники с необходимым для них штатом помощников, землеустроителей и землемеров уже были на местах и приступили к работе. И к концу июля в целом ряде волостей не без больших затруднений, вызываемых военной обстановкой, закончены были выборы в волостные земельные советы. Несмотря на страдное рабочее время, крестьяне все же довольно охотно принимали участие в выборах. В советы прошли в большинстве, казалось бы лучшие, вполне отвечающие своему назначению, представители. В числе их оказалось немало и местной интеллигенции (учителей, мировых судей, агрономов), а иногда и местных землевладельцев, не исключая даже и крупных.

Немедленно по избрании земельные советы приступили к дальнейшей работе: обследованию земельного фонда волости, подлежащего передаче земледельцам; установлению предельного размера участков укрепляемых за хозяевами и составлению предположений о размерах участков сельскохозяйственных угодий, сохраняемых за прежними владельцами; сбору сведений о средней за последние десять лет урожайности и т. п.

Высшие размеры для земледельческих участков, при раздроблении крупных единиц, хотя и оказались впоследствии крайне разнообразными по отдельным волостям, в зависимости от местных хозяйственных

условий и размера волостного земельного фонда, но их нельзя было не признать достаточно жизненными. Они колебались от тридцати до семидесяти и ста, а кое-где и даже ста пятидесяти десятин на хозяйство; только в некоторых волостях бердянского уезда были понижены до двадцати десятин, а в местностях с преобладающей садовой культурой симферопольского уезда – до десяти.

При составлении предположений о размере участков, неприкосновенно оставляемых их владельцам, волостные земельные советы в большинстве случаев также остановились на цифре сто – сто пятьдесят десятин; но при этом некоторые признавали необходимым учитывать многосемейность владельцев, участие их и членов их семейств в гражданской войне, а в особенности личное ведение хозяйств на месте хозяйства и его культурное значение и т. п. В соответствии с этим доходило до четырехсот, пяти сот и даже шестисот (по симферопольскому уезду) десятин. Были, впрочем, отдельные случаи, когда владельцам предполагалось оставить крестьянскую норму. Все это доказывает с достаточной убедительностью, какою полнейшей свободой в ведении дела пользовались новые земельные учреждения для проведения в жизнь своих представлений о местных пользах и нуждах землеустроительного дела, и как далеки были от всякого давления на ход этого дела командированные на места, в помощь населению, представители землеустроительного ведомства.

Передавая земельное дело местным учреждениям, разъясняя населению все значение моего начинания и призыва к работе с армией, я высказывал уверенность, что учреждение эти отнесутся, при выполнении возложенных на них обязанностей с полным вниманием к интересам хозяйственной жизни и пользе государственной (правительственное сообщение по земельному

вопросу). И могу сказать, что моя уверенность вполне оправдалась. Земельные советы действительно сочувственно откликнулись на мой призыв и отнеслись к своему делу чрезвычайно внимательно, внеся в него горячее желание разрешить поставленную им нелегкую задачу справедливо и, главное, хозяйственно.

* * *

В целом ряде волостей управление земледелия и землеустройства уже открыло ссыпные пункты, куда поступал хлеб, вносившийся крестьянами в счет выкупа за землю.

В середине июля эти пункты были переданы в ведение управления торговли и промышленности.

Объединение деятельности по закупке зерновых продуктов всех правительственных учреждений и лиц северных уездов Таврии возложено было на уполномоченного управления торговли и промышленности Я. Т. Харченио, бывшего председателя таврической губернской земской управы. Им установлены были определенные цены и условия покупки, по которым зерно приобреталось у населения. При совершении этих закупок 75% уплачивалось деньгами, на 25% продавец имел право получить из лавок управления торговли и промышленности мануфактуру, сельскохозяйственные изделия и т. п. Вместе с тем, к управлению торговли и промышленности был привлечен к хлебному делу и частный капитал.

Управлением выработан был нормальный договор, по которому всякий обязавшийся доставить в один из портов не менее 200 000 пудов зерновых продуктов, получал от правительства аванс соответственно стоимости 80% зерна, обусловленного к поставке.

Контрагент обязан был доставить все зерно, которое вывозилось правительством за границу и продавалось там, причем 80% из вырученной при реализации суммы в валюте поступали в казну, а 20% в валюте же уплачивались контрагенту.

Торговый аппарат охотно откликнулся на предложение управления. Имелся уже ряд предложений, было подписано несколько договоров.

Приказом моим от 27 апреля управление юстиции, входившее в состав гражданского управления, выделено было в самостоятельное ведомство. Во главе управления юстиции поставлен был сенатор Н. Н. Таганцев, остававшийся на этом посту во все время нашей борьбы в Крыму. Разумный, тактичный человек, он оказался на высоте положения.

Постепенно лицо новой власти открывалось, и население убеждалось, что это лицо страшно лишь для преступников и изменников. Доверие к власти росло. Ярким показателем этого явилось значительное увеличение, несмотря на постоянное вздорожание жизни, притоков вкладов в ссудо-сберегательные кассы.

20-го мая опубликовано было воззвание к русским людям.

«ВОЗЗВАНИЕ.

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди спасти Родину.

Генерал Врангель».

* * *

15-го июля одновременно с приказом о волостном земстве был объявлен приказ о комитете государственного призрения (15(28) июля, 95). Положением о комитете на последний возлагалось:

1. Разработка и проведение в жизнь мероприятий, преследующих общие цели призрения и, в частности, оказание помощи пострадавшим на войне воинам и их семьям;

2. Объединение деятельности всех существующих на территории, состоящей под управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России, благотворительных обществ, союзов, учреждений и заведений, как правительственных, так и частных, а также наблюдение и контроль над их деятельностью.

Председателем комитета был назначен бывший могилевский губернатор и иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц.

Глава IV
Перед наступлением

С самых первых дней приезда в Крым я работал ежедневно 10–12 часов, требуя такой же работы и от своих сотрудников.

Мой день начинался с семи часов утра; с восьми открывался прием начальника штаба, командующего флотом, начальника военного управления, представлявшихся лиц и просителей. Прием продолжался до часу дня, когда я обедал. С двух до пяти принимал доклады прочих начальников управлений, а с шести до восьми, до ужина, почти ежедневно назначал прием тем или другим прибывающим в Севастополь лицам, с которыми хотел побеседовать более подробно, начальникам союзнических миссий и т. д. В редкие дни, когда перед ужином находился свободный час, я с адъютантом делал прогулку по городу осматривая лазареты, общежития. Вечером я или присутствовал на заседании совета начальников управлений, или прочитывал доклады, или отвечал на многочисленные письма. Ложился не ранее одиннадцати – двенадцати часов.

Первые несколько недель было особенно много посетителей. Многие обращались по самым незначительным вопросам, подчас с самыми вздорными просьбами. Дважды пришлось иметь беседу с психическими больными.

Однажды мне доложили, что в числе записавшихся на прием имеется инженер механик флота, желающий доложить мне о сделанном им изобретении, могущем иметь большое значение в настоящих условиях войны. Изобретатель не считал возможным ознакомить со своим секретом кого-либо другого, кроме Главнокомандующего. Я принял его. Это был молодой еще человек, симпатичный с болезненным лицом. Он видимо, несколько волновался. Я предложил ему сесть,

сказал, что слышал о его изобретении и желал бы знать, в чем оно заключается.

– «Ваше превосходительство, я не позволил бы себе беспокоить Вас, ежели бы не думал, что мое изобретение может быть Вам полезно, особенно теперь, когда Вам должно быть так трудно, кругом предательство и измена, ни на кого положиться нельзя. И вот тот простой прибор, который я изобрел, может оказать Вам огромную услугу. Прибор этот нечто вроде компаса. Вы можете незаметно закрепить его в Вашем письменном столе. Вы ведете беседу с каким-либо лицом и это лицо Вам мало известно. Вы незаметно нажимаете кнопку прибора и стрелка автоматически укажет Вам на циферблат, кто именно перед Вами германофил или приверженец антанты, большевик, кадет или монархист. У меня тут и чертежи прибора…» Он стал раскладывать свою папку…

Другой раз в числе представлявшихся принимал я заведующего одним из офицерских кооперативов, старичка, отставного полковника. Он весьма дельно и подробно доложил мне о своем деле. Я обещал помочь и, отпуская его спросил, где раньше он служил.

– «Последнее время в Петрограде я состоял воспитателем корпуса», он назвал один из корпусов, «имел счастье лично показывать Наследнику Цесаревичу наш музей», он помолчал, затем, наклонившись к моему уху, таинственно прошептал, «а как Он вырос теперь, Ваше Превосходительство, я его последний раз и не узнал совсем, выше меня ростом стал. Здоровый, веселый, да и Государь Император и Великие Княжны, слава богу, выглядели хорошо».

– «Где и когда видели вы в последний раз Царскую Семью?»

– «Да как же, в прошлом году в Ростове. Иду по Садовой, смотрю Государь в штатском, я его едва узнал,

поздоровался со мной, потом я у Них несколько раз бывал – видел и Государя, и Императрицу, и Царских Детей».

С трудом удалось перевести беседу на другой вопрос. Как только разговор коснулся другой темы, полковник вновь стал рассуждать вполне разумно.

Разбитые поляками XII, XV и XVI советские армии продолжали отходить по всему фронту, почти не оказывая сопротивления. В течение нескольких недель поляки, при содействии украинских петлюровских формирований, очистили огромную территорию вплоть до Полоцка на Западной Двине, до верхнего течения Днепра, Киевский район и значительную часть правобережной Украины. Все резервы красного командования бросались на Западный фронт для спасения катастрофического положения. Туда главным образом направлялась конница. С Кавказа переброшена была 1-ая конная армия товарища Буденного, наиболее сильная конная часть красных армий. Даже с Крымского фронта была снята единственная кавалерийская дивизия, 8-ая червонного казачества, брошенная на Юго-Западный участок Польского фронта. Железнодорожные пути на Юге России после отхода наших армий, еще не были восстановлены и переброска красных частей производилась медленно, походным порядком. Вместе с тем овладение нами выходами из Крыма показало, что остатки Русской армии не потеряли свою боеспособность. Напряженная работа по возрождению армии и восстановлению порядка в Крыму не могла ускользнуть от внимания красного командования и несмотря на то, что все усилия свои оно вынуждено было направлять на борьбу с поляками, оно не могло оставить без внимания и угрозу со стороны Крыма. Еще в апреле в резерв XIII-ой армии прибыла из екатеринославского района 52-ая стрелковая дивизия, занявшая в конце апреля боевой участок к западу от Перекопа. На

участок севернее Сиваша прибыла 124-я бригада 42-ой стрелковой дивизии. Две другие бригады этой дивизии были временно задержаны для подавления движения повстанцев под начальством батьки Махно, еще недавно сражавшегося против наших войск, теперь ведшего беспощадную борьбу с большевиками.

В конце апреля в XIII-ую армию переброшена была с сибирского фронта из бывшей III-ей советской армии 85-ая бригада 29-той стрелковой дивизии. Благодаря прибывшим частям и влитым пополнениям к маю месяцу в боевом составе XIII-ой советской армии числилось вновь до 12 000 штыков и 3000 сабель.

Во главе XIII-ой армии поставлен был подполковник генерального штаба латыш Паука. По всему фронту армии большевики производили усиленные фортификационные работы. Укрепленные позиции усиливались большим количеством артиллерии. Поступали сведения о налаживании большевиками ближайшего тыла XIII-ой армии и упорядочении железнодорожного сообщения в прифронтовой полосе.

Русская армия к маю месяцу уже представляла серьезную силу. Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловых частях достигла 40 000 человек. Все боеспособное было влито в строй. Материальная часть приведена в порядок. Мы располагали десятью танками, двадцатью аэропланами, правда, весьма несовременными, самого разнообразного типа. Работы по укреплению позиций на всем фронте значительно подвинулись. Войска успели отдохнуть и оправиться. Во всех частях велись усиленные строевые занятия.

Общая стратегическая обстановка начинала складываться для нас благоприятно. Мы не только могли быть временно спокойны за участь Крыма, но могли вновь померяться с врагом.

Тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды Северной Таврии представлялся жизненно необходимым. Наши успехи должны были отразиться благоприятно и на нашем политическом положении.

В начале мая был окончательно разработан план летней кампании. Он сводился к следующему:

1. Выдвижение Русской армии на линию Бердянск – Пологи – Александровск и Днепр.

2. Операции по овладению Таманским полуостровом, с целью создания на Кубани нового очага борьбы.

3. Выдвижение на линию Ростов – Таганрог – Донецкий каменноугольный район – станция Гришино – станция Синельниково.

4. Очищение от красных Дона и Кубани (казаки должны были дать живую силу для продолжения борьбы).

5. Беспрерывные укрепления Крымских перешейков (доведение укреплений до крепостного типа).

6. Создание в Крыму базы для Вооруженных Сил Юга России. 30-го апреля была объявлена обязательная поставка 4000 тысяч лошадей за установленную плату, для чего Крым делился на пять районов, соответственно его уездам. Прием производился особыми ремонтными комиссиями по одной на каждый район. Поставленными лошадьми удалось запрячь артиллерию и часть обозов и посадить на коней один кавалерийский полк в 400 коней.

15-го мая была объявлена мобилизация родившихся в 1900–1901 году. Боевые награды во все времена и у всех народов являлись одним из стимулов побуждающих воинов к подвигам. Нельзя было отрицать значение боевых наград и в той борьбе, которая велась во имя идеи, в основу которой легли высшие человеческие побуждения. В армиях адмирала Колчака, генерала

Деникина, генерала Юденича подвиги отмечались боевыми наградами. Солдаты, а в некоторых из этих армий и офицеры, награждались боевыми орденами, а в армиях адмирала Колчака даже орденом Св. Георгия. За боевые отличия офицеры производились в старшие чины. В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При беспрерывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов ввести в армии другой вид боевых отличий. Награждение подвигов, совершенных в междоусобной брани, общероссийскими орденами, коими доселе награждались подвиги в борьбе с внешним врагом, представлялось едва ли уместным.

Приказом от 30-го апреля мною был учрежден орден во имя Святителя Николая Чудотворца в виде черного металлического креста с изображением Святителя Николая и надписью «Верою спасется Россия» на трехцветной национальной ленте.

Определение подвигов и лиц, достойных награждения орденом Св. Николая Чудотворца возлагалось на орденскую следственную комиссию и на кавалерскую думу ордена.

В предвидении возобновления военных операций и, придавая в связи с этим исключительное значение вопросам железнодорожных перебросок и правильному обслуживанию войск железнодорожной сетью, я объединил все железнодорожное дело в руках начальника военных сообщений, каковая мера в последствии оказалась весьма удачной.

Одновременно с мероприятиями военного характера был проведен ряд мер по гражданскому управлению.

11-го мая было объявлено «Временное положение о начальниках гражданской части при командирах корпусов». Это положение обеспечивало впредь во вновь освобожденных местностях правильную организацию гражданского аппарата тотчас по занятии местности нашими войсками и ставился предел самовольным полновластным распоряжениям войсковых начальников, действовавших вразброд каждый по собственному усмотрению при полном неведении дела. Отныне гражданское управление во вновь освобожденных местностях вверялось командирам корпусов через состоящих при них начальниках гражданской части, с правами губернатора. Начальник гражданской части, подчиненный в порядке управления своего района, непосредственно командиру корпуса, должен был получать общие руководящие указания от начальника гражданского управления. Он объединял деятельность начальников уездов в пределах корпусных районов с подчиненными им чинами сельской и городской стражи, начальников участков и волостных надзирателей и формировал через начальников уезда во вновь занятых городах и селениях городскую и сельскую стражу. При начальнике гражданской части состояли уполномоченные управлений финансов, юстиции, снабжения и отдела земледелия, исполнявшее его задания в пределах своего ведомства, на основании руководящих указаний, получаемых от начальников подлежащих управлений. Это мероприятие оказалось весьма удачным и в дальнейшем в полной мере оправдало себя.

Существенным образом реорганизовано было сыскное дело. Уголовный розыск был отделен от государственно-политического и получил возможность заняться прямым своим делом – борьбой с уголовной

преступностью. За преступления уголовные и государственные в настоящих условиях виновные могли быть подвержены или высшей мере наказания – смертной казни, или заключению в тюрьме. Другие меры наказания не могли быть применены. Число тюрем было весьма ограничено и не могло вместить всех осужденных. Осужденные преступники продолжали оставаться в домах предварительного заключения, переполняя их до крайности, требуя значительной охраны и поглощая большие средства. Отбросы общества жили тунеядцами за счет страны, в то время как вся страна терпела неописуемые лишения, ведя борьбу за Родину.

Приказом моим от 11-го мая была установлена мера административного характера – высылка в Советскую Россию лиц, изобличенных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжелого экономического положения края и пр. Приказ этот был выработан военным и морским судным отделом. Право высылки предоставлено было губернаторам и комендантам крепостей, причем требовалось обязательное производство дознания и заключение по последнему прокурорского надзора.

Весьма досадовал я на поднятый в печати шум вокруг вопроса о возвращении в Крым русских беженцев новороссийской и одесской эвакуации. Некоторые из них попали за границей в весьма тяжелые условия. Особенно тяжело было положение на пустынном острове Лемнос, где среди детей была большая смертность. Оттуда писались отчаянные письма, вызывая справедливую тревогу близких.

Русские люди склонны были переходить от отчаяния к радужным надеждам. Те, кто недавно еще видел в Крыму могилу, ныне считал его неприступной крепостью. Ежедневно сыпалось бесконечное число ходатайств и петиций о возвращении тех или других лиц в

Крым. Столбцы газет пестрели статьями, под заглавием: «Верните нам наши семьи», «Вернуть их обратно» и т. д.

Отлично понимая, что офицер или чиновник не может спокойно нести службу, постоянно болея душой за близких ему лиц, я, в то же время отдавал себе отчет в том, что положение наше не может почитаться обеспеченным и учитывая, что с приездом новых партий беженцев в Крым, тяжелое положение страны еще усилиться, всячески оттягивал разрешение этого вопроса.

Жизнь в тылу постепенно налаживалась, стали прибывать иностранные товары, открывались магазины, театры, кинематографы. Севастополь подчистился и подтянулся. Воинские чины на улицах были одеты опрятно, тщательно отдавали честь.

В начале мая, как в Севастополе, так и в других городах, появились случаи холеры. В середине месяца число заболеваний увеличилось, и в Севастополе достигло двадцати-двадцати пяти случаев в день. Я приказал во всех частях армии, в военных и гражданских управлениях и учреждениях, а затем и в городских участках произвести холерные прививки. Начальник санитарной части города доктор Лукашевич решительно взялся за дело и эпидемия не получила широкого распространения.

В конце апреля я дал несколько обедов представителям иностранных миссий английской, французской, американской, японской, сербской и польской и принял приглашения на обеды английской, французской и японской миссий. С представителями всех миссий без исключения установились наилучшие отношения. В разговорах с ними я неизменно подчеркивал значение нашей борьбы не только для самой России, но и для всей Европы, указывал, что угроза мирового большевизма не изжита, что доколе в Москве будут сидеть

представители интернационала, ставящие себе задачей зажечь мировой пожар, спокойствия в Европе быть не может. Не может быть и экономического равновесия, пока с мирового рынка будет выброшена шестая часть света.

На изменение политики Великобритании рассчитывать не приходилось, мы могли искать поддержки лишь в правительстве Франции и, может быть, Америки. С целью получения поддержки этих стран я предпринимал шаги и в Севастополе, и в Париже.

29 апреля (12 мая) военный представитель в Константинополе генерал Лукомский писал по моему поручению нашему дипломатическому представителю А. А. Нератову:

«Главнокомандующий полагает, что нам надлежит всемерно использовать отмечаемое за последнее время благоприятное отношение к нам американцев. Главнокомандующий рассчитывает как на дипломатическую, так в будущем и на финансовую поддержку С.-А. Соединенных Штатов.

Сообщая Вам об изложенном, я полагал бы весьма желательным, чтобы Вы сообщили о вышеприведенном мнении нашему послу в Париже».

Принимая все меры для обеспечения дальнейшей борьбы, я ни один день не забывал о необходимости обеспечить возможность эвакуации армии и населения на случай неудачи.

Решив в ближайшее время перейти в наступление, я хотел заблаговременно принять меры против несомненных попыток англичан нам в этом помешать и, одновременно, в случае успеха, использовать его с целью получения дальнейшей поддержки Франции. Я просил П. Б. Струве проехать в Париж.

1 (14) мая заместитель П. Б. Струве князь Трубецкой писал по моему поручению А. А. Нератову:

«Необходимость изыскать выход из создавшегося тяжелого продовольственного положения в Крыму, способного в непродолжительном времени принять критический оборот, вероятно, вынудит главное командование предпринять вскоре частичное наступление в целях овладения территорией Мелитопольского уезда.

Считаю долгом строго доверительно предупредить Вас об этом на тот случай, если бы наше наступление было истолковано иностранными державами, как противоречащее решению Главнокомандующего, принять посредничество Англии для прекращения гражданской войны в России. В случае, если бы стороны иностранцев, в свое время, были возбуждены подобные нарекания и были сделаны попытки, под этим предлогом, уклониться от данного ими обещания активно содействовать защите Крыма от вторжения советских войск, то вам надлежит указать на то, что предпринятая операция имеет единственной целью обеспечить базу для продовольствия, без которой и армиям юга России и самому населению Крыма угрожали бы голод и гибель.

В телеграмме, отправленной Британскому верховному комиссару в Константинополь 11 (24) апреля, копия с коей была сообщена начальникам здешних союзных миссий. Главнокомандующий впрочем уже тогда указывал на необходимость использования местных средств Мелитопольского района».

2-го мая прибыл в Севастополь командующий английским оккупационным корпусом генерал Мильн. Он посетил меня. Его посещение, по его словам, имело специальной целью ознакомиться с той громадной работой по организации армии и устройства тыла в Крыму, о коей он был осведомлен через своих агентов. Личные впечатления его в Севастополе, как он говорил, это полностью подтвердили.

Он просил меня указать, не испытываю ли я нужду в каких-либо предметах боевого снаряжения и выразил полную готовность сделать все от него зависящее для ее удовлетворения. Я благодарил за предложение и сказал, что в настоящую минуту особенно нуждаюсь в бензине для боевых машин и рельсах для проведения ветки к Бешуйским копям, разработка коих облегчит острую нужду в угле. Генерал Мильн отдал тут же распоряжение об отпуске бензина из Батуми и предложил воспользоваться для получения рельс старым русским имуществом, оставшимся в Трапезунде. На замечание мое, что в Трапезунде могут встретиться затруднения со стороны турок, генерал Мильн предложил послать с нашим транспортом английский броненосец для прикрытия погрузки.

В дальнейшей беседе я вскользь упомянул о тяжелом экономическом положении Крыма. Великобританское правительство, взяв на себя инициативу переговоров с большевиками, до сего времени никаких существенных результатов не достигло. Дальнейшее пребывание в Крыму грозит армии и населению голодом. При этих условиях я не вижу другой возможности как попытаться расширить занятую нами территорию. Генерал Мильн видимо весьма заинтересовался моими словами и пытался выяснить мои дальнейшие намерения, однако, я от продолжения разговора уклонился.

3 (16) мая Маклаков телеграфировал: «Настроение англичан по поводу медиации улучшается. В парламенте было отвечено на запрос, что в виду того, что Добрармия успешно защищает Крым, никаких мер к ее эвакуации не предпринимается. Мысль о возможности сохранить Крым крепнет в правительственных, умеренно общественных кругах. При начале Ваших успехов откроются шансы на помощь Англии».

Телеграмма Маклакова и благожелательное заявление генерала Мильна шли в разрез с общей политикой Великобританского правительства.

16 (29) мая начальник Английской военной миссии генерал Перси вручил мне нижеследующую ноту:

«Британское Главное Командование в Константинополе.

Британской Военной Миссии. Генералу Перси.

20 мая 1920.

Передайте письменно следующее сообщение генералу Врангелю, по поручению верховного Комиссара Британского правительства, причем Вам надлежит воздержаться от каких-либо разговоров по этому вопросу с генералом Врангелем.

«Британское правительство указало мне разъяснить генералу Врангелю, что он не должен ожидать никакой перемены в британской политике, как следствие наступления поляков. Правительство Его Величества неуклонно разрешило приложить старания к прекращению военных действий на юге России в возможно непродолжительный срок. Советское правительство приняло британское предложение о ведении переговоров на основании общей амнистии и Лорд Керзон отправляет в самом непродолжительном времени политического представителя для содействия генералу Врангелю, а до того времени советское правительство согласно на принятие участия в переговорах британского военного представителя.

Британская Военная Миссия.

Севастополь, 29 мая 1920 г.

Главнокомандующему В. С. Ю. Р. Ваше превосходительство,

Вышеуказанная телеграмма Главнокомандующего Британской армией на Черном море, передается для Вашего сведения.

Перси, генерал, Начальник Британской Военной Миссии».

Главнокомандующий поручил мне ознакомить Вас с его точкой зрения, на случай ежели бы в дальнейшем события сделали бы возможным подобное согласование действий.

Генерал Врангель считает прежде всего необходимым заявить, что он не находит возможным касаться политической стороны вопроса, а также воздерживается от заключения по вопросу о политическом согласовании между Польшей и Украиной.

Единственная цель Вооруженных сил на Юге России – вооруженная борьба с большевиками. Для этой цели Главнокомандующий готов воспользоваться всякой помощью и готов согласовать свои действия с польскими и украинскими силами.

Он полагает, что для удачи операции желательно было бы разграничить район действий борющихся армий и со своей стороны может указать ныне же области, ограниченные с запада течением Днепра до г. Екатеринослава на севере, как район в котором намечается развитие операций его сил.

Само собой разумеется, что в силу соображений военного характера, гражданское управление в занятых областях должно осуществляться военными властями соответствующих армий». 15(28) мая князь Трубецкой писал находящемуся в Париже П. Б. Струве:

«Начальник французской военной миссии генерал Манхен неоднократно делал попытки выяснить точку зрения Главнокомандующего на отношения с Польшей и Украиной в случае совместных действий.

Как я уже имел случай поставить Вас в известность письмом от 5(18) мая с. г. за № 480, Главнокомандующий в общем определил эти отношения следующим образом: он благожелательно расположен ко всем

силам, действующим против большевиков, и готов входить с каждой из них в соглашение чисто военного характера, не затрагивая до окончания борьбы никаких щекотливых политических вопросов. Во избежание трений он предлагает в предстоящих операциях не переходить линию Днепра к северу от Екатеринослава.

По просьбе генерала Манжена соответствующее письмо, в копии сообщенное Вам при вышеупомянутом моем письме за № 480, было передано мною ему по приказанию Главнокомандующего.

Генерал Манжен не удовлетворился данными разъяснениями и продолжал настаивать на трудностях, которые могут возникнуть, когда сомкнется фронт и станет вопрос о едином командовании; для поляков будет неприемлемо русское командование, для нас – польское. На это Главнокомандующий отвечал, что, по его мнению, будущее укажет, в каком смысле может быть разрешен вопрос согласования нашего с поляками, но что, конечно, в междоусобной войне одной части России против другой никакое иностранное командование невозможно.

Вскоре после этой беседы штаб получил сведения, точно определяющие очертания большевистского фронта против Польши. Согласно этим сведениям, красные наступают с севера и с юга в общем направлении на Гродно и от Таращи на Бердичев. Южный фланг прикрывается армией Буденного, за правым берегом Днепра. Далее к югу между большевиками и нашим расположением существует промежуток.

Ознакомившись с таким расположением, Главнокомандующий пришел к заключению, что чисто стратегические соображения безусловно склоняли бы его к нанесению удара в тыл армии Буденного, каковую операцию лично он считал бы вполне выполнимой при наличии тех сил, коими располагает. В этом случае ему

пришлось бы перейти нижнее течение Днепра примерно между Алешками и Никополем, прикрыв свой правый фланг в направлении Бердянск – Александровск.

Правильная, с чисто военной и стратегической точки зрения, операция, по мнению Главнокомандующего, могла бы иметь серьезное значение для польского командования, расстраивая весь план большевиков охвата польской армии с двух флангов.

Против осуществления этого плана имеются, однако, серьезные политические соображения. Перейдя Днепр, Главнокомандующий не может остаться на почве возможности чисто военного соглашения с Польшей. Он входит на территорию, которую поляки определили в качестве будущей Украины, не найдя нужным войти с нами по этому поводу в какие-либо предварительные объяснения и соглашения. Со своей стороны, будучи расположен признать за Малороссией самую широкую автономию в пределах будущего Российского государства. Главнокомандующий не мог бы сойти с этой принципиальной точки зрения. В случае, если бы нам пришлось теперь же вступить на почву переговоров политического характера с польским правительством, мы могли бы оставить пока в стороне вопросы земельного размежевания России и Польши, но, считаясь с настроениями русского населения Малороссии, мы не могли бы, перейдя Днепр, не определить нашего отношения к будущей судьбе Малороссии.

Всеми этими соображениями главнокомандующий счел полезным поделиться с генералом Манженом, дабы он мог осветить положение своему правительству, подчеркнув при этом, что сам он отнюдь не берет какой-либо инициативы в этом вопросе, и, вообще считает, что непосредственные переговоры с поляками нам неудобно вести, но что французское правительство располагает данными, чтобы судить о том, считает ли оно удобным и в какой мере и каких отношениях

оказать воздействие на поляков. Сдержанность наша усугубляется известием о недоброжелательном к России отношении, которое за последнее время преобладало в Варшаве и нашло себе косвенное выражение в обращении генерала Пилсудского к населению Украины».

20 мая прибыл Александр Васильевич Кривошеий. Я не ошибся в нем. Он оставил семью, прочно материально обеспеченную службу, удобную и спокойную жизнь в Париже и, не колеблясь прибыл туда, куда его звал долг. Правда, он заявил мне, что не предполагает окончательно оставаться в Крыму, что хочет осмотреться, разобраться в положении и готов помочь мне советом, после чего намерен вернуться к семье. Однако, зная его, я не сомневался, что работа его захватит и, что он, войдя в нее, от нее не отойдет.

А. В. Кривошеий прибыл на английском крейсере «Кардиф», вместе с английским адмиралом Хопом, вручившим мне 21 мая новую ноту Великобританского правительства:

«Имею честь уведомить Вас о получении мною сообщения Британского верховного комиссара в Константинополе, указывающего мне довести до Вашего сведения то беспокойство, которое испытывает Правительство Его Величества в связи со слухами о Вашем намерении перейти в наступление против большевистских сил. Мне, кроме того, приказано предупредить Вас, что в случае, если Вы атакуете, неминуемо должен провалиться план Правительства Его Величества о ведении переговоров с Советским Правительством и Правительство Его Величества не сможет более принимать какое-либо участие в судьбе Вашей армии.

Имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

Контр-адмирал Г. Хоп.

Генералу Врангелю, Главнокомандующему В. С. Ю. Р.»

23 мая, письмом на имя Верховного комиссара Великобританского правительства в Константинополе, я ответил на обе последние ноты англичан:

«Имею честь уведомить Вас о получении двух сообщений Вашего Превосходительства, из коих первое передано мне генералом Перси 16(29) мая, а второе адмиралом Хопом 23 мая (3 июня).

Спешу ответить Вам: я по-прежнему совершенно исключаю возможность моих непосредственных переговоров с большевиками, переговоров, которые пожелало взять на себя английское правительство; этому последнему и, казалось бы, принадлежит выбор места для переговоров с советами.

Не получая более месяца ответа на телеграмму от 11(24) апреля, в коей я указывал на необходимость использования для продовольствования армии и населения Крыма средства северной части Таврии, я вынужден был для предотвращения создания безвыходного положения, принять меры к расширению занятых моей армией областей.

С этой целью, еще до получения Вашего последнего сообщения, я отдал 20 мая приказ армии перейти в наступление.

Высадка войск, намеченная в связи с этой операцией, уже начата и ее невозможно остановить.

Я хочу верить, что Великобританское правительство, ознакомившись с создавшимся положением, признает, что ни с точки зрения необходимости снабжения армии и населения, ни с точки зрения чисто военной, у меня не было другого выхода, как перейти в наступление, тем более, что в случае успеха моей армии, таковой лишь облегчил бы переговоры Великобританского правительства с советами.

При этом считаю необходимым обратить внимание Правительства Его Величества на нижеследующие

соображения: даже допуская возможность соглашения с большевиками, я не вижу, каким образом таковое было бы обеспечено. Я придаю этому вопросу первенствующее значение и был бы весьма благодарен Великобританскому правительству, ежели бы оно ознакомило меня со своим взглядом на этот вопрос.

Недавние примеры действий большевиков в отношении Кубани и Грузии, с каковыми ими только что были заключены соглашения, наглядно подтверждают хорошо известные взгляды большевиков, считающие всякие юридические и моральные обязательства не более, как буржуазным предрассудком.

Я позволяю себе надеяться, что, во всяком случае, Великобританское правительство не откажет мне в поддержке, которая была мне обещана и которую я высоко ценю, доколе основной вопрос о реальных гарантиях не будет окончательно разрешен».

В последних переговорах генерал Перси проявил исключительное благородство. А. В. Кривошеий перед отъездом своим из Парижа имел ряд собеседований с представителями французского правительства. С некоторыми из них он был связан старыми дружескими отношениями.

Результатом этих переговоров был обмен письмами между А. В. Кривошеиным и товарищем министра иностранных дел М. Палеологом. 7 мая А. В. Кривошеий писал Палеологу:

«Предполагая через несколько дней выехать по приглашению генерала Врангеля для свидания с ним в Крыму, я был бы счастлив иметь возможность засвидетельствовать ему о благожелательном отношении Французского правительства к вопросу продолжения им борьбы против большевиков совместно с польскими и другими силами.

Ему было бы весьма ценно получить уверенность, что правительственные круги Франции признают все значение сохранения, хотя незначительной по размеру, части русской области, на которой сохранился бы нормальный правопорядок, дружественный союзникам и основанный на принципах справедливости и права, где русские национальные силы нашли бы убежище.

Весьма важно было бы для генерала Врангеля иметь возможность рассчитывать на помощь Французского правительства военными материалами, а в случае невозможности продолжения борьбы, на помощь Франции в эвакуации Крыма». На это письмо на следующий день последовал ответ:

«Я не преминул представить письмо Ваше господину председателю совета министров, министру иностранных дел.

Я рад иметь удовольствие засвидетельствовать Вам, что Французское правительство признает все значение русской территории – последнего убежища русских националистов – русского убежища совести и права.

Доколе генерал Врангель не получит гарантий, обеспечивающих его войска, мы приложим усилия для снабжения его продовольствием и материалами для защиты от наступления большевиков и наш черноморский флот будет препятствовать высадке противника на побережье Крыма.

Наконец, в случае невозможности продолжения борьбы, мы будем способствовать эвакуации полуострова».

При этом Палеолог подчеркнул конфиденциальный характер своего письма.

Имел А. В. Кривошеий и ряд собеседований с русскими общественными и политическими деятелями: старшиной русского дипломатического представительства М. Н. Гирсом, В. А. Маклаковым, назначенным

при Временном Правительстве послом в Париже, князем Львовым, А. И. Гучковым, бароном Нольде, П. Н. Милюковым, Аджемовым и др. За исключением Гучкова, все горячо отговаривали Александра Васильевича связывать себя с безнадежным делом в Крыму.

Милюковым и его партийными товарищами выдвигалась мысль, что ввиду ничтожности того клочка русской земли, где ведется ныне борьба, глава русских белых сил не может говорить от имени национальной России. Он должен быть лишь главою белых войск; представительство русского национального дела заграницей должен взять на себя орган из общественно-политических деятелей, причем этот орган, естественно, должен находиться в Париже, центре европейской политики.

При этих условиях согласие Кривошеина стать моим помощником, естественно, ослабляло их позицию. Авторитет Кривошеина в иностранных кругах был значителен. Его личное участие в нашем деле должно было в глазах иностранцев подчеркнуть значение этого дела. А это не было на руку тем, кто только себя считал «солью земли русской».

«Вы единственный государственный деятель, авторитет которого признается всеми без различия партиями, ваша работа необходима для будущей России. Связав себя с безнадежным делом генерала Врангеля, граничащим с авантюрой, вы навеки будете потеряны для России…» – убеждал А. В. Кривошеина Милюков.

Александр Васильевич перед своим отъездом повидал в Париже массу людей, почти все считали нашу борьбу окончательно проигранной, не верили в возможность ее продолжения, готовы были считать всю предшествовавшую борьбу бесцельной.

Умудренный жизненным опытом, знающий сердца людей. Кривошеин понимал, что после первых успе-

хов все малодушные вновь пойдут за армией. Учитывал он в полной мере и то значение, которое могли бы иметь наши хотя бы кратковременные успехи на отношение к нам иностранных правительств, и, в частности, Франции. В то же время, ознакомленный мною во всех подробностях с нашим военным положением и готовившейся наступательной операцией, ожидая от нее в случае успеха многого, Александр Васильевич, видимо, боялся верить в этот успех, опасался неудачи и предостерегал меня от опасности риска.

Начало наступления было назначено на 25-ое мая. 21-го я выезжал в Феодосию, где должен был грузиться назначенный в десант корпус генерала Слащева.

Учитывая то исключительное значение, которое предавалось земельному вопросу и войсками и населением, я считал необходимым обнародование закона о земле одновременно с переходом войск в наступление.

Александр Васильевич эти соображения разделял и ознакомившись с проектом закона, не возражал против него и по существу, указывая, однако, на много погрешностей в изложении и настаивая, как я упоминал выше, на опубликование его в форме приказа.

Он сам составил и сопровождающее приказ правительственное сообщение.

21-го мая английские войска праздновали день рождения своего Короля. Генерал Перси просил меня принять парад английских моряков и морской пехоты. Парад происходил на Историческом бульваре. Отлично, щеголевато одетые, рослые, здоровые люди производили прекрасное впечатление. После парада я выехал в Феодосию.

Два месяца тому назад я прибыл в Крым. Волна красной нечисти готова была захлестнуть последнюю пядь русской земли, где, прижатые к морю, ждали ежечасно конца десятки тысяч русских людей.

Два года боровшиеся за счастье родины остатки армии раздирались внутренними противоречиями, утратили веру в своих вождей, потеряли воинский облик. Объятые ужасом, оборванные и голодные молили о помощи толпы обывателей – стариков, женщин и детей.

Смерть протягивала над ними свою костлявую руку.

Прошло два месяца, и вновь сплотились вокруг родного знамени русские воины, вновь гордо взвился из праха трехцветный флаг, ощетинились стальной щетиной полки, грудью своей прикрыли родную землю, готовые возобновить борьбу за ее свободу. Под их защитой вздохнуло население, отчаяние сменилось надеждой, горячая любовь к родине охватила сердца.

И вместо костлявого призрака смерти вставал лучезарный образ победы.

9 мая 1923 года, г. Белград.

Глава V
Вперед

К 25-му мая перед фронтом Русской армии стояли следующие части противника: Латышская, 3-я, 46-я, 52-я стрелковые дивизии, 85-я бригада 29-ой стрелковой дивизии, 124-я бригада 42-ой стрелковой дивизии, 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова (прибывшая с Кубани из бывшего корпуса Думенко перед самым нашим наступлением и предназначавшаяся на польский фронт), запасная кавалерийская бригада Федотова из частей управления формирований 1-ой конной армии Буденного и отдельные мелкие отряды (полк Льва Каменева, особый отряд крымского ревкома, карательный отряд, караульный батальон и т. д.). Общая численность противника составляла 15–16 тысяч штыков, 3–4 тысячи сабель. За последнее время имелся ряд сведений о том, что красное командование готовится в ближайшие дни перейти против нас в решительное наступление.

Наша армия численно несколько превосходила противника. Дух войск был превосходен. Войска сведены были в четыре корпуса: 1-ый армейский корпус генерала Кутепова – Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии и 1-ая кавалерийская и 2-ая конная (наполовину регулярная, наполовину из донцов) дивизии; 2-ой армейский корпус генерала Слащена – 13-ая и 34-ая пехотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада; Сводный корпус генерала Писарева – Кубанская дивизия и 3-я конная дивизия (туземцы и астраханцы); Донской корпус генерала Абрамова – 2-я и 3-я донские дивизии и гвардейская донская бригада. Боевой состав армии 25 000 штыков и сабель (1/5-1/6 общей численности армии, считая и флот).

Произведенная конская мобилизация дала возможность посадить на коней один полк 1-ой конной

дивизии (около 400 шашек). На конях были входившая в состав 1-го армейского корпуса 2-ая конная дивизия генерала Морозова (около 2000 шашек) и Терско-Астраханская бригада 2-го корпуса. В Сводном и Донском корпусах имелось лишь по конному дивизиону (150–200 шашек). Остальная конница действовала в пешем строю.

Директивой моей от 21-го мая войскам ставились задачи:

Генералу Слащеву, после смены его частей на Сальковском направлении войсками генерала Писарева и погрузки в Феодосии, высадиться в районе Кирилловка – Горелое, прервать линию железной дороги Сальково – Мелитополь и в дальнейшем, совместно с частями генерала Писарева, действовать в тылу Перекопской группы красных;

Генералу Писареву и генералу Кутепову атаковать противника на рассвете 25-го мая, разбить и отбросить за Днепр; Генералу Абрамову с Донским корпусом оставаться в моем резерве в районе станции Джанкой.

Часть флота вошла в Днепровский лиман для обеспечения левого фланга операции.

Время начала операции и место высадки десанта сохранены были в полной тайне. Штабом намеренно распространялись слухи о готовящемся десанте в районе Новороссийска и Одессы. Директива генералу Слащеву должна была быть вскрыта им лишь по выходе десантного отряда в море.

20-го мая было мною подписано обращение к народу:

«ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

№ 3226.

Севастополь.

20-го мая 1920 года.

Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю.

Я призываю на помощь мне русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования, распоряжением самих волостных земств, будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернуться к нам.

Народу – земля и воля в устроении государства.

Земле – волею народа поставленный Хозяин.

Да благословит нас Бог.

Генерал Врангель».

Обращение это было обнародование 25-го мая. К этому же времени должен был быть отпечатан земельный приказ.

22-го утром прибыл я в Феодосию, где застал корпус генерала Слащева уже заканчивающим погрузку. Войска имели отличный вид. Сам генерал Слащев был настроен весьма бодро и уверенно. Я провел в Феодосии всего 2–3 часа. Обошел пароходы, нагруженные войсками, говорил с офицерами и солдатами и, отдав последние распоряжения, выехал обратно в Севастополь.

По дороге на станции Колай смотрел расположенные здесь части нашей спешенной конницы. Созданию мощной конницы я по-прежнему придавал исключительное значение, решив, по посадке полков на коней, свести конницу в крупные соединения; наметил сформирование в дальнейшем казачьего и регулярного конных корпусов, создание запасных и учебных кавалерийских частей, отдела ремонтирования. Работа по созданию, подготовке и обучению конницы была возложена на особую инспекцию, во главе которой стоял генерал-инспектор конницы, на каковую должность я назначил генерала Юзефовича (заведывание работами по укреплению Перекопа и постройке подъездного пути Джанкой – Юшунь были переданы генералом Юзефовичем генерал-лейтенанту Макееву), прекрасного организатора, близко знающего по своей предыдущей службе личный состав конницы.

23-го утром я вернулся в Севастополь с тем, чтобы в тот же день выехать в Джанкой.

А. В. Кривошеин успел в общих чертах ознакомиться с положением. Он беседовал с начальниками отдельных управлений, присутствовал на заседании совета и был поражен бедностью сил.

Впредь до изменения нашего положения было невозможно рассчитывать на привлечение свежих людей. Никто не решился бы приобщиться к «крымской авантюре». Достаточно подготовленных людей на местах также трудно было найти. Александр Васильевич это понимал, однако считал настоятельно необходимым заменить и. д. начальника гражданского управления Перлика. После долгих поисков Александр Васильевич остановился на С. Д. Тверском, бывшем воронежском губернаторе, а затем помощнике моем по гражданской части в бытность мою командующим Добровольческой армией осенью 1919 года. С. Д. Тверской после

эвакуации Новороссийска попал в Сербию и как только стало известно об уходе генерала Деникина и вступлении моем в главное командование, по собственному почину выехал в Крым. В связи с намеченной земельной реформой вопросы землеустройства решено было выделить в особое управление, во главе которого Александр Васильевич наметил поставить Г. В. Глинку. Наконец, должность государственного контролера решено было предложить Н. В. Савичу, которого и А. В. Кривошеин и я высоко ценили.

Дабы объединить действия наших военных агентур, связь с которыми из Севастополя была крайне затруднительна, было намечено всех военных агентов на Балканах подчинить военному представителю в Константинополе генералу Лукомскому, военных агентов прочих государств западной Европы – военному представителю в Париже. Занимавший эту должность генерал Щербачев сильно постарел. А. В. Кривошеин горячо рекомендовал заменить его генералом Миллером, бывшим Главнокомандующим Северной армией. Я знал генерала Миллера лишь по репутации и охотно согласился на это назначение, в дальнейшем оказавшееся весьма удачным.

С началом боевых операций мое присутствие на фронте представлялось необходимым. Руководить непосредственно войсками и выполнять одновременно огромную работу по государственному управлению мне представлялось непосильным и я горячо просил А. В. Кривошеина помочь мне, приняв должность моего помощника. Однако Александр Васильевич все еще не мог решиться. После долгих моих настояний он согласился на время моего отсутствия принять на себя исполнение должности председателя совета, однако лишь в порядке временного поручения, каковое и было возложено на него мною особым официальным письмом.

23-го вечером я с полевым штабом выехал в Джанкой.

24-го вечером получено было радио об удачной высадке войск генерала Слащева у Кирилловки. Высадка совершена была в чрезвычайно тяжелых условиях, при сильном шторме. На рассвете 25-го армия перешла на всем фронте в наступление. После короткой артиллеристской подготовки части генерала Писарева, поддержанные танками и бронепоездами, атаковали красных в то время, как десант генерала Слащева, овладев деревней Ефремовской и Давыдовкой, подходил передовыми частями к линии железной дороги. Атакованные с фронта и угрожаемые с тыла, красные бежали, почти не оказывая сопротивления. Город Геническ, станция Ново-Алексеевка и деревня Ново-Михайловка были заняты частями Сводного корпуса. Наши бронепоезда были двинуты на станцию Рыкове. Красные отходили на Рождественское. Здесь нами взято было несколько сот пленных и два орудия. Одновременно корпус генерала Кутепова атаковал на перекопском участке главные силы XIII-ой советской армии. Танки и броневики двигались впереди наших цепей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито, однако наша пехота с помощью их овладела всей укрепленной позицией. Марковская и Корниловская дивизии выдвинулись на линию: Первоконстантиновка – Спендиарово (марковцы) и Преображенка – Адамань (корниловцы). 2-ая конная дивизия генерала Морозова брошена была для преследования красных. Дроздовская и 1-ая конная дивизии (пешая) оставались в резерве командира корпуса.

Оправившись после первого удара, красные, стянув против Марковской дивизии до двух дивизий пехоты и бригаду конницы, перешли в наступление и оттеснили марковцев от деревни Первоконстантиновки. На поддержку отходившим марковцам была двинута Дроздовская дивизия. Одновременно 2-ая конная дивизия, выдвинувшись до Чаплинки, отбивала атаки пехоты и конницы противника, пытавшихся охватить марковцев с северо-запада. С помощью Дроздовской дивизии Первоконстантиновка вновь была занята нами, но подоспевшими резервами красных марковцы и дроздовцы были вновь оттеснены. К ночи Первоконстантиновка осталась за красными. За день нами захвачено было пятнадцать орудий, три броневика, пленные и пулеметы.

В пять часов вечера я выехал поездом в Ново-Алексеевку, несколько часов тому назад занятую кубанцами. Перед фронтом войск я наградил орденом Св. Николая поручика Любич-Ярмоловича, который, находясь на головном танке, прорвал проволочные заграждения и лично захватил одно орудие. Поручик Любич-Ярмолович был первым кавалером ордена Св. Николая. К вечеру я вернулся в Джанкой.

26-го мая ожесточенные бои продолжались. Части генерала Слащева к вечеру вышли с боем на железную дорогу между станциями Большой Устюг – Акимовка, захватив до тысячи пленных различных частей из состава мелитопольского гарнизона. Наши бронепоезда выдвинулись к станции Сокологорное, где подбили бронепоезд красных. Сводный корпус генерала Писарева продолжал наступление: Кубанская дивизия на линию станция Юрицыно – село Рождественское, 3-ья – на линию Отрада – Ново-Троицкое. Противник в свою очередь атаковал своей конницей (дивизия Блинова до 2500 всадников, только что прибывшая с

Кавказа), охватывая фланг сводного корпуса. Деревня Ново-Михайловка была временно захвачена красными, однако к вечеру положение на этом участке было восстановлено. Дроздовская дивизия после горячего боя окончательно заняла Первоконстантиновку. Красные под прикрытием артиллерии отходили на Владимировку. Их преследовали дроздовцы с запада и 2-ая конная дивизия генерала Морозова с севера.

Около 12 часов дня Владимировна была захвачена дроздовцами. На участке между Владимировной и Строгановкой красные были настигнуты и прижаты к Сивашу. После короткого боя, атакованные нашей воздушной эскадрильей, красные бросились врассыпную, часть пыталась спастись вплавь через Сиваш и тонула, расстреливаемая нашими батареями. Переплывшие на южный берег Сиваша отдельные люди задерживались нашими сторожевыми постами. Большая часть положила оружие. Здесь захвачено было 1500 пленных, пять орудий и три броневика. У Спендиарово марковцы и корниловцы отбили в течение дня все атаки противника.

За двухдневный бой 1-ым корпусом взято было 3500 пленных, 25 орудий, 6 броневиков… Потери в частях корпуса были весьма значительны, особенно в командном строю. В 1-ом дроздовском полку выбыли из строя все батальонные и ротные командиры.

В ночь на 27-ое мая красная дивизия Блинова, использовав растянутое расположение 3-ей конной дивизии ночным налетом заняла деревню Отрада и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила весь штаб 3-ей конной дивизии во главе с начальником дивизии генералом Ревишиным.

27-го утром мною отдана была директива:

генералу Слащеву овладеть районом Мелитополь – Екатериновка – Акимовка, в дальнейшем направить

конницу на северо-запад, в тыл красным, отходящим от Сиваша;

генералу Писареву, усиленному 2-ой донской казачьей дивизией, уничтожить Рождественско-Петровскую группу красных и овладеть Колгой, Ивановкой, Серагозами;

генералу Кутепову овладеть Каховкой и Алешками;

Донскому корпусу генерала Абрамова, без 2-ой донской казачьей дивизии, оставаться в моем резерве в районе Ново-Алексеевки.

К вечеру части генерала Слащева заняли Мелитополь.

Части сводного корпуса медленно продвигались вперед. Части 1-го армейского корпуса вышли на линию Аскания Нова – Чаплинка – Колончак и продолжали преследование красных. В Чаплинке захвачены были оставленные красными баллоны с удушливыми газами, лаборатория для добычи газов и батарея.

Конница генерала Морозова, после разгрома красных под Строгановкой, 26-го мая была спешно переброшена на Чаплинку. К вечеру 27-го мая генерал Морозов достиг хутора Бальтазаровского.

28-го мая генерал Слащев овладел станцией Мелитополь и продолжал удерживать город, несмотря на яростные атаки красных, подвезших из Александровска свежие резервы. Сводный корпус вел бой с кавалерией «товарища» Блинова к юго-востоку от села Рождественское.

Между тем перекопская группа красных, отходя главными силами на Каховку, получила новое подкрепление, 15-ая стрелковая дивизия, направлявшаяся с Дона походным порядком на польский фронт, была красным командованием повернута с похода и двинута на поддержку разбитых частей XIII-ой советской армии, 28-го мая 15-ая стрелковая дивизия, в составе трех

бригад пехоты и бригады конницы, общей численностью до 4500 штыков и 800 сабель, подошла в район Черной Долины.

Части 1-го армейского корпуса занимали следующее расположение:

Дроздовская дивизия в районе Марьяновка – Самойловка (северо-западнее Аскания Нова);

Корниловская – на линии Черная Долина – Черненко;

2-ая конная дивизия генерала Морозова в центре боевого расположения к югу от Натальино;

марковцы в корпусном резерве южнее Чаплинки;

1-ая конная дивизия (пешая) на участке Большие Копани – Чолбасы.

15-ая стрелковая дивизия, поддержанная Латышской и 52-ой, обрушилась на части генерала Морозова. Наша конница стала отходить на юг. Дроздовцы и корниловцы отбили все атаки противника. К вечеру наши части заняли в отношении главных сил красных, втянувшихся между дроздовцами и корниловцами, выгодное охватывающее положение.

29-го мая генерал Слащев, несмотря на яростные атаки с севера и востока, продолжал удерживать Мелитополь. К вечеру его конница заняла Елизаветовку, а бригада 34-ой дивизии – Койлы Елга.

В сводном корпусе на рассвете 29-го кубанцы были атакованы бригадой 2-ой красной кавалерийской дивизии и поспешно отошли к Ново-Алексеевке, при отходе потеряв батарею. Контратакой частей Сводного корпуса красные были отброшены на север. К вечеру, развивая успех, кубанцы заняли хутор Адама, донцы – Рождественское. Наскоро сколоченные казачьи корпуса, в непривычной обстановке пешего боя, дрались плохо.

Используя выгодное положение, генерал Кутепов, подтянул Марковскую дивизию к Чаплинке и четыре полка 1-ой конной дивизии к Черненке, с утра 29-го мая перешел всеми частями в наступление. Красные не выдержали концентрического удара и стали поспешно отходить. До темноты генерал Кутепов продолжал теснить противника, к вечеру подойдя на десять верст к Каховке. Левофланговая группа 1-го корпуса подошла к Алешкам.

30-го мая упорные бои в районе Мелитополя продолжались. Части генерала Слащева удерживали свои позиции. В этот день Сводный корпус занял Петровское (кубанцы) и Отраду (3-ья конная дивизия). Части 1-го корпуса вышли на линию Днепра на всем фронте от Каховки до устья. Корниловская и 2-ая конная дивизии стремительной атакой захватили Каховку, где взяли 1500 пленных. Обозы и части пехоты красных успели отойти за Днепр, взорвав мосты. Конница красных с частью обозов отходила левым берегом Днепра на северо-восток. Конница генерала Морозова настигла эту группу (до 1000 сабель) у деревни Любимовки, жестоко потрепала и продолжала гнать на восток.

С 25-го по 30-ое мая XIII-ая советская армия потеряла до 8000 пленных, около 30 орудий, два бронепоезда, массу пулеметов и огромные склады боевых припасов.

30-го мая я отдал директиву, приказав войскам настойчивым преследованием довершить разгром врага:

генералу Слащеву приказано было продолжать удерживать район Мелитополя, где красные, подводя свежие резервы, продолжали свои атаки;

генералу Абрамову, объединив командование Донским и Сводным корпусами, преследовать красных в направлении Колга – Серагозы;

генералу Кутепову, удерживая линию Днепра от Каир Западных (23 в. на С.В. от Каховки) до устья, бросить Дроздовскую и 2-ую конную дивизии на северо-востоке с тем, чтобы в кратчайший срок выйти в район Рубановки (52 в. на С.В. от Каховки и на 84 в. к Западу от Мелитополя).

В четыре часа дня я выехал в Севастополь.

За последние дни на западном красном фронте обстановка изменилась. В то время как наша армия атаковала противника, большевики в свою очередь перешли в наступление против поляков.

27-го мая красные войска захватили Белую Церковь, прорвав польский фронт.

30-го мая красные заняли Фастов и одновременно форсировали Днепр в 60-ти верстах к северу от Киева и перерезали железную дорогу Киев – Коростень. 31-го мая Киев был оставлен польскими войсками.

Большевики усиленно раздували свои новые успехи против поляков и всячески замалчивали свое поражение на юге.

В Англию прибыл представитель советского правительства Красин. Переговоры его с Ллойд Джорджем, по-видимому, встретили благоприятную почву. Политика англичан стала нам резко враждебной.

24 мая (6 июня) Нератов телеграфировал, что адмирал де-Робек передал ему о полученном им из Лондона приказе задерживать в настоящее время военные грузы, назначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, даже и на русских судах. Грузы, идущие под иными флагами, его не будут касаться. «Это распоряжение», телеграфировал Нератов, «видимо, является средством давления на нас».

Распоряжение английского правительства ставило нас в тягчайшее положение. Лишение нас возможности получать военные грузы неминуемо свело бы все наши усилия на нет.

Я пригласил генерала Перси и имел с ним продолжительный разговор, краткое содержание коего князь Трубецкой 31-го мая (13 июня) сообщил Струве в Париж и Нератову в Константинополь:

«Прибыв с фронта, главнокомандующий пригласил генерала Перси и сообщил ему, что он заканчивает занятие той территории, на необходимость коей для снабжения Крыма он указывал с самого начала. Оставаясь лояльно на почве своих прежних заявлений, генерал Врангель, через генерала Перси, просит британское правительство выяснить затронутый в последнем письме его на имя верховного комиссара, вопрос о реальных гарантиях, кои могли бы быть получены относительно неприкосновенности территории занятой В.С.Ю.Р. в случае осуществления намечавшихся английским правительством переговоров с большевиками. Генерал Врангель просит английское правительство сообщить свой взгляд на это дело в возможно более краткий срок, дабы он мог в соответствии с этим принять то или иное решение, ибо только при наличии реальных гарантий и продолжении поддержки со стороны союзников. Главнокомандующий может не переходить за пределы намеченной им для указанной цели территории. Генерал Врангель подчеркивает, что было бы совершенно невозможно, в случае наступательных действий противника, ограничиться пассивной обороной. Из опроса пленных выясняется, что большевистская армия должна была перейти в общее наступление на Крымский полуостров 27-го мая ст. стиля, т. е. через два дня после нашего наступления, предпринятого Главнокомандующим, дабы выхватить инициативу из рук противника. Обстоятельство это вновь подтверждает всю необходимость реальной гарантии».

Через несколько дней, 16-го июня. Маклаков телеграфировал:

– «…Вопрос снабжения решен благоприятно, непосредственная, ближайшая опасность временно устранилась».

Хотя в дальнейшем англичане и продолжали чинить нам различные препятствия, но путем личных переговоров в Севастополе, Константинополе и Париже, большинство грузов удавалось, хотя и с трудом, доставлять в Крым.

С переходом к нам новых областей необходимо было принять самые неотложные меры по установлению во вновь занятых местностях должного правопорядка. Многое было уже сделано. На местах, при командирах корпусов, имелся готовый аппарат гражданской власти; армия высоко несла знамя законности. Отдельные случаи нарушения закона войсками беспощадно карались. Военно-судные комиссии с представителями от населения зорко следили за соблюдением законности в прифронтовой полосе, однако, настоятельно необходим был и ряд других мер.

Одной из таких насущных мер являлось упорядочение дела контрразведочных органов (наблюдательных отделений), о чем 28-го мая был отдан соответствующий приказ:

«В виду того, что в прошлом году в занимаемых Вооруженными силами на юге России местностях самочинно возникали, а иногда и организовывались комендантами городов и другими военными властями контрразведки, которые совершали массу злоупотреблений и преступлений, чем возбуждали население против чинов армии и в частности против законных контрразведывательных органов, приказываю:

1. Борьбу с коммунистическими организациями и большевистскими агентами, остающимися для пре-

ступной работы во вновь занимаемых нашими войсками местностях, возложить исключительно на наблюдательные пункты при штабах корпусов, дивизий и другие, организованные и подчиненные наблюдательному отделению.

2. Всякую организацию наблюдательных органов комендантами городов и вообще какими бы то ни было властями, помимо наблюдательного отделения, воспретить.

3. Виновных в неисполнении этого приказа, как организовавших или допустивших возникновение самочинных контрразведок, так и служащих в этих учреждениях, подвергать ответственности по суду».

В виду особого характера органов контрразведки и тех тяжких обвинений, которые не без оснований возводились на контрразведывательные органы при моем предшественнике, представлялось необходимым особенно тщательное за ними наблюдение. Решено было возвратиться к существовавшему еще до мартовского переворота порядку наблюдения прокурорского надзора за производством дознаний по государственным преступлениям, производимым чинами корпуса жандармов. По сношению главного военного прокурора с начальником управления юстиции, были в дальнейшем выработаны правила такого надзора. Наблюдение за производством дознаний по делам и государственных преступлений было возложено (приказом от 8-го июля за № 91) на чинов прокурорского надзора военного и военно-морского ведомств – в прифронтовой полосе и гражданского ведомства в тыловом районе. Лицам этим предписывалось иметь тщательное наблюдение за производством дознаний по государственным преступлениям, для чего они должны были присутствовать по возможности, при всех важнейших следственных действиях и следить за законностью арестов и правильностью содержания арестованных.

За все время трехлетней гражданской войны это был первый случай, когда дело политического розыска ставилось под контроль чинов прокуратуры.

31 мая был объявлен приказ об учреждении при штабе каждого армейского корпуса должности начальника военно-судной части. На последнего возлагалось:

рассмотрение всех военно-судных дел, поступающих на разрешение командира корпуса и составление по ним доклада, ближайший надзор за деятельностью военно-полевых судов, ведение переписки по всем вопросам, относящимся до военно-судной части, исполнение указаний главного прокурора, относящихся к деятельности военно-судных комиссий корпуса и производство расследований и исполнение других поручений по военно-судной части и распоряжений командира корпуса и главного военно-морского прокурора.

Таким образом, и деятельность военно-полевых судов, как и следственных органов, была по мере возможности обставлена законными гарантиями.

И.д. губернатора Перлик оставил свой пост, таврическим губернатором был назначен С. Д. Тверской, с возложением на него исполнения обязанностей начальника гражданского управления. Одновременно произошла замена таврического вице-губернатора, на каковую должность был назначен А. А. Лодыженский, бывший помощник управляющего делами особого совещания. В виду необходимости С. Д. Тверскому иметь постоянное пребывание в Севастополе, А. А. Лодыженский фактически исполнял должность таврического губернатора.

В эти дни прибыл в Крым бывший директор департамента полиции генерал Климович; я знал его по репутации за весьма дельного и честного человека.

Работа большевистских агентов в Крыму за последнее время значительно сократилась. В апреле в Симферополе была обнаружена часть членов организации коммунистов, руководимой в этот период времени присланным из советской России «товарищем» Николаем Бабахан. Организация ставила себе целью порчу железнодорожных путей и стрелок, взрывы мостов и бронепоездов. При обыске было захвачено большое количество взрывчатых веществ. Организация эта имела связь с большевистской ячейкой, образовавшейся в 7-ом запасном батальоне, расположенном в Симферополе, с автоброневым дивизионом при ставке главнокомандующего и с группировавшимися в горах зелеными, возглавляемыми упомянутым выше капитаном Орловым. Одновременно была разгромлена большевистская организация в городе Керчи, причем захвачены пулемет, винтовки и значительное количество пироксилина.

С наступлением весны коммунисты перенесли центр своей деятельности в леса, оставляя в городах и других населенных пунктах лишь явочные конспиративные квартиры, необходимые для взаимной связи организационных ячеек между собой и с Советской Россией. Отряды зеленых состояли главным образом из всякого сброда – банд бежавших зимой из симферопольской тюрьмы и эвакуированных из Харькова арестантов-большевиков (в то время как раненые, больные, семьи служащих, ценнейшие грузы бросались за неимением свободного подвижного состава, все преступники, заполнявшие тюрьмы, бережно увозились в тыл), дезертиров и прочего преступного люда. Общая численность их к этому времени не превышала нескольких десятков человек, однако имелись сведения, что большевики, используя отсутствие действительной морской охраны берегов Крыма, приняли меры к

пополнению отрядов зеленых людьми и снабжению их деньгами и оружием. Морским путем, моторными катерами из Новороссийска и Анапы, люди и оружие перевозились по ночам и, высаживаясь где-либо на пустынном берегу, уходили в горы на присоединение к зеленым.

Борьба с работой противника в тылу требовала опыта и исключительно большой энергии. Я принял решение использовать для этой борьбы генерала Климовича и последний был назначен начальником особого отдела моего штаба и помощником начальника гражданского управления.

31-го мая состоялось в морском собрании торжественное открытие ордена Св. Николая Чудотворца, под председательством генерала-от-кавалерии Драгомирова. Я присутствовал на молебне и в тот же вечер выехал на фронт.

Упорные бои в районе Мелитополя продолжались, однако, противник, видимо уже выдыхался. Конница 2-го армейского корпуса под командой генерала Шифнер-Маркевича вышла в тыл 2-ой кавалерийской дивизии «товарища» Блинова. В районе Нижних Серагоз она перехватила обозы 3-ей и 46-ой стрелковых дивизий. Остатки этих дивизий и отдельные бригады 15-ой, 29-ой, 42-ой и 52-ой стрелковых дивизий потеряли всякую боеспособность и поспешно отходили на линию Орехов – Александровск.

Угрожаемая с тыла кавалерия «товарища» Блинова бросилась из района НовоТроицкого на Агайман и Рубановку. Сводный корпус получил возможность выдвинуться на поддержку частей генерала Слащева.

Днем 1-го июня я получил сообщение, что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен «монархический заговор» и что значительное число офицеров арестовано. Сведения эти показались мне весьма стран-

ными. Я только что был в Севастополе и общее настроение там не оставляло желать лучшего. Я приказал запросить подробности.

Оказалось, что накануне два каких-то мичмана явились в расположение лейб-казачьего полки и пытались уговаривать казаков по возвращении моем в Севастополь арестовать меня, начальника штаба и некоторых других лиц, не сочувствующих, будто бы, возвращению на русский престол Царя. Вместо меня, будто бы, во главе армии станет Великий Князь Николай Николаевич, а временно, до его приезда, пасынок его герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский. Последний состоял ординарцем при генерале Слащеве. Та атмосфера, которая царила в штабе последнего, беспрерывный разгул и интриги, не могли быть полезны юноше и я в бытность мою в Феодосии решил отправить его к Отчиму. Одновременно я написал Великому Князю Николаю Николаевичу, прося, в интересах молодого человека, оставить его при себе. Герцог Лейхгенбергский в самый день обнаружения заговора выехал в Константинополь. Наивные агитаторы были задержаны казаками и представлены по начальству. На первом же допросе они проговорились, назвав ряд соучастников.

Вся эта история представлялась мальчишеской выходкой. Мне было неприятно лишь то, что в ней замешан был герцог Лейхтенбергский, близкий Великому Князю Николаю Николаевичу и упоминалось имя последнего. Я решил не давать делу дальнейшего хода и в тот же день вечером выехал в Севастополь.

Как я и ожидал, вся эта история оказалась глупым фарсом, однако за кулисами действовали большевистские агенты. В общих чертах дело представлялось следующим образом: еще зимою 1919 года среди группы молодых офицеров флота возникла мысль создать особый орден, долженствующий воспитывать среди

офицерства высокие понятия о чести, воинском долге, традиции старых Императорских армии и флота, забытые в разрухе смутного времени. О существовании этого ордена я знал и даже видел его устав. Он ничего предосудительного в себе не заключал.

Однако, за последнее время в состав членов этого общества сумел втереться некий Логвинский, еврей, настоящая фамилия которого была Пинхус. Пинхус-Логвинский был личностью весьма темной, с уголовным прошлым, в последние перед революцией дни замешанный в мошеннических проделках пресловутой комиссии генерала Батюшина. Ныне, по имеющимся сведениям, Логвинский являлся одним из агентов большевиков. Втершись в доверие молодежи, Логвинский подготовил весь этот недостойный фарс; трудно было допустить мысль, чтобы он сам рассчитывал на какие-то серьезные от него результаты, вернее он преследовал лишь цель дискредитировать власть.

Арестованные, в общем количестве десять-двенадцать человек, была все, за исключением одного-двух офицеров, зеленая молодежь, сама видимо не отдававшая себе ясного отчета в неблаговидности своего поступка. Я приказал призвать их всех к себе, пристыдил их и сказал, что ставлю крест на всю эту глупую историю. Вместо того, чтобы бить баклуши в Севастополе и делать политику, они должны отправиться на фронт, где они могут принести пользу и загладить свою вину. Офицеры были прикомандированы к пехотным полкам и дальнейшей службой своей доказали преданность родине. Впоследствии они были постепенно возвращены во флот. Пинхус-Логвинский был расстрелян.

Я вернулся в Джанкой 3-го вечером.

Противник в беспорядке поспешно отходил по всему фронту. XIII-ая советская армия в боях с 25-го

мая по 4-ое июня понесла огромные потери, доходившие в некоторых частях до 75% первоначального состава. При отходе части противника перепутались, потеряли связь между собой и со своими штабами. Огромные запасы достались в наши руки. Наиболее богатые уезды Северной Таврии были освобождены. Цены на все продукты в Крыму сразу понизились.

Наша конница садилась на коней. Заблаговременно снабженные значительным количеством денежных знаков, части расплачивались за лошадей по существующим рыночным ценам. Военно-судные комиссии беспощадно карали за всякие самовольные попытки реквизиций. Случаи незаконных реквизиций коней имели место, главным образом, в казачьих частях, особенно в донских. Казаки, непривычные к пешему бою, старались обзавестись конями, не считаясь ни с чем. Первые дни нареканий на казачьи части было особенно много, однако, после отрешения мною двух командиров полка и нескольких суровых приговоров, вынесенных военно-судными комиссиями, жалобы прекратились.

Преследуя противника по пятам, наши части подходили к Ногайску, Большому Токмаку (50 в. на С. Восток и 75 в. на Восток от Мелитополя) и, двигаясь вдоль Днепра, достигли железной дороги. Несмотря на тяжелые потери, в войсках, окрыленных победой, подъем духа был огромный.

Вся крымская печать, без различия направлений, ликовала.

В последний мой приезд в Севастополь я мог убедиться, что А. В. Кривошеин вошел совершенно в курс дела и овладел им. Я не возобновлял с ним разговоров о привлечении его к дальнейшей работе в качестве моего помощника, решив выждать для этого разговора окончательное завершение операции. Теперь я послал

к нему генерала Шатилова. Как я и предвидел, Александр Васильевич, войдя в дело, не мог уже решиться от него отойти. Наши военные успехи рассеяли его последние колебания. Он уступил моим настояниям, 6-го июня состоялось назначение А.В.Кривошеина моим помощником.

Одновременно было решено, что генерал Шатилов займет должность начальника моего штаба. Назначение это я наметил уже давно. Однако, не желая с первых шагов вступления моего в командование армией производить коренную ломку в штабе, откладывал его до удобного времени.

Генерал Махров назначался военным представителем в Польше. Согласованность наших операций с операциями на польском фронте приобретала первенствующее значение. Политическая обстановка исключала возможность каких либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами. В этой сложной военно-политической обстановке генерал Махров вполне мог разобраться. Назначение генералов Махрова и Шатилова состоялось в середине июня.

4-го июня я проехал в Мелитополь, куда прибыл уже в сумерки. С вокзала я проехал в собор, где присутствовал на молебне, а затем, выйдя на площадь, говорил с народом, разъясняя, что Русская армия несет с собой не месть и кару, а освобождение от красного ига, мир, тишину и порядок, что в ближайшее время под защитой Русской армии каждый трудящийся получит возможность спокойно жить плодами своей работы. Пояснив вкратце сущность намеченных мероприятий по организации самоуправления в волостях и наделе-

ния крестьян землей, подчеркнул, что благожелательная ко всем слоям населения власть в то же время не потерпит никаких нарушений закона и беспощадно будет бороться с злоупотреблениями и правонарушениями. Огромная, в несколько тысяч человек, толпа слушала в полном молчании. Едва я кончил, как тысячеголосое «ура» покрыло площадь.

6-го июня наши части достигли линии Бердянск – Орехов – Плавни. Железнодорожная ветка Джанкой – Юшунь была вчерне закончена и я имел возможность проехать поездом до самой станции Юшунь, откуда на автомобиле проехал до деревни Чаплинка и Черная долина, где смотрел части 1-го корпуса. Войска имели веселый, бодрый вид. Население, относившееся в первые дни к войскам с недоверием, опасаясь обид и грабежей, успело убедиться, что Русская армия стала другой, что те войска, которые пришли ныне, ничем не напоминают те части, которые несколько месяцев назад мало чем отличались от большевиков. По дороге я несколько раз останавливался в селах и беседовал с крестьянами и всюду слышал самые лучшие отзывы о наших войсках.

Из Черной Долины я проехал в Каховку, где смотрел кавалерийские полки генерала Барбовича. Знаток своего дела, большой личной храбрости и порыва, человек исключительного благородства души, строгий к себе и другим, пользующийся любовью и уважением подчиненных, генерал Барбович был отличным начальником конницы.

Полки начинали садиться на коней. Переночевав в Каховке, я вернулся на станцию Юшунь и 7-го вечером был в Джанкое.

8-го июня был объявлен приказ об освобождении во вновь занятых областях от ответственности служивших в советских учреждениях.

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

№ 3224

Севастополь 8-го июня 1920 года

Обновленная Русская армия вышла на путь освобождения Родины от анархии и террора. В этот ответственный момент, когда на армию устремлены взоры русского народа, ожидающего от нее освобождения от ужасов большевистского гнета и восстановления в стране начал права и законности, я, учитывая, что советская служба многих русских людей носила принудительный характер и вызывалась неблагоприятно сложившимися для них обстоятельствами и государственной разрухой, приказываю:

«Освободить от ответственности всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимавших ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти (первая часть ст. 1 закона 30 июля 1919 года об уголовной ответственности участников установления советской власти), а также учинивших одно из тяжкий преступлений, предусмотренных последней частью (п.п. 1–6 ст. 108 по редакции приказа Добровольческой армии 1918 года № 319) Уголовного Уложения».

В отношении офицеров и солдат красной армии с ее учреждениями руководствоваться приказом моим от 29-го апреля сего года за № 3052.

Генерал Врангель».

Объявляя во вновь занятых областях мобилизацию людей и лошадей, я в то же время делал все возможное, что бы прийти на помощь и населению. Начальнику управления снабжении было приказано принять меры по снабжению сельского населения кузнечным углем, железом и т. д., в каковых предметах деревня особенно нуждалась. От войск я требовал всеми мерами помочь населению, предоставляя, главным образом, где возможно, для сбора урожая коневые средства.

Пришлось также, скрепя сердце, отдать приказ о разрешении беженцам возвратиться в Крым (8 июня № 3242), в котором я писал:

«Идя навстречу настоятельным просьбам, разрешаю всем желающим семьям военных и гражданских лиц, эвакуированным за границу, вернуться на территорию Вооруженных Сил Юга России, но должен предупредить, что в случае изменения обстановки, никакие просьбы и ходатайства о вывозе этих семей вновь за границу удовлетворяться не будут».

9-го июня ставка перешла в Мелитополь. Я со штабом продолжал жить в поезде.

4 июня 1925 г. Сремские – Карловцы.

Глава VI
В северной Таврии

К 10-му июня части Русской армии выдвинулись на линию Ногайск, западнее железной дороги Бердянск – Пологи – Гнаденфельд – Вальдгейм, огибая район Большого Токмака с северо-востока до Днепра у станции Попово; далее по левому берегу Днепра до его устья.

Расположение наших частей было следующее: от Азовского моря до Гнаденфельда – последовательно 2-ая донская (севшая на коней) и 3-ая донская (пешая) казачки дивизии Донского корпуса генерала Абрамова; от Вапьдгейма до станции Попово – 13-ая и 34-ая пехотные дивизии 2-го армейского корпуса генерала Слащева; в районе Михайловка – Дроздовская пехотная дивизия и 2-ая конная (генерала Морозова) под общей командой начальника Дроздовской пехотной дивизии генерала Витковского. По левому берегу Днепра: разведывательные части Кубанской казачьей дивизии (ядро в селе Большая Белозерка), Туземной бригады (ядро в Дмитриевке), Корниловской дивизии (ядро в Натальине). Далее от Каховки до Днепровского лимана – части 1-ой конной дивизии генерала Барбовича, еще не посаженные на коней.

Жестоко потрепанная в боях с 25-го мая по 4-ое июня, XIII-ая советская армия приводилась в порядок и спешно пополнялась маршевыми ротами и свежими частями. Группировка противника была такова: в районе Бердянска – запасная кавалерийская бригада Федотова, по железной дороге Бердянск – Верхний Токмак – прибывшая с Дона 40-ая стрелковая дивизия, в составе трех пехотных и двух кавалерийских бригад; к северо-востоку и к северу от Большого Токмака – последовательно части 3-ей, 46-ой и 15-ой стрелковых дивизий, к востоку от железной дороги Мелитополь –

Александровск – 2-ая кавалерийская дивизия Блинова, в районе к северу от станции Попово – части 29-ой, 42-ой и 52-ой стрелковых дивизий.

По правому берегу Днепра, главным образом в районе Бериславля, сосредоточивались части Латышской и 52-ой стрелковых дивизий и мелкие отряды. Повстанческое движение в районе Екатериновской губернии с весны 1920 года разрасталось, представляя значительную угрозу ближайшему тылу XIII-ой советской армии. Красное командование было настолько этим обеспокоено, что одно время вынуждено было задержать в этом районе следовавшую на польский фронт конную армию «товарища» Буденного. Однако, повстанцы уклонялись от вооруженных столкновений с сильными частями, рассеиваясь при приближении значительных отрядов и конница Буденного, не уничтожив очагов восстания, двинулась на польский фронт. Последнее время против повстанцев были выдвинуты 125-ая и 126-ая бригады 46-ой советской дивизии.

По данным разведки, противник сосредоточивал на своем левом фланге в районе станции Пологи свежие части, с целью перейти в наступление и вновь овладеть Северной Таврией.

10-го июня я отдал директиву войскам для соответствующей перегруппировки:

Генералу Абрамову – сосредоточив на своем левом фланге сильную ударную группу, продолжать удерживать занятый район; основательно разрушить железнодорожную линию Бердянск – Верхний Токмак;

Генералу Слащеву – подчинив себе отряд генерала Витковского, нанести противнику короткий удар в северном направлении; по выполнении этой задачи, отряд генерала Витковского направить в резерв Главнокомандующего в район Колга – Елизаветовка Северная – Нижние Сарагозы, а частями 2-го корпуса

прочно удерживать Мелитопольский район, выделив сильные подрывные части для порчи железной дороги Пологи – Александровск, (нажим красных в направлении Большого Токмака в десятых числах июня вынудил оставить отряд генерала Витковского на Ореховско-Александровском направлении);

Генералу Кутепову – оставив в распоряжении генерала Барбовича Марковскую пехотную и 1-ую конную дивизии, перейти к 14-му июня с Корниловской дивизией в район Нижние Серагозы – Колга – Елизаветовка Северная, где приняв в подчинение отряд генерала Витковского, составить резерв Главнокомандующего.

10-го июня я проехал поездом в расположение 2-го армейского корпуса, где в колонии Гальбштадт и Большом Токмаке смотрели части 13-ой и 34-ой дивизий. Полки имели большой некомплект, однако, люди были бодры и веселы. Дорогу из Гальбдштадта в Большой Токмак я сделал верхом. Расположенные здесь богатые колонии немецких колонистов встречали меня хлебом-солью; немецкие девушки подносили цветы. Несмотря на пребывание колонистов более столетия в России, колонии сохранили весь уклад немецкой деревни. Многие из колонистов вовсе не говорили по-русски. Немецкие колонии поражали исключительным богатством и высокой культурой хозяйств. Ночью я вернулся в Мелитополь, откуда проехал в Севастополь.

Наши успехи встревожили большевиков. Советская печать била тревогу, призывая уничтожить засевшего в Крыму «барона», загнать его в «крымскую бутылку» и т. д. Агенты противника усилили работу в Крыму. За последние дни среди рабочих портового завода вновь началось брожение. Рабочие предъявили ряд требований, и, не получив удовлетворения, забастовали. Однако теперь власть была уже достаточно сильна и могла действовать решительно. Я отдал приказание уволить

всех забастовавших и забастовщиков призывных годов немедленно отправить на фронт. Одновременно объявил, что в случае каких-либо беспорядков расправа будет самая беспощадная. Проявленная властью твердость отрезвила умы. Несколько десятков смутьянов из числа молодых рабочих были отправлены в строй, и в дальнейшем, до самых последних дней нашего пребывания в Крыму, рабочие, несмотря на тяжелые материальные условия, беззаветно выполняли свой долг.

Из вновь занятых мест поступали отрадные сведения. Войска сумели заслужить доверие населения. Земельный закон встречал огромное сочувствие: приказ о земле читался на волостных сходах и вызывал горячее одобрение крестьян. Наряду с тем, происходили отдельные прискорбные явления. Некоторые представители власти на местах, не исключая подчас и наиболее крупных лиц, не сочувствуя новому закону, всячески старались обойти его, придать ему произвольное толкование. С этим приходилось настойчиво бороться. Были и другие, не менее прискорбные явления, побудившие меня отдать приказ о недопущении на административные должности помещиков в освобожденных местах их постоянного местожительства, чтобы пресечь тем имевшие место случаи сведения личных счетов администраторов из помещиков с крестьянами.

Во вновь занятых местностях организовывалась государственная стража. Последняя была сравнена по содержанию с армией.

В Северной Таврии имелись большие запасы зерна, приближалось время сбора урожая. За обеспечением необходимым продовольствием занятых армией областей, мы могли надеяться получить избыток зерна для обмена его не необходимые нам продукты. Запасы обмундирования, снаряжения, бензина, масла и угля

приходилось полностью приобретать заграницей. Я всячески торопил постройку железнодорожной ветки Бешуй – Сюрень, с окончанием которой представилась бы возможность пользоваться углем бешуйских месторождений. К первым числам июня добыча угля достигала тысячи пудов в день, но в виду недостаточности перевозочных средств (лошадей и повозок) месячная добыча угля не превышала пятнадцати тысяч пудов. Постройка железной дороги Бешуй – Сюрень, несмотря на все усилия, не могла быть окончена раньше октября.

Наше финансовое положение продолжало оставаться крайне тяжелым. Маленькая территория не могла содержать армию. Хлеб в незначительном количестве и отчасти соль могли быть единственными предметами вывоза. При отсутствии местной промышленности и недостатке многих предметов сырья, почти все приходилось ввозить. Наш рубль продолжал падать, несмотря на повышение косвенных и прямых налогов. Переговоры Вернадского и Струве за границей, с целью получения иностранного займа, успеха не имели. В прочность нашего дела за границей мало верили.

15-го июня отданы были приказы об учреждении управлений торговли и промышленности, и земледелия и землеустройства. Начальником первого, по выбору А. В. Кривошеина, был назначен В. С. Налбандов, местный землевладелец, бывший член таврической губернской земской управы и государственный контролер в крымском правительстве С. Крыма в 1919 году. Начальником второго, – сенатор Г. В. Глинка. Через несколько дней, 20-го июня, последовал приказ о назначении государственным контролером Н. В. Савича.

Успехи красных войск на польском фронте продолжались. Польская армия отходила. Общественное мнение Франции, поставивши свою карту на Польшу,

волновалось. Интерес к нам во Франции заметно увеличился. Французы отлично учитывали, что наше победоносное наступление должно оказать их союзникам, полякам, огромную помощь в эти тяжелые для польской армии дни. Находившийся в Париже П. Б. Струве весьма умело использовал обстановку. Он прочел несколько докладов о нашей борьбе, обрисовал наши успехи, подчеркивал новое направление политики главного командования, останавливался на последних реформах во внутреннем управлении и земельном вопросе. Французская печать поместила несколько заметок об этих докладах, весьма сочувственно отзываясь о «широкой либеральной» политике правительства юга России. П.Б. Струве имел свидание с рядом лиц близких французскому правительству и, наконец, принят был председателем французского правительства Мильераном. Последний проявил большой интерес к борьбе на юге России и просил Струве письменно изложить ему взгляд Правителя юга России на русский вопрос.

7(20) июня Струве вручил председателю французского правительства нижеследующее письмо:

«Начальник Управления
Внешних Сношений
при Главнокомандующем
Вооруженными Силами на
Юге России.
Господин Председатель Совета Министров,
Париж, 20 июня 1920 года

Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России поручил мне поделиться с Вами его идеями и намерениями, а также его дальнейшими видами, в связи с настоящим положением в России. Я уже имел случай устно сообщить Вашему Превосходительству те

принципы, которые генерал Врангель положил в основу своей внутренней политики. Эти принципы, заключающие в себя весь опыт русской революции, состоят в следующем:

1. Захват крестьянами поместных земель во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципе частной собственности, несомненно отвечающего чаяниям крестьян.

2. Будущая организация России должна быть основана на договоре, заключенном между политическими новообразованиями, фактически существующими. Воссоединение различных частей России, в настоящее время разъединенной, в широкую федерацию, должно быть основано на свободно заключенном договоре, исходящем из общности интересов, и, в первую голову, экономических потребностей. Такая политика ни в каком случае не старается добиться объединения силой.

3. Каковы бы ни были в будущем взаимоотношения различных частей России, в настоящее время разъединенной, политическая организация их территорий и конструкция их федеративного союза должна быть основана на свободном волеизъявлении населения через посредство представительных собраний, избираемых на демократических основах.

Что же касается настоящего положения в России, раздираемой гражданской войной, то в первую голову надо обратить внимание на то соображение, что желание прекратить гражданскую войну лежащее в основе

настоящей русской политики Британского правительства, отнюдь не влечет за собой обязательной капитуляции перед красной армией и советской властью всех тех русских элементов, которые собрались вокруг генерала Врангеля, или которые сохранили до сих пор свою независимость по отношению к советской власти. Если Британское правительство желает содействовать прекращению гражданской войны, то принуждение лучших элементов русской армии к принятию неприемлемой для них капитуляции и предоставление всего русского населения террористической диктатуре воинствующего коммунизма, воплощенного в советском правительстве и Красной Армии – не есть ни действительный, ни честный способ достигнуть этой цели. Прекращение гражданской войны, если бы оно было навязано воюющим сторонам, означало бы, в настоящих условиях, не капитуляцию Вооруженных сил на юге России перед Красной Армией, а разграничение между Россией советской и Россией антибольшевистской, основанное на обеспечении жизненных потребностей обеих территорий. Независимо от того, насколько вероятно длительное сохранение мира между этими двумя режимами, все же прекращение гражданской войны может быть достигнуто только этим решением, а отнюдь не капитуляцией одной воюющей стороны перед другой. Главнокомандующий Вооруженными силами на юге России мог бы согласиться на прекращение гражданской войны на этих условиях, но оно было бы ему абсолютно неприемлемо в форме капитуляции перед советской Россией. Всякий договор, заключаемый на этот предмет, должен будет установить неприкосновенность территории, занимаемой армией генерала Врангеля, в пределах, обеспечивающих населению удовлетворение его элементарных экономических потребностей, а в особенности его

продовольствования питательными продуктами. Кроме того, казачьи области, историческая автономия которых и бытовые особенности были сызнова признаны генералом Врангелем, вследствие договора с выбранными, согласно воле и потребностям населения, казачьими атаманами, – должны быть совершенно изъяты из владений советского правительства. Генерал Врангель полагает, что политические новообразования, создавшиеся на Кавказе, должны также получить гарантии против агрессивных действий со стороны советов. Что же касается вопроса о возобновлении экономических сношений с советской Россией, то мнение, что таковое возобновление будет иметь умиротворяющее действие на состояние России, должно быть признано обоснованным. Однако, чтобы политика, основанная на этой идее, могла быть успешной, необходимо, чтобы она проводилась последовательно и методично. Эта политика, устанавливая взаимоотношения между русскими и иностранцами, должна будет исходить из двух основных принципов экономической жизни цивилизованных народов: а) права частной собственности и б) свободы в экономическом отношении. Применение этих принципов, даже в отношении одних только иностранцев поведет к необходимости организации юридической и политической защиты этого права и этой свободы. Без действительного признания и проведения в жизнь этих принципов, возобновление экономических сношений с Россией остается пустым звуком.

Признание частной собственности в будущем, тесно связано с признанием ее в прошлом, т. е. с признанием советским правительством всех прав и интересов иностранцев в большевистской России и всех общественных долгов (государственных, городских самоуправлений и т. д.), принятых ранее на себя Российским государством. Тут будет уместно заметить, что если

иностранные правительства согласились бы теперь признать какое либо русское правительство, не полагающее себя связанным финансовыми обязательствами Российского государства, – то любое будущее российское правительство, как бы умеренно и здраво оно не было и как бы ему не была ясна, в интересах самой же России, необходимость уважать эти обязательства, встретит громадные психологические затруднения к признанию долгов, отрицание которых, хотя бы и безмолвно, но все же было санкционировано правительствами государств-кредиторов.

Из всего вышеизложенного. Ваше Превосходительство, изволили усмотреть все то, что генерал Врангель полагает для себя обязательным, как представитель элементов русской армии, оставшихся верными воинской чести и союзам, а также как представитель населения, признающего принципы общественной жизни, свойственные всем культурным народам. Генерал Врангель отдает себе отчет в трудностях своего собственного и международного положения. Он далек от мысли, что восстановление в России порядка и свободы может быть достигнуто исключительно чисто военными действиями. Он понимает необходимость длительной умиротворительной работы, направленной в первую голову на удовлетворение потребностей крестьян, составляющих большинство русского населения. Это население не желает на восстановления старого порядка, ни коммунистической тирании. Дать удовлетворение потребностям крестьянского населения, оздоровить моральную жизнь страны, восстановить экономическую жизнь, объединить все элементы порядка – вот цели, которые себе поставил Главнокомандующий Вооруженными силами на юге России и достижение которых, по его мнению, выведет Россию из состояния анархии, в которое ее ввергнул коммунистический

режим, сделавший из нее опытное поле для чудовищных социальных экспериментов, неслыханных доселе в истории.

Примите, господин Председатель Совета, уверения в глубоком моем уважении. П. Струве

Его Прев-ву

М. Мильерану

Председателю Совета Министров».

В то время, как французы явно делали шаги нам навстречу, политика англичан в отношении нас оставалась враждебной. Ллойд-Дхорж продолжал заигрывать с советами. Открывшееся в Булони заседание верховного союзного совета, имевшее рассмотреть те предложения, которые должны были быть предъявлены Германии по предмету уплаты Германией военных убытков, одновременно затронуло и ряд других насущных политических вопросов. В русском вопросе обнаружилось резкое расхождение английской и французской точек зрения.

В эти дни меня посетили представители союзнических миссий, принесшие поздравления по случаю одержанной победы. Японский представитель майор Токахасси сообщил мне последние сведения с Дальнего Востока. Между дальневосточным правительством демократического характера, возглавляемым каким-то Медведевым, и атаманом Семеновым при участии японцев будто бы ведутся переговоры и атаман Семенов в ближайшие дни должен стать во главе дальневосточной власти.

После заявления великобританского правительства об отклонении от себя всякой ответственности за возобновление борьбы на юге России, великобританская военная миссия была отозвана. В Крыму оставался лишь небольшой осведомительный орган. Представи-

тель английской миссии генерал Перси во всех предшествовавших переговорах держал себя истинным джентльменом. По получении предложения англичан вступить в переговоры с большевиками, генерал Перси телеграфировал своему правительству, что он отказывается участвовать в этих переговорах. Мне было известно, что в своих донесениях он горячо поддерживал невозможность для меня отменить наступление.

Я давал отъезжающей миссии прощальный обед. В кратких словах я выразил сожаление, что с отъездом генерала Перси и его офицеров Русская армия лишиться искренних друзей, что независимо от политики русские и великобританские офицеры и солдаты связаны кровью, пролитой в Великой войне, и дорогими для каждого воина понятиями о рыцарстве и чести. Я видел доказательства этому со стороны начальника английской военной миссии и его офицеров. Это особенно дорого мне и моим соратникам в настоящие дни, когда армия в своей борьбе одинока. Генерал Перси отвечал, что с грустью оставляет армию, великий подвиг которой не только для русского дела, но и для всего мира должен быть ясен всем, кто был беспристрастным свидетелем ее борьбы, что, как солдат, он стоит вне политики, но, как англичанин, он верит, что английский народ не оставит свою недавнюю союзницу, Русскую армию, в ее героической борьбе, что он и его офицеры сочтут долгом поведать о том великом подвиге русских патриотов, о котором так мало знает Европа. После обеда, уезжая, он еще раз говорил мне, что сделает все возможное, чтобы обратить внимание своего правительства на те гибельные последствия, которые неминуемо будут иметь место для всей Европы, если оставленная одинокой Русская армия погибнет в борьбе.

– «Я хочу верить, что политика нашего правительства будет другой и не теряю надежды вновь во главе

военной миссии вернуться к вам. Если этого не будет, то мне останется заняться своей фермой», полушутливо сказал он.

Я, конечно, не придал его словам серьезного значения, однако через несколько месяцев получил от него письмо. Он писал, что убедившись окончательно в гибельной политике своего правительства, оставляет службу и, отказавшись от предложенной ему дивизии, уезжает в Канаду, где будет заниматься своей фермой. Впоследствии, от своих английских друзей я получил подтверждение этого.

Представитель американской миссии адмирал Мак Колли пригласил меня с женой и А.В. Кривошеина пройти в Ялту на американском миноносце. Среди нервной лихорадочной работы я с наслаждением оторвался от дел и провел несколько часов, любуясь морем и чудными видами крымского побережья. Однако, отдыхать пришлось недолго. В Ялте я получил переданную из Севастополя телеграмму о переходе противника в наступление в районе Большого Токмака. Получены были сведения о подходе на восточный участок фронта конного корпуса «товарища» Жлобы. Части последнего прибыли с Кавказа по железной дороге и высаживались на станциях Волноваха, Розовка, Цареконстантиновка. 14-го июня я вернулся в Мелитополь.

Я решил не дать противнику закончить сосредоточение и вырвать у него из рук инициативу. В тот же день я отдал приказ:

К 16-му июня войскам принять следующую группировку: Донскому корпусу, оставив заслон на бердянском и мариупольском направлениях, сосредоточить главную массу конницы в район Верхний Токомак – Черниговка – Семеновка, имея задачей атаковать в дальнейшем противника на фронте Пологи – Вербо-

вое; 2-му корпусу, оставив заслон на александровском направлении, главную массу своих сил, в том числе и всю конницу и Дроздовскую дивизию, сосредоточить к северо-западу от Большого Токмака, имея задачей атаковать противника на фронте Вербовое – Орехов.

Однако 15-го июня противник силою до полутора дивизий конницы, поддержанной бронепоездами и бронеавтомобилями, сам повел решительное наступление на фронте Поповка – Ново-Полтавка, продвигаясь на Верхний Токмак. Части 3-ей донской дивизии генерала Гусельщикова после жестокого, доходившего до рукопашной схватки, боя, отошли на линию Михайловка – Бегам – Чокрак. Одновременно противник повел наступление и против 2-ой донской дивизии к северо-западу от Бердянска. На всем фронте 2-го корпуса шли упорные бои. Я послал приказание донцам перейти в наступление и разбить верхне-токмакскую группу красных. Генералу Слащеву с Дроздовской и 2-ой конной дивизиями продолжать выполнять прежнюю директиву, действуя против северной группы противника. Вместе с тем, я решил подтянуть резервы и отдал распоряжение Корниловской дивизии перейти в село Веселое.

Попытки донцов перейти в наступление успехом не увенчались. Противник продолжал теснить их по всему фронту.

Я послал приказание генералу Слащеву действовать возможно решительнее, с тем, чтобы по разгроме находящегося против него противника, отряд, генерала Витковского спешно направить на поддержку донцам в районе Гальбштадта. Отряд должен был прибыть туда к ночи на 17-ое июня. Я намечал нанести противнику, наступающему к юго-западу от Верхнего Токмака, согласованный дружный удар утром 18-го июня.

Во исполнение этого 16-го июня войскам даны были задачи:

генералу Кутепову – к 12-ти часам 17-го июня сосредоточить всю свою ударную группу (Корниловская, Дроздовская и 2-ая конная дивизии) в районе Молочное – Тигервейде – Лихтенау. На рассвете 18-го атаковать противника:

генералу Кутепову – обрушиться на правый фланг и тыл верхнетокмакской группы красных, донцам – 3-ей конной дивизии атаковать с фронта, 2-ой – в левый фланг и тыл;

генералу Слащеву удерживать фронт Большой Токмак – Васильевна.

16-го июня конница Жлобы продолжала теснить донцев. С тяжелыми арьергардными боями 3-ья донская дивизия продолжала отходить. На рассвете 17-го июня 3-ья донская дивизия располагалась на фронте Нейкирх – Рикенау; 2-ая донская дивизия расположилась в Марьяновке – Ново-Спасская. На фронте 2-го корпуса наши части продвигались с большим трудом.

16-го июня красные стали переправляться через Днепр в районе Малой Знаменки, но после короткого боя были отброшены нашими частями на правый берег. С утра 17-го красные опять форсировали Днепр, но вновь были отброшены, потеряв пленных и пулеметы.

17-го, 18-го и 19-го июня донцы продолжали отходить, конница Жлобы продвигалась к юго-западу. Понеся значительные потери от наших аэропланов, Жлоба избегал двигаться днем, совершая ночные переходы. Между тем на фронте 2-го корпуса бои продолжались и скованный противником генерал Слащев не имел возможности оказать отрядам генерала Витковского помощь изнемогавшим в тяжелых боях донцам. Лишь 17-го июня обозначился решительный успех на

фронте 2-го корпуса. В этот день части генерала Слащева атаковали противника не фронте Щербаковка – Янчокрак и на голову его разбили, 18-го числа генерал Витковский с Дорздовской и 2-ой конной дивизиями выступил в районе Гальбштадт – Молочное. Таким образом лишь к 19-му июня наши части заняли намеченное мною для нанесения охватывающего удара исходное положение.

Наши части располагались:

2-ая донская дивизия (1500 шашек и около 1000 штыков) главными силами в районе деревни Ореховка; 3-ья донская дивизия (2–3 тысячи штыков) в районе деревни Астраханки, держа в Варваровке связь с Корниловской дивизией. Общая сила Донского корпуса 3500–4000 штыков, 1500 шашек, 18 орудий;

1-ый армейский корпус – Корниловская дивизия (1800 штыков) в районе Орлов – Тиге – Розенрот – Линденау. Дроздовская (2150 штыков) и 2-ая конная дивизии (1500 шашек) в районе Гальбштадт – Молочное. Общая численность 1-го армейского корпуса 4000 штыков, 1500 шашек, 50 орудий;

в районе Большого Токмака, фронтом на севере – 13-ая пехотная дивизия;

на участке железной дороги Федоровка – Стульнево – три бронепоезда.

Общие силы ударной группы – 10-11000 штыков и шашек. Общая численность частей на фронте армии – 15000 штыков, 6500 шашек.

Главные силы конницы Жлобы группировались в районе Моргенау – Александеркрон – Клефельд – Тигервейде – Фриденсдорф.

Общая численность корпуса 7500 шашек и 6000 пехоты и, кроме того, две кавалерийских дивизии общей численностью в 4500 шашек и 1600 человек пехоты (на время операции «товарищу» Жлобе подчинялись:

2-ая кавалерийская дивизия «товарища» Блинова, две конные бригады 40-ой дивизии и части 42-ой и 46-ой стрелковых дивизий). Численность всех частей XIII-ой армии – 25000 штыков и 12000 шашек.

В шесть часов вечера 19-го июня я отдал директиву:

генералу Абрамову, обеспечивши себя на бердянском направлении, перед рассветом 19-го июня главной массой своих сил решительно атаковать противника в общем направлении на Гнаденфельд;

генералу Кутепову, произведя необходимые перегруппировки, в ночь на 20-ое, перед рассветом 20-го, нанести главный удар противнику, атакуя частью сил вдоль реки Крульман, а большей массой в охват правого фланга и тыла противника в общем направлении на Вальдгейм;

генералу Слащеву, активно обороняя свой фронт, надежно обеспечить левый фланг генерала Кутепова;

генералу Ткачеву всеми аэропланами способствовать уничтожению конной группы противника.

Директива заканчивалась указанием, «что успех операции зависит от скрытности, внезапности и согласованности удара».

Соединившись проводом с командирами корпусов, я лично отдал каждому из них соответствующие указания.

В развитие моей директивы корпусам отданы были приказы:

1-му корпусу атаковать: Тигервейде (корниловцы) и Фриденсдорф (дроздовцы). Коннице 1-го корпуса (генерал Морозов) наступать севернее дроздовцев на Вальдгейм;

Донскому корпусу – 2-ой дивизией перед рассветом в пять часов нанести удар в общем направлении на Гнаденфельд, держать связь с 3-ей донской дивизией, оказывая ей содействие ударом в фланг и тыл против-

ника; 3-ей дивизией в пять часов двадцать минут атаковать Александеркорн – Штейнфельд и далее на Гнаденфельд, держа связь с 1-ым армейским корпусом. Едва забрезжил рассвет, как на фронте 3-ей донской дивизии завязался встречный бой. Перешедшие в наступление донцы встретились с наступлением красных, 3-ья донская дивизия с трудом удерживала свои позиции. Я телеграфировал начальнику 3-ей донской дивизии генералу Гусельщикову, требуя удержания во что бы то ни стало линии Астраханка – Варваровка, дабы дать возможность 1-му армейскому корпусу выйти во фланг и тыл врага. Благодаря донцов за блестящую работу последних дней, я выражал уверенность, что они выполнят свой долг.

В Мелитополе на станции явственно слышалась орудийная стрельба. К поезду тянулись толпы обывателей с пожитками, справляясь, не пора ли оставлять город. Работа в штабе шла своим порядком, однако чувствовалось, что нервы всех напряжены до крайности. В моем резерве для прикрытия города оставался всего один юнкерский полк, выдвинутый в район села Вознесенского.

К полудню напряжение достигло предела. Корпуса находились в движении и непосредственной связи с ними не было. Явственно доносился беспрерывный гул стрельбы… Наконец приближающийся звук пропеллера… Над поездом, низко снизившись, пронесся аппарат, бросил сигнальную ракету и выбросил донесение: противник разбит на голову, окружен нашими войсками, генерал Ткачев сообщает о полном «разгроме врага».

Стремительно наступая на Тигервейде, корниловцы к десяти часам утра заняли Рикенау и повернули на юг. Районы Клефельда, Александеркрона оказались заняты значительными силами красной конницы,

теснившей 3-ью донскую дивизию. Корниловская артиллерия с открытых позиций открыла огонь по наступавшим на донцов красным. Наши броневики, ворвавшись в колонны конницы Жлобы, расстреливали красные полки. Одновременно эскадрилья аэропланов осыпала красных кавалеристов сверху пулеметным огнем. Остановив атаку на 3-ью донскую дивизию, «товарищ» Жлоба всеми силами, до пяти кавалерийских бригад, бросился на корниловцев. Однако, корниловцы выдержанным ружейным и пулеметным огнем встретили атаку красной конницы. Наша артиллерия, выскочив на открытую позицию, открыла огонь во фланг атакующим. В то же время 3-ья донская дивизия, быстро оправившись, сама перешла в наступление на север.

Атакованные с фронта и фланга и поражаемые метательными снарядами нашей воздушной эскадрильи, массы красной конницы смешались и бросились бежать в разных направлениях. Большая часть, до двух дивизий, во главе с самим Жлобой, прорываясь на северо-запад, бросилась на Гальбштадт и Большой Токмак, но здесь была встречена резервами 13-ой пехотной дивизии и бронепоездами, в упор расстреливавшими беспорядочно метавшиеся толпы красных кавалеристов. Жлоба бросился на юг, но здесь вновь попался под удар дроздовцев. Последние, частью сев на повозки, преследовали противника, перехватывая ему дорогу и расстреливая в упор из пулеметов… Остатки красных дивизий были настигнуты в районе Черниговки конницей генерала Морозова и окончательно рассеяны. Вторая группа красной конницы из района Александеркрона бросилась на север в направлении на деревню Моргенау, но здесь наткнулась на дроздовцев и, встреченная убийственным огнем, бросилась на восток, но была перехвачена 2-ой донской дивизией, овладевшей на рассвете деревней Штейнфельд и преследующей выбитых из этих селений красных, отходивших на

Фриденсдорф. Передовые части конницы генерала Морозова и донцов долго преследовали остатки разгромленного противника, бегущего на Черниговку. Красные кавалеристы ухе не оказывали никакого сопротивления. Многие бросали загнанных коней и разбегались по хуторам и балкам.

Конная группа «товарища» Жлобы была разгромлена совершенно. Вся артиллерия противника, свыше сорока орудий, до 200 пулеметов и до 2000 пленных попали в наши руки. Мы захватили до 3000 коней. Полки 2-ой конной и донских дивизий полностью пополнили свой конский состав. Штабы двух дивизий красной конницы были захвачены нами.

Я в тот же день телеграфировал А. В. Кривошеину, сообщив о нашей блестящей победе, и отдал распоряжение о широком распространении телеграммы среди населения Крыма, 21-го июня в Мелитополе был отслужен торжественный молебен по случаю дарования нам победы.

В течении 19-го и 20-го июня красные вновь переправились через Днепр в районе Бериславля, Каховки и Корсунского монастыря. Временно захватили эти пункты, однако вновь были отброшены за Днепр с большими потерями.

В то же время, корпус генерала Слащева сдерживал настойчивые атаки красных, особенно упорные к северу от Большого Токмака. С целью развить достигнутый успех я приказал войскам:

генералу Абрамову – обеспечивши себя со стороны Большого Токмака в кратчайший срок разбить бердянскую группу красных;

генералу Кутепову – подчинив себе 2-ой армейский корпус, разбить ореховскую и александровскую группы красных. По окончании указанной операции сменить части 2-го армейского корпуса.

Не ожидая, что наши части успеют так быстро произвести перегруппировку, красные перешли 21-го июня в наступление и ворвались в Большой Токмак. При поддержке танков противник был выбит из города и отброшен на север. Одновременно противник повел наступление против 34-ой пехотной дивизии, вдоль линии железной дороги Александровск – Мелитополь и к ночи 22-го июня занял Михайловку, западнее станции Пришиб. Частями сводного корпуса генерала Писарева красные были атакованы 23-го июня во фланг и бежали на север. Части 1-го и 2-го армейских корпусов очищали от красных район Большого Токмака, Щербаковки и Янчокрака. 23-го июня противник начал отход на всем указанном фронте. За операцию с 20-го по 23-го июня на ореховском и александровском направлениях было захвачено свыше 3000 пленных и много трофеев. За период с 15-го по 23-е июня (вторая крупная операция Русской армии) взято свыше 11 000 пленных, 60 орудий, 300 пулеметов, два броневика и большое количество огнестрельного и холодного оружия. План красного командования очистить Северную Таврию от Русской армии потерпел полную неудачу.

Новая наша победа укрепила еще более положение власти и вселила в население уверенность в твердости нашего положения… В Севастополе радость победы была омрачена несчастием, 21-го июня в два часа дня взорвались передаточные артиллерийские склады в районе Килен-бухты. Взрыву предшествовал пожар в химической лаборатории. Причины пожара, несмотря на все усилия, выяснить не удалось. Производившиеся впоследствии несколько дознаний так и не могли выяснить был ли налицо злой умысел или небрежность. На самом складе находились преимущественно старые немецкие снаряды и лишь небольшое количество русских полевых и ружейных патронов, предназначавших-

ся к очередной отправке на фронт. В непосредственной близости от склада стояли только что прибывшие с артиллерийскими грузами из-за границы два транспорта «Саратов» и «Чита и Венеция». Пожар грозил им взрывом. Дождь снарядов и осколков осыпал все кругом. Команда близ стоящего линейного корабля «Генерал Алексеев», вывела на буксирах оба парохода, предотвратив возможность большого несчастия. Жертв почти не было; всего лишь несколько раненых, но город пережил тревожные часы.

Воспользовавшись временным затишьем на фронте, я проехал к донцам. Полки успели полностью сесть на коней. Огромное количество захваченных при разгроме конного корпуса Жлобы лошадей, седел, оружия и обозов дали возможность пополниться дивизиям. Еще недавно, непривычные к пешему бою, казаки едва могли считаться боеспособными; теперь казачья конница представляла грозную силу. Когда я смотрел на проходившие мимо меня стройные ряды, мне казалось, что я вижу сон, – чудесное возрождение русской конницы.

Вернувшись в Мелитополь по объезде донских частей, я немедленно проехал в Севастополь.

Объявленная мобилизация проходила успешно. Тяжелые беспрерывные бои в течение пяти недель вывели из строя массу людей. Ряды армии таяли. Новые пополнения не могли возместить всех потерь. Являлась необходимость искать новых источников пополнения. Известное число офицеров и солдат мог дать тыл. Принятыми мною решительными мерами бесконечно размножившиеся и разросшиеся до моего вступления в командование штабы и управления беспрерывно сокращались. За последние два месяца было расформировано более трехсот шестидесяти учреждений, однако я надеялся иметь возможность расформировать еще не

менее ста пятидесяти. Рядом приказов по военному и гражданскому ведомствам было предложено немедленно отчислить в строй из всех тыловых учреждений всех здоровых воинских чинов, исключение делалось для специалистов и лиц, занимавших должности не ниже начальников отделений, заменив отчисленных полными инвалидами.

Главному интенданту приказано было принять все меры к выяснению действительной численности всех войсковых частей и исключить с довольствия всех лишних людей. Однако, несмотря на все эти меры, отношение боевого состава к общей численности находившихся на довольствии ртов оставалось около одной пятой. Огромное число раненых, пленных и большое число возвращающихся в Крым эвакуированных ранее, в большинстве случаев престарелых или категорийных воинских чинов, увеличивало число ртов в тылу. Лишь небольшое число уволенных в тыл по категориям инвалидов могли быть использованы для укомплектования запасных полков, где проходили краткий курс обучения, как призванные по мобилизации, так и некоторая часть пленных, составлявших по-прежнему значительную часть наших пополнений. В большинстве случаев командиры частей и начальники дивизий сами отбирали известное число солдат из пленных и пополняли ими частью обозы и тыловые учреждения, частью ставили в строй. Остальные пленные содержались в лагерях под наблюдением агентов контрразведывательного отделения и, по изъятию коммунистов, отправлялись в запасные полки.

Конечно, все эти источники пополнения по своему качеству не могли возместить наших потерь, особенно в офицерском составе. Приходилось искать новых источников пополнения. Таковыми могли быть остатки северо-западных и северной армии, а также те части

генерала Шиллинга, которые во главе с генералом Бредовым отошли из Новороссии в Польшу, где и были интернированы. Я предписал всем нашим военным представителям принять все зависящие от них меры для направления в Крым всех боеспособных офицеров и солдат. Переговоры с Польшей и Румынией относительно возвращения отряда Бредова близились к благоприятному разрешению.

Вновь занятый нами район, весьма богатый конеными средствами, дал возможность посадить на коней полки регулярной конницы и кубанские казачьи полки и запрячь часть артиллерии. Однако, все же для обозов лошадей не хватало и я вынужден был объявить дополнительную конскую мобилизацию 3000 коней. В страдную летнюю пору поставка такого количества лошадей была для населения особенно тяжела. Стремясь всеми мерами облегчить тяготы населения от падающих на него натуральных на военные нужды повинностей, я требовал от войсковых частей помощи населению по уборке урожая и засеву озимых полей свободными от наряда людьми и лошадьми войсковых обозов. Начальники гражданских частей при корпусах обязаны были собирать сведения по волостям о числе требуемых для уборки лошадей и повозок. Командиры корпусов делали соответствующие наряды. Ответственность за выполнение приказов возлагалась на командиров частей, наблюдение лежало на начальниках дивизий и командиров корпусов. О сделанных нарядах корпуса доносили мне каждую неделю. Я предупреждал войска, что, ежели при объездах буду видеть вблизи расположения войсковых частей неубранные поля, взыскивать буду с начальника части.

При огромном численном превосходстве противника, для нас приобретали особое значение технические средства борьбы – аэропланы, танки,

бронеавтомобили. В последних боях наши аэропланы оказали нам неоценимые услуги, однако аппараты (всего 20–30) были в таком состоянии, что их могло хватить всего на один – полтора месяца. Танки, броневики и автомобили разного типа были в таком виде, что лишь беззаветная доблесть офицеров давала возможность ими пользоваться. Бензин, масло, резина доставлялись заграницей с великим трудом и в них ощущался огромный недостаток.

Все необходимое нам закупалось частью в Румынии, частью в Болгарии, частью в Грузии. Делались попытки использовать оставленное в Трапезу где русское имущество, однако, все эти попытки встречали непреодолимые затруднения. Англичане чинили нам всевозможные препятствия, задерживали пропуск грузов под всевозможными предлогами. Всякими ухищрениями и пользуясь доброжелательным отношением местных представителей Великобритании в Константинополе, мы кое как эти препятствия обходили. Однако, терялось огромное количество времени и напрасных усилий.

Другое препятствие представлялось еще более серьезным. На приобретение всего необходимого мы не имели валюты. Наше финансовое положение становилось тяжелее. Небольшие запасы иностранной валюты истощались, новых поступлений не было, наш рубль продолжал падать. Нашим единственным предметом вывоза мог быть хлеб и единственной возможностью обеспечить дальнейшее боевое снабжение армии был обмен этого хлеба на предметы боевого снабжения. Приходилось остановиться на мысли монополизации вывоза хлеба. Мера эта неизбежно должна была вызвать неудовольствие в тех коммерческих кругах, которые преследовали прежде всего личную наживу, но другого исхода с государственной точки зрения не было.

Жизнь в Северной Таврии постепенно налаживалась, восстанавливались органы местного самоуправления. Весь сложный земский аппарат был совершенно разрушен, все приходилось создавать сызнова. Мелитопольской земской управе, в виду полного отсутствия средств, выдана была двадцатимиллионная ссуда. Восстанавливалось и городское самоуправление.

26-го июня мною был отдан приказ (№ 3372):

«Войска наши встречают повсеместно сочувствие населения.

Правительственным учреждениям мною поставлена задача водворить законность, охранить свободу и безопасность мирных граждан и дать населению земельный порядок и самоуправление.

Основанная на таких началах правительственная политика не нуждается в особых мерах искусственного влияния на общественное мнение и настроение народной мысли, редко достигающих своей цели. Пусть судят власть по ее действиям.

В виду сего нахожу излишним существование специальных военных и гражданских организаций политической пропаганды и осведомления, все же дела о печати нахожу своевременным сосредоточить в ведении начальника гражданского управления.

Посему приказываю:

1. отдел печати и местные политические отделения передать в ведение начальника гражданского управления;

2. центральное управление политической части и политические отделения при штабах корпусов упразднить;

3. телеграфное агентство «Юрта» передать в ведение начальника управления иностранных дел;

4. остальные отделения, а также издательство «Военного Голоса» с типографией оставить в ведении

обер-квартирмейстера отдела генерального штаба военного управления;

5. преобразования закончить к 1-му июля сего года, остающихся за штатом чинов обратить по назначению».

Давно задуманная мною мера проведена была в жизнь. Отныне штаб ведал исключительно военным делом и гибельной двойственности в политической работе был положен конец.

Проведение этой меры встретило немало затруднений со стороны штаба, видевшего в этом умаление своих прав. Со стороны второго генерал-квартирмейстера полковника Дормана и его помощника, заведывавшего политической частью полковника Симинского и их сотрудников делалось все, чтобы воспрепятствовать проведению этой меры в жизнь. Однако я остался непреклонен. Ближайшее будущее показало, что помимо неуместного самолюбия, со стороны полковника Симинского имелись и другие более веские причины для противодействия намеченному мною мероприятию. С расформированием политической части штаба, чины этой части остались за штатом и полковник Симинский отпросился в отпуск в Грузию. По отъезде его обнаружилось исчезновение шифра и ряда секретных документов, а произведенным расследованием было выяснено, что полковник Симинский состоял агентом большевиков. Через несколько месяцев по моему настоянию полковник Симинский был задержан в Грузии и отправлен в Крым, однако везший его пароход прибыл в Феодосию через день по оставлении нами родной земли. Полковник Симинский был освобожден большевиками и избег заслуженной кары.

26-го июня состоялось заседание совета под моим председательством. Я ознакомил совет с общим поло-

жением на фронте и указал в общих чертах наши ближайшие задачи: задуманная красными против Русской армии операция закончилась их разгромом. Победа дает нам некоторую передышку. Эту передышку необходимо использовать – привести в порядок тыл, пополнить и правильно организовать армию. В дальнейшем я намерен бить по частям подходящего противника.

Необходимо энергично продолжать расформирование и сокращение тыловых учреждений, принимая вместе с тем меры для улучшения материального обеспечения служащих. Для усиления боеспособности армии необходимо обратить внимание на техническое ее оборудование. Снабжение армии аэропланами, автомобилями, броневиками и обеспечение достаточным количеством снарядов и патронов является непременным условием нашего успеха. Для приобретения всего этого необходим достаточный запас иностранной валюты. Таковой должен быть хлеб. Принимая все меры для того, чтобы победить врага, мы ни минуты не должны забывать необходимости обратить Крым, наше последнее убежище, в неприступную крепость, дабы в случае неудач на фронте мы могли бы держаться в Крыму. Крым должен быть обеспечен всем необходимым – запасом продовольствия, фуражом, углем, нефтью, артиллерийскими запасами.

Отношение населения к армии особенно благожелательно. Необходимо в замен приносимых населением жертв дать населению порядок и улучшить его экономическое положение. Необходимо принять самые срочные меры, чтобы наладить гражданское управление в тылу, ввести волостные земства, обеспечить население наиболее необходимыми товарами – углем, железом, земледельческими орудиями, мануфактурой, обувью, устранить задержки в уплате денег по

реквизиционным квитанциям, облегчить крестьянам подводную повинность.

Тоже и в отношении городского населения и в частности рабочих. Все, что возможно с государственной точки зрения, должно быть сделано для разрешения рабочего вопроса в интересах рабочих. Вместе с тем, необходима самая решительная борьба с попытками саботажа, забастовок и т. д. Необходимо, чтобы главнейшие жизненные центры были обеспечены для непрерывного действия правительственного аппарата. Надо подобрать соответствующий кадр рабочих из военнообязанных для обслуживания экспедиции заготовления денежных знаков, главнейших железных дорог, водопроводных и электрических станций, в частности обращаю внимание на электрическую станцию в Симферополе, центральную для всего фронта.

В заключение я обратил внимание на необходимость требования от всех учреждений и лиц, в настоящих условиях, самой напряженной работы. Работа должна идти революционным темпом, рутины быть не может. Объявленные правительством мероприятия не только должны проводиться быстро, но и так, чтобы население верило, что со стороны власти нет колебаний в проведении в жизнь намеченных мер. В этом отношении особенно необходимо обратить внимание на проведение в жизнь приказа о земле. Необходимо, чтобы у крестьян была уверенность, что этот приказ власть искренне готова провести в жизнь. Из бесед моих с крестьянами во время последнего моего объезда я убедился, что этого нет.

Недостаток людей чувствовался во всем. Если в войсках было мало опытных строевых начальников, то гражданские управления были особенно бедны людьми. Еще при моем предшественнике эти управления пополнялись людьми случайными, в дальнейшем, по

развале Вооруженных сил Юга России значительное число служащих оставили пределы родины и в большинстве управлений оставались лишь те, кто не мог по тем или иным причинам выехать за границу, или обремененный семьей вынужден был из-за куска хлеба тянуть служебную лямку. При этих условиях трудно было требовать от них творческой работы.

С первых же дней вступления своего в должность моего помощника и председателя совета, А. В. Кривошеин написал целому ряду лиц, призывая их к работе. Однако, кроме Никора Васильевича Савича, ни один из этих лиц не решился отдать свои силы на дело, казавшееся безнадежным. Большинство отнекивалось под тем или иным предлогом. Одни ссылались на свое здоровье, другие на свои личные частные дела, некоторые признавались, что потеряли веру в дело и в самих себя. Так, бывший министр земледелия, А. А. Риттих, намечавшийся Александром Васильевичем на должность начальника гражданского управления, телеграфировал, что «потерял веру в свои силы».

А. В. Кривошеин горько жаловался мне на трудность в работе в таких условиях. «За исключением Савича и Струве мне даже и посоветоваться не с кем», говорил он. «Помощников совсем нет, приходиться всю мелкую работу делать самому». Он действительно работал по двенадцати часов в сутки. Однако, духом не падал. Наши последние победы в значительной степени ободрили его.

– «Все зависит от наших дальнейших успехов, увеличится занятая нами территория, удастся захватить нам каменноугольный район или нефтеносные кавказские земли, будет и поддержка иностранцев, будут и деньги, тогда все пойдут к нам», говорил он. Подолгу обсуждали мы вместе настоящее положение, искали выходов. Маленькая территория Крыма не могла долго

прокормить армию. Незначительная база не давала возможности, опираясь на нее, начать обширные операции против армий советской России. Расширение этой базы, захват новых обладающих естественными богатствами областей, могущих дать новые источники пополнения и обеспечить заграничный кредит, являлось необходимым. Однако, расширение занятой территории требовало увеличения численности армии. Последнее при отсутствии технических средств, оружия и снаряжения, являлось недостижимым. Перед нами был заколдованный круг. Поляки отходили по всему фронту. За последние дни их отступление обращалось в беспорядочное бегство. Уже теперь красное командование получило возможность, снимая войска с польского фронта, направлять их на юг. За последнее время против нас было обнаружено несколько прибывших с запада новых дивизий. В недалеком будущем, покончив с поляками, красные получали возможность всей массой своих сил обрушиться на нас.

Единственным источником пополнений армии могли быть еще казачьи земли. При развале армии генерала Деникина десятки тысяч казаков разошлись по домам с конями, оружием и снаряжением. Огромные боевые запасы были оставлены на северном Кавказе и на Дону. Несмотря на то, что на Дону и на Кавказе в течение нескольких лет велась кровавая борьба, эти края были богаты еще местными средствами. Все это заставляло склоняться к перенесению нашей борьбы в казачьи области. Сведения нашей разведки с Кубани и Дона были благоприятны. В целом ряде станиц казаки восставали против советской власти. Население укрывало наших разведчиков и всячески помогало им. Правда, имелись сведения о том, что по занятии Кавказа красное командование приняло ряд мер к обезоружению населения; большое число казаков было выселено в центральные губернии России…

Операция по расширению нашей базы путем захвата казачьих областей могла вестись лишь опираясь на местные силы, рассчитывая, что при появлении наших частей по всей области вспыхнут восстания. Для операции мы не могли выделить значительных сил, т. к. удержание нашей житницы, Северной Таврии, являлось жизненной необходимостью. Лишь впоследствии, в случае первоначальных крупных успехов и захвата богатых областей Северного Кавказа, мы могли бы, оттянув войска к перешейкам Крыма и закрепившись здесь, направить большую часть сил для закрепления и развития достигнутых на востоке успехов.

После всестороннего обсуждения я принял план: пополнив армию, приведя в порядок тылы, нанести противнику новый удар на северном фронте и тем развязать себе руки. Затем, удерживаясь в Северной Таврии, перебросить часть сил (кавказские казачьи полки) на Кубань и, опираясь на местное казачество, очистить от большевиков кубанские земли. В дальнейшем, оставив Северную Таврию и удерживая 1-ым корпусом крымские дефиле, перебросить на помощь кубанским донские полки.

В предвидении начала операции по очищению от красных казачьих земель, представлялось необходимым окончательно разрешить «казачий вопрос». В связи с этим надо было точно определить взаимоотношения правительства юга России с казачьими правительствами. Широкая местная автономия, дающая возможность использовать налаженный уже аппарат местного казачьего управления, мне представлялась желательной. В то же время для обеспечения успеха нашей дальнейшей борьбы, все наиболее жизненные отрасли государственной власти – вооруженную силу, финансы, пути сообщения, почту и телеграф, я считал необходимым сохранить в полном своем распоряжении.

Для заключения соглашения с казаками обстановка была благоприятной. Самостийные течения потеряли у казаков всякое значение. Строевое казачество относилось к ним явно враждебно. Чувствуя недоверие в строевых частях, находясь в полной зависимости от правительства юга России атаманы и их правительства всячески искали сближения с главным командованием. Донской атаман генерал Богаевский и терский – генерал Вдовенко были сами по себе чужды «самостийности». Они лишь не имели достаточно широкого государственного кругозора, ни должной силы характера, чтобы бороться с демагогией казачьих политиканов.

Что касается кубанцев, то за сложением с себя звания атамана генералом Букретовым, атаманская булава оказалась в руках председателя кубанского правительства инженера Иваниса, весьма близкого к самостийным кругам рады. Против него в среде кубанских частей было большое озлобление, его считали одним из виновников позорной сдачи Кубанской армии. Собравшиеся, с моего согласия, 25-го июня в Феодосии, для обсуждения некоторых своих казачьих дел, члены кубанской рады, объявили генерала Букретова и инженера Иваниса изменниками и потребовали сложения ими с себя полномочий, однако Иванис от этого отказался, ссылаясь на то, что постановление членов рады незаконно, за отсутствием кворума. Последнее было справедливо. Вместе с тем Иванис официальным письмом уведомил меня, что считает для себя обязательным подписанное в апреле соглашение с главным командованием. В разговоре со мной он выражал готовность дополнить этот договор отдельным соглашением на намеченных мною основаниях. Члены рады продолжали настаивать на сложении Иванисом своих полномочий. В одном из заседаний члены рады единогласно объявили об избрании ими кубанским атаманом гене-

рала Улагая. Постановление было явно незаконно. Это сознавал и сам генерал Улагай, категорически отказавшийся от принятия атаманской булавы. Помимо незаконности избрания, генерал Улагай указывал и на другие причины своего отказа. Он вообще уклонялся от политической деятельности, считая себя исключительно строевым начальником.

После долгих переговоров члены рады согласились отложить вопрос о выборе нового атамана до того времени, когда рада получит возможность собраться в законном составе.

Весьма озабочен я был вопросом о печати. С упразднением политической части штаба отдел печати переходил в ведение начальника гражданского управления. Как чины этого отдела, так и большинство цензоров на местах, были прежними служащими Освага. Осваг не без основания оставил по себе недобрую память. Там пристраивались те, кто имел руку и состав служащих был чисто случайный. Ни опыта, ни определенных твердых убеждений в большинстве случаев у этих людей не было. За исключением одной серьезной газеты «Великая Россия», издававшейся под редакцией В. М. Левитского и при участии Н. Н. Львова, Н. Н. Чебышева и В. В. Шульгина, остальная печать была типично мелко провинциальной. Печать эта весьма слабо отражала значение русского национального дела и характер южнорусской власти в вопросах внешней и внутренней политики. Сплошь и рядом, преднамеренно или случайно, по вине редакции, или недосмотру, или непониманию цензора, в печать проскальзывали заметки, сообщения или статьи, долженствующие произвести за границей весьма для нас неблагоприятное впечатление.

В газете монархического направления «Русская Правда» издававшейся в Севастополе, появился целый

ряд статей определенно погромного характера. Весьма дружественно к нашему делу расположенные представители Америки – адмирал Мак-Колли и Франции, заменивший генерала Манжена, майор Этьеван, почти одновременно один за другим пришли ко мне с номерами газеты в руках и предупреждали меня о том неблагоприятном впечатлении, которое помещенные в газете статьи неминуемо произведут на общественное мнение в этих странах. Я тогда же отдал приказ, объявив вновь выговор и закрыл газету.

В настоящей сложной политической обстановке при господствующих на западе демократических влияниях и полной зависимости нас от западноевропейских государств, приходилось быть особенно осторожным. Враждебные нам круги русской зарубежной общественности вели предательскую работу, подыгрываясь к западноевропейской демократии. В нашей борьбе хотели видеть борьбу не национальную, а националистическую, не освобождение, а реставрацию. Пользуясь всяким поводом: так в обращении моем к «русским людям», выпущенным в дни нашего перехода в наступление слово «хозяин», напечатанное к тому же крупным шрифтом, вызвало в левой прессе целую бурю – К сожалению, органы печати, подобные «Русской правде» давали к этому повод, 5-го июля в газете «Великая Россия» была помещена, имеющая декларативный характер, беседа моя с представителем этой газеты Н. Н. Чебышевым:

– «На днях я имел случай беседовать с генералом Врангелем о политике главного командования.

Генерал Врангель при этом высказал свои взгляды по общим вопросам политики, выдвинутым ходом событий.

За что мы боремся.

– На этот вопрос, заявил генерал Врангель, может быть только один ответ: мы боремся за свободу… По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, социалистом, даже марксистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловещего деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия и даже новый ее, якобы господствующий, класс пролетариата, придавленный к земле, как и все остальное население. Теперь это не составляет тайны и в Европе. Над советской Россией приподнята завеса. Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, трактующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не видел в самые мрачные времена своей истории. В Европе долгое время не понимали, но теперь, по-видимому, уже начинают понимать то, что мы ясно сознаем: все мировое значение нашей домашней распри. Если наши жертвы пропадут даром, то европейскому обществу, европейской демократии придется самим встать на вооруженную защиту своих культурных и политических завоеваний против окрыленного успехом врага цивилизации.

Хозяин.

– Слову «хозяин» посчастливилось. Оно стало ходячим словом. Россия сейчас не имеет «хозяина». Им я себя никоим образом не считаю, что признаю долгом засвидетельствовать в самой решительной форме. Но я никак не могу признать «хозяином» земли русской неведомо кем уполномоченный московский совнарком – бурьян, выросший из анархии, в которую погружена Россия. «Хозяин» – это сам русский народ. Как он

захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха, Россия будет монархией. Если он признает полезной для себя республику – будет республика.

Но дайте народу возможность выразить свои желания без чрезвычаек и без наведенных на него пулеметов. Большевики разогнали учредительное собрание, рассадили по тюрьмам, убили некоторых его членов. Большевики бояться всякого правильного законного правительства, в котором может вылиться воля народа. А мы стремимся установить минимальный порядок, при котором народ мог бы, если пожелает, свободно собраться и свободно выразить свою волю. Мои личные вкусы не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти я отрешился в своей официальной деятельности от личных влечений к тому или другому порядку. Я беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли.

Еврейский вопрос.

Я поинтересовался узнать мнение генерала Врангеля о еврейском вопросе.

– В народных массах действительно замечается обострение ненависти к евреям. Чувство это все сильнее развивается в народе. В последних своих проявлениях народные противоеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами. Всякий погром разлагает армию. Войска, причастные к погромам, выходят из повиновения. Утром они

громят евреев, а к вечеру они начнут громить остальное мирное население. Еврейский вопрос, вопрос тысячелетний, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления, но исключительно при наличности крепкой, опирающейся на закон и реальную силу, государственной власти. В странах, где анархия и произвол, где неприкосновенность личности и собственности ставится ни во что, открыт простор для насильственных выступлений одной части населения против другой. Наблюдаемое в последнее время обострение вражды народа к еврейству быть может один из показателей того, насколько народ далек от коммунизма, с которым он склонен ошибочно отождествлять все еврейство. С оживлением деятельности большевистской власти в известной местности там растут и противоеврейские течения.

Россия и Европа.

– Я всей душой жажду прекращения гражданской войны. Каждая капля пролитой русской крови отзывается болью в моем сердце. Но борьба неизбежна, пока сознание не прояснилось, пока люди не поймут, что они борются против себя, против своих прав на самоопределение, что они совершают над собой немыслимый акт политического самоубийства. Пока в России не установится настоящая государственная власть любого настроения, но такая, которая будет основана на освященных вековыми исканиями человеческой мысли началах законности, обеспеченности личных и имущественных прав, на началах уважения к международным обязательствам, в Европе никогда не наступит ни мира, ни улучшения экономических условий. Невозможно будет заключить ни одного мало-мальски прочного международного соглашения и ни о чем как следует договориться. История когда-нибудь оценит самоотречение и труды горсти русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке русской

земли, боролись за устои счастья человеческого, за отдаленные очаги европейской культуры. Дело русской армии в Крыму – великое освободительное движение. Это священная война за свободу и право».

А. В. Кривошеий, так же как и я, сознавал необходимость упорядочения печатного дела, подбора соответствующих лиц в центральных и местных отделах цензуры. К сожалению в этом деле приходилось считаться с отсутствием людей. Заведование отделом печати было предложено профессору Новгородцеву и профессору Алексееву. Однако, оба отказались; отказались и другие лица, находящиеся вне Крыма. Впредь до подыскания соответствующего лица, начальником отдела печати оставался Г. В. Немирович-Данченко, назначенный на эту должность по рекомендации и.д. начальника гражданского управления С.Д. Тверского. Человек крайне ограниченный, без всякого опыта и достаточных знаний, Немирович-Данченко был совершенно не на месте.

В связи с успехами большевиков на польском фронте положение представителя советского правительства в Лондоне значительно окрепло. На поляков англичане оказывали давление, побуждая заключить мир. Итальянцы также склонялись к заключению соглашения с советами. Одни Франция и Америка оставались верными прежней политике.

Мильеран в палате депутатов 24-го июня заявил, что не собирается вступать в сношения с советским правительством, ибо оно не есть правительство. Если оно примет облик правительства, если оно поймет, что нельзя одновременно вести переговоры с Англией и предлагать ее же рабочим делать революцию и поймет, что первой обязанностью правительства, претендующего на такое название, должно быть признание обязательным для него всех международных соглашений,

заключенных предшествующими русскими правительствами, – «тогда мы посмотрим».

Основным условием официальных сношений союзников с большевиками французское правительство ставило признание последними всех предшествующих обязательств русского правительства. Ллойд-Джорж готов был идти и в этом вопросе на уступки. Франция поэтому воздержалась от переговоров, а английское правительство отправило ноту советскому, содержащую предложение заключить перемирие с поляками и согласиться на установление союзниками границ между Россией и Польшей.

Польские войска должны будут уйти на линию, установленную в прошлом году конференцией, как предел бесспорно польских территорий, т. е. за линию, проходящую через Брест-Литовск. Большевикам предлагается не переходить за черту, отстоящую от этой линии на 50 километров к востоку. В случае установления перемирия, для заключения мира с советским правительством и решения всех вопросов, с ним связанных, предлагается собрать в Лондоне в начале августа конференцию с участием, кроме Польши, еще Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, а также представителей Восточной Галиции, для предоставления последним возможности отстаивать свои притязания на независимость. В случае принятия советами этого предложения, английский премьер со своей стороны согласится на свободный выбор большевиками своих представителей. Сообщая об этом, Гирс телеграфировал:

«Это перемирие должно быть распространено на фронт Врангеля, который должен будет отступить на перекопский перешеек. Если Врангель на это согласится, ему будет предложено прислать своих представителей на лондонскую конференцию. На ответ

большевикам дается восемь дней. Предложение это делается от лица союзников».

Через два дня, 4(17) июля, М.Н. Гирс вновь телеграфировал по поручению П.Б. Струве, выехавшего в Спа, где заседал Верховный Союзный совет:

«Английское правительство предложило советам тотчас заключить перемирие с Польшей, созвав в Лондоне конференцию для установления мирных отношений регулирования русских дел. Английское правительство также предлагает советам заключение перемирия с нами на условиях, чтобы наша армия была уведена в Крым и чтобы во время перемирия перекопский перешеек был сделан нейтральной зоной. Нас предполагается пригласить на конференцию, но не в качестве равноправных участников, а лишь только для обсуждения судьбы нашей армии и беженцев. В письме к Ллойд-Джорджу и Мильерану я настаиваю на необходимости для нас сохранить занятую территорию и принять участие в конференции на равных правах с другими участниками. Мильеран при личном свидании указал мне, что французское правительство не приняло участия в английском шаге, но вынуждено признать необходимость этого шага для предупреждения тех опасностей, которые созданы для Польши и для нас победами большевиков. Признавая всю важность для нас участия в конференции, советует нам настаивать на этом пункте и в случае необходимости уступить в вопросе о сохранении территории, хоть он вполне признает значение для нас и этого вопроса. Я считаю наше участие в конференции, имеющим великое значение для упрочения нашего положения и вообще для всего нашего дела. При определении нашего отношения к английскому правительству, мы должны считаться с тем фактом, что победы большевиков над Польшей создали для нас тяжелое положение и дают им возможность обрушиться на нас всеми силами».

В Палате Общин Бонар-Лоу заявил:

– «Под покровительством мирной конференции будет созвана конференция представителей советской России, Польши, Галиции и Сибири для переговоров об окончательном мире между Россией и соседними с ней государствами. Британское правительство делает отдельное предложение о заключении перемирия между войсками советской России и генерала Врангеля условием, что войска генерала Врангеля немедленно возвращаются в Крым, что во время перемирия эта территория будет нейтральной и что генерал Врангель будет приглашен в Лондон для обсуждения судьбы его войска и управляемой им территории, но не в качестве члена конференции». (Телеграмма российского представителя в Константинополе А.А. Нератова от 6(19) июля 1920 года за № 551.)

7(20) июля Нератов телеграфировал Струве по моему поручению, что:

«Требование отвода войск к перешейкам равносильно обречению армии и населения голодной смерти, ибо полуостров не в состоянии их прокормить».

29-го июня в день Петра и Павла у меня был прием для членов правительства, высших чинов моего штаба и управлений, атаманов и их правительств.

4-го июля я выехал в Мелитополь.

К этому времени части армии закончили перегруппировку, 1-ый армейский корпус генерала Кутепова сменил 2-ой армейский корпус генерала Слащева и занял участок от деревни Вальдгейм через хутора Острякова и Вальдорф и далее до Днепра у станции Попово, 2-ой армейский корпус стал по течению Днепра, пополнялся и приводился в порядок после беспрерывных полуторамесячных боев.

Донской корпус оставался на старом участке от Азовского моря в районе Ногайска до Вальдгейма.

Сводный корпус генерала Писарева расформировывался, кубанцы сели на коней и Кубанская казачья, 1-ая и 2-ая конные дивизии, сведенные в конный корпус под начальством бывшего начальника донской дивизии генерала Калинина, только что назначенного командиром корпуса, сосредоточились в районе Большого Токмака.

В Мелитополе формировалась 6-ая пехотная дивизия.

Красные также приводили свои части в порядок и перегруппировывались. Свежие пополнения беспрерывно подходили к XIII-ой советской армии, как из восточных округов Европейской России и Западной Сибири, так и с Кавказа и польского фронта. За последнее время на фронте были обнаружены вновь прибывшие 68-ая и 69-ая бригады 23-ей стрелковой дивизии, сводная бригада «товарища» Плетнева, 16-ая кавалерийская дивизия, 15-ая стрелковая дивизия была оттянута на отдых в Екатеринослав, 154-ая бригада 52-ой стрелковой дивизии была оттянута на правый берег Днепра в район Бериславля.

Силы противника на северном фронте исчислялись в одиннадцать пехотных и шесть конных дивизий всего 35 000 штыков и 10 000 шашек. Общая численность армии противника исчислялась в 250–300 тысяч (считая и тыловые части).

Агентура из достоверных источников доносила о сведении кавалерийских дивизий (2-ой и 16-ой) и дивизий бывшего конного корпуса Жлобы, получивших после формирования и пополнения номера 20 и 21, в II-ую конную армию. Последняя, численностью 4,5–5 тысяч шашек обнаружена была в ближайшем тылу XIII-ой советской армии на ореховском направлении. Были получены сведения о работе в тылу противника партизан. С некоторыми из партизанских отрядов

Гришина, Процана, Яценко и других удалось установить связь. По мере возможности мы снабжали их деньгами и оружием.

5-го июля войскам был отдан приказ: генералу Кутепову объединить командование Донским, 1-ым армейским и конным корпусами; сосредоточить сильную ударную группу в районе Токмака и на рассвете 10-го июля (по просьбе генерала Кутепова впоследствии начало операции было отложено на два дня) разбить александровскую группу красных, стремясь прижать ее к Днепровским плавням. По выполнении этого, удерживая частью своих сил линию рек Жеребец – Конская, прочими силами ударной группы бить по тылам пологской и верхнетокмакской групп противника; генералу Слащеву выполнять прежнюю задачу.

Приказав ставке переходить из Мелитополя в Джанкой, я вечером 5-го июля вернулся в Севастополь.

Положение на фронте поляков становилось все серьезнее. Чичерин в ответ на предложение Ллойд-Джорджа о перемирии сообщил, что он отвергает всякое посредничество Англии в отношениях между Польшей и советами, а равно и с мятежником Врангелем, которому лишь в случае капитуляции обещает обеспечить жизнь.

Под давлением обстановки новое польское коалиционное правительство, во главе с Витошем, обратилось непосредственно к советам с просьбой о перемирии.

Я всячески торопил отъезд генерала Махрова в Польшу. Наконец, после целого месяца сношений, было получено согласие польского правительства на его назначение военным представителем в Варшаву и он на американском миноносце выехал в Константинополь.

8-го вечером я вернулся в Джанкой. На следующий день А. В. Кривошеий вызвал меня к аппарату:

– «Только что получена телеграмма от П. Б. Струве. Французское правительство изъявило готовность признать де-факто правительство юга России. Это большая политическая победа».

Да, это действительно была крупная победа нашей внешней политики, увенчивающая трехмесячную работу.

Гирс телеграфировал 7(20) июля:

«Струве просит передать генералу Врангелю: сегодня Мильеран вызвал меня и сказал, что он согласен признать правительство Вооруженных сил юга России, как правительство существующие де-факто при следующих условиях: мы должны заявить, что признаем все долговые обязательства, предшествующих русских правительств в доле, соответствующей занимаемой нами территории, что нами признается происшедший в процессе революции переход земли в руки крестьян, который должен быть утвержден на праве собственности и что мы в подходящий момент создадим народное представительство на демократических основаниях. Это заявление должно быть облечено в форму пожелания о нашем признании де-факто. Пожелание это должно быть обращено к председателю совета министров Французской республики Мильерану. Я горячо советую принять без замедления предложение Мильерана, так как наше признание де-факто Францией будет огромным успехом в деле закрепления нашего международного положения. Оно весьма облегчит дело нашего снабжения. Признание долговых обязательств надлежит выразить применительно ко всему русскому государственному долгу без оговорок о доле, соответствующей занимаемому нами пространству, ибо, как я подчеркнул Мильерану, мы считаем себя носителями национальной идеи, представителями российской государственности. Он с такой постановкой вопроса со-

гласился. Предложение Мильерана сделано строго конфиденциально».

20-го июля, по тексту «Journal officiel», Мильеран в палате депутатов заявил:

«Позволю себе отметить положение генерала Врангеля, который в Крыму и в Таврии благоприятствуемый в настоящее время обстоятельствами, мужественно и с успехом борется с большевизмом. Им образовано настоящее правительство, существующие де-факто, сумевшее обеспечить себе поддержку и симпатии населения проведением аграрной реформы, распределением земли между крестьянами. В настоящее время оно занято установлением народного правительства. В тот день, когда это правительство, существующее де-факто, попросило бы о признании его как такового, ему было бы, само собой разумеется, поставлено предварительным условием – объявить себя солидарным и ответственным за все обязательства, принятые на себя прежними русскими правительствами в отношении иностранных государств».

Согласно данных мною указаний князь Трубецкой 18(31) июля телеграфировал Струве:

«Благоволите уполномочить Гирса в форме, которую признаете соответственной, сделать Мильерану заявление. Желательно подчеркнуть, что, принимая на себя все обязательства предшествующих российских правительств, мы, в качестве носителей русской государственности и национальной идеи, ожидаем признания за собой соответственных прав.

Что касается земельного вопроса, то приказом Главнокомандующего от 25-го мая земля уже передается крестьянам на правах собственности, т. е. мы уже фактически осуществили то, что нам ныне предъявляется в качестве пожелания. Равным образом в согласии с прежними заявлениями Главнокомандующий

уполномочивает Вас установить, что он ставит главной своей задачей дать народу возможность свободно изъявить свою волю относительно основных вопросов государственного устройства, как только обстоятельства это дозволят. В полном соответствии с этими общими намерениями, приказом от 15-го июля, власть и управление на местах предоставляются земским волостным учреждениям, выбираемым на демократических началах.

Благоволите передать Мильерану живейшую признательность Главнокомандующего за его сочувственное нам заявление. Поддержка, оказываемая в настоящее тяжелое время французским правительством русскому национальному делу, отвечает традиционной дружбе двух союзных держав и несомненно и в будущем закрепит их взаимное тесное единение на почве тождественности взаимных политических интересов и целей».

Между тем 10-го июля наша ударная группа – весь конный корпус с приданной ему, посаженной на повозки, Дроздовской дивизией сосредоточился в районе Б. Токмака. В 4 часа утра 12-го июля все части генерала Кутепова перешли в решительное наступление. В полдень конница генерала Калинина заняла Орехов, откуда генерал Калинин направил 2-ую конную дивизию с 3-им Дроздовским полком на Александровск. К вечеру эти части заняли деревню Жеребец. Корниловцы к вечеру выдвинулись с боями на линию Ланскроне – Шонзе – Сладкая Балка. Марковцы – на линию реки Янчокрак.

13-го июля Кубанская казачья дивизия, с двумя полками Дроздовской дивизии, вела бой в районе Орехова, 1-ая конная дивизия двинута была на помощь марковцам, встретившим крайне упорное сопротивление, 2-ая конная дивизия двинута была в обход на

Александровск с севера. Генерал Калинин сразу разбросал свои части. Я телеграфировал генералу Кутепову, указывая на необходимость действовать сосредоточенной массой конницы.

Действия генерала Калинина утра 14-го были столь же неудачны. Сперва, по недостаточно проверенным сведениям, он двинул 1-ую конную и Кубанскую дивизии на Копани, заняв дроздовцами высоты западнее Орехова. Кубанцы имели красивое дело, захватив 1500 пленных и одно орудие. Между тем конница противника всеми силами обрушилась на 2-ую конную дивизию генерала Морозова, потеснила ее и беспрепятственно заняла Орехов. Генерал Калинин бросился туда. К ночи дроздовцы овладели Ореховым. 1-ая конная дивизия заняла Аул. Кубанцы заночевали к востоку от Орехова. Корниловцы и марковцы вели весь день упорные бои, причем марковцы вышли на линию реки Конской, овладев деревней Веселой и Царицынским Кутом.

15-го июля донцы имели крупный успех, разгромили 40-ую стрелковую дивизию противника в районе Юльевка, захватили 1500 пленных, 7 орудий, 35 пулеметов и отбросили противника на восток за железную дорогу. Генерал Калинин продолжал топтаться на месте. К вечеру его части располагались: 1-ая конная и кубанская дивизии в Ауле и Жеребце; 2-ая конная дивизия с 3-им Дроздовским полком в районе Камышеватки, два дроздовских полка в Орехове. Марковцы, оставив охранение на реке Конской, отошли в район Щербаковка – Яковлевка – Янчокрак. Корниловцы продолжали занимать свой участок. Я вновь телеграфировал генералу Кутепову, требуя от конницы решительных действий.

16-го с рассветом противник сам перешел в наступление в районе Сладкой Балки и потеснил корниловцев

к долине реки Чингул. Одновременно конница красных оттеснила 3-ий Дроздовский полк и охранение Марковской дивизии и заняла район Юльевка – Веселое – Ново-Григорьевское. Конница генерала Калинина продолжала топтаться в районе Жеребца – Васиновки – Малой Токмачки.

Убедившись, что генерал Калинин справиться с задачей не может, я по телеграфу отчислил его, приказав вступить в командование корпусом начальнику Кубанской дивизии генералу Бабиеву.

17-го июля донцы вновь нанесли противнику жестокий удар, захватили 500 пленных, 3 бронепоезда, 3 орудия, пулеметы, склад снарядов и запасы бензина. К ночи Донской корпус остановился на высотах севернее Черниговки и Семеновки северной. Корниловцы энергичным ударом овладели деревнями Вернерсдорфом, Скелеватой и Сладкой Балкой и вышли к вечеру правым флангом на линию Ново-Михайловка – Очертоноватое. Марковцы, поддержанные 3-им Дроздовским и 7-ым конным полком 2-ой конной дивизии, наступали на Яковлевку, Юльевку, Веселое и Царицынский Кут. С вступлением в командование доблестного генерала Бабиева действия конницы сразу изменились. Выполняя указанную мною задачу разбить главную группу противника – конницу красных, прижав ее к Днепру, генерал Бабиев направил: 1-ую конную и Кубанскую дивизии под командой генерала Барбовича от Малой Токмачки на Васиновку и далее на Жеребец, в охват левого фланга конной группы противника. Одновременно 2-ая конная дивизия генерала Морозова двинута была на Аул, где завязала бой с конницей красных, наступавших на Ново-Павловку. Два дроздовских полка вышли на север от Орехова.

В районе Малая Токмачка – Блуменфельд, конница генерала Барбовича столкнулась с красными частями

16-ой и 20-ой кавалерийских дивизий. При содействии дроздовцев, ударивших во фланг развернувшейся конницы красных, генерал Барбович рассеял противника и захватил семь орудий. Преследование велось до двух часов ночи и лишь полное истощение коней не дало возможности развить успех.

День 18-го июля прошел спокойно. Донцы заняли 3-ей дивизией Верхне-Токмак, Черниговку, Семеновку южную; 2-ой дивизией – линию Семеновка северная – Конские Раздоры – Пологи. Корпус генерала Бабиева сосредоточился для новой атаки. В полночь на 19-ое июля генерал Барбович 1-ой конной и Кубанской казачьей дивизиями внезапно атаковал деревню Васиновку, застигнув врасплох расположенную там дивизию красной конницы. Красные бежали в разных направлениях, оставив в наших руках три гаубицы, два бронеавтомобиля, пулеметы и обозы. В шесть часов утра 19-го одновременным ударом Кубанской и 1-ой конной дивизий с севера и 2-ой конной и Дроздовской с юга, генерал Бабиев атаковал деревню Жеребец, разбил следующую конную группу красных, захватил вновь пять орудий, зарядные ящики, пулеметы и обозы, после чего сосредоточил свои силы в районе Аула.

19-го июля донцы выбили красных из Конских Раздоров, но затем сами были оттеснены на Семеновку и Ново-Григорьевку. Правый фланг занял район Басань – Вербовое – Работай.

20-го противник продолжал отходить на север. Передовые части Кубанской дивизии с одним Дроздовским полком овладели городом Александровском, 1-ая и 2-ая конные дивизии наступали на север от Александровска. На 21-ое июля конница генерала Барбовича ночевала в районе Григорьевска.

В боях с 12-го по 20-ое июля нами было взято свыше 5000 пленных, более 30 орудий, 150 пулеметов, 4

бронепоезда и другая военная добыча. Верхнетокмакская, пологская и александровская группы красных были разбиты. В ночь на 21-ое июля наши части получили приказание, разрушив Александровский железнодорожный узел, оставить город.

К утру 22-го июля 1-ая конная и Дроздовская дивизии были оттянуты в деревню Жеребец, 2-ая конная в деревню Васиновку, кубанцы направлены были на станцию Пришиб для погрузки и переброски в Феодосию. Туда же направились терские и астраханские полки.

К вечеру 22-го июля я вернулся в Севастополь.

22-го июля состоялось торжественное подписание соглашения моего с атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани.

– В виду совместно предпринятой борьбы за освобождение России от большевиков, Правитель и Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России и атаманы и правительства Дона, Кубани, Терека и Астрахани, в развитие соглашения от 2(15) апреля сего года, единодушно заключили настоящее соглашение:

1. Государственным образованиям Дона, Кубани, Терека и Астрахани обеспечивается полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении.

2. В совете начальников управлений при Правителе и Главнокомандующем участвуют, с правом решающего голоса по всем вопросам, председатели правительств государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, или заменяющие их члены сих правительств.

3. Главнокомандующему присваивается полнота власти над всеми вооруженными силами государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, как в оперативном отношении, так и по принципиаль-

ным вопросам организации армии. Государственные образования Дона, Кубани, Терека и Астрахани обязуются производить по указанию Главнокомандующего мобилизацию не менее сроков и категорий, какие устанавливаются на территории Вооруженных Сил на Юге России.

4. Все необходимые для снабжения борющихся с большевиками Вооруженных Сил Юга России продовольственные и иные средства предоставляются, по требованию Главнокомандующего, территориями Вооруженных Сил и государственными образованиями Дона, Кубани, Терека и Астрахани по особой разверстке.

5. Управление железнодорожными путями и магистральными телеграфными линиями предоставляется власти главнокомандующего.

6. Соглашения и переговоры с иностранными правительствами, как в области политической, так и в области торговой политики, осуществляются Правителем и Главнокомандующим. Если переговоры эти касаются интересов одного из государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, Правитель и Главнокомандующий предварительно входит в соглашение с подлежащим атаманом.

7. Устанавливается общая таможенная черта и единое косвенное облажение; отменяются всякие таможенные заставы и досмотры между отдельными территориями, участвующими в настоящем соглашении.

8. На территории договаривающихся сторон устанавливается единая денежная система. Эмиссионное право осуществляется Правителем и Главнокомандующим. Установление денежной системы и распределение денежных средств, получаемых от эмиссии составляет предмет дополнительных соглашений.

Размеры эмиссий определяются постановлением совета начальников управлений при Правителе и Главнокомандующем, при непременном участии представителей государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани и утверждаются Правителем и Главнокомандующим.

9. По освобождении территорий государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, настоящее соглашение имеет быть внесено на утверждение больших войсковых кругов и краевой рады, но приемлет силу тотчас по его подписании.

10. Настоящее соглашение устанавливается впредь до полного окончания гражданской войны.

Учинено в пяти экземплярах в Севастополе, июля 22-го, августа 4-го дня тысяча девятьсот двадцатого года.

Перед началом заседания в большом дворце было отслужено молебствие преосвященным епископом Вениамином. (На заседании, под моим председательством, присутствовали: А.В. Кривошеий, генерал-лейтенант Шатилов, атаман донского казачьего войска генерал-лейтенант Богаевский, и.о. атамана кубанского казачьего войска и председатель кубанского краевого правительства Иванис, атаман терского казачьего войска генерал-лейтенант Вдовенко, и.о. астраханского атамана Ляхов, и.о. председателя донского правительства Корженевский, за председателя кубанского правительства генерал-майор Захаров, председатель терского правительства Букановский, председатель астраханского правительства Санджи-Баянов. Члены совета при Главнокомандующем: вр. и. д. начальника военного управления генерал-майор Никольский, за начальника морского управления контр-адмирал Евдокимов, начальник управления снабжении генерал-лейтенант Вильчевский, вр. и. о. начальника управления иностранных сношений князь Трубецкой, и. д. начальника

гражданского управления Тверской, начальник управления торговли и промышленности Налбандов, начальник управления юстиции сенатор Таганцев, начальник управления земледелия и землеустройства сенатор Глинка, вр. и. о. начальника финансового управления Матусевич, государственный контролер Савич и вр. и. д. управляющего делами совета Сергеенко-Богокутский.)

Вечером у меня состоялся большой прием в честь представителей казачества, на котором присутствовали представители иностранных миссий, высшие чины военных и гражданских учреждений, представители городского управления и земства.

На следующий день состоялось заседание совета под моим председательством.

Я ознакомил совет с нашим военным положением и дал общие указания о работе в тылу на ближайшее время: работа эта идет по-прежнему не достаточно энергично. Так вывоз хлеба из Северной Таврии все еще не налажен. Правда, недостает рабочих рук и транспортных средств, но вместе с тем налицо и недостаточная распорядительность. Необходимо принять все меры, чтобы широкие массы крестьянства были ознакомлены с «приказом о земле». Армия должна нести крестьянам землю на штыках – вот психологическое значение приказа. Большевики это отлично учли и делают со своей стороны все возможное, чтобы препятствовать распространению приказа среди населения. В наших руках образцы распространяемого большевиками подложного секретного распоряжения, якобы исходящего от меня – не приводить приказа о земле в исполнение.

Важнейшая задача в настоящее время выработать определенный план снабжения и планомерно провести его в жизнь. В отношении армии и флота это уже

сделано, необходимо сделать то же самое и по гражданским ведомствам. Наметить общий план, проверить требования ведомости и сократить их до возможного предела.

Зеленые вновь проявляют свою деятельность. Борьба с ними должна вестись не столько военной силой, сколько путем внутреннего освещения и энергичной деятельности государственной стражи. И.д. начальника гражданского управления должен принять все меры для улучшения личного состава государственной стражи, в видах чего ему будет предоставлено право при предстоящем новом наборе выбрать наиболее подходящих людей.

Приказ о новой мобилизации был объявлен 27-го июля. Призывались военнообязанные досрочных призывов 1921 и 1922 годов.

Подготовка к предстоящей операции на Кубани продолжалась. Кубанцы, терцы и астраханцы заканчивали сосредоточение в Феодосии и Керчи. С Кубани и Дона поступали сведения о значительных восстаниях. Мелкие партии охотников, высаженные на азовском и черноморском побережье успешно вели партизанские действия. Наиболее крупная из этих партий под начальством донского войска полковника Назарова, высадившаяся удачно 26-го июня между Мариуполем и Таганрогом и значительно увеличившаяся примкнувшими к ней восставшими казаками, 9-го июля занимала район Александровск – Грушевск, в 35-ти верстах от Новочеркасска.

Последние дни обнаружено было сосредоточение противника в районе Бериславля. По всему нашему фронту активность красных увеличивалась.

За последнее время становилось ясным, что из переговоров поляков с большевиками ничего не выйдет. Советская власть под возможными предлогами начало

переговоров оттягивала, видимо желая выиграть время и дать возможность победоносно двигающимся красным войскам завершить разгром врага. Правда, Ллойд-Джордж еще делал отчаянные попытки достигнуть соглашения с советами, однако и он, видимо, начинал понимать безнадежность этих попыток. В одной из своих речей в палате он упоминал, что со своей стороны Англия сделала все для того, чтобы избежать необходимости «прибегнуть к крайним мерам». Политика Франции оставалась неизменной. Франция готовилась всемерно поддерживать Польшу, посылая туда военных руководителей, оружие и снаряжение.

Что касается Америки, то она решительно отказывалась от каких-либо переговоров с большевиками.

Казалось, приближался час, когда прозреет Европа, когда она учтет мировую опасность красного интернационала и поймет все значение нашей борьбы.

22 июля (4 августа) Гирс телеграфировал:

«В виду срочности минуты и оборота, который принял вопрос о перемирии, генерал Миллер вступил в переговоры с французскими военными властями и о результатах доносить непосредственно. Гирс».

Было ясно, что разрыв произошел и что отныне вопросы будут решаться не дипломатическими нотами, а оружием. Струве телеграфировал, что выезжает в Севастополь.

В тихий ясный вечер, когда догорал закат и радужными цветами играло и переливалось море и зажигались огни в погружавшемся во тьму городе, мы сидели с генералом Шатиловым на террасе дворца.

В эти часы мы часто сидели там, обмениваясь мыслями, обсуждая будущее. Мы почти никогда не посвящали один другого в наши внутренние переживания.

В тяжелые, почти безнадежные, дни мы, молча, согласились щадить один другого. Разговор обыкновенно

касался лишь существенной, деловой стороны. Лишь возвращаясь к прошлому, подчас признавались мы один другому в тех сомнениях и душевных муках, которые дотоле ревниво хранили в своей душе.

На этот раз разговор был более задушевный. Безмятежная тихая красота умирающего дня, временное затишье после многомесячных кровавых битв, некоторое прояснение в заволоченном черными тучами международном положении, все это вместе взятое располагало к душевным излияниям…

– «Да, мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которому мы свидетели и участники», задумчиво проговорил Шатилов. «Ведь всего три месяца тому назад, как прибыли мы сюда. Ты считал, что твой долг ехать к армии, я, что мой долг не оставлять тебя в эти дни. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха, что касалось меня, то я считал дело проигранным окончательно. С тех пор прошло всего три месяца…» Он замолчал.

– «Да, огромная работа сделана за это время и, сделана не даром; что бы не случилось в дальнейшем, честь национального знамени поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена и героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво.

– Нет, о конце борьбы речи теперь быть не может. Насколько три месяца тому назад я был уверен, что эта борьба проиграна, настолько теперь я уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе кубанской операции я не сомневаюсь, там на Кубани и на Дону армия возрастет и численно. Население сейчас с нами, оно верит новой власти, оно понимает, что эта власть идет освобождать, а не карать Россию. Поняла и Европа, что мы боремся не только за свое русское, но и за ее европейское дело. Нет, о конце борьбы сейчас думать не приходиться».

Молча слушал я слова друга и помощника.

Огромная работа сделана нами. Три месяца тому назад, прижатая к морю, на последнем клочке родной земли, умирала армия. Русский народ отверг ее. В ней видел он не освободителей, а насильников. Европа отвернулась от нас, готовая видеть во власти захватчиков России – власть, представляющую русский народ. Казалось1, конец неизбежен. Теперь наши войска победоносно двигаются вперед. Воскресшие духом, очистившись в страданиях, русские полки идут, неся с собой порядок и законность. Новая власть пользуется доверием народа. Ее лицо для него открыто. Мир, забывший было нас, вновь нас вспоминает и борьба горсти русских патриотов начинает приобретать значение крупного фактора международной политики. Да, это так. Но как ничтожен маленький клочок свободной от красного ига русской земли по сравнению с необъятными пространствами, залитой красной нечистью, России. Как бедны мы по сравнению с теми, кто ограбил несметные богатства нашей родины. Какое неравенство пространства, сил и средств обеих сторон. Редеют ежедневно наши ряды, раненые заполняют тыл. Лучшие опытные офицеры выбывают из строя, их заменить некем. Изнашивается оружие, иссякают огнеприпасы, приходят в негодность технические средства борьбы. Без них мы бессильны. Приобрести все это нет средств. Наше экономическое положение становится все более тяжелым. Хватит ли сил у нас дождаться помощи, придет ли эта помощь и не потребуют ли за нее те, кто ее даст, слишком дорогую плату. На бескорыстную помощь мы рассчитывать не в праве.

В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива. Доказательств этому искать недалеко. Всего несколько дней назад на уведомление мое о том, что в целях прекращения подвоза в

большевистские порты Черного моря военной контрабанды, я вынужден поставить у советских портов мины, командующие союзными английским и французскими флотами против этого протестовали, телеграфно уведомив меня, что эта мера излишня, раз они запрещают кому бы то ни было торговлю с советскими портами. Через четыре дня радиостанция нашего морского ведомства приняла радиограмму французского миноносца «Commandant Borix», отправленную, по-видимому, по просьбе одесского союза кооперативов, следующего содержания: «пароход (имя неразборчиво) отойдет 5-го августа в Геную с четырьмя тысячами тонн хлеба. Высылайте пароход с медикаментами, грузовыми машинами и хирургическими инструментами. Подпись: Рандони».

Что порукой тому, что, используя наши силы, те, кому мы сейчас нужны, не оставят нас в решительную минуту. Успеем ли мы дотоль достаточно окрепнуть, чтобы собственными силами продолжать борьбу.

Темно будущее и лучше не заглядывать в него. Выбора нет, мы должны бороться, пока есть силы.

11 июня 1923 г. Сремские Карловцы.

Глава VII
На Кубань

Подготовка к намеченной мной операции на Кубани закончилась. 29 июля должна была начаться погрузка войск одновременно в Феодосии и Керчи. 1 августа на рассвете десант должен был высадиться в районе станицы Приморско-Ахтарской и, заслонившись с севера, быстро двигаться в направлении на станцию Тимашевская – Екатеринодар, присоединяя по пути повстанцев и поднимая в станциях казаков. В состав десантного отряда входили: 1-ая Кубанская дивизия (конная) генерала Бабиева около 1000 шашек, 35 пулеметов, 6 орудий; 2-ая Кубанская дивизия (пешая) генерала Шифнер-Маркевича, 900 штыков, 100 шашек, 48 пулеметов, 8 орудий; Сводная пехотная дивизия генерала Казановича (1-ый Кубанский стрелковый полк, Алексеевский пехотный полк с Алексеевским артиллерийским дивизионом, Константиновское и Кубанское военные Училища), силою около 2500 штыков и шашек, 130 пулеметов, 12 орудий, несколько броневиков и 8 аэропланов. Отдельный отряд генерала Черепова в составе Корниловского военного училища и Черкесского дивизиона всего около 500 штыков с двумя горными орудиями, был предназначен начальником десанта, именовавшегося группой особого назначения, к высадке у Анапы в целях демонстрации совместно с действовавшими в этом районе повстанцами.

По данным нашей разведки повстанческие отряды действовали:

а) отряд полковника Скакуна, численность которого определялась разно от 400 до 1500 человек – в плавнях района Ачуева;

б) отряд генерала Фостикова – в Баталпашинском отделе в районе станиц Удобная – Передовая – Сторожевая – Кардоникская; отряд этот исчислялся в

несколько тысяч казаков и действовал под командой решительного начальника весьма успешно. К сожалению все попытки установить с генералом Фостиковым непосредственную связь были безуспешны;

в) отряд полковника Менякова – в районе станиц Суворовская – Бекетовская – Боргустанская;

г) наконец, вернувшийся недавно партизан полковник Лебедев, работавший некоторое время в районе Анапы донес о весьма удачных действиях повстанцев (зеленых) вдоль линии железной дороги Екатеринодар – Новороссийск.

По донесениям наших разведчиков казаки всюду враждебно относились к советской власти.

Сведения о противнике сводились к следующему: в районе Новороссийска – Таманского полуострова – 22-ая советская дивизия; на Тамани – бригада этой дивизии с кавалерийским полком; в районе станиц Крымская – Гостогаевская – бригада 9-ой советской дивизии; остальные части этой дивизии перебрасывались по железной дороге на север в район Ростова, видимо для борьбы с действовавшим на Дону партизаном толковником Назаровым. К северу от Таманского полуострова до самого Ейска побережье наблюдалось лишь слабыми частями 1-ой Кавказской кавалерийской дивизии (дикой), штаб которой располагался в станице Брюховецкой. Принимая во внимание крупные отряды повстанцев численность наших войск лишь немногим уступала противнику.

Означенные сведения давали основание рассчитывать, что при условии соблюдения должной скрытности и быстроты, высадку удастся провести почти беспрепятственно. В дальнейшем, двигаясь по родным местам среди сочувствующего населения и присоединяя к себе многочисленные повстанческие отряды, войскам удастся захватить самое сердце Кубани –

Екатеринодар и, прежде нежели красное командование успеет собрать значительные силы, очистить от красных северную часть Кубанской области.

По занятии Кубани, как указано было выше, я намечал оттянуть войска к Перекопу, перебросить на Тамань весь Донской корпус и, обеспечив прочную базу на Кубани, приступить к очищению Донской области. Во главе десантного отряда был поставлен генерал Улагай. Заменить его было некем. Пользуясь широким обаянием среди казаков, генерал Улагай один мог с успехом «объявить сполох», поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все. Отличный кавалерийский начальник, разбирающийся в обстановке, смелый и решительный, он во главе казачьей конницы мог творить чудеса. Я знал его отрицательные свойства, – отсутствие способности к организации, свойство легко переходить от большого подъема духа к унынию.

Ему необходимо было придать твердого и знающего начальника штаба. На эту должность я наметил генерала Коновалова, однако последний настойчиво просил его не назначать. Генерал Шатилов горячо рекомендовал мне генерала Драценко, занимавшего должность моего представителя в Батуми. О генерале Драценко я неоднократно слышал самые лучшие отзывы от генерала Деникина, Романовского и Эрдели, в бытность которого главноначальствующим Северного Кавказа генерал Драценко действовал против мятежных горцев. Генерал Шатилов знал генерала Драценко еще по Великой войне, где они служили вместе в штабе генерала Юденича. Позднее, в начале 19-го года при очищении мною от красных Северного Кавказа, генерал Драценко сражался под начальством генерала Шатилова в Дагестане, а затем, после ранения последнего некоторое время заменял его, действуя весьма удачно. Я

вызвал генерала Драценко к себе, беседовал с ним и вынес о нем благоприятное впечатление. Генералу Улагаю Драценко также понравился и он предложил ему должность начальника штаба, на что Драценко охотно согласился.

Дав генералам Улагаю и Драценко общие указания, указав задачу и наметив те силы и средства, которые по обстановке я мог дать им для выполнения этой задачи, я предоставил им самостоятельно разобрать план операции, распределить войска, указать войскам частные задачи, наладить снабжение, поручив генералу Шатилову лишь общее наблюдение. В дальнейшем, будучи всецело поглощен вопросами государственными и руководством войск на северном фронте, я мало вникал в выполнение порученной мной генералам Шатилову, Улагаю и Драценко задачи. Это было с моей стороны, как показали события, крупной ошибкой. Уже прибыв в Феодосию на посадку войск 29-го июля, я мог убедиться в этом. Огромный штаб генерала Улагая, помимо своей громоздкости, производил впечатление совершенно не сорганизованного, собранного видимо из случайных людей, между собой ничем не спаянных. Громадный тыл неминуемо должен был обременить войска.

Намечаемый десант на Кубань не мог оставаться в тайне. О нем знал кубанский атаман, от него узнали члены кубанского правительства и рады. Молва о том, что «идем на Кубань», облетела все тылы и докатилась до фронта. Распространяемым штабом сведениям о том, что десант намечается в район Таганрога для помощи полковнику Назарову, никто не верил.

Огромное число беженцев-кубанцев потянулось за войсками. Теснота при посадке была невероятная. По донесению генерала Казановича, мальчики – юнкера падали в обморок от духоты. По данным флота было

погружено 16000 человек, 4 500 коней, при общей численности войск в 5000 штыков и шашек. Все остальное составляли тыловые части и беженцы:

Менять что-либо было уже поздно. Я объехал пароходы, говорил с войсками, а затем, пригласив к себе начальника группы, еще раз подтвердил данные ему указания:

– «База отряда – Кубань. Оглядываний на корабли быть не должно. Всемерно избегать давления сил. Только решительное движение вперед обеспечит успех. Малейшее промедление все погубит.»

За несколько дней до моего приезда в Феодосию прибыла часть наших войск, отошедших зимой 20-го под начальством генерала Бредова из Одессы в Польшу и там интернированных. После многих месяцев переговоров, удалось добиться пропуска их через Румынию в Крым. В Польше они находились в ужасных условиях. Содержались в тесных лагерях, раздетые, почти не кормленные. Объехав грузившиеся войска, я смотрел прибывших «бредовцев». Сердце сжималось от боли. В лохмотьях, босые, некоторые в одном грязном нижнем белье… Прибывшие части должны были, отдохнув, одевшись и подкормившись в Феодосии, идти на пополнение частей 2-го корпуса.

В четыре часа дня 29-го июля, проводив корабли с войсками, я выехал в Джанкой, куда прибыл к вечеру и где застал прибывший сюда накануне поезд штаба.

В последних числах июля стали поступать сведения об усилении красных на правом берегу Днепра. Со дня на день следовало ожидать форсирования крупными силами противника нижнего течения Днепра. Данные агентурной разведки и радиослежки давали основания предполагать, что главный удар будет нанесен из района Бериславля (против Каховки) силами трех-четырех дивизий. В виду этих данных генералу Кутепову и

генералу Слащеву были даны соответствующие указания: генералу Кутепову – упорно удерживать северный участок фронта, собрав к своему левому флангу возможно большее количество сил; генералу Слащеву – оборонять линию Днепра, обратив главное внимание на Перекопское направление; генералу Барбовичу – во главе конного корпуса в составе 1-ой конной дивизии, 2-ой кавалерийской (в составе дивизии одна бригада безлошадная), 2-ой Донской казачьей дивизии и Алексеевского военного училища, было приказано сосредоточить в районе села Серагозы в мой резерв. Туда же предполагал я вывести Дроздовскую дивизию.

В случае переправы противником против 2-го корпуса значительных сил и отхода 2-го корпуса от Днепра к Перекопу, я рассчитывал, дав противнику оттянуться от переправ, нанести переправившимся удар в тыл.

Намеченную перегруппировку полностью осуществить не удалось. На фронте 1-го корпуса, противник, пополнив растрепанные части, подтянув на участок между Большим Токмаком и линией Днепра 11-ую конную армию и вновь прибывшую 1-ую стрелковую дивизию, повел наступление на левый фланг 1-го армейского корпуса, стремясь прорваться вдоль Днепра и выйти в тыл нашим частям. Одновременно противник перешел в наступление и против частей генерала Слащева.

25-го июля под прикрытием артиллерийского огня с правого берега Днепра, господствующего над песчаной равниной левого берега, красные высадились против Малой Каховки и приступили к наводке понтонного моста. Одновременно, под прикрытием артиллерии, противник переправился у Корсунского монастыря и Алешек. К полудню противник закончил у Каховки наводку моста и к вечеру занял Большую Каховку силами до 2000 пехоты при нескольких легких батареях.

Передовые части противника, наступая на фронт Любимовка – Терны, к четырем часам дня заняли эти пункты. От Корсунского монастыря красные двинулись на село Большие Маячки, выделив часть сил на деревню Британы. Потеснив части 31-ой пехотной дивизии, противник к шести часам вечера был уже в семи верстах от Британи. От Алешек противник частями 34-ой дивизии был отброшен. В 5 часов вечера части 13-ой пехотной дивизии, занимавшей район Любимовка – Лукьяновка, перешли в наступление на Большую Каховку, овладели было Малой Каховкой, но, поражаемые артиллерией с правого берега, и встретив значительно превосходные силы, были оттеснены в исходное положение.

По донесению начальника дивизии, дивизия потеряла не менее половины состава. Начальник дивизии доносил, что «боеспособность частей значительно понизилась». Дивизия отошла и к 26-му, согласно приказу, сосредоточилась в районе Могила Высокая – Каменный Колодезь. Боями 25-го июля было выяснено, что в районе Каховки переправились части Латышской и 52-ой стрелковой дивизий, у Корсунского монастыря – 15-ой стрелковой дивизии.

26-го июля красные продолжали наступление, но 13-ой пехотной дивизией атаки их были отбиты. В тоже время бригада 34-ой пехотной дивизии ворвалась в Корсунский монастырь, но контратакой противника была выбита, однако к вечеру вновь овладела монастырем.

27-го июля на фронте 13-ой пехотной дивизии бой продолжался. Закончив переправу у Каховки и переведя на левый берег Днепра тяжелую артиллерию и части конницы, противник, развернувшись на широком фронте, повел наступление на юг, пытаясь охватить оба фланга нашей пехоты.

Около трех часов дня, охватив правый фланг 13-ой дивизии красные, выйдя в глубокий тыл, заняли деревню Черная Долина, 50-ый Белостокский полк с батареей повернул фронт на юг, атаковал обошедшую колонну красных и обратил ее в бегство. К вечеру части 13-ой дивизии удержали свои позиции. У Корсунского монастыря продолжалась артиллерийская перестрелка; у Алешек противник вновь переправился силою до 1000 человек.

К 28-му июля 13-ая дивизия отошла, согласно приказанию генерала Слащева, в район села Черная Долина, 133-ий и 134-ий полки оттянуты были от Корсунского монастыря и «Казачьих лагерей» к хутору Марьяновскому. 2-ая бригада 34-ой дивизии и 8-ой кавалерийский полк перешли в село Преображенка в резерв командира корпуса. Таким образом, весь корпус занял сосредоточенное расположение, имея целью укрепить главнейшее перекопское направление. В то же время корпус генерала Барбовича закончил сосредоточение в районе Серагозы.

Противник в течение 28-го июля продолжал продвигаться к югу. Передовые части его достигли села Дмитриевка – Зеленый Пад – Черненька.

На рассвете 29-го июля красные вновь атаковали 13-ую дивизию, охватывая левый фланг ее от Черненьки до Маячек. Отбив атаки противника, 13-ая пехотная дивизия стала по приказу отходить на линию Масловка – Магдалиновка – Александровка. В этот день конный корпус перешел главными силами в район села Константиновки, выдвинув 1-ую конную дивизию в село Ново-Николаевку.

В то время как части 2-го армейского и конного корпусов готовились нанести удар красным на левом берегу Днепра, положение на фронте 1-го армейского корпуса становилось угрожающим. На участке Боль-

шой Токмак – Васильевка шли беспрерывные ожесточенные бои. Сосредоточив II-ую конную армию, 1-ую, 3-ю и 46-ую стрелковые дивизии, пополненные коммунистическими частями и бригадой курсантов, противник делал отчаянные попытки прорвать наш фронт.

Атаки красных неизменно отбивались доблестными частями 1-го корпуса, однако последние понесли огромные потери. Некоторые полки были сведены в батальоны. Особенно велики были потери в командном составе. При этих условиях представлялось совершенно необходимым возможно быстрее закончить операцию против переправившейся через Днепр группы противника, дабы, освободив конницу генерала Барбовича, бросить ее на помощь, изнемогавшим в неравном бою, частям 1-го корпуса.

26-го июля я отдал приказ:

«Я решил завтра, 30-го июля разбить красных на фронте нижнего Днепра:

приказываю генералу Барбовичу выступить в ночь на 30-ое июля и на рассвете, выставив заслон против красных, занимающих Каховку, ударить в тыл противника, действующего против генерала Слащева и совместно с частями последнего разбить красных, не дав им отойти на Каховскую и Корсу некую переправы.

По установлении непосредственной связи с частями генерала Слащева, поступить в его подчинение.

Генералу Слащеву перед рассветом 30-го июля атаковать противника, нанося главный удар в общем направлении на Большие Маячки – Каховку, стремясь не дать противнику отойти на правый берег Днепра.

По соединении с частями генерала Барбовича, подчинить себе последнего с тем, чтобы, использовав успех, возможно скорее освободить конницу.

Командиру авиагруппы с рассветом 30-го июля оказать бомбометанием содействие генералу Барбовичу и генералу Слащеву».

Вместо того, чтобы в точности выполнять мои указания, и, по разгрому генералом Барбовичем действовавших против 2-го корпуса частей противника, бросить свою пехоту на его укрепленную позицию и, воспользовавшись его расстройством овладеть ею, генерал Слащев привлек к этой задаче часть конницы – сначала пешую бригаду 2-ой конной дивизии и военное училище, а затем и Донскую дивизию, выделив из состава 2-го корпуса на помощь им лишь одну бригаду 13-ой пехотной дивизии с туземным черкесским дивизионом, 34-ая дивизия была направлена для овладения Большими Маячками.

На рассвете части генерала Барбовича двинулись в общем направлении на Черненьку, в тыл противника. Обнаружив движение нашей конницы, противник стал на всем фронте отходить, теснимый частями 34-ой и 13-ой дивизий. Подходя к чаплинской дороге, генерал Барбович нагнал отходившую бригаду латышей. Наша конница атаковала противника, изрубила до 400 человек и продолжала наступление на деревню Черненьку, где атаковала красных, отходивших от Больших Маячек, разбила их на-голову, взяв более 2000 пленных и 3 орудия в полной запряжке. Остатки противника, преследуемые 2-ой кавалерийской дивизией, бежали на Корсунский монастырь, 34-ая пехотная дивизия к вечеру заняла Большие Маячки, где в свою очередь захватила до 800 пленных.

Бригада 13-ой пехотной дивизии в 4 часа дня вошла в связь с пешей бригадой 2-ой кавалерийской дивизии и юнкерами и совместно с частями 2-ой Донской дивизии с наступлением темноты атаковала укрепленную позицию красных. Наша атака успеха не имела. Части понесли значительные потери. Особенно тяжелы были потери в частях конницы.

Таким образом, несмотря на удачные действия доблестного генерала Барбовича, нанесшего противнику жестокое поражение, генерал Слащев решительного успеха не достиг. Возложив на конницу непосильную задачу по овладению укрепленной позицией, разбросав части своего корпуса, он не сумел использовать успеха нашей конницы и дал противнику время оправиться и закрепиться. Между тем 1-ый корпус продолжал отбивать ожесточенные атаки красных, в прямом смысле истекая кровью.

Считая, что благоприятная обстановка для нанесения решительного поражения переправившимся через Днепр частям противника генералом Слащевым неумело использована и что теперь ему укрепленной позицией противника не овладеть, я отдал приказание конницу отвести в деревню Черненьку, где дать ей 31-го июля отдых, после чего направить ее в район Серагозы в мой резерв.

В ответ на это генерал Слащев просил оставить части генерала Барбовича до 3-х часов дня 31-го июля. Он указывал, что рассчитывает взять Каховку на рассвете и что для этого ему необходимо сосредоточить свою пехоту, так как при условии, что бой у Корсунского монастыря и Алешек продолжается, одной лишь пехотой своего корпуса он операцию закончить не может. Разрешение я дал, указав вместе с тем генералу Слащеву, что я не допускаю использования конницы для атаки укрепленной позиции.

Ночная атака на Каховку, веденная по-прежнему недостаточными силами (пешая бригада 2-ой кавалерийской дивизии, юнкера, одна бригада 13-ой дивизии и туземный дивизион), окончилась неудачей. В 8 часов утра красные сами повели наступление от хутора Терны на правый фланг 13-ой дивизии, но были отбиты и в 9 – часов 13-ая дивизия вновь перешла в наступление, однако успеха вновь не имела.

1-ая конная дивизия, выступив в 6 часов утра на местечко Самсоново для содействия нашей пехоте, встретила в шести верстах к северу от Черненьки пехоту противника, обходившую левый фланг 13-ой дивизии, опрокинула ее и к вечеру заняла окраину Ключевой балки на первом фланге Каховской позиции.

Длившийся весь день бой закончился новой неудачей, причем наши части вновь понесли большие потери; противник оказывал отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латыши. Противник беспрерывно вел работы по укреплению своей позиции.

За эти дни красные успели сосредоточить на Каховском плацдарме сильную группу пехоты: Латышскую, 51-ую (только что прибывшую с западного фронта) и 52-ую стрелковые дивизии и 6 четырехорудийных батарей. В районе Корсунского монастыря противник окончательно был разгромлен частями 34-ой, 2-ой Донской казачьей и 2-ой конной дивизий. Одновременно два батальона 34-ой дивизии при поддержке казаков заняли «Казачьи лагери» и Алешки, захватив 1 200 пленных и 3 орудия.

Генерал Слащев вновь телеграфировал, прося разрешения задержать конницу, докладывая, что считать возможным, в виду окончательного разгрома противника в районе Корсунского монастыря и Алешек, усилить части 13-ой дивизии 2-ой бригадой этой дивизии, 136-м полком и тремя батареями и что при этих условиях уверен в успехе. Хотя и неохотно, я все же дал ему согласие, вновь подтвердив необходимость беречь конницу. Поздно ночью я выехал в Мелитополь, куда прибыл в 9 часов утра.

На фронте 1-го корпуса противник, видимо, начал выдыхаться. Атаки его заметно слабели. С утра 1-го августа на большей части фронта наступило затишье. Генерал Кутепов бодро смотрел в будущее.

В тот же день я вернулся в Джанкой, где нашел телеграмму А.В. Кривошеева о состоявшемся признании Францией правительства юга России де-факто. Вечером была получена телеграмма об удачной высадке нашего Кубанского отряда в район поселка Ахтарского.

Несмотря на то, что молва о десанте на Кубань, вследствие нескромности кубанских правителей, конечно, дошла и до противника, красному командованию пункт высадки оставался неизвестным и высадку удалось произвести без потерь.

В ночь на второе августа я въехал в Севастополь. К 4 часам 1-го августа перегруппировка частей на фронте 2-го корпуса закончилась. Однако, и в этот день, и на следующий наши атаки успеха не имели. Наши части опять понесли жестокие потери.

Вечером 2-го августа генерал Слащев телеграфировал мне в Севастополь, что от повторения атак на укрепленную позицию противника вынужден отказаться и просил разрешения отвести свои части на линию Каменный Колодезь – Черненька. Я ответил согласием, приказав одновременно отвести конные части генерала Барбовича в район Дмитриевка – Антоновка в мой резерв. Вместе с тем я приказал указать генералу Слащеву на неудовольствие мое его действиями.

Удержание противником Каховского тет-де-пона приковывало к этому участку значительную часть наших сил, создавало угрозу нашему левому флангу в наиболее чувствительном для нас Перекопском направлении. Однако, решительного успеха противник не достиг. Северная Таврия оставалась в наших руках и выделенные из состава армии части десантного отряда беспрепятственно выполнили первую часть своей задачи, закончив высадку и быстро продвигаясь в глубь Кубани.

С развитием операций на Кубани я решил перенести ставку в Севастополь, объединив командование 1-ми 2-м корпусами на северном участке фронта в руках генерала Кутепова.

Генерал Кутепов был начальник, хорошо разбирающийся в обстановке, большой воинской доблести, совершенно исключительного упорства в достижении поставленных целей, умевший близко подойти к офицерам и солдатам, прекрасный воспитатель войск.

10-го августа Мильеран письмом на имя г. Базили, советника нашего посольства в Париже, уведомил о признании правительства юга России де-факто.

«Париж, 20 августа 1920 г.

Господин Поверенный в делах,

Письмом от 8-го августа Вы запросили меня, не признаю ли я своевременным, принимая во внимание с одной стороны укрепление положения правительства и военные успехи генерала Врангеля, а с другой заверения, изложенные в Вашем письме от 3-го августа, дать ход данным мною Вам декларациям касательно признания де-факто правительства юга России.

Вы мне также указывали на интерес, который имело бы присутствие в Севастополе дипломатического представителя, который, благодаря своему личному престижу, мог бы оказать значительное моральное воздействие.

Имею честь уведомить Вас, что правительство Республики решило признать де-факто правительство юга России и отправить в Севастополь дипломатического представителя, согласно Вашему предложению. О таковом решении я ставлю в известность правительства союзных держав.

Добавляю, что я не вижу препятствий к тому, чтобы это важное решение было бы опубликовано возможно широко.

Примите, господин Поверенный в делах, уверения в совершенном моем уважении.

Мильеран.

Господину Базили.
Российскому Поверенному в Делах.»

О чем Базили немедленно телеграфировал Струве.
Одновременно последнему телеграфировал и Гирс:

«В виду срочной необходимости выступить в связи с фактическим признанием генерала Врангеля, я сделал в местной печати сообщение о программе и целях южно русского правительства, составленное на основании Ваших заявлений союзникам и общих деклараций правительства».

Сообщение Гирса сводилось к следующему:

– «Правительство юга России, обладающее полнотой власти и являющееся носителем русской национальной идеи, верное союзам и симпатиям России в полном единении с русским демократическим и патриотическим движением, кладет в основу своей политики, согласно своим декларациям, следующие начала: 1) в отношении будущего государственного строя России – главной целью, преследуемой правительством юга России, является предоставление народу возможности определить формы правления России путем свободного изъявления своей воли; 2) равенство гражданских и политических прав и личная неприкосновенность всех русских граждан, без различия происхождения и религии; 3) предоставление в полную собственность земли обрабатывающим ее крестьянам, как законное освящение захвата земли,

совершенное крестьянами в течении революции; 4) защита интересов рабочего класса и его профессиональных организаций; 5) в том, что касается государственных образований, создавшихся на территории России, правительство юга России, в духе взаимного доверия и сотрудничества с ними, будет преследовать объединение различных частей России в одну широкую федерацию, основанную на свободном соглашении, – объединение, которое явится естественным результатом общности интересов, прежде всего общих экономических нужд; 6) в отношении народного хозяйства – восстановление производительных сил России на основах, общих всем современным демократиям, предоставляющих широкое место личной инициативе; 7) формальное признание международных обязательств, заключенных предыдущими правительствами России по отношению к иностранным державам; 8) выполнение обязательств по уплате долгов России – реальной гарантией коего является осуществление программы восстановления народного хозяйства».

За исключением некоторого излишнего подчеркивания нашей «демократичности» и неудачной фразы о «законном освящении захвата земли, совершенного крестьянами в течении революции», это сообщение в достаточной степени ясно излагало общую политику юга России.

В тот же день Базили телеграфировал:

«В связи с заверениями, данными мною на основании Ваших инструкций, в ответ на мое обращение к нему, Мильеран письмом от 10-го сего месяца уведомил меня, что французское правительство решило признать де-факто правительство юга России, послав в Се-

вастополь своего дипломатического агента. Французское правительство ставит о сем в известность все союзные правительства. Одновременно начальник штаба Фоша, генерал Дестикер получил инструкции войти в контакт с генералом Миллером для совместного выяснения условий поддержки, которой французское правительство готово оказать правительству юга России военным материалом. По этому же предмету продолжаю вести переговоры с министерством иностранных дел. Французскому коммерческому агенту в Лондоне г. Гальгуэ, принимавшему участие в переговорах верховного экономического совета с Красиным, поручено прекратить всякие сношения и переговоры с Каменевым и Красиным.

В связи с фактическим признанием правительства юга России, за подписью Гирса, печати сделано заявление, передаваемое за № 2. Фактическое признание правительства юга России устанавливает на ближайшее время отношение к нам французского правительства и открывает возможность существенных облегчений и в вопросах снабжения. Однако, не следует упускать из виду, что как французское правительство искренне ни желает оказывать нам содействие, линия поведения его все же находится в зависимости от общей конъюнктуры взаимоотношений западных держав между собой и большевиками. Посему необходимо использовать настоящий **момент,** чтобы постараться получить все, что возможно. В виду сего, прошу срочно сообщить полные данные касательно Ваших нужд в военном материале. Базили».

Я тотчас же отдал распоряжение срочно заготовить и сообщить генералу Миллеру все необходимые сведения.

3-го августа я телеграфировал председателю совета министров французской республики.

«Его Превосходительству г-ну Мильеран, Председателю совета министров и министру иностранных дел. Париж.

В виду принятого правительством республики решения признать правительство юга России, приношу Вам, господин председатель совета министров мою горячую благодарность за драгоценную поддержку, которую Вам угодно было оказать русскому национальному делу в час величайших испытаний, когда мы напрягаем все усилия для завершения нашей задачи, имеющей целью восстановления России на основе великих принципов свободы и прогресса.

Генерал Врангель».

Через несколько дней стала известна нота, опубликованная американским правительством, излагающая взгляды С.-Л. Соединенных Штатов на русский и польский вопросы.

В ряде телеграмм Гирс сообщал:

«Американское правительство опубликовало ноту, излагающую взгляд С.-А. Штатов на русский и польский вопросы. Польша должна быть политически территориально неприкосновенна. Сочувствуя переговорам держав о перемирии между Польшей и Советами, Америка противится созыву общей конференции, вероятно результатом которой было бы признание большевиков и расчленение России. Высказываясь за сохранение единства последней Штаты желают, чтобы решение всех вопросов, связанных с суверенитетом над территориями бывшей Российской Империи, было отложено. Поэтому Америка уже отказала в признании независимости всех окраин кроме Армении. Она указывает, что окончательное установление границ Армении должно состояться с согласия и при участии

России. То же участие необходимо для решения вопросов ближнего востока. С.-А. Соединенные Штаты никогда не признают советского правительства, отрицающего существующий международный уклад, демократические принципы всех государств и стремящегося вызвать всемирную революцию с помощью третьего Интернационала».

«Американская нота встречена здесь с полным удовлетворением. Она вывела Францию из тяжелого положения изолированности и является серьезной нравственной поддержкой ее антибольшевистской политики, парализуемой упорным стремлением Ллойд-Джорджа добиться соглашения с Советами. Парижский кабинет воспользовался выступлением Америки, дабы в опубликованной вчера ноте открыто заявить о своей полной солидарности с высказанными Америкой применительно к России демократическим и национальными принципам, принятие коих правительством юга России побудило Францию фактически его признать. Для нас значение американского выступления заключается в подтверждении Штатами принципа территориальной неприкосновенности России».

Я поручил Струве через нашего посла в Вашингтоне принести американскому правительству мою горячую признательность за ту поддержку, которую Соединенные Штаты оказывали нам своим заявлением:

«С удовлетворением Главнокомандующий и правительство юга России осведомились о заявлении, сделанном Соединенными Штатами итальянскому послу об отношении Америки к русской проблеме. Оба основных положения этой декларации, а именно: недопустимость признания большевистского режима и

стремление оградить территориальную неприкосновенность России – являются выражением руководящих стремлений русских национальных кругов. Эти начала всецело разделяются правительством юга России и составляют основу его политической программы.

Благоволите передать изложенное статс-секретарю по иностранным делам и выразить ему искреннюю признательность Главнокомандующего и правительства юга России за ценную поддержку, оказываемую Соединенными Штатами русскому национальному делу».

Положение на польском фронте казалось безнадежным. Красная армия, продолжая наступление подходила к Варшаве. Фронт проходил в 50-ти километрах от города. Варшава спешно эвакуировалась. В то же время под влиянием патриотического порыва огромное количество добровольцев всех классов населения и всех возрастов записывались в войска. Прибывший в Польшу генерал Вейганг принимал все меры, реорганизуя с помощью прибывших с ним офицеров французского генерального штаба польскую армию. Армия перегруппировывалась, имея целью при первой же возможности перейти в наступление и вырвать инициативу из рук противника.

Операция на Кубани развивалась успешно, 5-го августа войска генерала Улагая вышли на линию станиц Тимашевская – Брюховецкая, нанеся противнику ряд жестоких поражений. Наголову разбив Кавказскую казачью дивизию красных, захватив много пленных во главе с начальником дивизии, «товарищем» Мейером, со всем его штабом и всю артиллерию дивизии, части генерала Улагая соединились с повстанцами полковника Скакуна. К нашим частям присоединилось до 2000 человек казаков освобожденных станиц.

6-го августа был отдан нижеследующий приказ:

«ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

№ 3504

Севастополь. 6(19) августа 1920 года.

В виду расширения занимаемой территории и в связи с соглашением с казачьими атаманами и правительствами, коим Главнокомандующему присваивается полнота власти над всеми вооруженными силами государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, – Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России впредь именуется Главнокомандующим Русской армией, а состоящее при нем правительство – правительством Юга России. Означенное правительство, включая в себя представителей названных казачьих образований, имеет во главе председателя и состоит из лиц, заведующих отдельными управлениями. Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской армией

генерал Врангель».

В связи с благоприятной военной обстановкой, последними успехами в области международных сношений и постепенным установлением в стране нормального правопорядка, доверие к власти крепло. Жизнь налаживалась и лишь экономическое положение оставалось тяжелым. При общем расстройстве хозяйственной жизни, неизбежным при гражданской войне, необходимость содержать значительную, по занятой нами территории, армию, ложилась тяжелым бременем на страну. Наши обыкновенные государственные расходы с лихвой покрывались доходами от прямого и косвенного обложения, но расходы на

военные нужды при невозможности заключить внутренний или внешний заем и почти полном отсутствии экспорта, поглощали последние скудные остатки нашего валютного фонда.

Со образованием управления торговли и промышленности круг ведения начальника управления снабжения значительно сократился. Последнее было упразднено, и начальник снабжения был подчинен начальнику военного управления. Одновременно генерал Вельчевский оставил свой пост. Безупречной честности и большой работоспособности он все же не оказался на высоте при новом крупном масштабе работ. Он окончательно изнервничался, ссорился с представителями других ведомств, внося в работу много трений. На должность начальника снабжения я привлек генерала Ставицкого; назначение это оказалось удачным, и новый начальник снабжения успешно выполнял свои обязанности до самого оставления Крыма.

4-го августа я получил рапорт генерала Слащева:

«Срочно. Вне очереди. Главкому.

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжелые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы, согласно директивы и обстановки. Все это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже свое дело сделал, а теперь являюсь лишним. № 519, х. Александровский, 23 часа 2-го августа 1920 года. Слащев».

Рапорт этот являлся ответом на телеграмму мою, в коей я выражал генералу Слащеву неудовольствие по поводу его последней операции. Я решил удовлетворить его ходатайство и освободить от должности. Ценя его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако, за последнее время все более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным.

Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известно из доклада главного военного прокурора об аресте по обвинению в вымогательстве и убийстве ряда лиц с целью грабежа, начальника контр-разведки генерала Слащева военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащев всячески выгораживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие между прочим обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащеным был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника Протопопова, как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причем вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чиновник Шаров. Бескорыстность генерала Слащева была несомненна и к преступлениям чиновника Шарова, он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки.

Немедленно по получении рапорта генерала Слащева, я телеграфировал ему:

«Генералу Слащеву.

Я с глубокой скорбью вынужден удовлетворить возбужденное Вами ходатайство об отчислении Вас от должности командира 2-го корпуса. Родина оценит все сделанное Вами. Я же прошу принять от меня глубокую благодарность. Назначенный командиром 2-го

корпуса генерал Витковский завтра выезжает в село Чаплинку. Впредь до его прибытия, в командование корпусом укажите вступить старшему. Вас прошу прибыть в Севастополь.

4(17) августа, № 009379. Врангель».

Назначенный командиром 2-го корпуса, начальник Дроздовской дивизии, генерал Витковский был генерал большой личной храбрости, прекрасно разбиравшийся в обстановке, исключительно хороший организатор. Последнее было особенно важно для 2-го корпуса сильно расстроенного управлением последнего командира.

Я решил, в виду того, что с развитием операции на Кубани северный участок фронта являлся вполне самостоятельным, объединить войска 1-го, 2-го и конного корпусов в 1-ую армию, во главе которой оставить генерала Кутепова. Во главе 1-го корпуса я поставил коменданта Севастопольской крепости генерала Писарева. 5-го августа генерал Слащев прибыл в Севастополь. Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы беспрерывно текли по его щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнений, что передо мной психически больной человек. Он упоминал о том, что «вследствие действий генерала Коновалова, явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведении его к лево-социал-революционному знаменателю», упрекал меня в том, что «чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода генерала Деникина, что если уйдет Деникин – уйдет и Витковский со своей Дроздовской дивизией». Рапорт заканчивался следующими словами: «Как подчиненный ходатайствую, как офицер у офицера

прошу, а как русский у русского требую назначения следствия над начальником штаба Главнокомандующего, начальником штаба 2-го корпуса и надо мной…»

С трудом удалось мне его успокоить. Возможно задушевнее, я постарался его убедить в необходимости лечиться, высказывая уверенность, что отдохнувши и поправившись, он вновь получит возможность служить нашему общему делу. Я обещал сделать все от меня зависящее, чтобы уход его не был истолкован как отрешение. В изъятие из общих правил, я наметил зачислить генерала Слащева в свое распоряжение с сохранением содержания, что давало ему возможность спокойно заняться лечением. В заключение нашего разговора я передал генералу Слащеву приказ, в коем в воздаяние его заслуг по спасению Крыма ему присваивалось наименование «Крымский»; я знал, что это была его давнишняя мечта (приказ № 3505, 6(19) августа 1920 г.).

Слащев растрогался совершенно; захлебывающимся, прерываемым слезами голосом, он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть.

В тот же день генерал Слащев с женой был у моей жены с визитом. На следующий день мы поехали отдавать визит. Слащев жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах – разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащев в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина.

Я настоял на том, чтобы генерал Слащев дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного

лечения. По словам врачей последнее возможно было лишь в санатории и рекомендовали генералу Слащеву отправиться для лечения заграницу, однако все попытки мои убедить его в этом оказались тщетными, он решил поселиться в Ялте.

Перегруппировка польских войск закончилась, и под стенами Варшавы завязались упорные бои. На некоторых участках фронта успех обнаружился на стороне поляков и большевики терпели поражение.

На фронте войск генерала Кутепова (1-го, конного и 2-го корпусов) 5-го августа возобновились жестокие бои. Красные, силою до 1 500 штыков и 2 500 шашек обрушились на Корниловскую дивизию на участке Нижний Куркулак-Гейдельберг. После повторных атак красных Корниловская дивизия была оттеснена к селу Старый Мунталь. Одновременно была атакована Дроздовская дивизия с обоих флангов конницей и пехотой. Засыпанная ураганным артиллерийским огнем, неся большие потери, Дроздовская дивизия стала отходить на Розенталь и к вечеру под продолжающимся давлением противника сосредоточилась в районе Н. Нассау. Конница красных устремилась на Молочное. На фронте Марковской дивизии противник занял Эристовку и Карачекрак. Марковская дивизия отошла к Бурчатску.

Оживление боевой деятельности проявилось и в Каховском районе. Около трех конных полков с артиллерией и броневиками повели энергичное наступление от Любимовки на передовые части 2-ой Донской казачьей и 2-ой конной дивизий. Контратакой в конном строю противник был опрокинут и укрылся в Любимовку. Одновременно красные при поддержке артиллерии и броневиков вели наступление на 13-ую пехотную дивизию.

6-го августа части 1-го армейского корпуса перешли в контрнаступление. В результате, после упорного боя

корниловцы и Донская бригада генерала Клочкова овладели Н. Мунталем и преследовали противника на северо-запад. Дроздовская дивизия вышла к Фридрихсфельду и, после ожесточенного боя с пехотой и конницей, отбросила противника к северу от Розенталя. На участке Марковской дивизии наступление красных было остановлено, и Марковская дивизия заняла станцию Чокрак. Бои на фронте 13-ой и 34-ой дивизии продолжались, 34-ая пехотная дивизия отбила атаки; фронт 13-ой дивизии был прорван и дивизия вынуждена была отойти на Черненьку, прикрываясь с левого фланга 8-м кавалерийским полком, действовавшим в районе Больших Маячков.

7-го августа на фронте 1-го корпуса было спокойно. Попытки наступления против конного корпуса в районе Константиновка – Антоновка – Дмитриевка были отбиты.

8-го августа красные вновь перешли в решительное наступление по всему фронту 1-го корпуса. Бои шли севернее Большого Токмака – с. Мунталя – Розенталя – Орлянска. Атаки красных отбивались, но противник упорно задерживался и окапывался на занятых рубежах. Особенно тяжелое положение создалось на участке Марковской дивизии, сдерживавшей натиск крупных сил пехоты, поддержанной огнем пяти броневиков. В неравном ожесточенном бою марковцы понесли большие потери, два танка были подбиты артиллерией противника и сгорели. Одновременно красные продолжали распространяться на левом берегу Днепра. Заняли Завадовку, Горностаевку и Кайры Западные, двинулись на Рубановку, овладели районом Константиновка – Дмитриевка и городом Алешки. Части конного корпуса отошли на Успенскую.

В связи с создавшимся положением я отдал генералу Кутепову приказ: оставивши часть сил для

прикрытия Бердянского и Верхнетокмакского направлений, сосредоточить сильную ударную группу между Большим Токмаком и железной дорогой на Александровск и нанести удар по Васильевской группе красных, стремясь прижать ее к плавням. На Каховском направлении, не ввязываясь в упорные бои прикрывать Сальковское и Перекопское направления. По завершении операции против Васильевской группы красных перебросить часть сил на Каховское направление и отбросить противника за Днепр.

Между тем, наши части на Кубани, заняв 5-го августа станицы Поповичевская, Тимашевская, Брюховецкая, далее не продвигались. Последние сведения о противнике сообщали о сосредоточении красных на линии реки Бейсуг и переброске на линию Дядьковская, Медведовская, Старовеличковская резервов IX-ой армии «товарища» Левандовского.

Против частей генерала Улагая были обнаружены новые части: 2-ая и 3-я Уральские стрелковые бригады, 26-ая бригада 9-ой стрелковой дивизии. Было ясно, что противник начал сосредоточение своих войск для борьбы с нашим десантом. Нельзя было терять ни одного дня; каждый лишний день давал противнику возможность подвести свежие силы. Между тем генерал Улагай в течение 6-го, 7-го и 8-го августа продолжал стоять на месте.

От начальника Керченского укрепленного района генерала Зигеля поступило донесение, что высланные на Тамань наши разведчики обнаружили отход противника. Генерал Зигель отдал распоряжение, наспех сформированному из запасных и тыловых частей в Керчи отряду, высадиться на Тамань.

Утром 10-го августа я выехал в Керчь. Непростительное промедление движения частей генерала Улагая тревожило меня, беспокойные мысли сверлили мозг.

На станции Владиславовна ко мне вошел генерал Шатилов. По расстроенному виду его я сразу догадался, что он принес дурные вести. Генерал Шатилов, молча, протянул мне телеграмму генерала Улагая. Последний телеграфировал, что в виду обнаружения вновь прибывших свежих частей противника и подавляющей численности врага, положение серьезное и просил спешно выслать к поселку Ахтарскому суда, для обеспечения погрузки десанта. Предчувствие не обмануло меня. Краткие сообщения радио не давали возможности составить себе определенную картину происшедшего, однако, неудача всей задуманной операции уже определенно обозначилась. Необходимое условие успеха – внезапность была уже утеряна; инициатива выпущена из рук и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена.

Вместе с тем очищение противником Таманского полуострова давало некоторые надежды, что не все еще потеряно. Если бы генералу Улагаю удалось разбить выдвинутые против него с Таманского полуострова части и перенести базирование свое на Тамань, наше положение оказалось бы достаточно прочным. К сожалению, для прочного закрепления впредь до подхода частей генерала Улагая к Тамани, войск под рукой не было. Генерал Зигель успел сформировать в Керчи сборную роту и сотню пластунов при одном орудии. Слабой численности и состава, эти части не представляли боевой силы. Напряженные бои на северном фронте не позволяли взять оттуда ни одного человека.

Утром 11-го августа я проехал в станицу Таманскую, где присутствовал на молебне и говорил со станичным сбором. Станица была почти пуста. Немногие оставшиеся казаки были совершенно запуганы, не веря в наш успех и ожидая ежечасно возвращения красных. Наши части были уже верстах в десяти к востоку от станицы. Противник отходил, не оказывая сопротивления.

По возвращении в Керчь я нашел телеграмму генерала Бабиева, доблестного начальника 1-ой Кубанской казачьей дивизии. Последний сообщал о крупном успехе, достигнутом им в районе станиц Брыньковской и Ольгинской. Ему известно было о посланной накануне мне телеграмме генерала Улагая, однако, по его, генерала Бабиева, убеждению, обстановка для нас в настоящее время была благоприятна и не было оснований отказываться от продолжения операций. Связь его с генералом Улагаем была утеряна, а потому он доносил непосредственно мне. Телеграмму генерала Бабиева я летчиком выслал генералу Улагаю, добавив, что со своей стороны также считаю необходимым операцию продолжать, имея в виду при первой возможности перебросить базирование на Тамань. От генерала Улагая я требовал сообщения мне подробной обстановки.

12-го утром от генерала Улагая была получена телеграмма: в виду изменившейся обстановки необходимость пересылки кораблей отпадает. Телеграмма эта мало успокоила меня. Резкая перемена настроения начальника отряда ясно показывала, что равновесие духа было уже утеряно. Вечером вернулся летчик, с подробным докладом об обстановке.

Наши части 5-го августа заняли: 1-ая Кубанская дивизия генерала Бабиева – станицу Переяславскую, сводная дивизия генерала Казановича – станицу Тимашевскую, 2-ая Кубанская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича – станицу Поповичевскую, станицы Староджерелиевскую и Полтавскую. Здесь обнаружены были части переброшенные с Таманского полуострова. В районе станиц Старо-Величковской, Дядьковской, противник продолжал удерживаться. Вместе с тем красные развертывались по линии реки Бейсуг. Из перехваченного приказа красных явствова-

ло, что в этом районе сосредоточилась ударная группа с целью нанесения удара по нашей базе.

К сожалению, генерал Улагай, вопреки собственным своим словам, обращенным к начальнику: «только решительное движение даст нам успех. База наша на Кубани. Корабли для нас сожжены», сковал себя огромным громоздким тылом. В месте высадки – станице Приморско-Ахтарской – были сосредоточены большие запасы оружия, снарядов и продовольствия. Здесь же оставались последовавшие за армией на Кубань, семьи воинских чинов и беженцы. Наши части, при движении своем вперед, вынуждены были оглядываться назад.

Получив сведения о сосредоточении красных по линии реки Бейсуг и опасаясь за свою базу, генерал Улагай заколебался. Генералы Казанович и Бабиев доказывали необходимость немедленного движения на Екатеринодар, где, по донесениям перебежчиков, красных войск почти не было и царила полная паника, однако начальник отряда в течение 6-го и 7-го августа не мог принять определенного решения.

На 8-ое число им отдано было приказание генералу Бабиеву разбить ударную группу красных в районе станицы Брыньковской – хутора Привольный, прочим частям – обеспечивать занятые пункты. Между тем, противник сам перешел в наступление и 8-го августа продвинулся в тыл нашим частям, достигнув станицы Роговской. Однако, здесь он был атакован частями генерала Бабиева и отброшен вновь к станице Брыньковской. 9-го противник перешел в наступление против частей генералов Шифнер-Маркевича и Казановича и одновременно атаковал терцев, прикрывавших станицу Ольгинскую. Терцы были потеснены. Расположенный в станице штаб десантного отряда вынужден был под огнем противника отходить. Генерал Улагай из Ольгинской проехал в штаб сводной

дивизии, ведшей упорный бой с красными. От генерала Шифнер-Маркевича пришло донесение, что он, понеся большие потери, начал отходить. К вечеру связь с генералом Бабиевым была прервана.

В ночь на 10-ое августа генерал Улагай отдал приказ 2-ой Кубанской и сводной дивизиям отходить к станице Гривенской. Тогда же им была отправлена телеграмма с просьбой о присылке кораблей.

Между тем генерал Бабиев 9-го августа нанес противнику в районе хутора Ищенко – станицы Брыньковской жестокий удар, захватив до 1000 пленных и много пулеметов. Оставив передовые части на линии реки Бейсуг, генерал Бабиев к ночи отошел к станице Ольгинской. Здесь, 10-го числа, узнав о посланной мне генералом Улагаем телеграмме и не имея с ним связи, генерал Бабиев решил телеграфировать мне.

В течение 10-го и 11-го августа красные безуспешно атаковали части 1-ой кубанской дивизии. Станицы Брыньковская и Ольгинская переходили из рук в руки, однако все усилия противника были тщетны и к вечеру 11-го августа наши части удержали свое расположение. К вечеру этого дня генерал Бабиев вошел в связь с генералом Улагаем. Получив сведения об отходе 2-ой Кубанской и сводной дивизий к станице Гривенской, генерал Бабиев, прикрывая отходящие из поселка Ахтарского огромные обозы, 12-го августа перешел в район хутора Степного – станицы Карпильской.

Летчик привез адресованную генералу Шатилову записку начальника штаба генерала Улагая, генерала Драценко. Последний сообщал, что вследствие создавшихся между начальником отряда и им отношений, он, в интересах дела, считает необходимым замену себя другим лицом, что и ныне уже он фактически устранен генералом Улагаем от дела, а между тем тяжелая обстановка требует сосредоточения работы штаба в опытных

руках. По докладу летчика, недоразумения между начальником отряда и его начальником штаба не составляли секрета. О них открыто говорили в войсках и генерал Улагай не скрывал своего неудовольствия генералом Драценко. Я приказал генералу Коновалову немедленно отправиться к генералу Улагаю, где заменить генерала Драценко, которому прибыть ко мне. В тот же день генерал Коновалов вылетел в Гривенскую.

В течении 13-го августа части генерала Улагая несколько продвинулись, заняв район станиц Староджерельевская, Новониколаевская, хутор Степной, 14-го с утра противник перешел на всем фронте в наступление и овладел станицами Староджерельевской и Новониколаевской. В этом районе обнаружено было около трех дивизий пехоты и дивизии конницы красных с многочисленной артиллерией.

Между тем наши части на Тамани продолжали медленно продвигаться. Сюда перебросил я отряд генерала Черепова (Корниловское военное училище и Черкесский дивизион), высадившийся одновременно с частями генерала Улагая, южнее Анапы и долженствовавший войти в связь с действовавшими там зелеными. Надежды, возлагавшиеся на зеленых, не оправдались. Атакованный красными отряд генерала Черепова был прижат к морю, где с трудом продолжал держаться. Несмотря на тяжелые потери, юнкера выглядели молодцами.

13-го августа нами на Тамани заняты были станицы Актанизовская и Вышестеблиевская. Однако, дальше продвижение наше стало встречать серьезное сопротивление. Противник, оттеснив части генерала Улагая к Гривенской, успел освободить свои части с Тамани и красные спешили восстановить здесь утерянное положение.

Обстановка на польском фронте круто изменилась. Перешедшие в наступление польские войска нанесли красным решительное поражение. В районе между Наревом и прусской границы несколько десятков тысяч советских войск положили оружие, несколько десятков тысяч перешли немецкую границу и были разоружены. Большевистский армии отходили по всему фронту преследуемые поляками. С каждым днем размеры успеха поляков обнаруживались в большем масштабе. Стратегическая обстановка менялась с быстротой калейдоскопа.

9(22) августа. Маклаков телеграфировал:

«Видел Палеолога. В виду крушения большевистской атаки Польша вероятно очень скоро заключит мир в этнографических границах, на который имеет согласие великих держав. Палеолог понимает необходимость ускорить помощь Вам. Будет сделано все возможное».

Заключение Польшей мира сделало бы наше положение бесконечно тяжелым. Неудача кубанской операции отнимала последнюю надежду получить помощь за счет местных средств русских областей. Предоставленные самим себе, мы неминуемо должны были рано или поздно погибнуть. Однако, я не терял надежду, что Франция недавно нас признавшая и тем самым определенно подчеркнувшая отношение свое к советской власти, не оставит нас без помощи. Основание к этому давала и телеграмма Маклакова.

Необходимо было в предвидении возможных колебаний поддержать у французов уверенность в прочности нашего положения. Известие об оставлении нами Кубани могло произвести в настоящее время заграницей особенно не благоприятное впечатление. Необходимо было это избегнуть.

Согласно данных мной указаний, Струве вручил начальнику французской миссии записку с соответствующими объяснениями. Одновременно Нератов телеграфировал Маклакову:

«По указанию Главнокомандующего, Струве передал начальнику французской военной миссии следующую записку:

Генерал Врангель считает нужным представить французскому правительству и командованию следующие соображения об общем военном положении: крупные успехи поляков в борьбе с красной армией дают впервые за все время борьбы возможность, путем согласованных действий польской и русской армий под высшем руководством французского командования, нанести советской власти решительный удар и обеспечить миру всеобщее успокоение и социальный мир. Заключение одного только мира поляков с большевиками оставит общий вопрос не решенным и большевистскую опасность не устраненной.

По сему Главнокомандующий ставит пред французским правительством и командованием вопрос о создании общего связного фронта вместе с поляками против большевиков, при руководящем участии французского командования. В таком случае наши стратегические планы подлежали бы изменению и центр тяжести переместился бы на Украину. Предпринимать эту перемену стратегического плана без одобрения и поддержки французского правительства и командования Главнокомандующий не считает возможным. Но положение на фронтах такого, что оно требует срочного принятия решения и немедленного приступа в его осуществлении. В Кубанской армии генерала Улагая кроме контингентов более или менее экипированных и вооруженных имеется 5000 мобилизованных, у которых, однако, нет самого главного – винтовок. Вот в каких

условиях Главнокомандующему приходится осуществлять сложную и трудную стратегическую операцию.

Соображения Главнокомандующего в пользу изменения стратегического плана таковы:

Если поляки будут развивать операции на своем правом фланге, то уклонение наше вправо будет такой же ошибкой, какую допустил генерал Деникин, избегая связи с адмиралом Колчаком. Значительные силы, сосредоточенные большевиками на Кубани, обусловливают для нас необходимость переброски туда частей за счет оставления материковой Таврии. Между тем общая обстановка требовала бы ее сохранения за нами. При активных действиях поляков на правом украинском фланге и концентрации наших действий на левом – возможно образование общего связного фронта с целью полного уничтожения советской власти и успокоения Европы на основе общего мира.

Главнокомандующий настоятельно просит срочного ответа.

Благоволите со своей стороны предпринять настоятельные шаги перед французским правительством и командованием и результат телеграфируйте».

15-го августа части генерала Бабиева вновь перешли в наступление, однако успеха не имели. Противник обладал уже огромным численным превосходством. После упорного боя, длившегося целый день, генерал Улагай отдал приказ войскам отходить на Ачуев. По получении об этом известия я приказал судам выйти к Ачуеву для принятия десанта. Туда же на миноносце выехал генерал Шатилов. Из доклада вернувшегося генерала Драценко я мог убедиться в правильности составленного мною заключения о причинах нашей неудачи на Кубани.

17-го августа наши части стали грузиться у Ачуева. Удобная для обороны местность давала возможность,

удерживая противника незначительными силами, спокойно производить погрузку. Войска грузились в полном порядке. Несмотря на тяжелые потери, численность частей значительно возросла. Так, например, дивизия генерала Шифнер-Маркевича, потерявшая убитыми и ранеными около 300 человек и 200 лошадей и вышедшая из Феодосии в составе 1 200 человек и 250 лошадей, увеличилась до 1 500 казаков и 600 лошадей. Все кто мог, бежали от красного ига. К вечеру вернулся генерал Шатилов, доложивший, что погрузка войск идет вполне успешно. Первая Кубанская дивизия генерала Бабиева уже погружена на суда, остальные грузятся.

Между тем на северном фронте положение стало грозным, 9-го августа красные возобновили атаки на Большой Токмак, а бронепоезда красных интенсивным огнем обстреляли расположение Марковской дивизии.

Части конного корпуса вели бой с большими силами красных в районе д. Успенской. Части второго армейского корпуса отходили под натиском противника на линию Черная Долина – Б. Копани.

10-го августа на северном участке фронта значительных боевых столкновений не было. Части конного корпуса продолжали вести бой. 1-ая конная дивизия отбросила противника в районе Вознесенки и после боя сосредоточилась в Торгаевке. 2-ая конная дивизия (спешенная) была обойдена с юго-запада и оттянута на Агайман. 34-ая пехотная дивизия вела бой в районе Натальина – х. Балтазаровского. 13-ая пехотная дивизия сосредоточилась в районе Марьяновка – Белоцерковка.

К 11-ому августа в районе Молочного сосредоточились части 1-ой и 2-ой донских казачьих дивизий и перешли в решительное наступление на Тифенбрун – Сладкую Балку, в дальнейшем повернули на Гохгейм – Гендельберг, с задачей атаковать васильевскую группу

красных в направлении на северо-запад. Дроздовская дивизия овладела Андребургом. К вечеру донские казачьи дивизии заняли Эристовку и Карачекрак, но подверглись ураганному обстрелу бронепоездов красных, прикрывавших отход васильевской группы. Донские дивизии вынуждены были отойти. Пехота и конница красных стали очищать район Михайловки – Орлянска. Части 1-го армейского корпуса и донские казачьи дивизии заняли линию Сладкая Балка – Гендельберг – Бурчатск. Одновременно 1-ая и 2-ая конные дивизии перешли в наступление на Вознесенку, Новорепьевку, Успенскую, но успеха не имели. На поддержку конного корпуса была двинута 6-ая, вновь сформированная из частей Бредовского отряда, пехотная дивизия, которая к 13-ому августа должна была сосредоточиться в Торгаевке. На участке 2-го армейского корпуса противник вел атаки на хутора северо-восточнее Бальтазаровского, на левом фланге корпуса красные продвинулись до Чалбасы.

12-го августа 1-ый армейский корпус продолжал очищать от красных район Эристовки – Васильевки. К вечеру в районе Тифенбруна завязался встречный бой с частями красных, 1-ая и 2-ая донские дивизии преследовали красных в направлении Щербатовка – Янчокрак.

Конница красных, прикрывая отход пехоты, задерживалась на удобных естественных рубежах и переходила в контратаки. В районе Гохгейма – Гейдельберга конница красных была после горячего боя опрокинута и отошла. Южнее Щербаковки против двух донских дивизий развернулась вся 11-ая конная армия красных, но она не выдержала удара донцов и ушла на север. Против Донского корпуса с утра красные повели наступление большими силами, при поддержке 6-ти броневиков, на фронте Торгаевка – Агайман, 2-ая конная

дивизия обойденная с севера очистила Атайман и стала отходить на юго-восток на хутора Позднякова – Морозова.

Заняв Агайман, красные стали выходить в тыл 1-ой конной дивизии и отдельной конной бригады генерала Шинкаренко. Стремительной конной атакой 1-ой конной дивизией положение было спасено. В доблестной конной атаке пал начальник дивизии генерал Агоев и выбыли из строя ранеными несколько командиров полков. На ночь 1-ая конная дивизия собралась в Н. Серагозах; 2-ая конная дивизия – в хуторах Позднякова – Морозова, 6-ая пехотная дивизия подтягивалась в Н. Серагозы. Красные продолжали вести атаки по всему фронту 2-го армейского корпуса, но были отбиты с большими потерями.

В течение 13-го августа красные вели атаки на отдельных участках донского и 1-го армейского корпусов. Части конного корпуса, при поддержке 6-ой пехотной дивизии, повели наступление на Торгаевку и Агайман, но не достигли успеха вследствие упорного сопротивления противника, снабженного большим количеством артиллерии и броневиков. На ночь части отошли в исходное положение. На участке 2-го армейского корпуса продолжались бои местного характера и артиллерийская перестрелка.

Опасаясь, что противник, развивая успех против конного корпуса, выйдет на сообщение армии – линию железной дороги Севастополь – Мелитополь, генерал Кутепов, не закончив разгром васильевской группы, решил перебросить корниловскую дивизию из района Б. Токмака в помощь конному корпусу, который вместе с 6-ой дивизией с трудом сдерживал натиск противника.

В ночь на 14-ое августа Корниловская дивизия была направлена в район Базылеевки, куда она должна была

прибыть к 15-ому августа, 14-го августа красные вновь заняли Эристовку, Карачекрак, Васильевку, направляя главный удар на Андребург – Бурчатск, куда было брошено 2000 красной конницы встык Марковской и Дроздовской дивизий, 2-ой Донской дивизии и одной бригаде 1-ой Донской дивизии было приказано ударить из района Б. Токмака в направлении Вольдорфа – Гохгейма, чтобы отразить наступление красной конницы на 1-ый армейский корпус.

В течении целых суток Дроздовская и Марковская дивизии вели ожесточенные бои с наступающим противником в районе Анцребурга – Эристовки – Бурчатска. Указанные селения переходили из рук в руки. Несмотря на большие потери, красные упорно рвали фронт 1-го армейского корпуса, вводя в бой свежие части. Особенным ожесточением отличался ночной бой (на 15-ое августа) Дроздовской дивизии на улицах Андребурга. Красные были выбиты из селения. Марковская дивизия, сдержав наступление красных на Бурчатск, перешла в наступление на Васильевку, но овладеть последней не могла и сосредоточилась на буграх южнее Бурчатска. Против конного корпуса красные не проявили особой активности и перегруппировка частей ударной группы происходила без давления со стороны противника. Корниловская, 6-ая пехотная и 1-ая конная дивизии сосредоточились в Демьяновке под общим командованием генерала Скоблина. 2-ая конная дивизия отошла на Петровское, оставив арьергардные части в районе Кучкогуса. Держа связь между обеими группами, отдельная конная бригада генерала Шинкаренко группировалась между Калгой и Ивановкой. Атаки красных на 13-ую дивизию в районе Магдалиновки были отбиты 14-го августа с большими потерями.

На 15-ое ударной группе генерала Скоблина было приказано обрушиться на красных в направлении Серагозы – Агайман; 2-ому армейскому корпусу – поддержать наступление ударной группы генерала Скоблина наступлением правого фланга.

Ударная группа Донского корпуса (1,5 казачьих дивизий), выступившая 15-го августа из Вальдорфа в северо-западном направлении, для содействия наступлению 1-го армейского корпуса, сбила у Тифенбруна пехоту противника и завязала в районе Гохгейма упорный бой с пехотой и конницей красных. Последние ввели в бой большие силы, поддержанные большим количеством броневиков и артиллерии. Атаки донцов упорно отбивались и бой не дал результата. На ночь ударная донская группа была оттянута в Вальдорф и Н. Куркулак.

Наступление 1-го армейского корпуса развивалось успешно. Части корпуса заняли Эристовку и Бурчатск. Красные превосходными силами пехоты и конницы перешли в контратаку. Дроздовская дивизия отбила все атаки. Марковская дивизия отошла под давлением к Бурчатску.

Колонна красной конницы, до 1000 сабель обходя левый фланг Марковской дивизии, двинулась из Васильевки на Скельку и далее на Орлянск. Другая конная группа противника до 800 сабель наседала на левый фланг Марковской дивизии. Использовав все резервы, Марковская дивизия принуждена была оттянуться в район Фридрихсфельда – Михайловки. Ударная группа генерала Скоблина около 20-ти часов сбила передовые части противника и подошла вплотную к Верхним и Нижним Серагозам; отдельная бригада генерала Шинкаренко заняла позицию восточнее Ивановки, 2-ая конная дивизия заняла Санбурн. Общая атака ударной группы была отложена на 16-ое августа.

На участке 2-го армейского корпуса шли местные бои. Противник вел атаки на левый фланг 34-ой дивизии и центр 13-ой.

Части 1-го армейского и Донского корпусов произвели 16-го августа перегруппировку, с целью парализовать движение конницы красных из района Васильевки – Орлянска в юго-западном направлении и в обход левого фланга Марковской дивизии, 2-ая Донская казачья дивизия и части Марковской дивизии усиленные донским Дзюнгарским полком, сосредоточились в Михайловне для удара в направлении Орлянска. Общая атака Орлянской группы красных была назначена на рассвете 17-го августа, к каковому сроку могла поспеть донская конница.

Днем 16-го августа красная конница обрушилась двумя колоннами на донской стрелковый полк в районе М. Белозерки. После жестокого боя, в результате которого большая часть донского полка была захвачена в плен, остатки полка сосредоточились в Веселом.

С утра 16-го августа ударная группа генерала Скоблина перешла в решительное наступление. Корниловская дивизия стремительно захватила Ново-Александровку. Противник отошел в двух направлениях: на Покровку и на юго-запад. Против покровской группы была брошена 1-ая конная дивизия с 1-м корниловским полком. Выбитый из Покровки противник повернул на Рубановку, преследуемый конницей и корниловцами. Одновременно два других корниловских полка были двинуты на поддержку 6-ой пехотной дивизии, атаковавшей Верхние и Нижние Серагозы. несмотря на упорное сопротивление красных, переходивших в контратаки корниловцы штыковым ударом ворвались в В. Серагозы. Красные бросились в панике на запад, но были встречены обходной колонной 1-го корниловского полка. Части 6-ой пехотной дивизии

продолжали атаки на Н. Серагозы с востока, бригада генерала Шинкаренко вела бой в районе Серагоз, 2-ая конная дивизия ворвалась передовыми частями в Агайман, но была вытеснена подоспевшими из Торгаевки красными.

В течение 16-го августа крупные силы пехоты (Латышская и 15-ая стрелковая дивизии) напирали на фронт 2-го армейского корпуса, нанося главный удар по левому флангу корпуса. Наступление красных сдерживалось, но части 13-ой пехотной дивизии были потеснены к Григорьевке – Константиновке. Таким образом, 2-ой корпус был оттеснен к самому перекопу. Значительные силы красной конницы прорвали фланг 1-го корпуса, выйдя в тыл армии.

На 17-ое августа командующий 1-ой армией приказал:

Донскому корпусу, продолжая удерживать участок от Азовского моря до Вальдорфа, 2-ой казачьей дивизией генерала Калинина, сосредоточенной в Михайловке, не позже рассвета 17-го августа стремительно атаковать красных и разбить их, стараясь прижать к плавням. Ни в коем случае не допускать движения красных на запад; 1-ому армейскому корпусу энергичным наступлением левого фланга поддержать генерала Калинина; генералу Барбовичу продолжать стремительное наступление на Каховку; 2-ому армейскому корпусу, сосредоточить резервы к правому флангу, с рассветом энергично наступать на красных по всему фронту.

С утра 17-го августа на всем фронте возобновился жестокий бой. До полудня исход еще не был известен, генерал Кутепов считал положение очень тревожным. Я решил проехать в Мелитополь. На станции Джанкой нас предупредили, что разъезды красной конницы подходят к железной дороге. С потушенными огнями

мы в сумерках прошли на север. В Мелитополь я прибыл поздним вечером. Несмотря на поздний час, большая толпа стояла на улицах, прилегающих к штабу. В сумрачных, угрюмых лицах чувствовалась тревога. Генерал Кутепов не терял спокойствия. К ночи донесения с большинства участков были получены.

В 8 часов утра 17-го августа 3-ий марковский полк ворвался в Орлянск. 1-ый марковский и Дзюнгарский полки вели бои северо-восточное Орлянска. Красные упорно оборонялись. Сломив сопротивление. Марковская дивизия преследовала красных к Васильевне и Скельке. По очищении указанного района от красных, Марковская дивизия расположилась в Орлянске и Скельке, на случай попыток противника прорваться вдоль плавней Днепра к своей базе.

Дроздовская дивизия, двинутая на Бурчатск, столкнулась с наступавшими вдоль железной дороги значительными силами красных. Отбив атаки красных курсантов и нанеся им тяжелые потери, Дроздовская дивизия овладела высотами севернее Фридрихсфельда и южнее Бурчатска.

2-ая донская казачья дивизия настигла часть прорвавшейся конницы противника в районе М. Белозерки, однако генерал Калинин действовал крайне нерешительно. После боя М. Белозерка была занята донцами, но противник успел отойти на Менчекур, где около 17 часов наши части вновь нагнали красную конницу.

В это же время колонна красной конницы, обнаруженная летчиками в районе Пескошено-Менчекур, подверглась бомбометанию наших самолетов. Красная конница разделилась на две группы: большая часть укрылась по хуторам между Менчекуром и Гавриловной, а часть в 600 сабель с двумястами пехоты направилась на Б. Белозерку.

После жестокого боя 17-го августа Корниловская дивизия заняла Нижние Серагозы, атакованные одновременно с востока 6-ой пехотной дивизией и с юго-востока отдельной конной бригадой генерала Шинкаренко. Окруженный с трех сторон противник бежал в полном беспорядке, не оказывая уже сопротивления, 1-ая конная дивизия около полудня ворвалась в В. Торгаевку (севернее Торгаевки), где был захвачен штаб 52-ой стрелковой дивизии (начальник дивизии с начальником штаба успели скрыться). После этого все части ударной группы генерала Барбовича преследовали красных к Торгаевке. Отрезанные от прямого направления на Каховку, красные бросились на юго-запад.

Около 19 часов бригада красной конницы сводной дивизии Саблина, брошенная на поддержку своей бегущей пехоты, ворвалась в В. Торгаевку. Против нее была направлена 1-ая конная дивизия, которая выбила красных из В. Торгаевки и преследовала ее до темноты. Пехотные части ударной группы генерала Борбовича преследовали красных, выйдя на 8-10 верст западнее и юго-западнее Торгаевки. Темнота и полное утомление остановили преследование красных.

2-ой армейский корпус перешел, согласно приказа, с утра 17-го августа в наступление и занял линию хуторов Балтазаровский-Белоцерковка. Вследствие обхода правого фланга корпуса пехотой и конницей противника, 34-ая пехотная дивизия вынуждена была осадить на бугры севернее Масловки и к югу от хутора Балтазаровского. Аскания-Нова и хутора северо-восточнее Чаплинки были заняты пехотными и конными частями красных.

Хотя успех дня склонялся в нашу сторону, но положение продолжало оставаться тревожным. Присутствие красной конницы в нашем тылу сулило всякие

неожиданности. Я телеграфировал непосредственно генералу Калинину, требуя от него решительных действий и возлагая на него ответственность, если красной коннице удастся уклониться от удара донцов. На ночь я вернулся к себе в поезд. С раннего утра я был в штабе армии.

18-го августа противник возобновил атаки на участке Вальдорф – Розенталь – Бурчанск, временно захватывая эти селения. Контратакой донцов и частей 1-го армейского корпуса противник был отброшен на север. Около 11 часов 2-ая донская казачья дивизия под командой генерала Калинина выступила главными силами из Веселаго на Б. Белозерку, но оказалось, что противник оттуда ушел. Когда около 19 часов передовые части донской конницы заняли Б. Белозерку, главные силы прорвавшейся красной конницы уже ушли из Б. Белозерки на юго-запад. Генерал Калинин вновь упустил противника. Утренняя воздушная разведка, вследствие дождя, не могла установить направления рейда красной конницы и только около 18 часов она была обнаружена в районе хутора Зеленый. Я приказал генералу Кутепову отрешить генерала Калинина от должности. Вступившему в командование дивизией генералу Татаркину был дан приказ немедленно двигаться на Рубановку, отжимая красную конницу к Днепру.

В ночь на 19 августа генерал Татаркин рассчитывал нагнать конницу красных. Продолжая преследование, части группы генерала Барбовича заняли Вознесенку и двинулись на Антоновку. После упорного боя Корниловская и 1-ая конная дивизии отрезали красных от дороги на Любимовку; часть красных бросилась на Дмитриевку, часть прорвалась на Антоновку. Генерал Барбович преследовал красных до ночи. 2-ая конная дивизия двигалась из Агаймана на Н. Репьевку-Успенскую, встречая крайне упорное сопротивление противника.

С утра 2-ой армейский корпус продолжал наступление. Красные оставили Асканию-Нова и отошли на Натальино. Особенное упорство противник проявил в бою под Натальиным и на хуторах севернее Марьяновского, но был в результате боя выбит.

К ночи на 19-ое августа Корниловская, 6-ая пехотная и конная дивизии сосредоточились в районе Вознесенское-Челноково, 2-ая конная дивизия в Новорепьевке – Успенская, 2-ой армейский корпус на линии Натальино-Марьянова. Острота положения миновала и я мог вернуться в Керчь. Слух о наших успехах разнесся по городу с быстротой молнии. На улицах царило оживление, всюду виднелись веселые лица. Огромная толпа провожала меня криками «ура»…

19-го я прибыл в Керчь. Погрузка у Ачуева шла успешно. На Тамани наши части заняли 18-го станицу Старотиторовскую. Однако, 19-го противник, сильно усилившийся, сам перешел в наступление. К вечеру наши части были потеснены. Начальник отряда генерал Харламов доносил, что несет большие потери и вынужден отходить.

К ночи отряд генерала Харламова, понесший чрезвычайно тяжелые потери, отошел к станции Таманской. Я отдал приказ начать погрузку войск для переброски в Керчь.

Кубанская операция закончилась неудачей. Прижатые к морю на небольшом клочке русской земли, мы вынуждены были продолжать борьбу против врага, имевшего за собой необъятные пространства России. Наши силы таяли с каждым днем. Последние средства иссякали. Неудача, как тяжелый камень, давила душу. Невольно сотни раз задавал я себе вопрос, не я ли виновник происшедшего. Все ли было предусмотрено, верен ли был расчет.

Тяжелые бои на северном фронте, только что разрешившие с таким трудом грозное там положение, не оставляли сомнений, что снять с северного участка большее число войск, нежели было назначено для кубанской операции, представлялось невозможным. Направление, в котором эти войска были брошены, как показал опыт, было выбрано правильно. Несмотря на нескромность кубанских правителей, задолго разболтавших о намеченной операции, самый пункт высадки оставался для противника неизвестным. Красные ожидали нас на Тамани и в районе Новороссийска. Войска высадились без потерь и через три дня, завладев важнейшим железнодорожным узлом – Тимашевской, были уже в сорока верстах от сердца Кубани – Екатеринодара. Не приостановись генерал Улагай, двигайся он далее, не оглядываясь на базу, через два дня Екатеринодар бы пал и северная Кубань была бы очищена. Все это было так.

Но вместе с тем, в происшедшем была значительная доля и моей вины. Я знал генерала Улагая, знал и положительные и отрицательные свойства его. Назначив ему начальником штаба неизвестного мне генерала Драценко, я должен был сам вникнуть в подробности разработки и подготовки операции. Я поручил это генералу Шатилову, который сам будучи очень занят, уделил этому недостаточно времени. Я жестоко винил себя, не находя себе оправдания.

Единственное, что дал нам десант, это значительное пополнение десантного отряда людьми и лошадьми. Число присоединившихся казаков исчислялось десятью тысячами. Это число не только покрывало тяжелые потери последних дней на северном фронте, но и давало значительный излишек.

Я решил сформировать 2-ую кубанскую дивизию, пополнив иногородними свободную дивизию генерала

Казановича и передав казаков в 1-ую кубанскую дивизию генерала Бабиева. Свободную дивизию, переименованную в 7-ую и 6-ую дивизию свести в 3-ий корпус. Во главе последнего должен был стать генерал Скалой, прибывший в составе отряда генерала Бредова, бывший начальник 33-ей пехотной дивизии.

2-ой и 3-ий корпуса и Терско-Астраханская бригада должны были составить II-ую армию, 1-ый и Донской корпуса – I-ую армию, 1-ая и 2-ая кавалерийские дивизии – отдельный конный корпус.

Вопрос о назначении командующего 11-ой армией весьма меня беспокоил. Единственным подходящим кандидатом мог быть генерал Абрамов, однако, последнего трудно было заменить. К тому же сам генерал Абрамов просил оставить его во главе своих донцов. После долгих колебаний я остановился на генерале Драценко, последнего горячо рекомендовал генерал Шатилов. По возвращении своему из поездки к генералу Улагаю, он докладывал мне, что одна из причин кубанской неудачи – было нежелание генерала Улагая руководствоваться указаниями генерала Драценко. Дальнейшее показало, что выбор генерала Драценко был крупной ошибкой. На должность начальника штаба генерал Драценко наметил генерала Масловского, бывшего начальника штаба главноначальствующего Северным Кавказом генерала Ляхова. Генерал Масловский был усердный работник, весьма исполнительный, но назначению его на ответственную должность начальника штаба армии я мало сочувствовал. Однако, взяв за правило не вмешиваться в выбор моими сотрудниками своих ближайших помощников, согласился.

Разгром красных войск поляками обозначился в полной мере. Количество пленных, захваченных поляками, превосходило 100 000. Немногим меньше было

интернировано в Германии. Вместе с тем все более выяснялась возможность заключения Польшей и Советской Россией мира. Стала известна декларация Польши, определенно заявлявшая, что «Польша искренне желает мира». Намечался и пункт переговоров – Рига.

Оставив генерала Шатилова в Керчи, я в ночь на 20-ое выехал в Севастополь. Немедленно по приезде я принял ряд мер, чтобы сгладить впечатление от последней неудачи нашей на Кубани.

По моему поручению Струве телеграфировал Маклакову и генералу Миллеру:

«Прошу Вас и генерала Миллера объяснить французскому правительству и командованию:

За последнее время большевики, учитывая стратегическое и моральное значение южного фронта, перебросили значительные силы в Крым и на Кубань, двинутые с границ Прибалтики из Сибири, Азербайджана, Персии и других мест. Так, против генерала Врангеля было сосредоточено в половине августа нового стиля 77 стрелковых и 15 кавалерийских бригад, из коих 15 стрелковых и 5 кавалерийских на Кубани. Встретив значительное сопротивление со стороны большевиков на Кубани, наши части могли действовать лишь медленно, имея перед собой во много раз превосходившие их силы противника. Продолжать операцию на Кубани можно было при этих условиях только оставив Северную Таврию и отойдя на Перекоп. Это и входило в первоначальные намерения Главнокомандующего. Но за последнее время общая обстановка коренным образом изменилась. У поляков обнаружились неожиданные и крупные успехи и, в связи с ними, польские операции должны получить развитие в южном направлении; на Украине усиливается повстанческое движение. В то же время везде все больше назревает сознание, что большевизм с его раз-

рушительной мировой пропагандой, с его захватными стремлениями – есть мировая опасность. Все эти обстоятельства повелительно внушают мысль, что сейчас складывается исключительно выгодная обстановка для решительной и объединенной борьбы с большевизмом, для создания единого и связного фронта с общим военным руководством, которое согласовало бы и дело снабжения и военные действия разных противобольшевистских сил. В этой обстановке Главнокомандующий счел невыгодным и невозможным сосредоточить свои силы на восточном направлении, ради чего ему пришлось бы оставить Северную (материковую) Таврию. Наоборот, он решил временно отложить кубанскую операцию и отбить наступление красных на Таврию, что ему и удалось вполне. Этим обеспечена надлежащая исходная позиция для операций в западном направлении; в этом направлении, при условии соответствующей операции со стороны поляков и других противобольшевистских сил, может быть создан единый фронт, с целью полного уничтожения большевистских военных сил и низвержения советской власти. Масштаб и значение этих вопросов столь велики, что обсуждение их в особом совещании компетентных лиц представлялось бы чрезвычайно важным. Если бы французское правительство согласилось с этим, то Главнокомандующий готов был бы прибыть в Париж, чтобы личным своим участием содействовать установлению необходимых условий и плана согласованных общих действий.

Благоволите с надлежащей осторожностью, но в срочном порядке, выяснить отношение французского правительства к этой мысли Главнокомандующего. Срочность необходима потому, что только в течение приблизительно одного месяца возможно по боевой обстановке отсутствие Главнокомандующего».

В тот же вечер я повторил это на заседании совета под моим председательством. На следующий день после моего приезда меня посетил начальник американской военной миссии адмирал Мак Колли. Последний, по поручению своего правительства, представил мне в письменной форме ряд вопросов по общей политике правительства юга России:

«Канцелярия
Особого Представителя
Мин. Ин. Дел
С.А.С.Ш.
6-го сентября 1920 года.
Севастополь.
Ваше превосходительство,

Я был бы очень признателен, если бы я мог получить, для представления правительству С.А.С.Ш., достаточно полное сообщение от генерала Врангеля, касательно его политики и целей, преследуемых им. Нижеследующие вопросы могли бы служить и указанием на характер просимых сведений:

1. Входит ли в политику генерала Врангеля вопрос о восстановлении России на основах народного волеизъявления и обязуется ли он созвать учредительное собрание, избранное волей народа всеобщим и прямым голосованием.

2. Решительно ли отвергает генерал Врангель всякое намерение установить в России представительный образ правления, игнорируя народное согласие и поддержку.

3. Правильно ли истолковываются недавние декларации генерала Врангеля о том, что учитывая ошибки правительств генерала Деникина и адмирала Колчака и пользуясь их опытом, он не почитает восстановление в России законности и свободы как делом исключитель-

но военным; что он в первую голову ставит вопрос об удовлетворении потребностей крестьян, составляющих значительное большинство народонаселения России; что генерал Врангель организовывает и обучает армию не для продолжения длительной войны против большевизма, как это делали адмирал Колчак и генерал Деникин, но что он согласился бы ограничиться обороной ядра Русского национального возрождения; что общей его целью является попытка установить центр политического и экономического порядка и законности, вокруг которого могли бы свободно объединяться русские группировки и территории и развиваться согласно собственным пожеланиям.

4. Имеются сведения о том, что генерал Врангель устанавливает за линией фронта местное самоуправление, посредством свободно избираемых земств и других демократических органов, а также что он в особенности стремится разрешить земельный вопрос конституционными путями, санкционируя за крестьянами владение землей. Правильны ли эти сведения?

5. Не имеется ли значительное число беженцев, нашедших у генерала Врангеля убежище от большевиков. Каково приблизительно число таких беженцев и к каким классам и группировкам они принадлежат.

6. Можно ли полагать, что генерал Врангель, веря в то, что его движение в настоящее время представляет собой центр русских усилий для восстановления и возобновления единства и национальной жизни, в то же время не выдает себя и не приписывает себе роли главы всероссийского правительства; что в настоящее время он не требует признания себя таковым; что он не считает себя вправе вступить в договоры, обязательные для какого – либо будущего российского правительства, если бы такое установилось, раздавать концессии или вообще, как-нибудь иначе распоряжаться национальным достоянием.

7. Удовлетворяет ли генерала Врангеля недавняя декларация о политике С.А.С.Ш., как касательно Польши, так и касательно единства и целости России.

8. Каковы меры предосторожности, на которые генерал Врангель мог бы положиться для того, чтобы уверить другие нации, что ему удастся продолжить дело восстановления той части российской территории, которая входит под его юрисдикцию, не позволяя ему в то же время превратиться в военную авантюру или политическую реакцию.

Я был бы очень признателен за получение насколько возможно определенных и ясных разъяснений о целях, преследуемых генералом Врангелем.

Контр-адмирал Н.А.Мак Колли.

Его превосходительству П.Струве
Министру иностранных дел
Правительства юга России».

Вручая мне эти вопросы, адмирал, искренний друг нашего дела, сиял. Он считал, что желание американского правительства получить ответ на предложенные вопросы, является предварительным шагом перед признанием правительства юга России Америкой, 24-го августа адмиралу Мак Колли был сообщен ответ на поставленные им вопросы:

«Доверительно.

1. Генерал Врангель неоднократно заявлял, что его цель состоит в предоставлении возможности русскому народу самому свободно выразить свою волю касательно будущей формы правления в России. Он еще раз подтверждает свое намерение установить условия, позволяющие созыв Национального Собрания, избранного на основах всеобщего избирательного права и посредством которого будет установлена форма правления в новой России.

2. Генерал Врангель не имеет ни малейшего намерения навязать России форму правления, действующую без народного представительства и лишенную общественной поддержки.

3. Толкование недавних деклараций генерала Врангеля в том смысле, что он не полагает восстановление в России законности и свободы делом исключительно военным, – совершенно справедливо. Вся совокупность уже существующих реформ, наоборот, указывает на то, что генерал Врангель придает первенствующее значение работе по восстановлению государства и удовлетворению потребностей крестьян, составляющих значительное большинство народонаселения России. Именно с этой целью, имея в виду способствовать мирному развитию созидательных усилий правительства, генерал Врангель воздерживается от расширения территории, занятой его войсками, но старается упрочить целость политического и экономического центра, созданного на территории как занятой Русской армией, так и казаками, с которыми он находится в тесном союзе. Сохранение этого здорового ядра совершенно необходимо, дабы оно могло служить центром притяжения, вокруг которого бы свободно собирались и развивались все усилия русского народа, направленные к национальному возрождению.

4. Сведения о реформах, предпринятых правительством генерала Врангеля по установлению волостных земств и по проведению аграрной реформы, вполне совпадают с действительностью. Первая из этих реформ передает власть на местах, а также заботы о местных и экономических интересах, самому населению, которое и будет осуществлять эту власть посредством своих свободно избранных органов. Закон о волостных земствах в скором времени будет дополнен законом о земствах уездных. Оба этих закона будут служить

основой для установления более общего представительного учреждения. Аграрная реформа имеет целью радикально разрешить аграрный вопрос и включает в себя законный переход, путем выкупа, всех годных к обработке земель в руки обрабатывающих их крестьян; земли эти передаются им в собственность, имея в виду создать в будущем сильный класс мелких земельных собственников, что вполне отвечает стремлениям русского крестьянина.

5. Число беженцев, нашедших у генерала Врангеля убежище от большевиков, очень значительно: оно превышает 500 000 для одного Крыма. Необходимо прибавить еще сюда примерно такое же число для беженцев, разбросанных по Ближнему Востоку, Египту и Европе. Главную часть беженцев составляют старики, женщины и дети. Все они так или иначе пользуются поддержкой и помощью со стороны правительства юга России. В случае, если бы неприкосновенность территории юга России была бы гарантирована, генерал Врангель счел бы своим долгом облегчить беженцам возвращение на родину, дабы позволить им приступить к продуктивной работе. Контингента беженцев составлены из самых разнообразных элементов. Они принадлежат ко всем классам общества, одинаково признавшим для себя невозможным переносить большевистскую тиранию.

6. Генерал Врангель полагает, что возглавляемое им правительство остается единственным хранителем идеи национального возрождения и восстановления единства России. В то же время он признает, что только правительство, установленное после разрешения национальным собранием вопроса о форме правления, сможет заключать договоры, затрагивающие суверенные права русского народа и распоряжаться национальным достоянием.

7. Политическая декларация, сделанная недавно правительством Северо-Американских С.Ш. совершенно совпадает с политической программой генерала Врангеля, как в части касающейся вопроса о сохранении единства и неприкосновенности русской территории, так и в вопросе о Польше. Генерал Врангель уже раньше счел своим долгом выразить по этому поводу свою живейшую признательность федеральному правительству.

8. Генерал Врангель полагает, что иностранные державы, знакомясь с его работой на деле, а не посредством устных деклараций, могли бы убедиться, что ничто не оправдывает опасений о том, что дело правительства юга России могло бы выродиться в военную авантюру или в политическую реакцию. Что касается первого опасения, то генерал Врангель напоминает, что он, готов был бы прекратить гражданскую войну, как только им получены были бы сведения о действительных гарантиях неприкосновенности его территории, а также территорий казачьих и как только русский народ, стонущий под большевистским ярмом, получил бы возможность свободно высказать свою волю. Со своей стороны генерал Врангель готов предоставить населению занятой им территории возможность свободно высказать свои пожелания, будучи твердо уверен, что население ни в коем случае не выскажется за советскую власть.

Что касается его лично, то генерал Врангель уже открыто заявил, что его цель состоит в установлении для народа возможности высказать свободно свою волю и что он, генерал Врангель, не колеблясь, подчинится суверенному голосу русского народа.

Севастополь, 24 августа (6 сентября) 1920 года».

Наш посол в Париже уведомлял, что приезд мой в настоящее время во Францию не желателен, как

могущий создать затруднения правительству. В то же время он сообщал, что французское правительство готово оказать нам всяческую поддержку.

Через несколько дней я получил уведомление, что в Севастополь прибывает французский адмирал Леже, имеющий поручение выяснить главнейшие наши нужды в отношении военного снабжения. В день прибытия в Севастополь адмирал Леже обедал у меня. Вечером состоялось совещание при участии начальника его штаба, А.В.Кривошеина, начальника моего штаба, командующего флотом с его начальником штаба и начальника снабжения. Адмиралу Леже были представлены исчерпывающие данные. На другой день он выехал в Константинополь.

Упорные бои на северном фронте продолжались, 19-го августа на участке 1-го армейского корпуса боевых столкновений не было. Донская конница под командой вновь вступившего в командование генерала Татаркина, около 8 ч. 30 м. утра выступила переменным аллюром из Б. Белозерки на Рубановку; в то же время красная конница, по донесениям летчиков, около 8 часов вышла главными силами (до 1000 сабель) из хутора Зеленый на юго-запад, имея в авангарде отряд до 400 сабель и отряд с востока силою также до 400 сабель. Около 20 часов конница генерала Татаркина подходила к Рубановке; хвост колонны красной конницы вытягивался в это время из хутора Стрежелова на юго-запад.

С утра ударная группа генерала Барбовича, собранная в районе Федоровки двинулась на Константиновку и Чокрак. Несмотря на отчаянное сопротивление красных и распутицу от ливня, части генерала Барбовича захватили Ново-Николаевку. Антоновку и Дмитриевку. Последняя несколько раз переходила из рук в руки. Около двадцати часов красные подтянули из Каховки свежие силы и перешли густыми цепями в наступление

на фронте больше десяти верст, причем левый фланг наступающих цепей красных уходил далеко севернее Константиновки. До подхода донской конницы генерала Татаркина, групп генерала Барбовича было приказано удержаться на занятом рубеже, 2-ой армейский корпус с боем вышел на линию севернее хуторов Тельников, Черненька.

С утра 20-го красные заняли Вальдорф и Н. Мунталь. Сводная красная дивизия «товарища» Саблина, около 1000 сабель, атаковала 6-ую пехотную дивизию в районе Константиновки. Около полудня генерал Барбович, связавшись с передовыми частями донской конницы генерала Татаркина, перешел в наступление. Преодолев сопротивление красных, западнее линии Константиновка-Антоновка, части генерала Барбовича около 17 часов теснили медленно отходивших красных к Каховке. Генерал Татаркин вел бой с красной конницей под Софиевкой Нассауской. По данным воздушной разведки, главная масса красной пехоты с обозами около 19 часов подтягивалась к укрепленной каковской позиции. Корниловская дивизия неотступно следовала за красными, обстреливая отходившие колонны красных артиллерийским огнем. В это время конница красных стала отходить вдоль Днепра из Софиевки Нассауской к Любимовке. Генерал Татаркин шел на рысях к Любимовке, стараясь перехватить красной коннице дорогу к каховской позиции. 1-ая конная дивизия следовала левее конницы генерала Татаркина. 2-ой армейский корпус продвигался с боем на север.

Около полудня красные задержались и перешли значительными силами в контрнаступление против 2-го армейского корпуса. Атаки красных были отбиты, но 2-ой корпус не мог продвинуться вперед из-за жесткого артиллерийского огня противника с укрепленных каковских позиций. С подходом частей генерала

Барбовича 2-ой армейский корпус вновь перешел в наступление. До наступления темноты по всей линии каховских укрепленных позиций шел жестокий огневой бой.

21-го августа части 3-ей донской дивизии атаковали красных, окопавшихся на линии Н. Куркулак-Вальдорф-Н. Мунталь и отбросили их на Тифенбрун-Гейдельберг. Развивая преследование, донцы захватили указанные селения. В районе Сладкой Балки загорелся встречный бой с красной конницей (до 700 сабель).

В течение ночи на 21-ое августа пехота и конница красных отошла за проволоку каховской позиции. Ударная группа генерала Скоблина в два часа подошла к проволоке и около пяти часов Корниловская дивизия и части 6-ой пехотной дивизии ворвались в Любимовку. Встреченные сильнейшим огнем и забросанные ручными гранатами, атакующие части отошли с большими потерями в исходное положение на две версты восточнее Любимовки. Части 2-го армейского корпуса перешли в атаку в два часа ночи, но были встречены яростными контратаками красных и засыпаны ураганным артиллерийским огнем. Отбив контратаки, 2-ой армейский корпус занял к восьми часам бугры и позицию красных перед хутором Терны. Левофланговые части корпуса заняли к вечеру Корсунский монастырь и вели разведку на Британы, Казачьи Лагери. Каховскую укрепленную позицию с налета взять не удалось. Командующий 1-ой армией приказал сосредоточить всю конницу в его резерв в районе хуторов Дворянские, Гладкий и Тельник под общим командованием генерала Барбовича. Генералу Витковскому – объединить все пешие части, произвести необходимые перегруппировки и взять Каховку.

22 августа на северном участке фронта все было спокойно. Под Каховкой наши части произвели пере-

группировку. В то же время противник спешно укреплял каковскую позицию новыми рядами проволочных заграждений. На правом берегу Днепра устанавливались тяжелые батареи; на каховском плацдарме было обнаружено до девяти легких батарей и несколько тяжелых орудий.

В ночь на 23-е августа была назначена общая атака каховской позиции, 6-ая пехотная и 2-ая конная (спешенная) дивизии повели в два часа демонстративные атаки, под прикрытием артиллерийского огня. Разведывательные части залегли под густыми рядами проволочных заграждений, но вследствие сильного пулеметного и артиллерийского обстрела вынуждены были вместе с главными силами отойти в исходное положение, ведя в то же время интенсивный огонь по расположению противника. Корниловская дивизия, сосредоточенная в районе хутора Топилова (к востоку от д. Любимовка) была неожиданно атакована в 1 ч. 30 м. ночи конницей противника в невыясненных силах. Отбив атаку, Корниловская дивизия вместе с танками и броневиками атаковала укрепленную позицию и стремительно прорвала первую линию укрепленной полосы противника. Части Корниловской дивизии, несмотря на жестокие потери, устремились на вторую линию, обороняемую громадным количеством пулеметов. Красные встретили корниловцев контратакой с фронта, с охватом обоих флангов. Корниловцы стали отходить. Из четырех малых танков, поддерживающих атаку Корниловской дивизии, два погибли во время атаки от артиллерийского огня.

Группа генерала Ангуладзе (13-ая и 34-ая пехотные дивизии) атаковала противника в два часа в направлении М.Каховки. Не будучи в состоянии преодолеть проволочных заграждений, части 13-ой и 34-ой пехотных дивизий залегли под проволокой, расстреливаемые

артиллерийским и пулеметным огнем. Перед рассветом, в виду все усиливающегося обстрела, части были оттянуты в исходное положение. В семь часов утра всем частям группы генерала Витковского было приказано занять наиболее выгодное положение и приступить к активной обороне.

Вторичная неудача наших частей под Каховкой обнаружила крепость каховских позиций, стойкость красных при обороне и слабеющий наступательный порыв нашей пехоты.

Операция закончилась.

Генералу Витковскому было приказано активно оборонять нижнее течение Днепра (Кайры Западные-устье Днепра) силами 2-го армейского корпуса и 6-ой пехотной дивизии;

Генералу Барбовичу, в составе 1-ой конной, 2-ой донской казачьей и 2-ой бригады 1-ой донской казачьей дивизий отойти к 26-му августа в район Покровка-Серагозы;

Корниловской дивизии, понесшей во время последних боев большие потери, было приказано перейти в резерв в Н.Серагозы и в дальнейшем в Ново-Никодаевку под Мелитополем; 2-ая конная дивизия была направлена в Петровское для следования по железной дороге на южный берег Крыма, где дивизия должна была садиться на коней.

В Севастополь прибыл вышедший на участок одного из полков 1-го корпуса полковник Назаров, во главе отряда партизан высадившийся в начале июля под Мариуполем. После ряда успехов, полковник Назаров в последних числах июля был настигнут превосходными силами красных в районе станицы Константиновской. Его отряд был разбит. Остатки отряда отошли в Сальские степи. Сам полковник Назаров был захвачен в плен, но бежал и после долгих скитаний вышел на наш

фронт. По его словам население станиц, через которые они проходили, относилось к нему весьма сочувственно. Однако к отряду присоединялись немногие, опасаясь жестокой расправы красных в случае неудачи; и на Дону, как и на Кубани, население проявило пассивность.

Для пополнения убыли в последних боях, я вынужден был вновь произвести набор и объявил поставку еще 1500 лошадей. Неоднократные призывы и конские поставки тяжким бременем ложились на население. Последнее за время нашей борьбы проявляло полное сочувствие к власти. Однако, военные тяготы становились для него непосильными и за последнее время участились случаи уклонения от призыва.

Отдавая себе в полной мере отчет в непомерных тяготах предъявляемых населению требований, я в то же время вынужден был всей силой власти эти требования поддерживать. Беспощадная борьба требовала общих жертв.

Пользуясь тяжелым положением края, противник делал все возможное, чтобы усилить работу свою в тылу армии.

В середине июля большевикам удалось морским путем, посредством моторных катеров, отправлявшихся из Новороссийска и Анапы, установить связь с «крымским областным комитетом» коммунистической организации, одно время было разгромленной, но в конце июня вновь начавшей проявлять свою деятельность.

5-го августа высадился вблизи местечка Капсхор, затопив у берега свой моторный катер, небольшой коммунистический отряд в двенадцать человек, под начальством матроса Мокроусова, снабженный пулеметами, патронами, ручными гранатами и значительными деньгами – до 500 миллионов рублей «романовскими», курс которых в то время в семьдесят раз превышал цену денег главного командования и 200 тысяч турецких

лир. Благополучно пробравшись с помощью соучастников в леса, Мокроусов, присвоивший себе громкое наименование «командующего крымской повстанческой армией», пытался привлечь в свой отряд всякий сброд. К концу августа у Мокроусова было уже около 300 человек, которые распределялись им в три полка. Карасубазарский пешеконный полк, под командой бывшего сотника Галько, при котором находился сам Мокроусов, Симферопольский полк, под командой уже известного капитана Макарова (при этом полку находился и областной ревком с «товарищем» Бабаханом во главе) и Феодосийский полк, существовавший, собственно, номинально, так как вошедшие в состав этого полка шайки «Проньки», «Остапка», «Лоло» и «Капитана» так и не объединились, продолжая грабить за свой страх и риск.

Отряды Мокроусова действовали весьма решительно; так в ночь на 30-ое июля отряд зеленых совершил нападение на артиллерийский транспорт, увел лошадей и взорвал снаряды; 4-го августа совершил ограбление Массандровского лесничества на миллион рублей; в ночь на 20-ое августа было совершено нападение на Бешуйские копи, разграблена была касса, сожжен пороховой погреб и разрушена шахта; 22-го августа шайки Мокроусова напали на Кучук Узен, увели местного пристава и одиннадцать стражников; 29-го шайка в 150 человек при четырех пулеметах напала на местечко Судак, однако находящимися здесь на излечении офицерами и солдатами, своевременно предупрежденными, была отбита и понесла значительные потери.

Областной ревком работал и в городах, располагая огромными деньгами. В течение четырех месяцев ревком получил из Москвы через курьера еврея Рафаила Кургана один миллион «романовских», 10 тысяч фунтов стерлингов и на 40 миллионов золота в изделиях и бриллиантах.

В Симферополе, Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи и Евпатории образовались коммунистические комитеты, щедро снабжаемые деньгами. Между ними установилась живая связь курьерами.

2-го августа в Ялте была обнаружена коммунистическая ячейка, имевшая в своем распоряжении типографский шрифт и поддерживавшая связь с «Областкомом». В том же месяце в прифронтовой полосе были задержаны с мандатами Областкома два «курьера», высланные с целью шпионажа. Почти одновременно на Перекопе был арестован советский «шпион-курьер» Симка Кессель, пробиравшийся из Крыма в Одессу.

Вскоре удалось добыть нити для наблюдения за лицами, стоявшими в самом центре обновленной организации Областкома. В результате установленного наблюдения 21-го августа был задержан чинами розыска пробиравшийся из леса в Севастополь Мордух Акодис, получивший от Областкома задачу воссоздать севастопольский городской революционный комитет, на что он получил 16 тысяч рублей «романовских», оказавшихся при нем при аресте. Одновременно были арестованы в Симферополе, проживавшие там по фальшивым паспортам, Рафаил Курган «Фоля» и Наум Глатман, являвшиеся местными представителями Областкома, в квартире которых было обнаружено 250 тысяч «романовских» рублей в обертках со штампом Московского народного банка, миллион денег главного командования, золотые вещи и бриллианты по казенной оценке на сумму 28 миллионов рублей, партийная переписка, денежные отчеты и отчеты по партийной работе революционного областного комитета в Крыму. В тот же день в Севастополе были арестованы Герш Гоцман и Осман Жилер, причем у первого была обнаружена переписка и почти не бывшая в употреблении печать севастопольского революционного комитета, а у

второго переписка и три миллиона рублей партийных денег в разной валюте.

Материалы, добытые обысками у названных лиц, в связи с данными ими обширными и вполне откровенными показаниями, дали возможность выяснить полную картину всей работавшей в Крыму большевистской организации. В течение месяца число привлеченных к формальному дознанию превышало уже 150 человек. Организации противника в Крыму был нанесен сокрушительный удар.

Успешности действий по обнаружению и разгрому коммунистической работы в Крыму я обязан был генералу Климовичу. В его распоряжение была передана и вся государственная стража, действовавшая весьма успешно.

В связи с беспрерывным падением рубля и возрастающей дороговизной материальное положение служащих становилось все более тяжелым. Необходимо было им помочь. В первую очередь старался я прийти на помощь офицерам, 25-го августа состоялось под моим председательством заседание совета при мне, при участии некоторых старших военачальников, для рассмотрения мер по облегчению быта военнослужащих. Из состава совета выделена была для разработки этого вопроса особая комиссия. Председателем этой комиссии был назначен генерал Слащев. За последнее время он, отдохнув и пожив в Ялте спокойной жизнью, как будто оправился. Принимая участие в заседании, он особенно горячо ратовал за необходимость помочь офицерам, 25-го августа комиссия рассмотрела выработанный моим штабом приказ и внеся несколько пожеланий, представила мне на утверждение.

В тот же день приказ был обнародован.

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Русской армией.

№ 3580

Севастополь. 26 августа (8 сентября) 1920 года.

Величие Российского Государства покоилось на могучих Армии и Флоте. В переживаемое нами лихолетие, небольшим числом, но крепкая духом возрождающиеся Русская Армия и Флот – грудью своей отстаивают от красного интернационала последний клочок необъятной когда-то нашей родины.

Верю, что настанет время и Русская армия, сильная духом своих офицеров и солдат, возрастая как снежный ком, покатится по родной земле, освобождая ее от извергов, не знающих Бога и Отечества.

Будущая Россия будет создана армией и флотом, одухотворенными одной мыслью: «Родина это все».

Вдохнуть в армию эту мысль могут прежде всего офицеры – душа армии.

К вам, гг. офицеры, я обращаюсь в первую очередь.

Напрягите ваши силы, не покладая рук работайте над усилением мощи армии и верьте, что успехи вам будут сопутствовать.

Знаю все ваши нужды, все ваши печали, знаю, что вы отдали всю жизнь службе родине и потеряли все свое достояние.

Испытание, ниспосланное Господом Богом на многострадальную нашу родину еще продолжается и я не в силах помочь вам и семьям вашим так, как бы я хотел и как вы все того заслуживаете.

Будем верить, что Мать-Россия в будущем достойно вас вознаградит.

В настоящее время я могу вам помочь только частично, удовлетворить только самые наболевшие нужды, а потому и приказываю:

1. Начать с 1 (14) сентября ежемесячную выдачу всем нетрудоспособным членам семейств офицерским и классных чинов армии и флота – установленного казенного пайка продовольствия бесплатно.

Право на получение этого пайка предоставляется всем членам семьи, находящимся действительно на иждивении главы семейства, независимо от степени родства, но при условии их нетрудоспособности или фактической невозможности иметь заработок; жены и дети до 17-ти летнего возраста во всяком случае получают паек (если не получают его в другом месте службы). Определение права на получение пайка согласно этой статьи приказа возлагается на личную ответственность начальников частей и учреждений и подтверждается начальниками дивизий или пользующимися их правами начальствующими лицами. Дети до 12-тилетнего возраста и трудоспособные члены семьи, временно не имеющие заработка, получают паек в половинном размере. Порядок выдачи пайков из интендантских магазинов и возмещение денежной стоимости их полностью или частью по расценке кормового оклада, при неимении в наличии продуктов в магазинах, устанавливается особой инструкцией начальника снабжения.

2. Выдавать членам офицерских и классных семейств, имеющих право на паек, два раза в год материал для шитья одежды, на первое время в количестве 6 аршин материи, а также по 1 фунту кожи для починки обуви; первую выдачу произвести не позднее 1-го октября. Получающим половинные пайки – выдавать в половинном размере.

3. В тыловом районе начальникам гарнизонов и комендантам городов озаботиться в срочном порядке устройством для семейств офицерских и классных чинов экономических лавок, столовых, прачечных, почи-

ночных мастерских; интендантству оказывать в этом деле возможное содействие. Распоряжением командующего войсками тылового района принять меры к объединению всяких существующих офицерских экономических обществ и кооперативных лавок в одно офицерское экономическое общество армии и флота, с отделениями в главных городах Крыма.

Для усиления оборотных средств этого общества будет выдана правительственная субсидия. О принятых мерах донести мне.

4. Установить бесплатное обучение детей офицерских и классных чинов в правительственных и субсидируемых правительством учебных заведениях.

5. Председателю комитета государственного призрения озаботиться оказанием помощи и устройством в первую очередь сирот военнослужащих и инвалидов – защитников родины.

6. Предоставить бесплатную медицинскую помощь и медикаменты в военно-лечебных заведениях семьям офицерских и классных чинов.

7. Всякого рода подходящие казенные работы и заготовления представлять преимущественно членам офицерских и классных семейств. Во всех тыловых штабах, управлениях и учреждениях замещать должности писарей, телефонистов, посыльных – по преимуществу членами их семейств, с выдачей установленного для вольнонаемных лиц содержания.

8. Начальнику военного управления по соглашению с начальником управления финансов разработать и представить мне в кратчайший срок соображения: а) об установлении прибавок к основному окладу в соответствии со сроком службы в рядах армии, б) об улучшении пенсионного обеспечения чинов армии и флота.

9. В связи с изменением по настоящему приказу порядка довольствия семейных офицерских чинов и

вследствие непрерывно возрастающей дороговизны, установить на сентябрьскую треть размер содержания офицерских и классных чинов в двойном размере основного оклада; главам семей, не состоящим на котле при частях и командах, выдавать установленный кормовой оклад.

10. Сверх всего указанного выдать на заготовление заблаговременно на зиму продуктов питания, топлива и пр. всем офицерским и классным чинам единовременное пособие в размере полного получаемого ими ежемесячного содержания, включая кормовые деньги.

Верю, что намеченные мною меры облегчат тяжелое положение офицеров, врачей и военных чиновников и дадут им новые силы для борьбы за родину в спокойном сознании, что семьи их не терпят крайней нужды.

Генерал Врангель».

30-го августа генерал Слащев представил мне рапорт, указывая, что намеченных комиссией мер недостаточно. Он предлагал, «что все имущие слои населения должны сознательно отдать половину своего состояния, в чем бы оно ни заключалось, на финансовое и экономическое возрождение России, хотя бы из имущества, находящегося в Совдепии, причем является возможность выдать строго юридические обязательства на передачу половины этих имуществ в собственность государства». Вместе с тем он предлагал одновременно «с обращением к честным работникам воздвигнуть виселицу для спекулянтов и мешающих возрождению России торгашей и себялюбцев». Улучшение его здоровья оказалось лишь кажущимся. Отдых, по-видимому, не рассеял тумана в его голове.

По инициативе А. В. Кривошеина, начальники управлений выступали с публичными докладами. Док-

лады эти организовывались группой общественных деятелей. Первый доклад делал П. Б. Струве, ознакомивший с общим международным положением и достигнутыми результатами в области внешней политики правительства юга России. После доклада присутствующими задавались письменные вопросы. Вслед за Струве такие же доклады делали сенатор В. Г. Глинка, В. С. Налбандов и М. В. Бернацкий. Доклады эти вызвали большой интерес. Зал каждый раз был переполнен. Особенный интерес был проявлен к докладам Струве и Глинки. Из всех гражданских ведомств результаты работы управлений иностранных сношений и земледелия и землеустройства были наиболее очевидны.

В поразительно короткий срок выборы в волостные земельные советы закончились. Ухе имелось 68 волостных земельных советов. Почти везде были закончены обследования земельного фонда и составлены были списки лиц, имеющих право на получение земли в собственность. Многими земельными советами были выработаны и нормы землевладения. По новому приказу о земле ухе появились собственники. В мелитопольском и днепровском уездах приступлено было к разверстке волостными и земельными советами нескольких крупных частновладельческих имений. В имении «Акманай» Филибера-Шатилова получили в собственность арендную землю двадцать два хозяина. На образование этих участков отпущено было около пятисот десятин по постановлению ефремовского волостного земельного совета. В ближайшем времени намечалась дальнейшая передача земли в руки новых собственников в ряде волостей.

За последнее время произведено было несколько новых назначений на высшие должности в управлениях.

Начальником санитарной части вместо доктора Лукашевича был назначен С. Н. Ильин, главноуполномоченный Р.О. Красного Креста в Крыму. Назначение это оказалось весьма удачным. Труды С. Н. Ильина в дни эвакуации оказались неоценимыми.

Помощником начальника военного управления был назначен прибывший в Крым генерал Данилов, бывший генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича в начале Великой войны.

Внешняя жизнь в тылу ничем уже не напоминала недавние тревожные дни. Несмотря на близость фронта совершенно не чувствовались, столь свойственные прифронтовым городам, распущенность и разгул. Многочисленное офицерство в тылу подтянулось. Мирная жизнь текла порядком.

23-го августа состоялось устроенное в пользу детей-сирот гуляние на Приморском бульваре. Нарядная оживленная толпа, веселые лица, музыка, все уносило в далекое прошлое.

1 октября 1923 г. Сремские Карловны.

Глава VIII
Все на Врангеля!

К концу августа разгром большевиков поляками выяснился в полной мере: около 250 тысяч людей и десятки тысяч коней попали в плен и частично были интернированы в Германии. Остатки большевистских армий поспешно бежали на восток, преследуемые польскими войсками.

На правом фланге поляков действовали украинские части, быстро продвигаясь на Украину. В правобережной Украине повсеместно вспыхивали восстания. Отряды Махно, Гришина, Омельяновича-Павленко и другие беспрерывно тревожили войска красных, нападая на транспорты, обозы и железнодорожные эшелоны.

Нам удалось установить с партизанами-украинцами связь, оказывая помощь оружием, патронами и деньгами. Среди населения правобережной Украины распространялись мои воззвания, призывающие украинцев к борьбе с большевиками.

В двадцатых числах августа прибыла депутация от наиболее крупного партизанского отряда Омельяновича-Павленко, он был старый кадровый офицер одного из наших гвардейских полков, ведший борьбу под украинским желто-блокитным флагом.

Прибывшая депутация была у меня. Стоявший во главе депутации старый полковник, георгиевский кавалер, произвел на меня хорошее впечатление. По его словам, население правобережной Украины озлоблено против большевиков, однако, с 19-го года недобрая память о действиях добровольческих частей осталась и это в связи с умелой пропагандой поляков украинцев, поддерживало сочувствие к самостийникам.

В связи с начавшимся оживлением на Украине всполошились и заграничные украинские круги. Я

получил известие, что из Парижа выехали в Крым представители украинцев-федералистов: Маркотун, Цитович и Могилянский.

Общая стратегическая обстановка, казалось, складывалась так, как обрисовывал я ее французскому правительству. События на польском фронте придавали западному направлению первенствующее значение. Принятие Польшей мира, усиленно предлагаемого большевиками, и на котором настаивало правительство Ллойд-Джорджа, было бы для нас роковым. Освободившиеся на западном фронте три с половиной большевистских армий получили бы возможность обрушиться на нас, и в этом случае исход борьбы был бы предрешен. Последние наши пополнения около десяти тысяч бредовцев – были влиты в армию; других пополнений, кроме отдельных офицеров из числа эвакуированных в 19-ом году в разные страны, не было. Местные средства людьми и лошадьми были полностью исчерпаны. Единственным источником пополнения оставались пленные, боеспособность которых, конечно, была весьма относительна.

Я принимал все меры, чтобы убедить французское и польское правительства в необходимости продолжения поляками борьбы, или хотя бы затягивания намечавшихся мирных переговоров с тем, чтобы, воспользовавшись оттяжкой части красных войск на польском фронте, пополнить и снабдить мои войска за счет огромной, захваченной поляками, добычи, использовать как боеспособные части перешедших на сторону поляков и интернированных в Германии большевистских полков, так и захваченную победителями материальную часть. Из задержавшихся в Польше остатков отряда генерала Бредова, отрядов Булак-Балаховича и полковника Пермыкина и русского населения вновь занятых поляками областей, я предлагал

сформировать в пределах Польши 3-ью Русскую армию. Я предлагал объединить командование польскими и русскими войсками в лице французского генерала с тем, чтобы при нем состояли представители наших и польских армий.

Соответствующие переговоры велись, как непосредственно мною с представителями польского и французского правительства в Крыму, так и моими представителями в Париже и Варшаве.

30 августа (12 сентября) Маклаков телеграфировал:

«Французское правительство и Фош принципиально сочувствуют Вашей постановке вопроса, но осуществление ее пойдет медленнее, чем нужно. Мешает кроме сложности вопроса каникулярное время и отсутствие Мильерана, с которым можно сноситься только письмами. Сговор Ваш с поляками при участии Франции признается желательным, хотя по мнению министерства иностранных дел приезд самого Главнокомандующего мог бы политически повредить. Из разговоров с Замойским убеждаюсь, что политическое соглашение с поляками возможно. Но разрешение осложняется и затягивается как желанием многих поляков заключить мир, так и вопросом материальной помощи для продолжения войны. Безучастное и даже враждебное отношение к этому прочих держав затрудняет быстрое решение. Необходима подготовительная работа. Фош принимает горячее участие, очень советует Вам не торопиться с наступлением, стараясь прочно организовать тыл. Соглашение с поляками, по моим разговорам возможно, отложив вопрос об окончательных границах, но сейчас же согласившись на определенный способ мирного разрешения этого спора уже по восстановлении России, т. е. на арбитраж или плебисцит. Не знаю Ваших разговоров в Варшаве. Необходимо к

приезду Мильерана приготовить не только условия, но и дипломатических и военных представителей для совещания здесь».

Через два дня генерал Миллер дополнительно телеграфировал:

«Письмом 11-го сентября Мильерану маршал Фош поддерживает Ваши предложения, обусловливая осуществление их согласием Польши и присылкой польских уполномоченных в Париж, просит Мильерана поспешить разрешением, в виду указанного Вами срока возможного приезда сюда. 14-го сентября 1920 года № 765. Миллер».

Одновременно начальник польской военной миссии уведомил меня, что польское правительство изъявило согласие на формирование Русской армии, численностью до 80 000 человек, в пределах Польши.

По моему поручению А. А. Нератов телеграфировал Маклакову и Миллеру:

«Только что получены сведения, что польское правительство изъявило готовность на формирование Русской армии в пределах Польши из военнопленных большевиков, в количестве 80 000 человек, причем указывается на то, что подобное формирование облегчило бы вопрос переброски и избавило от расходов по перевозке из Польши в Крым и дало бы выиграть время для разворачивания наших сил.

Главнокомандующий приветствует это решение при следующих условиях:

1. чтобы таковая армия была бы выдвинута на правый фланг польско-украинской группы армии, дабы при дальнейшем наступлении примкнуть к левому флангу наших армий;

2. армия должна быть названа 3-ей Русской армией. В настоящую минуту Русская армия в Крыму состоит из двух армий;

3. командный состав 3-ей армии назначается Главнокомандующим генералом Врангелем;

4. 3-я армия должна находиться в оперативном подчинении главнокомандующему западным противобольшевистским фронтом впредь до установления непосредственной связи с южным фронтом, после чего она переходит в подчинение генералу Врангелю.

Благоволите довести до сведения о сем французского правительства и командования».

Через несколько дней я телеграфировал генералу Миллеру:

«Согласился на формирование в Польше русской армии из военнопленных большевиков на условиях, что она выдвигается на правый фланг польской и украинской армий и называется 3-ей Русской армией, командный состав назначается мною. До соединения с остальными русскими армиями подчиняется в оперативном отношении главнокомандующему западным противобольшевистским фронтом. В связи с выгодой дальнейших действий и обстановкой, возбудил вопрос объединения действий русских, украинских и польских войск для обеспечения наибольшего успеха. Соглашение с украинской армией намечается, назрел вопрос объединения с Польшей. Русские войска в Северной Таврии, усиленные значительно и пополнившиеся кубанским десантом, готовы к действию в любом направлении. В случае объединения действий могу начать операцию на правобережной Украине по овладению Херсонским и Николаевским районами с выходом в дальнейшем своим левым флангом на линии Черкассы,

а центром и правым флангом на линию Мариуполь-Чаплино-Екатеринославль. Вам надлежит: 1) принять меры воздействия на поляков для борьбы с большевиками по формированию 3-ей Русской армии на указанных условиях и выдвижении ее с украинцами на Черкассы для примыкания к левому флангу 2-ой Русской армии, в то время как маршальская армия, правым флангом продвинется к Киеву и ограничивается в дальнейшем обороной Днепра и Припяти; 2) в случае намерения Польши заключить мир, всемерно затягивать переговоры с целью приковать силы красных на западе и создать выгодные условия для продвижения 3-ей Русской армии к Черкассам; 3) при отрицательном решении вопроса о формировании 3-ей Русской армии также при мире с большевиками принять все меры для скорейшей переброски в Крым всех русских надежных контингентов, как из Польши, так и из соседних стран. В этом случае желательно посылать одетыми и с материальной частью. Севастополь, 5(18) сентября 1920 года № 0939/ос. Врангель».

Польское правительство, казалось, охотно шло на наше предложение. Миллер телеграфировал:

«Поляки согласились прислать своего военного представителя в Париж для обсуждения согласования военных действий. Генерал, посылаемый Вами, должен быть вполне посвящен в Ваши намерения, возможные планы, знаком с обстановкой и Вашими силами, 28-го сентября 1920 года, № 1090 Миллер».

Для ускорения переговоров я решил командировать в Париж П. Б. Струве и генерала Юзефовича, коему я намечал поручить формирование русских частей в Польше. Временно до прибытия генерала Юзефовича это должен был делать генерал Махров.

Струве и Юзефович должны были передать французскому правительству краткую записку за подписью моего помощника А. В. Кривошеина, излагавшую французскому правительству мои предположения.

Секретно.

«Помощник Главнокомандующего Вооруженными Силами на юге России 15-го сентября 1920 г.

г. Севастополь.

Поворот боевого счастья на сторону поляков застал Русскую армию во время операции по овладению Северным Кавказом. Для развития на Кубани успехов, в виду сосредоточения значительных сил противника против нашей десантной группы, намечалась переброска с таврического фронта новых частей, это неминуемо должно было нас вынудить к отходу за Перекоп, к чему армия и подготавливалась. Однако, в связи с разгромом польской армией большевиков, встал вопрос о создании на западе общего противобольшевистского фронта, причем сохранение нами таврического фронта приобретало первенствующее значение. Это поставило нас в необходимость прекратить переброску войск на Кубань и, как следствие этого, отказаться от продолжения кубанской операции. Наша десантная кубанская группа получила приказание начать переброску частей в Крым. Это было выполнено, не только без потерь, но и с большим приращением живой силы. Ныне Русская армия подготавливается к переходу в наступление, причем только согласованные операции ее с другими противобольшевистскими силами обещают достижение наибольшего успеха. Последнее же возможно только при условии объединения действий. Объединение украинских войск с польской армией уже осуществлено. Наше военное соглашение с украинской армией уже намечается.

Ныне назрел вопрос и об объединении действий Русской армии с поляками, причем дальнейшие успехи и дальнейшее продвижение приведет к созданию общего фронта. Роль Франции в осуществлении этого вопроса имеет доминирующее значение. Спасение Варшавы и самой самостоятельности Польши с одной стороны и признание правительства юга России и оказание помощи по снабжению Русской армии с другой, – сделают вполне естественным, что обе армии охотно пойдут на руководство общей операцией против большевиков одним из французских генералов, с тем, чтобы при нем состояли представители противобольшевистских армий. В случае осуществления этого проекта и продолжения наступления. Русская армия начала бы операцию на правом берегу Днепра, причем первоначально она могла бы овладеть Очаково-Николаевским и Херсонским районами, выдвинуться на линию Никополь – Вознесенск и наступать далее на линию Днепра, откидывая свой левый фланг к Черкассам, где было бы желательно соединиться с украинскими войсками. Повсеместные восстания на правобережной Украине, ближайшие к нам очаги которых руководятся нашими офицерами и снабжаются нашим оружием, в значительной степени облегчают задачу. Правый фланг и центр Русской армии одновременно продвинулись бы на линию Мариуполь – Чаплине – Екатеринослав.

При выполнении этой операции было бы очень желательно содействие французского флота при овладении Очаковым. (Обстрел верков, траление мин и демонстрация у Одессы).

Выполнение намеченных заданий лишило бы большевиков хлебных районов, закрыло бы выход в Черное море и создало бы необычайно выгодное положение для дальнейших действий, причем польская

армия могла бы ограничиться активной обороной на Днестре и Припяти, а Русская и украинская продолжали бы дальнейшие операции. Овладение каменноугольным районом и захват Кубани должны быть следующими задачами Русской армии, так как лишение советской России этих источников топлива и хлеба означало бы для нее конец борьбы.

Выполнение намеченных задач возможно лишь при надлежащем снабжении, в котором Русская армия испытывает чрезвычайную нужду. Наступающие холода требуют принятия скорейших мер по обеспечению армии обмундированием, а неминуемая сыпнотифозная эпидемия – бельем.

Наша армия раздета и 110 тысяч (цифры показаны несколько преувеличенными) бойцов и обслуживающих их солдат на фронте должны быть одеты позимнему. Кроме того 200 тысяч офицеров, чиновников и солдат, обслуживающих тылы армии, надо одеть поосеннему.

Одним из существенных вопросов является также усиление нас орудиями, так как запас английских снарядов приходит к концу. Только для поддержания нынешней нашей артиллерии, в связи с перевооружением, необходимо до 80 орудий.

Гражданская война выдвинула авиацию, броневики и танки, особенно могущественное средство борьбы. Оказанная ими помощь Русской армии неисчислима. К сожалению, материальная их часть пришла в полное расстройство и присылка ее в достаточном количестве до крайности необходима. Ощущается недостаток ручного оружия, каковой, с передачей нам при содействии Франции имущества румынского фронта, будет устранен.

Для флота нужны шестидюймовые пушки Канэ, 75 м/м. пушки и снаряды к ним.

Средства связи: телефоны, телеграфные аппараты, а главное кабель также нам нужны в первую очередь.

В медицинских средствах Русская армия испытывает большой недостаток, который станет грозным с началом зимних эпидемий. Белье для лазаретов, дезинфекционные средства, хирургические инструменты и перевязочные материалы крайне необходимы.

С оказанием нам помощи, в общих чертах изложенной выше, Русская армия выполнит намеченные задачи с полным успехом.

Прекращение Польшей военных действий и вступление ее в переговоры с советским правительством поставило бы Русскую армию в тяжелое положение.

Освободившиеся силы большевиков, в этом случае, были бы переброшены на южный фронт и спустя несколько месяцев мы имели бы перед собой новых три, три с половиной большевистских армий.

Но и при таких условиях Русская армия не сложит оружия и будет драться с верой в успех и с верой в свою союзницу Францию, которой мы неизменно оставались верными и которая может оказать нам и в этом случае существенную помощь. Затягивание мирных переговоров Польши с советской Россией с одной стороны и скорейшая переброска к нам из Польши и Германии (после некоторого отбора), захваченных и перешедших через германскую границу большевиков, а также остатков армий генерала Миллера и генерала Юденича с другой, дало бы нам возможность продолжать борьбу.

Самое затягивание мирных переговоров должно быть настолько продолжительно, чтобы можно было бы успеть перебросить контингента из Германии и Польши и закончить пополнение ими вновь формируемых частей.

Перевозимые контингента должны быть вполне обмундированы и вооружены, а вновь формируемым частям должна быть предоставлена необходимая материальная часть, для чего могли бы быть использованы запасы большевиков, захваченные поляками.

При осуществлении всего этого, Русская армия будет и одна продолжать борьбу с большевиками в твердой уверенности в конечном ее успехе, чем даст возможность и Польше быть спокойной в невозможности большевикам нарушить условия мирного договора.

Независимо от предоставления Русской армии военного снабжения, осуществление проекта требует и значительной денежной помощи в виде ссуды, покрытие которой наравне с оплатой военного снабжения могло бы быть предусмотрено специальным договором по экспорту во Францию зерновых продуктов, угля и других сырьевых продуктов, из территорий уже занятых и предположенных к занятию Русской армией».

В ряде органов, как русской зарубежной, так и иностранной печати, нами помещались статьи, имеющие целью поддержать нашу точку зрения.

Вместе с тем, я решил предпринять поездку по фронту совместно с представителями союзнических миссий, имеющую целью с одной стороны вселить в них уверенность в прочности нашего положения, с другой наглядно показать недостатки нашего снабжения и необходимость срочной помощи в этом отношении для продолжения борьбы.

30-го августа вечером я выехал из Севастополя в сопровождении А. В. Кривошеина и представителей военных миссий Франции, Польши, Америки, Англии, Японии и Сербии и нескольких корреспондентов русских и иностранных газет. Утром 31-го августа поезд остановился на станции Таганаш и мы на автомобилях

выехали для осмотра части укрепленной позиции. Работы на этом участке фронта были наиболее закончены. Густая сеть проволоки, блиндажи, сложный лабиринт окопов, искусно маскированные батареи. Недавно установленная тяжелая крепостная батарея производила пробную стрельбу. Наши аэропланы корректировали. Прибывшие могли воочию убедиться в огромной работе, сделанной за последние несколько месяцев, почти при отсутствии средств. Вернувшись в поезд, мы тронулись далее и на станции Акимовка смотрели расположенный там авиационный парк и оттянутую в резерв славную Кубанскую дивизию генерала Бабиева. Наша воздушная эскадрилья, под руководством выдающегося летчика генерала Ткачева, производила в воздухе ряд блестящих маневров, маневров тем более удивительных, что большинство аппаратов пришли в полную ветхость и лишь беззаветная доблесть русского офицера заменяла технику. Полеты были окончены и военные представители окружили отважных летчиков, высказывая свое восхищение. Генерал Ткачев доложил о том, что большинство аппаратов совершенно изношены и что в ближайшее время, если не будет получено новых, наша авиация окажется бессильной. Я использовал случай, чтобы указать на те усилия, которые делались мной для получения новых аппаратов и на те непреодолимые препятствия, которые оказывались мне не только со стороны наших врагов. Так недавно с большим трудом приобретенные нами в одном из государств (Болгарии) аэропланы, были «по недоразумению» уничтожены одной из иностранных контрольных комиссий (англичанами). Представитель великобританской военной миссии, симпатичный полковник Уольш, густо покраснел.

Дивизия генерала Бабиева прошла отлично. После смотра казаки джигитовали, чем привели в полное восхищение иностранных гостей.

Вечером прибыли мы в Мелитополь, где в штабе 1-ой армии начальник штаба армии генерал Достовалов сделал краткий доклад о нашем общем положении и познакомил слушателей с историей борьбы войск генерала Кутепова в Северной Таврии. После ужина мы вернулись в поезд и выехали на станцию Федоровка, откуда 1-го сентября утром проехали на автомобилях в колонию Кронсфельдь, где смотрели оттянутую в резерв командующего армией Корниловскую дивизию.

От края до края огромной площади растянулись ряды войск. На середине площади поставлен аналой и в блестящих ризах духовенство служит молебствие. В тихом осеннем воздухе несутся звуки церковного пения, и где-то в небесной выси вторит им запоздалый жаворонок.

Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие истертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в старых выцветших защитных штанах, в желтых английских ботинках, рядом другой и вовсе без штанов, в вязанных кальсонах. Ужасная, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выравнены ряды. После молебна я вручаю 1-му Корниловскому полку Корниловское знамя, знамя 1-го батальона имени генерала Корнилова.

Это знамя, сохраненное одним из офицеров полка, вырвавшимся от большевиков, является для полка дорогой реликвией.

Части проходят церемониальным маршем. Один за другим идут стройные ряды, бодрый твердый шаг, веселые радостные лица и, кажется, что встали из могилы старые русские полки.

После парада, тут же в колонии, был предложен начальником дивизии обед. От имени Русской армии я приветствовал представителей союзных держав:

«Я подымаю бокал за присутствующих здесь дорогих гостей – представителей военных миссий и периодической печати дружественных нам держав Европы, Северо-Американских Соединенных Штатов и Японии. Прежде всего я горячо приветствую представителей нашей старой испытанной союзницы – Франции. Франция первая признала наше правительство. Это было первое драгоценное свидетельство твердой веры в нас, наше правое дело и нашу способность, во имя свободы и справедливости, успешно бороться с мировым врагом – большевизмом. За Францией – Америка в исторической ноте с исчерпывающей глубиной раскрыла свою точку зрения на русский вопрос, указав на мировое значение единства и неприкосновенности России и на невозможность признания когда-либо большевистского режима. С неизменной признательностью я вспоминаю огромную помощь, оказанную нам Англией, и непоколебимо верю, что недалек час, когда все дружественные державы найдут своевременным открыто сказать, что Русская армия ведет борьбу не только за освобождение и благо России, но и за всемирную культуру. При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдержать волну красного интернационала, которая зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится и до Нового Света. Мне особенно приятно приветствовать здесь, на фронте, наших друзей, ибо среди них я вижу сегодня представителей не только армии и флота, но и широкого общественного мнения. Я уверен, что они громко засвидетельствуют в родных странах о всем ими здесь виденном, что они правдиво, ничего не скрывая, расскажут о тех неимоверно тяжких условиях, в которых Русской армии приходится вести ее героиче-

скую борьбу с тиранией и варварством, не признающими ни Божеских, ни человеческих законов. Я уверен, что они также правдиво расскажут и о великих подвигах скромных русских людей, которые бестрепетно жертвуют жизнью в ясном сознании, что они это делают для спасения и замирения нашей родины и всего человечества».

В ответных речах иностранных представителей чувствовалось общее желание помочь, сквозила искренняя симпатия. Военные люди, захваченные всем виденным, на время перестали быть политиками.

После обеда мы проехали на позиции, где смотрели стоявшие в участковом резерве части Марковской и Дроздовской дивизий. Та же вопиющая нищета, та же блестящая выправка старых русских полков, тот же бодрый, уверенный вид.

Поздно вечером мы вернулись в поезд. Ночью А. В. Кривошеин с военными представителями и иностранными корреспондентами выехал в Севастополь, я же проехал на станцию Юшунь, откуда на автомобиле 2-го сентября проехал во 2-ой корпус.

Полки 2-го корпуса, жестоко пострадавшие в каховских боях, недавно пополненные частями отряда генерала Бредова и прибывшими запасными, не успели еще вполне сколотиться, значительно уступая внешним видом полкам 1-го корпуса, однако и здесь настроение было спокойное и уверенное. Генерал Витковский работал, не покладая рук, спеша привести в порядок расстроенный его предшественником корпус, 5-го сентября я вернулся в Севастополь.

По очищении нашими войсками Кубани, противник получил возможность часть освободившихся сил перебросить на крымский фронт. Обнаружены были вновь прибывшие части, как с Кавказа, так и из внутренней России и на других участках фронта.

Правобережная группа красных войск под общим начальством «товарища» Эйдемана получила название VI-ой армии. Штаб армии в полном составе прибыл с северного фронта. В состав VI-ой армии входили: 1-ая, 3-я, 13-ая (только что прибывшая из района Пскова), 16-ая и 52-ая стрелковые дивизии и конная бригада «товарища» Гофа.

На правом берегу Днепра действовала и II-ая конная армия под командой бывшего войскового старшины Миронова, в составе 2-ой, 16-ой и 21-ой кавалерийских дивизий и особой конной бригады. Общая численность VI-ой и II-ой конной армий исчислялась в 15 тысяч штыков и 6 тысяч шашек.

Перед фронтом войск генерала Кутепова продолжала действовать XIII-ая советская армия в составе: конной бригады «товарища» Федотова, морской экспедиционной дивизии, сформированной из черноморских и каспийских матросов и матросского отряда днепровской флотилии, 2-ой донской стрелковой дивизии, 42-ой, 40-ой, 23-ей и 9-ой стрелковых дивизий, 7-ой кавалерийской дивизии (прибывшей с персидского фронта через Кубань), 9-ой кавалерийской дивизии, особой архангельской бригады, бригады 29-ой и 46-ой стрелковых дивизий и бригады курсантов.

Общая численность войск XIII-ой советской армии достигала 30 000 штыков и 7000 шашек. Общая численность VI-ой, XIII-ой и II-ой конной армий исчислялась в 45 000 штыков и 13 000 шашек.

Наши силы к 1-ому сентября не превосходили 25 000 штыков и 8000 шашек (боевой состав).

Части XIII-ой советской армии располагались наиболее сильными группами в районах города Александровска (группа «товарища» Нестеровича), Орехова, станции Пологи и села Верхний Токмак. В предвидении перенесения дальнейших операций в правобереж-

ную Украину представлялось необходимым закрепиться на правом берегу Днепра и овладеть каковским плацдармом противника, создающим нашему тылу постоянную угрозу.

Прежде чем приступить к операции в западном направлении, необходимо было разбить красных на северном и восточном участках фронта и этим развязать себе руки для предстоящей заднепровской операции. Я наметил нанести удар конными частями Донского корпуса, охватывая левый фланг XIII-ой советской армии.

Разбив последовательно верхнетокмакскую и пологскую группы красных, части 1-ой армии должны были, одновременно наступая с фронта и нанося удар в тыл ореховской и александровской групп противника, нанести ему окончательное поражение.

1-го сентября части Донского корпуса (2-ая и 3-я донские дивизии) перешли в наступление по всему фронту от побережья Азовского моря в район Ногайска до линии железной дороги Большой Токмак – Верхний Токмак.

40-ая и 42-ая красные стрелковые дивизии, не выдерживая удара, отходили на восток в северо-восток.

2-ая донская дивизия вышла с боем в район Елизаветовки и двинулась на север, охватывая верхнетокмакский железнодорожный узел с востока. Конница 3-ей донской дивизии заняла одновременно район Вербовая – В. Курлак.

2-го сентября согласованными действиями всех трех дивизий Донского корпуса была разбита на голову верхнетокмакская группа красных. Взято около 1000 пленных, 3 бронепоезда, орудия и пулеметы. Части Донского корпуса овладели Верхним Токмаком, Бельманкой, Гусаркой.

С утра 3-го сентября Донской корпус приступил к ликвидации пологской группы красных, 2-ая донская

дивизия двинулась из Гусарки на Воскресенку, применяя маневр охвата пологского железнодорожного узла с северо-востока. Конница 3-ей донской дивизии была направлена из Семеновки на Басань, бригада 1-ой донской дивизии – из Очертоватого в Вербовое. Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева была подчинена командиру Донского корпуса и перешла в район Молочного. Под вечер 3-го сентября 2-ая донская и конница 3-ей донской дивизии вели бой в районе Полог. В этих боях было взято вновь большое количество пленных и военного снаряжения.

4-го сентября 2-ая донская дивизия шла уже на Гуляй-Поле. 1-ая и 3-я донские дивизии были двинуты на Сладкую Балку. Кубанская казачья дивизия перешла в Олеополь под Пологами.

Моей директивой от 4-го сентября указывалось: «части I-ой армии, разгромив верхнетокмакскую группу красных, развивают наступление к северо-западу. Приказываю:

генералу Кутепову – с Донским и 1-ым армейским корпусами и Кубанской казачьей дивизией, развивая начавшуюся операцию, разбить ореховскую и александровскую группы красных, выйти на фронт Керменчик – Новоуспеновка – Кичкасская переправа и овладеть последней; частью сил обеспечивать мариупольское и волновахское направления;

генералу Драценко – со 2-ым и 3-им корпусами и Терско-Астраханской бригадой удерживать левый берег Днепра от Б. Знаменки до устья Днепра;

адмиралу Саблину – обеспечивая левый фланг армии, сосредоточить силы для уничтожения красного флота в Азовском море;

генералу Барбовичу – с 1-ой конной дивизией оставаться в резерве».

В течение 4-го сентября 2-ая донская дивизия заняла Гуляй-Поле при слабом сопротивлении арьергарда противника, который в полном беспорядке отходил главными силами пехоты с обозами на Волноваху. В районе Басань-Вербовое противник встретил донцов контрнаступлением свежих частей (23-й стрелковой и 9-й кавалерийской дивизий). После упорного боя Сладкая Балка и Тифенбрун были заняты донцами. Одновременно части 1-го армейского корпуса отбросили красных с линии Андребург – Бурчатск и вышли в район Карачекрак – Васильевка.

5-го сентября донцы продолжали боевые действия против группы красных, 2-ая донская дивизия из района Гуляй-Поле шла на Новониколаевку, Нововоскресенку, с целью прервать железную дорогу Александровск – Синельникове и овладеть в дальнейшем Кичкасской переправой.

3-ей донской и бригаде 1-ой донской дивизии было приказано разбить ореховскую группу красных и выйти в район Жеребец – Любимовка.

Кубанской казачьей дивизии, ударом в направлении Ново-Карловка, Омельник, Жеребец, содействовать 3-ей донской дивизии.

2-ая донская и Кубанская казачьи дивизии настигли северо-восточное Орехова (Омельник – Фриденталь) части красных, шедшие на поддержку ореховской группы красных, и нанесли им жестокое поражение.

6-го сентября части Донского и 1-го армейского корпусов приступили к выполнению задачи по овладении Александровском и Кичкасской переправой. К вечеру Марковская дивизия заняла Александровск.

В ночь на 7-ое сентября Марковская дивизия пыталась с налета овладеть Кичкасской переправой, но, встреченная жестоким огнем с правого берега Днепра, задачи не выполнила.

За операцию на северо-восточном участке фронта с начала сентября донцы и 1-ый армейский корпус взяли более 10 000 пленных, больше 30 орудий, 6 бронепоездов, 3 броневика и большое число пулеметов.

I-ая Русская армия, разбив в начале сентября XIII-ую советскую армию, вышла на линию Пологи – Кичкас.

7-го сентября Марковская дивизия вновь без успеха атаковала Кичкасскую переправу.

В течение 8-го сентября красные по всему фронту держались пассивно. Дроздовская дивизия и бригада Кубанской казачьей дивизии выступили в направлении станции Синельникове для нанесения противнику короткого удара.

9-го сентября Дроздовская дивизия с бригадой Кубанской казачьей дивизии, преодолев упорное сопротивление пехоты противника, стремительно овладели станцией Синельникове и вернулись 10-го сентября в район Новогупаловки, приведя около тысячи пленных.

Стали получаться сведения, что разгромленные на северном участке красные стягивают резервы в бердянском районе, в Берестовом были обнаружены части прибывшей на фронт матросской дивизии.

Одновременно поступили сведения о готовившейся высадке красных войск в тыл нашей 1-ой армии в районе к югу от Мелитополя.

Директивой 11-го сентября я приказал генералу Кутепову разбить волновахскую группу красных и овладеть Мариуполем; адмиралу Николя – разбить азовский флот красных, запереть 15-го сентября Мариупольский порт и, совместно с сухопутными войсками, овладеть Мариуполем, разрушив базу красного флота.

11-го сентября гвардейская бригада 1-ой донской казачьей дивизии атаковала у Стародубовской матросскую дивизию и после повторных атак обратила

матросов в бегство. Часть матросов была порублена, около шестисот взято в плен.

3-я донская дивизия выступила на фронт Царевоконстантиновка – Федоровка.

2-ая – двигалась на Туркеновку – Чистополье для охвата Волновахи с севера. Эти дивизии Донского корпуса при продвижении на восток противника не встречали; последний спешно отходил на линию Мариуполь – Волноваха.

13-го сентября 1-ая донская дивизия перешла в район Стародубовская – станица Покровская; 3-я донская дивизия в район Богословская – Зачатьевская;

2-ая – в село Павловское.

С рассветом 14-го сентября 1-ая донская дивизия выступила для овладения городом Мариуполем; 3-я донская дивизия для захвата волновахского железнодорожного узла; 2-ая для перерыва железной дороги в районе станции Велико-Анадоль.

В течение 14-го сентября 1-ая донская дивизия сосредоточивалась в станице Никольской с целью атаковать Мариуполь 15-го сентября с северо-запада и с севера, 3-я донская дивизия заняла с боем район станции Платоновка – Волноваха, конница 3-ей донской дивизии вела бой у Апостольского, 2-ая донская дивизия разбила на рассвете у станции Велико-Анадоль отряд красной пехоты до 4000 штыков и отбросила его на восток, захватив несколько сот пленных и отрезав два бронепоезда красных. При преследовании 2-ая донская дивизия сбила красных у Новотроицкого и продолжала гнать противника на северо-восток.

15-го сентября 1-ая донская дивизия с боем овладела Мариуполем, 3-я донская дивизия, получившая задачу содействовать 1-ой дивизии наступлением на Мариуполь с севера и северо-востока, вела бой с прорывавшимися из Мариуполя красными, вышла на линию

Павлополь – станция Асланово и преследовала красных на восток до станицы Новониколаевской, 2-ая донская дивизия сосредоточилась в районе Новотроицкое – Ольгинское.

На рассвете 16-го сентября бригада конницы противника (7-ой кавалерийской дивизии) атаковала в Ольгинском части 2-ой донской дивизии, но была отбита. 2-ая донская дивизия преследовала противника на Александровку. 4-ый Назаровский полк, под командой генерала Рубашкина, совершил налет на станции Караванное и Мандрыкино и к вечеру 16-го сентября занял станцию Юзово, где взорвал склады огнестрельных припасов и разрушил железнодорожные сооружения.

16-го сентября 1-ая донская дивизия была оттянута в резерв командира корпуса в район Янисаль; части 3-ей дивизии оставались в Мариуполе для охраны города и порта.

За мариупольско-волновахскую операцию донцы взяли до 5000 пленных, 9 орудий, 1 бронепоезд и много пулеметов.

17-го сентября противник вновь перешел в наступление на Новотроицкое – Ольгинское. Части Донского корпуса стягивались в район Волновахи, с целью окончательной ликвидации красных, группировавшихся севернее Волновахи. По сведениям разведки, противник, силой до 5000 пехоты и свыше 1000 конницы, занимал район Новотроицкого – Ольгинского.

18-го сентября, после упорного боя, 1-ая и 2-ая донские дивизии сбили противника и заняли линию Александровское – Новотроицкая, 2-ая донская дивизия была направлена на преследование противника, но под ожесточенным огнем бронепоезда вынуждена была остановиться.

С рассветом 19-го сентября части Донского корпуса продолжали наступление. 1-ая донская дивизия, совме-

стно с 3-ей донской дивизией, направившей конницу в тыл красным в Еленовку, опрокинула противника на фронте Александровское – Новотроицкое – Ольгинское. Противник бежал к Марьевке, преследуемый частями 1-ой дивизии. Второй отряд боевых судов, под командой контр-адмирала Беренса, пройдя с тралением семь линий минных заграждений, вошел в Мариупольский порт.

20-го сентября 1-ая и 2-ая донские дивизии были повернуты из района Волновахи на Пологи – Орехов, где противник теснил слабые разведывательные части Донского корпуса. Красная конница успела продвинуться до района Розовка – Царевоконстантиновка. Части 3-ей донской дивизии продолжали оставаться в мариупольско-волновахском районе.

В течение 19-го и 20-го сентября Дроздовская и Кубанская казачьи дивизии произвели вторичный налет на Синельникове, где вновь захватили более 3000 пленных, 3 бронепоезда, орудия и много военной добычи.

21-го сентября второй боевой отряд судов оставил Мариупольский порт, вывезя все ценное имущество. Части 3-ей донской дивизии стали оттягиваться на запад.

22-го сентября 3-я донская дивизия сосредоточилась в районе Зачатьевская – Розовка, 2-ая – в Пологах, 1-ая – в Гуляй-Поле. Части 1-го армейского корпуса совершали перегруппировку для предстоящей заднепровской операции. Корниловская и Марковская дивизии сосредоточились в Александровске, Дроздовская – в Новогупаловке, Кубанская казачья дивизия – в Протопоповке – Ивано-Анновке.

В течение сентября месяца 1-ая Русская армия рассеяла противника на всем фронте от Азовского моря до Кичкасской переправы. Задача моя – развязать себе руки для заднепровской операции – была выполнена.

В то время как на фронте шли непрерывные бои, в тылу продолжалась напряженная работа. Из дома, который я дотоле занимал, я перешел в более обширное здание, занятое ранее командующим флотом, носившее название «Большого дворца». В Большом же дворце помещались мои ближайшие помощники А. В. Кривошеин и начальник штаба генерал Шатилов.

Наш рабочий день начинался с семи часов и продолжался, почти непрерывно, до одиннадцати-двенадцати часов ночи. Внимание приходилось уделять самым разнообразным вопросам: военным, внутренней и внешней политики, экономическим, финансовым. Последние особенно меня и Кривошеина тревожили.

Несмотря на все трудности, удалось покрывать нормальными доходами обыкновенные расходы, однако, покрытие чрезвычайных расходов в течение года исчислялось с дефицитом в 250 миллиардов. Правда, приняв во внимание значительное обесценивание нашего рубля, эта цифра не представлялась чрезвычайной, однако для незначительной территории Крыма и Северной Таврии, она все же была большой. Бедный местными средствами Крым, конечно, не мог прокормить весь государственный аппарат и огромную армию. Хотя боевой состав войск не превышал 30–35 тысяч (не считая флота), но непомерно разросшийся тыл, десятки тысяч заполнявших госпиталя раненых, громадное число пленных, как находящихся в запасных частях, так и сосредоточенных в концентрационных лагерях, военно-учебные заведения, многочисленные тыловые учреждения, военные и морские управления, наконец, флот и морские учреждения, все это доводило численность находящихся на иждивении правительства ртов до 250–300 тысяч. Конечно, прокормить это количество было для государственной казны непосильно.

Главную часть военного снабжения по-прежнему приходилось приобретать за границей за счет скудного нашего валютного фонда.

Единственным предметом вывоза оставался хлеб. Правительство через контрагентов продолжало усиленно закупать зерно в Северной Таврии. Управлением торговли и промышленности были заключены с 24-го июля по 16-ое сентября с разными лицами контракты на поставку до десяти миллионов пудов зерна. В порты было доставлено уже до полутора миллиона пудов и вывезено заграницу до одного миллиона. Помимо того, что зерно являлось единственным источником нашего вывоза, появление на западноевропейских рынках русского зерна из Крыма имело и большое политическое значение. Западноевропейские государства и в частности Франция, жестоко пострадавшая за войну, испытывали большой недостаток в хлебе и появление в Марселе парохода с грузом хлеба, 275 тысяч пудов, было отмечено почти всей французской печатью.

Монополизация правительством юга России хлебного дела вызывала значительные нарекания со стороны части промышленных кругов, в этом деле лично заинтересованных. На правительство юга России сыпались обвинения в «стеснении торговли», в «ухудшении частной инициативы». Однако, со всем этим не приходилось считаться.

Надежда на возможность внешнего займа оставалась весьма слабой. Дело правительства юга России представлялось мало устойчивым, не внушало уверенности в своей прочности. А. В. Кривошеин наметил созвать в Севастополе особое экономическое совещание из наиболее видных финансовых и торгово-промышленных деятелей для обсуждения мероприятий к поднятию экономического и промышленного состояния юга России и для изыскания возможностей

заключения займа. Совещание намечалось на конец сентября, к каковому времени были разосланы приглашения. Многие, в том числе граф Коковцев, Давыдов, Риттих приехать отказались, ссылаясь на всевозможные причины, однако целый ряд лиц уведомили о принятии приглашения.

Переговоры поляков с представителями советской России начались. Польская делегация прибыла в Ригу 5(18) сентября. С первых же дней обнаружилось почти полное расхождение сторон. Казалось, каждая сторона предъявила условия для другой неприемлемые, однако переговоры не прерывались. За спинами договаривающихся ясно чувствовалась борьба интересов других держав.

Большевики видимо ясно отдавали себе отчет в обстановке. Учитывая, что так или иначе они достигнут с поляками соглашения, руководители советской власти решили покончить с другим врагом. Был выброшен ударный лозунг: «все на Врангеля».

Несмотря на то, что остатки красных армий безудержно откатывались перед польскими войсками на восток, красное командование все свободные резервы теперь бросало на юг.

В середине сентября стали поступать сведения о движении на юг с юго-западного участка польского фронта и красной кавалерии Буденного (1-ой конной армии).

В правительстве Франции произошли неожиданные перемены. Президент Французской республики Дюшанель заболел и вынужден был оставить свой пост, заместителем его оказался избранным Мильеран.

Председателем Французского правительства был назначен Лейг. Ближайшие сотрудники бывшего председателя правительства, являющиеся представителями идеи сближения с национальной Россией, Пти и Па-

леолог, оставили свои посты. Я телеграммой поздравил нового президента.

Казалось, что происшедшие перемены не отразятся на внешней политике Франции.

27-го сентября Базили телеграфировал:

«Палата депутатов заслушала в субботу сообщение нового председателя совета министров. Левые сделали запрос о России. Лейг ответил, что Франция верит в русский народ и желает России скорейшего возрождения и не забудет помощи, оказанной ею Франции в начале войны. Я счел долгом принести Лейгу письменную благодарность от имени правительства юга России за теплые слова, сказанные им с трибуны, а равно приветствовать от имени правительства юга России Мильерана, по случаю его избрания в президенты республики».

Я получил сообщение, что в Крым направляется представительство французского правительства, во главе с верховным комиссаром графом де Мартель. В составе представительства находилась и военная миссия, имеющая задачей выяснить главнейшие наши нужды и наметить способы нам помочь. Начальником военной миссии являлся генерал Бруссо.

10-го сентября прибыл российский посол в Париже Маклаков. По его словам, Мильеран, дав согласие на избрание свое президентом, обусловил одновременно сохранение своего влияния на внешнюю политику Франции; новый председатель правительства и министр иностранных дел являлся послушным орудием президента.

Мильеран по убеждениям своим был непримиримым врагом советов и другом национальной России, однако, Франции приходилось считаться с политикой англичан, нам в настоящее время определенно враждебной. Предрешить результат рижских переговоров

было нельзя, однако, Франция, вероятно, сделает все возможное, чтобы результаты этих переговоров наименее гибельно отразились на нашем положении. По свидетельству Маклакова донесения официальных и неофициальных иностранных агентов единодушно подчеркивали огромные результаты, достигнутые новым южно русским правительством. Отмечался ряд реформ, особенное значение придавалось аграрной реформе и достигнутому соглашению с казачьими государственными новообразованиями.

17-го сентября Струве, Маклаков и генерал Юзефович выехали в Париж.

20-го сентября я выезжал на несколько часов в Мелитополь, где имел совещание с командующими армиями генералами Кутеповым и Драценко. Подготовка заднепровской операции была закончена и начало операции было намечено на 25-ое сентября.

На возвратном пути я едва не сделался жертвой покушения. За четверть часа до прохода моего поезда был случайно обнаружен заложенный под железнодорожным полотном фугас.

Крестьянин, косивший траву вблизи железнодорожного полотна, заметил электрический провод. Он успел дать знать в железнодорожную будку, и поезд был задержан на ближайшей станции. Вызванная саперная команда обнаружила фугас огромной силы. Успей злоумышленники своевременно его взорвать, от поезда едва ли что-либо осталось. К сожалению, злоумышленники скрылись. Энергично проведенное расследование установило причастность к преступлению некоего Бориса Викентьевича Стефановича-Стивенсона, который был задержан, однако, через несколько дней бежал из тюрьмы.

В Крым прибыла делегация украинского национального комитета, в составе председателя Маркотуна,

генерального секретаря Цитовича и члена комитета Могилянского. Украинский национальный комитет являлся противником самостийной политики Петлюры. Он проводил мысль об единой России, выговаривая для Украины местную автономию. Комитет работал в тесном единении с галицким украинским правительством Петрушевича, провозглашавшего единение с Россией. Украинский комитет не имел за собой реальной силы, однако, являлся дружественной нам организацией, имевшей некоторые связи, как на западе, главным образом во Франции, так и на Украине и к тому же могущей быть использованной, как противовес украинцам-самостийникам. Я постарался оказать ему всяческое внимание, принял депутацию в присутствии А. В. Кривошеина, начальника управления иностранных сношений П. Б. Струве и начальника моего штаба генерала Шатилова. Выразив принципиальное согласие с предложенными делегацией положениями, я заявил, что в основу своей политики ставлю объединение всех русских сил, борющихся с большевиками и готов поддержать развитие национальных образований на тех же основаниях, которые положены в основу соглашения моего с казачеством. Комитету была оказана и некоторая материальная помощь.

18-го сентября атаманами Дона, Кубани, Терека и Астрахани был устроен в честь украинского комитета в помещении морского собрания банкет. Донской атаман от имени казаков приветствовал украинский комитет, являющийся выразителем идеи объединения во имя общей матери России, за которую провозгласил «ура». Отвечавший ему Маркотун подчеркивал гибельность самостийных течений, питаемых иноземцами, стремящимися к расчленению России. Он отметил достижения южно русской власти, отказавшейся от непримиримой политики в отношении отдельных

народностей, входивших в состав Великой России и тем достигшей единения русских сил во имя борьбы с общим врагом. В заключение он предложил тост за Главнокомандующего.

Я отвечал обоим ораторам. В своей речи я указал, что большевизм является угрозой не только России, но и всему миру. Россия для большевиков это костер, которым они надеются зажечь европейский пожар. В польской печати не раз указывалось, что поляки борются не с русским народом, а с представителями интернационала. Я верю, что ближайшее будущее оправдает это заявление и Польша не оставит в одиночестве тех, кто борется за общее дело культуры и цивилизации.

Представитель польской миссии г-н Михальский подчеркнул в своей речи, что несмотря на то, что польское правительство не упоминало в своей декларации о целях войны, последняя является борьбой с интернационалом. «Обещание внешних границ не остановит борьбу, правительство не оставит борьбы и уверено в победе».

20-го сентября было обнародовано временное положение об уездном земстве и опубликован соответствующий приказ:

«ПРИКАЗ

Правителя юга России и Главнокомандующего Русской Армией.

№ 150.

Севастополь. 20 сентября (3 октября) 1920 г.

Приказом моим 15-го июля с.г. население сельских местностей призвано к устроению нового земского порядка в волостях, на началах широкого участия в этом деле всего крепкого земле хозяйственного крестьянства.

Для дальнейшего устроения на тех же началах земской жизни юга России я признаю необходимым предоставить повсеместно созываемым ныне волостным земским собраниям образовать из своей же среды и уездные земские учреждения.

Заботы о всех хозяйственных и культурно-просветительных нуждах деревни по уездам всецело возлагаются на избранные волостями уездные земские собрания, которым с этой целью даются обширные права, причем устраняется излишний надзор и всякое, не вызываемое требованиями государственной безопасности, вмешательство в их дела правительственной власти, чтобы ничем не стеснить свободу почина, самостоятельность и широту земской работы по восстановлению благоустройства и порядка жизни, разрушенных смутой.

Уездным земским собраниям вменяется в обязанность выяснить вместе с тем желательный самому населению порядок ведения тех земских дел, которые непосильны для отдельных уездов и лежат теперь на губернском земстве.

По делам этого рода уездам предоставляется объединяться в особые, по взаимному соглашению уездных земств, союзы, охватывающие губернию или целые области.

Новая земская волость даст и обновленное свежими силами земли, готовое к творческой работе, уездное земство, эту необходимую ступень подъема на пути к дальнейшему возрождению русской государственности. Верю, что междоусобица скоро закончится и наступит время избрать достойных земских людей во всероссийское народное собрание, которое укажет, как должна быть устроена Русская земля.

Поэтому приказываю:

Впредь до установления общегосударственной властью окончательного порядка земского самоуправления, вводить в действие в местностях, занимаемых войсками Русской армии, утвержденное мною 20-го сего сентября Временное положение об уездных земских учреждениях, с соблюдением утвержденных того же числа правил.

Генерал Врангель».

Выборы в волостные земства в некоторых волостях уже закончились.

Население осторожно и вдумчиво отнеслось к выборам. Разруха местной жизни вызвала здоровое стремление к объединению. Выбранными оказывались в большинстве волостей домовитые, хозяйственные крестьяне. Было выбрано и несколько крупных помещиков. Волостные советы в тех местностях, где их не заменили еще волостные земские управы, проявляли большую работоспособность. В большинстве волостей обследование земель было закончено. Намечены были нормы землевладения. Местами приступлено было к укреплению земель в собственность трудящимся на них хлеборобам.

Во многих наиболее богатых волостях обеспеченные крестьяне непосредственно покупали у владельцев земельные участки. Помещик сразу получал выкупную сумму, крестьяне освобождались от выкупных платежей. Ярко проявилось стремление к получению земли в собственность, к получению законным путем. Дух нового закона был понят населением.

Число земельных сделок по полюбовному соглашению между крестьянами и помещиками было бы несомненно еще больше, ежели бы не тяжелые условия, созданные гражданской войной, постоянные призывы, лишавшие крестьянские хозяйства работников, недостаток коневых средств и т. д.

Для того, чтобы посадить на коней прибывшие с Кубани войска, я вынужден был произвести новую конскую мобилизацию в Бердянском и Александровском уездах.

Стремясь всемерно облегчить тяжелое положение крестьян, я неизменно требовал от войск помощи населению в полевых работах.

Одновременно с земским самоуправлением было обращено внимание и на городское, 23-го сентября открылось совещание под председательством и. об. начальника гражданского управления С. Д. Тверского, имевшее целью рассмотрение действующего положения о выборах городских гласных. Саму систему выборов предполагалось оставить неизменной, изменения должны были коснуться лишь порядка выборов.

С приближением зимнего времени следовало предвидеть появление заболеваний сыпным тифом. Главным военно-санитарным инспектором был выработан, по моему предложению, детальный план борьбы с угрожающей эпидемией. Намечено было устройство трех заградительных пунктов, ряда больниц, общим числом на 6000 коек, изоляционных пропускных пунктов и т. д.

Если со стороны моих ближайших гражданских помощников и было сознание необходимости в исключительных условиях нашей работы избегать всякой рутины, бюрократизма и канцелярщины, то гражданские учреждения, как непосредственно ими возглавляемые, так и ведущие работу на местах, от всех этих недостатков отрешиться не могли. Работа в этих учреждениях во многих случаях оставалась неудовлетворительной и ко мне поступало большое число справедливых жалоб.

12-го сентября был объявлен приказ и положение о высшей комиссии правительственного надзора:

«ПРИКАЗ

Правителя юга России и Главнокомандующего Русской Армией.

№ 3626.

Севастополь. 12 (25) сентября 1920 года.

Я неоднократно замечал, что мои приказания и требования не исполняются точно и быстро, а иногда остаются вовсе без исполнения.

Основательные жалобы на нарушение законов и прямых моих распоряжений не всегда доходят по назначению и частью не получают справедливого разрешения. В населении нет уверенности, что голос обиженного будет услышан и оно нередко не знает, к кому обратиться за восстановлением своих попранных прав и надежным ограждением от чинимых обид. Для устранения этих непорядков приказываю:

Учредить высшую комиссию правительственного надзора, на следующих основаниях:

1. высшая комиссия правительственного надзора образуется из ревизующих сенаторов, председателя главного военного и военно-морского суда и особого постоянного члена комиссии. Председатель комиссии и постоянный член назначаются по моему избранию;

2. к ведению комиссии относятся: а) принятие и рассмотрение жалоб, заявлений и сообщений о злоупотреблениях, имеющих общегосударственное значение, а равно о всех вообще особо важных преступных деяниях по службе государственной или общественной и серьезных непорядках в отдельных отраслях управления и б) рассмотрение всех передаваемых мною в комиссию, принесенных на мое имя прошений;

3. комиссии предоставляется по поступающим к ней сообщениям, жалобам и заявлениям: а) распоряжением председателя производить через чинов сенаторской ревизии предварительные расследования и

собирать необходимые сведения и б) по постановлениям самой комиссии направлять сообщения, жалобы и заявления по подведомственности подлежащим учреждениям и должностным лицам и входить ко мне с представлением о назначении расследований, через особо назначенных для сего лиц, или о производстве сенаторских ревизий.

По всем сообщениям, жалобам и заявлениям, препровожденным комиссией по подведомственности, подлежащие учреждения и должностные лица обязаны уведомлять комиссию о последовавшем направлении или разрешении означенных сообщений, жалоб и заявлений;

4. на постоянного члена комиссии, кроме участия в ее заседаниях, возлагается: прием, рассмотрение, доклад мне и направление прошений и жалоб, поступающих на мое имя;

5. делопроизводство комиссии возлагается председателем ее на одного или нескольких чинов ревизии, по соглашению с подлежащим членом комиссии.

Генерал Врангель».

В состав комиссии вошли: генерал Экк (председатель), – сенаторы Неверов, Трегубов, Ненарокомов, генерал-лейтенант Макаренко, генерал Залесский, генерал Беляев и полковник граф Воронцов-Дашков.

Указывая на возможность для каждого обывателя в будущем принести жалобу на любого представителя власти, с уверенностью, что жалоба дойдет до меня и не останется нерассмотренной, я предложил и. об. начальника гражданского управления принять меры к недопущению в повременной печати статей, имеющих целью дискредитировать представителей власти.

«ПРИКАЗ

Правителя юга России и Главнокомандующего Русской Армией.

№ 158.

Севастополь. 28 сентября (11 октября) 1920 г.

(По гражданскому управлению).

За последние дни в ряде органов печати появляются статьи, изобличающие агентов власти в преступных действиях, неисполнении моих приказов и т. д. При этом большей частью пишущие указывают, что долг честных русских людей помогать в моем трудном деле, вырывая язвы взяточничества, произвола и т. д.

Приказом от 12 (25) сентября с. г. за № 3626 учреждена комиссия высшего правительственного надзора, куда каждый обыватель имеет право внести жалобу на любого представителя власти с полной уверенностью, что жалоба дойдет до меня и не останется нерассмотренной. Этим путем и надлежит пользоваться честным людям, желающим действительно помочь общему делу. Огульную критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения и за такие статьи буду взыскивать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет.

Генерал Врангель».

Если оппозиционная левая печать всячески пыталась дискредитировать власть, то и правые «патриотические» круги своими выступлениями причиняли мне немало забот. За последнее время небезызвестный отец Востоков усиленно вел работу как в Севастополе, так и в других городах Крыма. Его проповеди носили чисто погромный характер. Отличный оратор, умевший захватить толпу, он имел, особенно среди простого люда, значительный успех.

В некоторых городах толпа пыталась произвести противоеврейские выступления. Я вынужден был отдать приказ, запрещающий «всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь»:

«Русская армия в тяжких боях освобождает родную землю. Ее право требовать единодушной поддержки всех, кому она обеспечивает мирное существование. В этой поддержке должны объединиться все силы страны, отбросив несогласия и распри. Пока враг у ворот, я не допущу политической борьбы.

Запрещаю всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь. Вменяю в обязанность Начальникам гарнизонов, Комендантам и Гражданским властям следить за выполнением моего приказа. Нарушивших его невзирая на сан, чин и звание, буду высылать из наших пределов».

Отца Востокова я вызвал к себе и постарался объяснить гибельность его работы. Не знаю, что повлияло, моя ли беседа, или упомянутый приказ, но отец Востоков проповеди свои прекратил.

Вопрос с печатью продолжал стоять неудовлетворительно. Закваска покойного «Освага» продолжала чувствоваться. Субсидируемые правительством органы, а таких было большинство, льстили власти самым недостойным образом, но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли. Исключение составляла газета «Великая Россия», редактируемая В. М. Левитским (серьезный орган, в котором участвовали Н. Н. Львов, П. Б. Струве, Н. Н. Чебышев, В. В. Шульгин и др.). Заведующий печатью Г. В. Немирович-Данченко по своей ограниченности и неподготовленности руководить делом не мог. Состав цензоров по-прежнему был

неудовлетворителен. Я не раз обращал внимание А. В. Кривошеина на необходимость упорядочения печатного дела. Александр Васильевич и сам это сознавал. Он придавал печати исключительное значение, намечал проведение в этой области целого ряда мер, предполагая предварительно собрать съезд деятелей печати. Был намечен и срок съезда 30-го октября. Однако, прежде всего необходимо было передать руководство печатью в подходящие руки, заменить Немировича-Данченко другим лицом. Между тем, все еще не удавалось найти подходящего заместителя. Неожиданно вопрос разрешился.

С некоторых пор одновременно в ряде газет стали появляться статьи с нападками на деятельность тыла. Столбцы газет запестрели статьями под заглавием «Фронт и тыл», «Что они делают» и т. д., в коих неизменно подчеркивалось, что в то время, «как войска безропотно умирают на фронте, тыл спит», указывалось на неудовлетворительную работу многочисленных гражданских учреждений, следствием которой является недостаток снабжения войск и т. д. Как я упоминал выше, работа гражданских управлений была далека от совершенства, однако постоянное натравливание фронта на тыл являлось недопустимым. Правительство делало все, что было в его силах и конечно, если большинство нужд войск и не получало своевременного и полного удовлетворения, то в этом повинны были не исполнители власти, а общие условия, в большинстве случаев от правительства, а тем более от исполнителей, не зависящие.

Просматривая эти статьи, я обратил внимание на некоторые ссылки, где указывались отдельные факты упущений или нераспорядительности, действительно имевшие место, сведения о которых однако могли проникнуть в печать лишь от лиц близко стоящих к делу.

Я обратил на это внимание А. В. Кривошеина. В тот же день представлялся мне заведующий отделом печати, желавший передать мне отчет о деятельности этого учреждения. В конце доклада он передал мне папку с газетными вырезками.

«Позвольте передать вам некоторые вырезки, ваше превосходительство. Я должен покаяться: хотя начальник печати по своему желанию и не может участвовать в периодических изданиях, однако, желая использовать свои литературные способности, я конечно, под псевдонимами, принимал посильное участие в работе».

Я открыл папку и с изумлением увидел те самые статьи, на которые несколько часов тому назад обратил внимание А. В. Кривошеина. Начальник печати одновременно сотрудничал почти во всех газетах под самыми разнообразными и в большинстве случаев оригинальными псевдонимами: Смиренный Пимен, Розовый Мускат и т. п. (В тот же день я, через А. В. Кривошеина, предложил Немировичу-Данченко подать в отставку).

Должность заведующего отделом печати А. В. Кривошеин решил предложить профессору симферопольского университета Вернадскому, сыну известного академика Вернадского. Вернадского горячо рекомендовал П. Б. Струве.

20-го сентября я выезжал в Мелитополь на совещание с командующими армиями и просил Александра Васильевича вызвать Вернадского в Севастополь ко времени моего возвращения.

Секретарь А. В. Кривошеина Н. М. Котляревский передал поручение симферопольскому губернатору и получил ответ, что профессор Вернадский прибудет в мой поезд при обратном следовании в Севастополь. Возвращаясь после совещания, я принял в вагоне исполнявшего должность симферопольского губернатора

А. А. Лодыженского. На вопрос мой: «А что же Вернадский?» Лодыженский ответил, что Вернадский прибыл с ним лично на вокзал.

«Едва удалось его разыскать. Он был в научной экскурсии за городом. Я всю полицию на ноги поднял», добавил Лодыженский.

Поезд приходил в Севастополь вечером и к вечернему чаю я прошел в вагон-ресторан. Вернадский был уже там. Я с удивлением увидел дряхлого старца, типичную фигуру, точно сошедшую с картины Маковского, в пальто-разлетайке табачного цвета, с длинными седыми волосами, в очках на сморщенном лице. Я пригласил профессора сесть рядом со мной и завел разговор об общественной жизни в Симферополе; в конце октября предполагалось собрать в Симферополе съезд городов, долженствующий рассмотреть целый ряд вопросов городского самоуправления.

«Я, ваше превосходительство, не в курсе этого дела. Я от жизни далек, занимаюсь исключительно научными вопросами», ответил профессор. Я недоуменно переглянулся с Шатиловым и отложил дальнейший разговор до Севастополя, наскоро допив чай, прошел к себе в вагон.

Ко мне пришел Шатилов.

«Не понимаю, что случилось со Струве. Какой же это начальник печати…» – недоумевал Шатилов.

С вокзала мы проехали во дворец, я пригласил академика к себе в кабинет и послал адъютанта попросить А. В. Кривошеина зайти ко мне. Я с трудом поддерживал разговор с Вернадским, с нетерпением ожидая прихода Александра Васильевича. Наконец послышались его шаги, дверь приотворилась, однако мгновенно вновь захлопнулась. Затем раздался осторожный скрип, дверь вновь приотворилась, и я увидел Александра Васильевича, делавшего мне за спиной Вернадского ка-

кие-то таинственные знаки. Я извинился перед Вернадским и вышел в приемную.

«Что Вы наделали?», спросил меня Кривошеий, «кого Вы привезли?».

«А что?»

«Да ведь это не тот, это отец».

24-го сентября назначение Вернадского-сына состоялось.

В последних числах сентября заболел командующий флотом адмирал Саблин. Болел он уже давно, однако перемогался. Теперь он слег. Болезнь – рак печени – быстро развивалась и положение его стало безнадежным. Это была для флота большая потеря. Энергичный и знающий адмирал Саблин, несмотря на необыкновенно тяжелые условия, полное расстройство материальной части, сборный, случайный, неподготовленный состав команд, сумел привести флот в порядок. Корабли подчистились, подкрасились, команды подтянулись. Материальная часть в значительной мере была исправлена, образованы были в портах неприкосновенные запасы: 500 тысяч пудов угля, 1500 пудов масла на случай эвакуации. Боевые суда эскадры успешно несли охранную службу побережья, прикрывая наши операции. Производившиеся нами десанты были всегда удачны. Надежд на выздоровление адмирала не было и я предложил должность командующего флотом и начальника морского управления, вызванному А. В. Кривошеиным в Крым, адмиралу Кедрову. Последний имел репутацию исключительно умного, решительного и знающего моряка. При личном знакомстве он произвел на меня наилучшее впечатление. После некоторых колебаний адмирал Кедров изъявил согласие должность принять. Этот выбор оказался чрезвычайно удачным. Беспримерная в истории исключительно успешная эвакуация Крыма в значительной мере обязана своим успехом адмиралу Кедрову.

В составе моих ближайших сотрудников намечалась еще одна перемена. И для меня и для Кривошеина представлялось несомненным несоответствие занимаемой должности начальника финансового управления М. В. Бернацкого. В настоящих исключительных условиях требовался человек дела и практики. Бернацкий же был исключительно теоретик. Наметив заменить Бернацкого, Кривошеий сделал предложение прибывшему в Крым в числе приглашенных на экономическое совещание бывшему министру финансов П. Л. Барку. Однако, последний от предложения отказался. Таким же отказом ответил и председатель правления Азовско-Донского банка Каминка.

В прочность Крыма по прежнему мало кто верил.

Большинство приглашенных на экономический съезд уже съехались. Приехали: профессор Н. Н. Алексеев, князь Н. И. Аматуни, граф П. Н. Апраксин, П. Л. Барк, М. И. Батшев, А. Д. Введенский, В. И. Воробьев, Ю. И. Гессен, В. И. Гурко, С. М. Гутник, С. Н. Гербель, Ю. Н. Глебов, профессор П. Н. Гензель, А. Н. Дьяконов, С. С. Демосфенов, В. С. Дрибинцев, А. Ф. Дерюжинский, Р. И. Дорогостальский, П. П. Зеленов, Ф. А. Иванов, В. В. Келлер, инженер Э. Б. Кригер-Войновский, А. А. Кокорев, Н. Т. Каштанов, П. А. Лобов, В. В. Лежнев, А. В. Мономахов, В. В. Маркозов, князь В. А. Оболенский, П. В. Оболонский, А. Г. Попов, В. Н. Патрикеев, Я. Д. Прядкин, В. П. Рябушинский, Н. А. Ростовцев, В. В. Розенберг, Н. Н. Саввин, Н. В. Савич, В. С. Соколов, П. В. Семичев, А. А. Трусковский, И. И. Тхоржевский, А. С. Хрипунов, Т. А. Шамшин, С. А. Шателен.

Подготовительные работы шли полным темпом. Были образованы группы: финансовая, под председательством П. Л. Барка, торгово-промышленная, под председательством Ф. А. Иванова и транспортная, под председательством В. И. Гурко. Начались групповые совещания.

20-го сентября принято было французское радио из Батума. Тамошний французский представитель сообщил, что несколько тысяч казаков-повстанцев под начальством генерала Фостикова, после борьбы с большевиками отошли к побережью в район Сочи – Адлер с целью перейти в Грузию, однако грузинское правительство отказывается их принять. Казаки просили помощи. Я тотчас приказал грузить патроны, снаряды и продовольствие на один из транспортов и выслал миноносец, дабы установить с повстанцами связь. На миноносце выехал генерал Шатилов. Он вернулся 22-го сентября.

Генерал Фостиков, поднявший восстание еще среди лета, собрал вокруг себя несколько тысяч казаков и после ряда удачных боев освободил от красных значительную часть лабинского и майкопского отделов. Однако после нашей неудачи на Кубани, положение его стало тяжелым. Огнеприпасов не хватало, красные войска постепенно окружали повстанцев. Предвидя неизбежность отхода с Кубани, генерал Фостиков пытался установить со мной связь через Батум, где проживала большая часть кубанских правителей после позорной сдачи армии генерала Букретова. Однако, все посылаемые донесения кубанскими правителями перехватывались и до меня не доходили. Наконец из захваченной большевистской газеты генерал Фостиков узнал о состоявшемся признании правительства юга России Францией и решил попытаться связаться со мной через французского представителя в Батуме. Это донесение дошло до меня.

Последнее время, окруженный со всех сторон большевиками, испытывая недостаток в огнеприпасах, генерал Фостиков решил отходить в Грузию. Всем желающим казакам он предложил разойтись по домам, с остальными, около двух тысяч, он отошел в район

Сочи, где продолжал с трудом держаться. Патроны и провиант были совсем на исходе. Грузины отказывались пропустить казаков. Помощь требовалась немедленно. К сожалению, поднявшийся шторм не давал возможности отправить транспорт. Лишь через несколько дней судно могло выйти в море. Тем временем было получено радио, что казаки, теснимые красными, отошли в Грузию, выдачи. Я отдал приказание конвоирующему транспорт миноносцу, во что бы то ни стало, принять и погрузить казаков на транспорт, не останавливаясь, в случае препятствия со стороны грузин, прибегнуть к содействию артиллерии.

На требование предоставить войскам возможность грузиться, грузины сперва ответили отказом. После продолжительных переговоров было достигнуто соглашение, однако, опасаясь большевиков, грузины согласились на погрузку казаков, лишь инсценировав «уступку под угрозой вооруженной силы». Миноносец дал несколько безрезультатных выстрелов, грузинский отряд отступил, после чего казаки погрузились. Согласно отданному мною приказанию, отряд генерала Фостикова, около двух тысяч казаков, выгрузился в Феодосии, где люди должны были отдохнуть, одеться, получить вооружение и в дальнейшем следовать на фронт. Генерала Фостикова я произвел за отличие в генерал-лейтенанты и наградил орденом Св. Николая Чудотворца.

24-го сентября я выехал на фронт для руководства заднепровской операцией. За четыре дня до моего отъезда я отдал приказ о сформировании 3-ей Русской армии в Польше.

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Русской Армией.

№ 3667.

Севастополь. 20 сентября (3 октября) 1920 года.

С моего согласия на территории Польши моим представителем при польском правительстве генералом Махровым формируется 3-я Русская армия. Задача этой армии – борьба с коммунистами, сначала под общим руководством польского командования, а затем по соединении с Русской армией под моим непосредственным начальством.

Приказываю всем русским офицерам, солдатам и казакам, как бывшим на территории Польши раньше, так и перешедшим в последнее время к полякам из красной армии и честно бок-о-бок с польскими и украинскими войсками бороться против общего нашего врага, идя на соединение с войсками Крыма.

Генерал Врангель».

26 ноября 1923 г. Сремские Карловцы.

Глава IX
За Днепром

Подготовка заднепровской операции затянулась почти на месяц. Большие трудности представлял сбор необходимого понтонного материала, в котором в Крыму испытывался большой недостаток. Подготовка операции выполнялась в условиях крайней секретности, так как успех нашей переправы зависел в большой степени от ее неожиданности. При выборе места переправы – наведение понтонов – пришлось произвести сложную рекогносцировку берегов Днепра, которые в измененных своих местах (плавнях) ежегодно, во время весеннего половодья, меняют свои очертания. В двадцатых числах сентября было приступлено к наводке моста через Днепр, в районе Ушкелки в излучине Днепра, где его течение (с востока на запад) поворачивает на юго-запад.

Расположение наших частей к этому времени было следующее:

от Азовского моря в район Бердянска, через Верхний Токмак и севернее Александровска до Большой Знаменки на Днепр 1-ая армия генерала Кутепова, причем на восточном секторе армии – Донской корпус, на северном– 1-ый армейский корпус и Кубанская казачья дивизия, подтянутые в район Александровска;

от Большой Знаменки до устья Днепра – II-ая армия, в составе 2-го и 3-го армейских корпусов и конного корпуса (1-ая конная дивизия и Терско-Астраханская бригада).

Противник, разгромленный в середине сентября на мариупольском, волновахском и синельниковском направлениях, активности на этих участках не проявлял. Деморализованные части XIII-ой советской армии уклонялись от сопротивления с нашими частями и, видимо, накапливали резервы для будущих боевых

действий. Конница XIII-ой советской армии (5-ая кубанская, 7-ая и 9-ая кавалерийские дивизии) продолжала вести усиленные разведки на восточном участке фронта.

Перед фронтом II-ой армии генерала Драценко противник сосредоточил крупные силы: в никопольском районе – II-ую конную армию под командой бывшего войскового старшины Донского войска Миронова, на каховском плацдарме и по правому берегу Днепра, в его нижнем течении – пополненные части VI-ой советской армии. Несмотря на тщательно поставленную агентурную разведку, противнику не удалось выяснить заранее место нашей переправы через Днепр, но, ожидая наше движение в западном направлении, красное командование сосредоточило по правому берегу Днепра наиболее сохранившиеся части южного фронта. На бериславское направление спешно подходила с юго-западного фронта (из Галиции) I-ая конная армия Буденного. Появление «буденовской» армии на южном фронте, можно было ожидать около 10-го октября; до ее подхода и приведения в порядок, необходимо было разбить никопольскую группу противника – II-ую конную армию, подкрепленную пехотными частями VI-ой и XIII-ой советских армий, и каховско-бериславскую группу – VI-ую советскую армию, чтобы обеспечить за собой правый берег Днепра, для дальнейшего движения на Украину.

Согласно моей директиве от 20-го сентября, генералу Кутепову ставилась задача:

обеспечивая себя со стороны Таганрога, каменноугольного района, Чаплина и Синельникова, в ночь на 24-ое сентября форсировать Днепр в районе Александровска и, выставив заслон на екатиринославском направлении и закрепившись на правом берегу Днепра, большей частью конницы наступать на фронт Долгинцево – Апостолово;

генералу Драценко – с 3-им и конным корпусом и 42-ым донским стрелковым полком, в ночь на 25-ое сентября форсировать Днепр на участке Никополь – Софиевка Нассауская и, направив конницу для захвата станции Апостолово, ударить в тыл каховской группе красных;

генералу Витковскому – обеспечивая сальковское и перекопское направления, в ночь на 25-ое сентября овладеть каховским плацдармом, после чего форсировать течение Днепра ниже Бериславля, содействуя генералу Драценко в разбитии каховской группы.

Вследствие незаконченной частями I-ой армии перегруппировки – начало заднепровской операции отложено было на одни сутки. В ночь на 25-ое сентября Корниловская и Марковская дивизии под сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем красных, переправились вброд, выше пояса, с острова Хортица (в районе Александровска) на правый берег Днепра, овладели высотами последнего и, захватив в плен части 3-ей стрелковой дивизии красных, двинулись: марковцы на Розенталь-Розенгардт, в северо-западном направлении, корниловцы – на Шенберг, в юго-западном направлении. Кубанская казачья дивизия под командой генерала Бабиева, форсировав Речище, прорвалась в Токмаковку. Противник отходил под нашими ударами на всем этом фронте. В то же время (24-го сентября) противник навел понтонный мост из Никополя на остров Орлов и приступил к переправе на левый берег Днепра частями 1-ой стрелковой дивизии. 42-ой донской стрелковый полк под натиском противника вынужден был отойти за реку Конскую, на фронт Малая Знаменка – Водяное. К ночи на 26-ое сентября понтонный мост через Днепр в районе Ушкелки был готов и 7-ая пехотная дивизия начала переправу.

В течение 26-го и 27-го сентября части 3-го армейского корпуса, поддержанные передовыми частями конного корпуса, с боем заняли фронт Покровское – Грушевка. 27-го сентября все наши части переправились на правый берег Днепра. До вечера 27-го сентября противник продолжал вести упорные атаки на фронте Водяное – М. Знаменка, переправив на левый берег Днепра до бригады пехоты, но получив сведения об обходе Никополя с северо-востока ударной группой 1-го армейского корпуса (Корниловской и Кубанской казачьей дивизиями), красные стали оттягиваться на правый берег Днепра, 42-ой донской стрелковый полк перешел в наступление и утром 28-го сентября занял южную окраину Никополя. Одновременно с северо-востока ворвались в Никополь части Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева и преследовали красных, отходивших в северном направлении.

В течение 26-го сентября 3-ий армейский корпус продвигался с упорным боем в направлении Чертомлык – Перевозное. Конный корпус под начальством генерала Науменко выдвинулся к Шолохову, откуда свернул на восток на соединение в никопольском районе с Кубанской казачьей дивизией генерала Бабиева. Терско-Астраханская бригада 27-го сосредоточилась на линии железной дороги Никополь – Апостолово, в районе железнодорожного моста через реку Бузулук, взорвав его. При движении Корниловской и Кубанской дивизий от Кичкасской переправы в никопольский район они вели бой с частями 1-ой и 3-ей стрелковых дивизий и 2-ой и 21-ой кавалерийских дивизий (II-ой конной армии). Конные части противника от решительных столкновений уклонялись. Совершая в то же время обходное движение в район Никополя, конный корпус генерала Науменко перехватил тылы никопольской группы красных и забрал большие трофеи (за

28-ое сентября взято более 3000 пленных, 8 орудий, 6 броневиков, бронепоезд и прочая добыча).

Вечером 28-го сентября части 1-ой конной дивизии вошли в связь с Кубанской казачьей дивизией в районе Никополя.

29-го сентября конная группа, в составе 1-ой конной дивизии, Кубанской казачьей дивизии и Терско-Астраханской бригады, выступила под командой генерала Бабиева на Апостолово, с задачей разбить находившегося там Противника, разрушить железнодорожный узел и двинуться в юго-западном направлении в тыл каховской группы красных. Операция развивалась успешно.

Между тем, стремясь задержать наше наступление, грозившее основной коммуникационной линии II-ой конной и VI-ой армии, противник повел наступление с востока (против I-ой армии генерала Кутепова) и от Каховки и Херсона. Этим маневром, – зажима в клещи, применявшимся неоднократно в течение летней компании в Северной Таврии, красное командование рассчитывало отвлечь наши силы от выполнения поставленных им задач. Тесня правофланговые части генерала Кутепова, противник продвигался в общем направлении на Мелитополь. Несмотря на настойчивые просьбы командующего I-ой армией о возвращении ему переданных во II-ую армию корниловцев и 42-го донского стрелкового полка, я оставался непреклонен. Последние могли быть возвращены генералу Кутепову лишь по завершении возложенной на них задачи – содействия переправе II-ой армии, 28-го сентября на крайнем нашем правом фланге (мелитопольское направление) красные, тесня наши слабые части, подошли на один-два перехода от Мелитополя. Свободных резервов у нас не было. Но переправа частей II-ой армии была уже закончена, никопольская группа

красных разгромлена и конная группа генерала Бабиева вышла в тыл врага.

Тогда я отдал приказ о передаче Корниловской дивизии и 42-го донского стрелкового полка из II-ой армии генерала Драценко в I-ую армию генерала Кутепова. Корниловская дивизия 29-го сентября у Никополя переправилась на левый берег Днепра и двинулась на восток. В александровском районе части I-ой армии с правого берега Днепра отводились на левый берег; переправы уничтожались. На поддержку Донскому корпусу в район Гуляй-Поля двинута была Дроздовская дивизия; наступление на мелитопольском направлении было остановлено запасным полком Корниловской дивизии. Через несколько дней красные были отброшены по всему фронту I-ой армии; положение под Каховкой и в районе Херсона было восстановлено местными резервами.

Между тем II-ая армия генерала Драценко продолжала выполнять свою задачу. Действиями командующего II-ой армией я был весьма доволен. Генерал Драценко действовал вяло, нерешительно, как бы ощупью. Чувствуя отсутствие ясного определенного решения, твердого руководства командующего армией…

Части 3-го армейского корпуса, выступившие 29-го сентября из Покровского для перегруппировки, были встречены конницей красных со стороны Шолохова. В свою очередь красная конница была атакована во фланг конной группой генерала Бабиева, следовавшей из Никополя, но от боя уклонилась и отошла на северо-восток. Со стороны Фирсовки на Бабино повели наступление части 52-ой стрелковой дивизии, но были с большими потерями отброшены. После боев, в течение 29-го сентября, конная группа генерала Бабиева расположилась на ночь в районе х. Неплюевского (1-ая конная дивизия) и в Чертомлыке (Кубанская казачья

дивизия и Терско-Астраханская бригада). Перед фронтом генерала Бабиева были обнаружены все части II-ой конной армии Миронова (2-ая, 16-ая и 21-ая кавалерийские дивизии и отдельная кавалерийская бригада).

Части 3-го армейского корпуса продолжали топтаться на месте, ведя бой на линии хутора Перевозные – Подстепное – Николайталь – Мариинское. Последнее селение было нами занято. Я телеграфировал 30-го вечером генералу Драценко, требуя решительного движения вперед и указывая, что нерешительными действиями своими он грозит сорвать весь первоначальный успех. Наша воздушная разведка обнаружила начатое красными очищение каховского плацдарма. Я отдал приказ частям генерала Витковского на рассвете 1-го октября атаковать каховскую позицию.

Ночью меня разбудили. Генерал Драценко доносил, что натолкнувшись на правом берегу Днепра на крупные силы противника, понеся тяжелые потери и не желая подвергать армию гибели, он вынужден был отдать приказ об отступлении обратно на левый берег… Вся операция шла насмарку.

На рассвете части генерала Витковского перешли в наступление. Однако штурм укрепленной каховской позиции 1-го октября был отбит. Наши части, дойдя до проволоки, продвинуться дальше не могли, залегли и несли тяжелые потери от жестокого артиллерийского огня. Отряд танков, прорвавшийся в Каховку, почти целиком погиб. Данные воздушной разведки об очищении каховского плацдарма оказались ошибочными.

Несмотря на повторные запросы штаба II-ой армии в течение всей ночи подробностей происшедшего на правом берегу Днепра получить не удалось. Было выяснено лишь, что отход армии прикрывается кубанскими стрелками доблестного генерала Цыганка с севера и

самурцами и терскими пластунами со стороны Фирсовки с запада. Конница в полном беспорядке, артиллерия и обозы беспрерывной лентой тянутся по мостам на левый берег Днепра.

В девять часов утра была получена короткая телеграмма генерала Драценко:

«Вчера 30 сентября снарядом убит генерал Бабиев».

Все стало ясно. Со смертью любимого вождя умерла душа конницы, исчез порыв, пропала вера в собственные силы. Положение не мог спасти принявший командование и почти тотчас же раненый генерал Науменко. Смятение овладело полками. Части на рысях стали отходить к переправам. Ободрившийся противник перешел в наступление. Смятение в рядах расстроенной конницы увеличилось. Восстановить порядок было невозможно. Все устремилось к переправам. На узких лесных дорогах, в плавнях, смешались отходившая конная и пехотная части… Потрясенный всем виденным, растерявшийся генерал Драценко отдал приказ об отходе всей армии на левый берег Днепра.

К вечеру 1-го октября части закончили переправу. Понтонный мост был разведен и подтянут к левому берегу Днепра. Утром 2-го октября на лодках переправились на наш берег прикрывавшие переправу самурцы и терцы. Заднепровская операция кончилась.

Правильно задуманная, тщательно подготовленная и планомерно развивавшаяся операция закончилась неудачей. Причиной этой неудачи, помимо случайной, привходящей – смерти генерала Бабиева, являлись неудачные действия командующего II-ой армией генерала Драценко. Последний с исключительным гражданским мужеством и подкупающей честностью сам признал это, прося освободить его от должности командующего армией. Заместителем ему я наметил генерала Абрамова, приказав, впредь до его прибытия, в командование армией вступить командиру 3-го корпуса генералу Скалону.

2-го октября мною была отдана директива:

генералу Скалону, оставаясь командиром 3-го корпуса и объединив командование 3-им корпусом и Терско-Астраханской бригадой, удерживать линию Днепра от Большой Знаменки до Дмитровки;

генералу Науменко с конным корпусом в составе 1-ой и Кубанской дивизии, перейти в район В. Серагозы – Новоалександровка;

штабу II-ой армии теперь же перейти в Мелитополь;

генералам Скалону, Науменко и Витковскому перейти в подчинение генералу Кутепову.

26-го сентября были получены сведения о заключении поляками перемирия. Военные действия на польском фронте приостанавливались, красное командование получило возможность все свои силы бросить на нас. В то же время переговоры представителей моих с французским правительством давали основание надеяться на то, что последнее не оставит нас без помощи. Струве сообщил, что им ведутся успешные переговоры о предоставлении нам Францией займа и что в ближайшее время можно рассчитывать на помощь военным снабжением. В ближайшие дни французский верховный комиссар с военной миссией выезжал в Крым. Представители польского правительства в Крыму продолжали заверять об искреннем желании поляков войти в соглашение с нами, давая понять, что достигнутое перемирие лишь вынужденная уступка Англии, что до заключения мира еще далеко. Прибывшая из Севастополя утренняя газета помещала интервью с дипломатическим представителем польской военной миссии в Крыму князем Любомирским.

«В Севастополь прибыл из Варшавы член местной польской военной миссии князь В. С. Любомирский. В беседе с нашим сотрудником князь Любомирский коснулся ряда злободневных вопросов.

Заключение перемирия с большевиками было вызвано рядом обстоятельств. Польское правительство не хотело ни мира, ни перемирия. Польский народ, несмотря на тяжелую русско-германскую войну, все время происходившую на территории Польши, также полон ненависти к большевикам и готов продолжить войну. Перемирие было заключено главным образом потому, что западные государства, кроме благородной Франции, не только не оказывали помощи Польше, но даже настаивали на превращении войны с совдепией.

Причина такого рода политики заключалась в следующем. Возрождавшаяся после войны промышленность лихорадочно требовала сырья… Сырья, которое раньше доставляла Россия, теперь уже не было и пробел этот никем не заполнялся. Запад думал, что если с совдепией будет заключен мир, то из России тотчас же потекут реки меда и молока. Большевистский гипноз был слишком силен и из-за него запад не видел действительности. Помимо этой главной причины на заключение перемирия повлияли также обстоятельства чисто технического характера. Чехи не пропускали в Польшу снаряжения и снарядов. Данциг также задерживал все, направлявшееся в Польшу. Польские войска терпели большой недостаток в снарядах, несмотря на помощь, оказываемую доблестной Францией. Все это вместе взятое заставило польское правительство заключить если не мир, то хотя бы перемирие». По вопросу о союзе Польши с генералом Врангелем князь Любомирский заявил:

«Руководящие польские круги чрезвычайно сочувственно относятся к заключению союза с генералом Врангелем. Я убежден, что этот союз будет заключен в самом ближайшем будущем».

Если польские армии и прекратили военные действия, то все же, затягивая переговоры с целью приковать

силы красных на западном фронте, польское правительство оказало бы нам существенную поддержку.

30 сентября (12 октября) генерал Шатилов телеграфировал Базили:

«В виду возможности прекращения военных действий на польском фронте вопрос о скорейшем сформировании 3-ей Русской армии в Польше приобретает исключительное значение. Армия эта, перейдя на русскую территорию, могла бы начать самостоятельную операцию из проскуровского района, имея конечной целью выйти на Днепр на линию Черкассы – Киев. При таком продвижении соединение с другими русскими армиями, базирующимися на Крым, обеспечено. Для осуществления намеченной здесь операции 3-ей армии необходимо добиться от поляков:

1) разрешения немедленно же приступить к формированию; 2) возвращения казакам конского состава и седел; 3) предоставления материальной части, технических средств, обмундирования, лошадей и прочего; 4) временно принять армию на полное довольствие. Кроме того необходимо, чтобы польская армия, перед приостановлением военных действий, заняла бы такое положение, чтобы обеспечить левый фланг 3-ей армии при ее операции на Днепр, для чего желательно продвижение центра польской армии по меньшей мере на Фастов – Коростень, какую линию желательно держать как демаркационную. Это единственный выход из того тяжелого положения, в которое будет поставлена Русская армия в случае прекращения военных действий на польском фронте. Немедленное формирование казачьих дивизий из сдавшихся казаков приобретает при этом первостепенное значение.

Главнокомандующим одновременно командируется в Польшу ряд генералов и полковников для занятия командных казачьих должностей. В случае если бы

формирование 3-ей армии оказалось бы неосуществимым или же при прекращении военных действий на польском фронте она не могла бы быть созданной достаточно сильной для самостоятельных действий, то Главнокомандующий приказал принять меры к быстрейшей эвакуации всего боеспособного элемента из Польши в Крым. Севастополь 30 сентября, № 008922. Шатилов».

Связь наша с поляками была чрезвычайно затруднительна. Переговоры приходилось вести исключительно через французов. Попытки установить радиосвязь с Варшавой успехом не увенчались. Несмотря на все ходатайства, союзные верховные комиссары решительно отказывали допустить установку нашей радиостанции на территории русского посольства в Буюк-Дере.

Как ни мало доверял я нашим «иностранным друзьям», однако все же не оставлял надежды, что польское правительство, под давлением Франции, будет возможно долее оттягивать заключение мира, дав нам время закончить формирование армии на польской территории или по крайней мере перебросить русские войска в Крым.

Получение свежих пополнений, военного снабжения и осуществление намеченного займа дали бы возможность продолжить борьбу. В предвидении этого, удержание в наших руках Северной Таврии являлось существенно необходимым. Отход в Крым за перешейки не только обрекал нас на голод и лишения, но, являясь признанием невозможности продолжать активную борьбу, создавал угрозу лишения нас в дальнейшем всякой помощи со стороны Франции. Засев в Крыму, мы перестали бы представлять угрозу советскому правительству и тем самым теряли всякий интерес в глазах западных держав.

С другой стороны неудача заднепровской операции неминуемо должна была отразиться на дух войск. Новые тяжелые потери еще ослабили состав частей. Пополнений на месте взять было неоткуда. Угроза со стороны каховского плацдарма продолжала висеть над нами. Противник на всем фронте беспрерывно усиливался.

На мариупольском направлении были только что обнаружены части вновь прибывшей 5-ой кубанской кавалерийской дивизии, сформированной на Кубани, I-ая конная армия «товарища» Буденного, в составе 4-ой, 6-ой, 11-ой и 14-ой кавалерийских дивизий и особой отдельной кавалерийской бригады к 1-му октября подошла в район Александрия – Елисаветград, где начала пополнение запасными кавалерийскими частями. Конницу Буденного можно было ожидать на одном из участков правого берега Днепра в десятых числах октября. С подходом I-ой конной армии силы противника должны были превзойти наши в 3–3,5 раза, а численность конницы оказалась бы в пять раз больше нашей. При этом противник значительно превосходил нас артиллерией и техническими средствами.

1-го октября, накануне отдачи моей директивы, я пригласил на совещание генералов Шатилова и Кутепова. Я предложил моим ближайшим помощникам всесторонне обсудить вопрос – принимать ли нам бой впереди крымских дефиле, или, очистить Северную Таврию, отойти за перешейки. Приняв во внимание всю совокупность условий, мы пришли к единодушному решению бой в Северной Таврии принять. Это была последняя ставка. Всякое другое решение предопределяло неизбежный конец.

В ночь на 2-ое октября я выехал в Севастополь. Перед самым отходом поезда из Мелитополя было получено донесение о налете прорвавшейся конницы

красных на Б. Токмак. Здесь противник захватил часть обозов и взорвал восемь вагонов со снарядами. В Б. Токмаке находился проездом в Донской корпус донской атаман генерал Богаевский. Он едва не был захвачен в плен и должен был бежать пешком со своим адъютантом. На рассвете противник, преследуемый нашей воздушной эскадрильей, поспешно отошел.

В Севастополе меня ждало известие о подписании мира поляками. Мир заключен был между советской Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой и признавал независимость Украины и Белоруссии. Обе стороны отказывались от возмещения расходов. Польша получила вознаграждение за имущество, вывезенное начиная с 1-го августа 1914 года. Договор о прелиминарных условиях мира подписан был еще 29 сентября (12 октября) и интервью польского дипломатического представителя, помещенное в газетах 1-го октября, было дано уже после подписания мирного договора. Поляки в своем двуличии остались себе верны.

В широких слоях населения известие о заключении Польшей мира не произвело особого впечатления. Большинство по-видимому не отдавало себе отчета о значении этого обстоятельства для нашей борьбы. Столь же мало учитывали по-видимому и неуспех нашей заднепровской операции. Сообщенные сводкой ставки сведения о захваченных нами за пятидневную операцию трофеях – 13 500 пленных, 27 орудий, 6 бронеавтомобилей и 1 бронепоезд, исключали в представлении населения возможность общего неуспеха. Со своей стороны мною было сделано все, чтобы неудача операции не получила бы широкой огласки. Теперь более чем когда-либо необходимо было поддержать заграницей уверенность в прочности нашего положения.

4-го октября состоялось последнее заседание финансово-экономического совещания в моем присутствии. Я благодарил членов совещания за помощь их правительству юга России и выразил уверенность, что по отъезду заграницу, члены совещания будут помогать русскому национальному делу. Упомянув о тяжелой борьбе, которую нам приходится вести, о лишениях, которые испытывает армия, я вскользь заметил, что значительное превосходство противника, получившего ныне возможность бросить на нас все свои силы и острый недостаток в снабжении, может заставить нас отойти в Крым, «но в дальнейшем, оправившись и отдохнув, мы вновь возобновим борьбу». Предвидя возможность неблагоприятного исхода предстоящего решительного сражения в Северной Таврии, я исподволь подготовлял к этому.

5-го октября финансово-экономическое совещание закончило свою работу, наметив ряд практических мероприятий в разных областях финансового и промышленного дела, и вынеся резолюцию, что в небывало тяжелых условиях нашей работы, правительство юга России достигло значительных успехов и шло единственно правильным путем.

Резолюция совещания.

«Созванное правительством юга России финансово-экономическое совещание, закончив рассмотрение вопросов, предложенных на его обсуждение, а равно возникших при ходе его работ, считает своим долгом сделать из всех данных, сообщенных ему правительством и полученных им от местных торгово-промышленных организаций, следующий заключительный вывод:

Общее экономическое положение земель, занятых Русской армией, оказывается, при непосредственном соприкосновении с действительностью, несравненно

лучшим, нежели это представляется в западной Европе, не только иностранцам, но даже и проживающим там русским людям.

Производительные силы края и платежные силы населения используются в настоящее время скорее недостаточно и с избытком покрывают текущие расходы управления.

Средства нужны лишь для покрытия чрезвычайных военных издержек и в особенности для снабжения армии, крепкой духом, идущей к близкой окончательной победе и нуждающейся исключительно в материальном снаряжении и обмундировании. Для этой цели необходимо обеспечить заграничные кредиты, что ускорит торжество над противником и откроет возможность в дальнейшем, вместе с расширением территории, прочно укрепить финансовое положение. Тогда же возможно будет устранить то единственное ограничение свободы частной торговли, которое введено ныне правительством для вывоза зерна за границу, в обмен на валюту. Соглашаясь с невозможностью по обстоятельствам военного времени ныне же снять это ограничение, совещание высказывает уверенность, что недалеко то время, когда правительство и в этой области осуществит, признаваемую им самим, необходимость открыть полный простор свободному соревнованию и частной инициативе.

В заключение финансово-экономическое совещание не может не преклониться перед громадностью того труда, того военного и гражданского подвига, который совершается ныне правительством юга России и перед достигнутыми им в короткий срок успехами: в крае, опустошенном войной и большевистскими приемами управления, быстро крепнут основы свободной хозяйственной жизни и обновленного гражданского строя».

В тот же день у меня был ужин в честь участников совещания. С речами выступали: П. Л. Барк, В. П. Рябушинский, В. И. Гурко, Н. А. Ростовцев, граф П. Н. Апраксин и И. И. Тхоржевский. Блестящую, исключительную по силе речь произнес В. П. Рябушинский.

6-го октября я получил телеграмму атамана Семенова, ставшего во главе борьбы на Дальнем Востоке:

«Оценив настроение казаков, инородцев и крестьян, населяющих российскую восточную окраину, я пришел к неуклонному решению, во имя блага Родины, не только признать Вас как главу правительства юга России, но и подчиниться Вам, на основаниях преемственности законной власти, оставаясь во главе государственной власти российской восточной окраины, главного командования и выборным походным атаманом казачьих войск – Забайкальского, Амурского, Уссурийского и перешедших на ту же территорию во главе с их войсковыми правительствами – Енисейского, Сибирского, Оренбургского и Башкирского.

Отрезвление сельского населения, вкусившего прелести большевизма уже началось: прибывают добровольцы, казаки, инородцы, крестьяне. Части моей армии находятся в Забайкалье. Уссурийском крае и северной Монголии. От имени своего и подчиненных мне войск и населения – приветствую Вас в великом подвиге служения Родине.

Главнокомандующий и походный атаман генерал-лейтенант Семенов».

5-го октября состоялись похороны доблестного генерала Бабиева. Печально шел я за гробом старого соратника. Не стало еще одного из стаи славных. Еще одно славное имя внесено в длинный список русских витязей, кровью своей омывших позор родины.

6-го октября прибыла на броненосце «Provence» французская миссия, во главе с верховным комиссаром

графом де Мартель. На пристани был выставлен почетный караул от Гвардейского казачьего дивизиона. Прибывших приветствовали от моего имени начальник военного управления генерал Вязьмитинов и т. д. начальника управления иностранных сношений Б. А. Татищев.

На следующий день утром я принимал графа де Мартель в присутствии помощника моего В. А. Кривошеина, и.д. начальника управления иностранных сношений Б. А. Татищева и начальника штаба генерала Шатилова. Граф де Мартель прибыл в сопровождении командующего средиземной эскадрой, державшего свой флаг на броненосце «Provence», адмирала де Бон, его начальника штаба, начальника французской военной миссии генерала Бруссо и начальника штаба последнего полковника Бюкеншюца.

Вручая свои верительные грамоты, граф де Мартель обратился ко мне со следующей речью:

«Возлагая на меня представительство при Вашем Превосходительстве, в качестве верховного комиссара французской республики, мое правительство имело целью подтвердить то значение, которое оно придает союзу и тесной дружбе, не перестававшей связывать между собой французский и русский народы, несмотря на все пережитые испытания. Мы не можем забыть неоценимых услуг, оказанных нам Россией в начале войны, когда первые волны германского нашествия нахлынули на наши границы. Мы знаем, что Брест-Литовский мир был делом рук определенного меньшинства, которое одно лишь и несет ответственность за свое предательство. Франция никогда не вступала на путь соглашательства с советской властью, поставившей себя, по собственному желанию, вне законов признаваемых всеми.

Франция решительно становится в ряды истинных сторонников свободы, права и порядка. Именно это сознание воодушевляло Францию, когда она с чувством искреннего расположения приветствовала создание вокруг Вашего Превосходительства демократического правительства, относящегося с уважением к национальным меньшинствам и опирающегося на армию, тесно связанную с народом.

Франция, которая и по сей день залечивает раны, нанесенные ей войной, которая сама еще заканчивает восстановление разрушений на собственной территории, приняла решение оказать вам в полном объеме свою нравственную поддержку, а также и материальную помощь в пределах возможного.

Вам известны чувства, которыми воодушевлен президент республики в отношении России. Со своей стороны, глава французского правительства, г. Лейг, в следующих словах, произнесенных в парламенте, ясно определил свою политику: «мы высказываем пожелание», сказал он, «чтобы русский народ, столь заслуживающий благородного и могущественного существования, обрел вновь спокойствие, порядок и благонравие».

С этим именно чувством я прибыл в Крым. Являясь точным выразителем намерений французского правительства и искренним другом русского народа, я предоставляю в распоряжение Вашего Превосходительства мое сердечное сотрудничество и искреннюю помощь».
Я ответил на речь графа де Мартель:

«Господин верховный комиссар.

С глубоким удовлетворением приветствую я на русской земле представителя Франции, с которой национальная Россия так тесно связана традиционными чувствами дружбы и привязанности. В вашем лице я хотел бы выразить живейшую признательность прави-

тельству республики за почин, который она приняла на себя, заявив о своей солидарности с делом возрождения России.

В ту минуту, когда презренный заговор ниспроверг всякий законный строй в России и привел ее к позорной капитуляции перед врагом, русские патриоты предприняли борьбу против изменников родины. Эта борьба длится уже почти три года и мы твердо намерены довести ее до конца, движимые не духом завоевания, а непреклонным решением освободить русский народ от тирании, которая тяготеет над ним и дать ему возможность свободно определить свою будущую судьбу.

Господин верховный комиссар, вы можете рассчитывать у нас на самый сердечный прием и на живейшее с нашей стороны стремление содействовать вам в выполнении возложенной на вас высокой задачи». Французский верховный комиссар произвел на меня и на А. В. Кривошеина довольно неблагоприятное впечатление. Весьма неблагоприятно был поражен я, увидев в числе его ближайших помощников полковника Бюкеншюца, неблаговидная роль которого в Сибири, в дни, когда граф де Мартель представлял правительство Франции при адмирале Колчаке, была мне хорошо известна. Полковник Бюкеншюц усиленно заигрывал с враждебными адмиралу Колчаку эсэровскими кругами. Неблагоприятное впечатление еще более усиливалось тем, что в составе миссии находился майор Пешков, бывший русский офицер, в Великую войну сражавшийся в составе французских войск, приемный сын большевистского прислужника Максима Горького.

В тот же день в 4 часа я отдал графу де Мартель ответный визит на «Provence». 8-го октября я давал миссии обед. Присутствовали: граф де Мартель, с состоящими при нем лицами, начальник военной

миссии генерал Бруссо с начальником штаба майором Этьеван и членами миссии, адмирал де Бон со своим штабом, А. В. Кривошеин, начальник штаба генерал Шатилов, начальник военного управления генерал Вязьмитинов, вр. и. д. начальника управления иностранных сношений Б. А. Татищев, начальник управления финансов М. В. Бернацкий, генерал от кавалерии Драгомиров, прибывший из Константинополя генерал-лейтенант Лукомский, контрадмирал Евдокимов, контр-адмирал Николя и корреспондент газеты «Matin» Шарль Риве.

Я приветствовал графа де Мартель, подняв бокал за здоровье президента республики, за его правительство, и за величие и процветание Франции. На мою речь граф де Мартель ответил в следующих выражениях:

«Генерал. Сердечно благодарю Вас за ваше искреннее приветствие. Я глубоко тронут приемом, оказанным мне в Крыму, как представителю правительства французской республики. Вы совершенно справедливо вспомнили о том времени, когда Россия и Франция сражались рука об руку за общее дело. На полях битвы между ними протянулись новые щиты связующей дружбы. Война, потрясая весь мир, повлекла за собой целый поток страданий и горя. Россия, понесшая вместе с союзниками значительную долю великих испытаний, до сих пор еще не обрекла спокойствия и мира. Сейчас она борется против тирании незначительного меньшинства, которое под видом ложно понятого гуманизма стремится восстановить самую страшную диктатуру и вместе с тем препятствует русскому народу свободно выявить свою волю и самостоятельно определить свои национальные стремления. Франция, противница всякой тирании, не колеблясь, сделала свой выбор. Этот выбор пал на тех, кто оказался верным заключенному союзу и принятым в прошлом междуна-

родным обязательствам, на тех, кто стремится дать русскому народу истинно свободный государственный строй. Им Франция окажет свою полную нравственную поддержку и всю материальную помощь, которую вправе от нее ожидать. Опираясь на широкие демократические начала и относясь с должным уважением к стремлениям меньшинств, сражающихся также против большевиков, вы можете полагаться на их действительную помощь. Вы можете быть уверены в торжестве дела, за которое вы боретесь. Каковы бы ни были предстоящие еще испытания, ваша доблестная армия, сражающаяся за право и справедливость, уже доказала свою уверенность в победе.

Генерал, я поднимаю бокал в честь ваших славных воинов и их блестящего вождя. Я пью за ваши успехи, за окончательное освобождение великой союзной и дружественной нам России».

После обеда я обходил группы гостей. Залитый ярким светом зал, цветы, блестящие мундиры, оживленные речи… Я подошел к генералу от кавалерии А. М. Драгомирову.

– «Ну вот, мы и вышли на большую дорогу», приветствовал меня генерал.

Я постарался ответить любезной фразой. Мысли были далеко, там в Северной Таврии, где готовилось решение нашей участи. Среди блестящей сутолоки дня сердце томили тяжелые предчувствия.

9-го октября адмирал де Бон давал мне завтрак на броненосце «Provence», отходившем в этот день в Константинополь. Адмирал де Бон, прелестный старик, производил чарующее впечатление. Искренний друг России, он впоследствии, в дни нашего изгнания, остался таковым же. После завтрака А. В. Кривошеин и я долго беседовали с адмиралом де Бон, графом де Мартель и генералом Бруссо, излагая наши нужды и

пожелания. Адмирал де Бон из Константинополя должен был немедленно поехать в Париж, где и надеялся добиться удовлетворения наших насущных нужд.

Переговоры в Париже о займе успешно продолжались.

Маклаков телеграфировал:

«Струве просит передать: 20-го октября был принят председателем совета Лейгом, 22-го президентом республики. Последнему изложил финансовое положение, план займа. Отношение весьма благоприятное и полная надежда на успех. Факт приема следует огласить, умолчав о плане займа».

В Крым направлялся транспорт «Рион» с теплой одеждой для войск, артиллерийскими припасами и пр. Казалось, долгожданная помощь приходила. Не поздно ли?

С флота поступали сведения о беспрерывном подходе свежих частей противника. Кроме 1-ой конной армии «товарища» Буденного, направлявшейся к Бериславлю в районе Александровска, прибыла из Пскова 30-ая стрелковая дивизия. Все свободные резервы красного командования из внутренних округов и Западной Сибири, предназначавшиеся на польский фронт, теперь направлялись на юг. Многочисленные отряды «батьки» Махно, доселе работавшие в тылу красных, теперь, учуя возможность поживиться в Крыму, переходили на сторону советских войск. Силы противника ежедневно увеличивались. В Александровск прибыл с западного фронта штаб IV-ой красной армии, дивизии которой были разбиты поляками во время варшавской битвы и частично интернированы в Германии.

Сама природа, казалось, становилась против нас. Наступили небывалые в это время года морозы. Войска, почти раздетые, жестоко страдали от холода, появились обмороженные. Количество простудных заболеваний резко возросло. Полки таяли.

Бросая все свои свободные силы на юг, красное командование принимало одновременно меры для усиления работы своей в нашем тылу. За последнее время вновь оживилась деятельность зеленых, усилилась работа и по военному шпионажу, руководимая регистрационным отделом («Регистродом») кавказского фронта, расположенным в Ростове-на-Дону. Этот «Регистрод» через свои регистрационные пункты №№ 5 и 13, расположенные в Темрюке (кубанской области) и через особые пункты («Ортчк») на побережье Таманского полуострова, высылал ряд разведчиков, направляя их на Темрюк-Тамань, а затем через узкий Керченский пролив на побережье Керченского полуострова и далее в Крым и этим же путем принимал их обратно.

В течение месяца в городе Керчи и в прилегающем к нему районе было арестовано шесть советских шпионов и раскрыта организованная большевиками на нашей территории «служба связи» с таманским берегом, располагавшая в Керчи и в поселке Юргаки (на Азовском море) тайными станциями, снабженными сигнальными ракетами, сферическими зеркалами для оптической сигнализации и материалами для химического письма. У одного из этих шпионов между прочими документами было найдено также предписание «связаться с Мокроусовым» и «явка», т. е. указание как найти сего последнего.

Руководимая опытной рукой генерала Климовича работа нашей контрразведки в корне пресекала попытки противника. Неприятельские агенты неизменно попадали в наши руки, передавались военно-полевому суду и решительно карались. Борясь всеми мерами с попытками противогосударственной работы и неизменно утверждая суровые приговоры военно-полевых судов, я в то же время постоянно стремился поддержать значение суда, как органа свободного, независимого от

административной власти, как бы высоко ни были поставлены ее представители.

9-го октября был издан приказ, окончательно устанавливающий самостоятельность военно-судебного ведомства, доселе в лице главного военно-морского прокурора все еще подчиненного начальнику военного управления и обязанного руководствоваться по военно-морским вопросам указаниями начальника морского управления.

– «Находя ныне», говорилось в приказе, «своевременным развить основные положения, изложенные в приказе моем от 6-го апреля с. г. за № 2994, в смысле надлежащего разграничения деятельности власти судебной и административной, приказываю:

1. военное и военно-морское ведомство выделить из подчинения начальникам военного и морского управлений;

2. главному военному и военно-морскому прокурору и начальнику военного и морского судного отдела военного управления впредь именоваться главным прокурором армии и флота и начальником военного и военно-морского судебного ведомства, с непосредственным подчинением мне;

3. военный и морской судный отдел военного управления переименовать в канцелярию начальника военного и военно-морского судебного ведомства».

Французская миссия устраивалась в отведенном ей особняке, граф де Мартель делал визиты должностным лицам, а полковник Бюкеншюц и майор Пешков сговаривались с милыми их сердцу «оппозиционными» правительству «демократическими» группами.

Не успев очнуться от угара, охватившего их на заре русской революции, группы эти остались чуждыми всем перипетиям нашей борьбы. Стоя слепо на платформе «защиты завоеваний революции», суливших им

дешевые миражи личного почета и влияния, лица были склонны видеть угрозу этим «завоеваниям» в каждом мероприятии правительства, если таковое рождалось независимо от их инициативы. К числу таких групп следует отнести некоторые общественные организации (земская и городская), часть профессиональных союзов и наиболее крупную из кооперативных организаций – «Центросоюз», с его филиалами – «Центросекцией», «Днепросоюзом» и «Здравосоюзом».

Организации эти с первых дней мартовского переворота пополнявшие «как правило» свой состав исключительно лицами, имевшими «общественно-революционный стаж», укомплектовывали свои учреждения в огромном большинстве такими элементами, которым идеология прикрывшихся легким флером большевиков или «полубольшевиков» была более родной, чем идеология Русской армии, вынужденной во имя успеха той борьбы, которую она вела не на жизнь а на смерть, стать на принцип военной диктатуры.

Группы эти не стеснялись под шумок оказывать покровительство, а иногда и просто протягивать руку нашим врагам в случаях, когда им казалось, что это не противоречит их «партийной этике», а иногда и просто торговым интересам.

В этом последнем отношении особенно заслуживает быть отмеченной деятельность «Центросоюза» и его филиалов, поименованных выше. Еще в период 1919 года, когда во власти Добровольческой армии находились города Одесса, Киев и Харьков, было документально установлено, что «Центросоюз», «Центросекция» и «Днепросоюз» являются контрагентами советского правительства, получают субсидии от советской власти и выполняют задания таковой по доставке товаров и фуража красной армии и в губернии северной России. Осмотром книг «Центросоюза» и

Харьковского отделения Московского народного банка было установлено, что «Центросоюз» получил 50 000 000 рублей от советского правительства, а в местных складах «Центросоюза» были обнаружены товары, заготовленные для советской России. Из других кооперативных организаций особенным вниманием советской власти пользовались «Центросекция» (кооператив для рабочих), «Днепросоюз» и «Здравосоюз», которые получали крупные субсидии от советов и, обслуживая сих последних, привлекали к этой работе и те свои филиалы, которые находились на территории Русской армии.

Иллюстрацией деятельности находившихся в Крыму органов «Центросоюза» по обслуживанию ими интересов большевиков, может служить изъятый выемкой в сентябре 1920 года в Керченской конторе «Центросоюза» «план общей работы на 1920 год», препровожденный в названную контору управляющим таврической конторой «Центросоюза» Добровольским, при датированном 20-го февраля 1920 года писем члена южного правления того же союза г. Ионова, в котором были указаны следующие задачи:

1. закупка сырья и отправка такового в необратимом виде в северные губернии и заграницу;

2. выработка фабрикатов и отправка их на север для дальнейшей обработки на фабриках «Центросоюза»;

3. окончательная обработка продуктов и отправка их в готовом виде в северную Россию.

Эта переправка в северную Россию производилась частью через Батум и Грузию, а иногда путем сосредоточения товаров в таких пунктах, которые эвакуировались Добровольческой армией, причем оставляемые товары перечислялись конторой «Центросоюза» обслуживающей советскую Россию.

Декретом советского правительства от 20-го марта 1920 года, все кооперативные организации советской России обращены были в «потребительские коммуны». Та же участь постигла и главное управление «Центросоюза», находящееся в Москве, которое было обращено в главный орган снабжения советской России. Главари «Центросоюза», естественно, не пожелали добровольно расстаться со своими капиталами и самостоятельностью, но были принуждены к тому силой и репрессиями. На некоторое время сохранила свою самостоятельность лишь заграничная организация этого союза («Иноцентр»), находящаяся в Лондоне и возглавляемая: Беркенгеймом, Зальгеймом и Ленской, а также и контора, находящаяся в Крыму.

При таких условиях казалось бы естественным, хотя бы во имя сохранения остатка кооперации от полного поглощения ее большевиками, обращение лондонского «Иноцентра» к сотрудничеству с Русской армией. На деле вышло обратное, и Беркенгейм при приезде в июне 1920 года в Лондон советской, делегации, возглавляемой Красиным, Ногиным и Разумовским, вошел с ними в соглашение и предложил оказать содействие к заключению торгового договора с советской Россией.

Этот последний факт выявил политическую физиономию «Центросоюза», крымские представители которого заверяли в преданности своей правительству Юга России. Им же объясняется скрыто недоброжелательный отпечаток, который лежал на так называемой «неторговой» деятельности «Центросоюза», на которую сей последний ассигновал 3% со всех своих торговых оборотов. Эта «неторговая» деятельность выражалась в организации библиотек, просветительных лекций, в книгоиздательстве и приняла довольно широкие размеры.

По оставлении нами родины, некоторые из лиц, игравших видную роль в учреждениях «Центросоюза», обосновавшихся на территории, принадлежащей В.С.Ю.Р. и Русской армии и пользовавшихся влиянием в общественных кругах, как то: Марк Ефимович Кузнецов (старый деятель «Центросоюза») по партийной принадлежности «меньшевик», Бронеслав Юльевич Кудиш (член «Днепросоюза» и представитель центрального союза кооперативов – «Центросоюза»), по партийной принадлежности большевик-коммунист, подвергавшийся аресту в 1919 году, Евгений Федорович Филиппович (член «Днепросоюза» и староста украинского «Центросоюза») по партийной принадлежности с. д. – украинец, оказались в составе советского представительства в Константинополе, а коллеги их по тому же «Центросоюзу» заполнили собою места советских представителей, начиная от Трапезунда и Зунгулдака до Лондона включительно, 25-го сентября было приступлено к расследованию деятельности этих лиц и произведен был ряд выемок, вызвавший среди упомянутых кругов сильный переполох…

Лидерами оппозиции из состава севастопольского городского самоуправления, во главе с городским головой, социалистом-революционером Перепелкиным, была составлена и передана французскому верховному комиссару пасквильная записка, имевшая целью всячески опорочить в глазах представителей Франции правительство юга России. Записка приводила ряд частью искаженных, частью измышленных фактов.

Несмотря на принятые предателями предосторожности, нам удалось получить копию этой записки. Я решил положить подлой игре с самого начала предел. Воспользовавшись тем, что в связи с назначенным на 30-ое октября в Севастополе съездом редакторов повременной печати группа представителей печати про-

сила их принять, я в разговоре с ними коснулся того значения, которое в настоящих условиях, после заключения Польшей мира, должно иметь для нас признание Франции. Упомянув о том, что на помощь эту мы можем рассчитывать лишь при условии веры французского правительства в наше дело, я высказал возмущение по отношению тех русских людей, которые, ставя выше общего дела личные или партийные интересы, не останавливаются перед тем, чтобы на пользу врагам всячески подрывать доверие иностранцев к нашему делу. В подтверждение моих слов, я показал записку Перепелкина и других, переданную французам. Я видел, что мои собеседники были искренне возмущены.

Конечно, через день вся эта некрасивая история стала достоянием города, вызвав общее негодование против некоторых из его представителей, во главе с городским головой. Последний пытался представить мне какие-то «объяснения», однако я отказался его принять. Уступая общественному мнению, господин Перепелкин сложил с себя звание городского головы и выехал из Севастополя. Весьма сконфужен был и граф де Мартель. Он приехал к А. В. Кривошеину, высказывал огорчение свое по поводу случившегося, пытаясь объяснить дело «какими-то недоразумениями». Я не сомневался, что урок послужил ему на пользу.

Рассчитывая вероятно найти поддержку у демократической Франции, оживились и казачьи самостийники. И. д. кубанского атамана, бывший председатель кубанского правительства инженер Иванис, последнее время сидевший в Грузии, прибыл в Крым и просил у меня разрешения созвать краевую раду. Он ходатайствовал вместе с тем о разрешении прибыть для участия в заседании рады тем из членов ее, которые после сдачи армии генерала Букретова бежали в Грузию. По словам Иваниса, без участия находившихся в Грузии членов

рады, кворума собрать было нельзя. Предательская работа этих лиц, во главе с одним из членов бывшего правительства Тимошенко, мне была хорошо известна, о чем конечно не мог не знать и Иванис, предусмотрительно просивший меня дать гарантию неприкосновенности его единомышленникам, в случае приезда его в Крым. Я ответил, что старого поминать не буду, что против прибытия всех членов рады для участия в ее заседаниях ничего не имею, о чем и прошу его их уведомить. Вместе с тем предупреждаю, что ежели их предательская работа возобновится в Крыму, то поступлю с ними так же, как с прочими предателями. Как и следовало ожидать, Тимошенко и его единомышленники после этого отказались приехать.

Собрали в Евпатории свой круг и донцы. По приглашению круга я с графом де Мартель 14-го октября прибыл в Евпаторию и присутствовал на заседании круга.

Отвечая на приветственную речь председателя, я вновь вкратце упомянул о возможности «временного» отхода армии за перешейки… После заседания войсковой круг давал мне обед в местной гостинице «Бейлер», во время которого, отвечая на приветствие атамана, граф де Мартель произнес большую речь.

«Господа казачьи представители. Я счастлив быть среди вас в столь важный и решительный момент вашей жизни и судьбы вашей страны. Франция всегда была другом России и теперь с чувством глубокой горечи она смотрит на эту великую, богатую и прекрасную страну, захваченную насилием горсти людей, ведущих ее к разорению.

Франция никогда не мирилась с большевизмом. Она всегда была во главе всемирного противобольшевистского движения и с радостью приветствовала появление у власти правительства генерала Врангеля,

который при неимоверных трудностях предпринял объединение всех энергичных людей для продолжения борьбы и обеспечения русским людям защиты их прав. Франция сознает, что если война против Германии закончилась победой, всеобщий мир может существовать лишь тогда, когда он наступит и в России, и большевизм, занесенный из Германии, будет выметен с русской земли. Франция знает, что казаки были в авангарде в течение всей гражданской войны и продолжают эту жестокую и трудную борьбу против врага. Вы сражаетесь, чтобы спасти миллионы русских людей, обреченных на смерть, которых горсть людей в своем эгоизме уничтожает безжалостно, с жестокостью неизвестной в истории, как она разрушила бы завтра Крым, если бы его территорию не защищал энергичный Главнокомандующий – рыцарь без страха и упрека, взявший на себя заботу охранения порядка, спокойствия и охранения прав каждого.

Я горячо желаю, чтобы ваша земля, еще занятая противником, скоро увидела бы то же. Вы выбрали единственный верный путь, объединившись в борьбе. Еще несколько усилий и вы придете к цели – увидите ваши станицы и тихий Дон.

Питая надежду на скорое осуществление этого, я передаю вам пожелания Франции и братский привет ваших друзей и союзников, которые не пожалеют никаких усилий, чтобы вам помочь по мере возможности и до конца».

Вечером мы выехали в Севастополь.

12-го октября был опубликован мой приказ, подводящий итоги работы гражданского ведомства за полгода деятельности правительства юга России.

«ПРИКАЗ

Правителя юга России и Главнокомандующего Русской Армией.

№ 179.

Севастополь. 12(25) октября 1920 года.

Полгода работы лиц и учреждений, призванных мною к задачам гражданского управления, прошли в трудных и суровых условиях. Самые жизненные потребности тыла властно урезывались войной. Но данные мною гражданскому управлению указания исполнялись, даже и при этих условиях, успешно и всегда в дружном единении с армией.

Программу свою я объявил и от проведения ее не отступлю. Благо и свобода народа; внесение в русскую жизнь оздоровляющих начал гражданского строя, чуждых классовой и племенной ненависти; объединение всех, уцелевших от разгрома живых сил России и доведение военной и идейной борьбы до того желанного часа, когда русский народ властно выразит свою волю: как быть России.

Для проведения этой программы мне нужны люди, сильные духом, знающие народную жизнь и умеющие ее строить. Партийная или политическая окраска их для меня безразлична: были бы преданы родине и умели бы разбираться в новых условиях. Подбору таких стойких и умелых людей – на всех ступенях государственной лестницы – я придаю коренное значение. В правительственной работе, как и на фронте, вся суть в людях.

На первом месте из всего, сделанного гражданским управлением на шесть месяцев, я должен поставить труды по разработке реформы земельной и местного земского самоуправления. Этими актами заложены основы государственного строя новой России, прочно закреплен мир с народом, необходимый для успеха войны с его поработителями.

Образование земельных советов и начавшееся укрепление земель за новыми собственниками стали фактами. Земельная реформа, обещанная разными правительствами, впервые осуществляется на территории Русской армии. В свою очередь земская реформа призвала новые широкие слои народа заново налаживать русскую жизнь.

Начато исполнение долга совести нашей – помощи жертвам войны: инвалидам, вдовам и сиротам. Приступлено к устройству трудовой помощи бедствующим в Крыму беженцам.

Восстанавливается правосудие. Расширена деятельность мировых судей; преобразованы и объединены учреждения государственного и уголовного розыска; обеспечен надзор за точным соблюдением закона и моих приказов.

В области торговой политики – введена правительственная организация заграничного вывоза зерна. В ней я вижу начала реального сближения с западом и способ извлечь из вывоза валютные средства для снабжения армии. Я знаю, что мера эта стесняет частную предприимчивость, но временно она неизбежна. Лишь постепенно удастся подойти к предрешенному мною восстановлению полной свободы торговли и промышленной деятельности.

В области политических отношений – обеспечено взаимное понимание и заключены братские соглашения между правительством юга России и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Налаживаются дружественные связи с Украиной. С Дальнего Востока откликнулся атаман Семенов, добровольно подчинившийся со своей армией, моему политическому руководству, как всероссийскому.

За это же короткое время достигнуто признание власти Правителя юга России со стороны дружественной

нам Франции, – сделан первый шаг к возвращению России в семью культурных европейских держав.

Сделано многое. Но еще больше предстоит сделать.

Главная задача, на которую нужно теперь налечь со всей энергией и упорством – это задача воссоздания разрушенной экономической жизни. Конечно, во всей полноте задача эта будет разрешена не нами, а временем и самим народом. Но и нам надо не ждать, а действовать.

Обесценение денежных знаков приняло характер народного бедствия. Бытовые условия жизни тяжелы для всех без различия, от рядового обывателя до члена правительства.

Недостаток товаров замедляет поступление из деревень хлеба. Грозит опасность дальнейшего сокращения запашек. Необходимо привлечь крестьянские товарищества и союзы к непосредственному участию в обмене зерна на привозимые из заграницы товары.

Еще более тревожит меня положение городских жителей. Равновесие между городом и деревней нарушено. Положение рабочих требует серьезнейшего внимания и участия. Общие условия культурной городской жизни расстроены; дороговизна пропитания делает положение интеллигентных тружеников еле переносимым. Выход должен быть найден – помимо общих финансово-экономических мер – и путем организации деятельной самопомощи, при широком содействии государства, которое я заранее обещаю.

Состояние транспорта железнодорожного и пароходного, а также почтово-телеграфного дела, требует неотложных, решительных мероприятий. Нетерпимым является отсутствие на дорогах личной и имущественной безопасности; разбоям должен быть положен предел. Необходимо последовательно улучшать все стороны хозяйственного быта и управления.

Съехавшиеся в Севастополь, на мой зов, видные деятели финансового и промышленного мира подтвердили правильность намеченного нами пути. Советы их, я надеюсь, ускорят достижение нашей цели: дать населению главное – хлеб и порядок.

В заботах материальных не забудем, что не менее хлеба насущного России нужна здоровая жизненная энергия. Будем беречь ее источник – религию, культуру, школу; будем готовить для России деятельную и знающую молодежь и ревностно оберегать святыню народных надежд – Церковь.

Намеченные задачи требуют усиленной работы, плечом к плечу с земством, при поддержке государственно настроенной научной и общественной мысли. Результаты правительственной деятельности только начинают сказываться. Но я не могу не отметить их с чувством благодарности к моим сослуживцам и высоко ценю их усилия, тем более, что единственным побуждением к работе, при исключительно тяжелых условиях, является только сознание честно исполненного долга их перед родиной.

Мой долг и мое жизненное нравственное побуждение – выразить горячую признательность помощнику моему А. В. Кривошеину, совету правительства и всем сотрудникам моим по гражданскому управлению – за их неизменную помощь Русской армии в деле воссоздания России.

Генерал Врангель».

Одновременно был опубликован и соответствующий приказ по Военному управлению.

За короткий шестимесячный срок в исключительно тяжелых условиях была действительно сделана огромная работа. Были неизбежные ошибки, оставались значительные недочеты, но разрешению главнейших насущнейших вопросов были отданы все имевшиеся силы и средства.

13-го октября противник начал переправу в район Никополя. Бои разгорались и на других участках нашего фронта, 15-го октября красные по всему фронту перешли в решительное наступление. По получении об этом известия, я выехал для руководства операцией в Джанкой.

22 декабря 1923 г. Сремские Карловцы.

Глава X
Последняя ставка

После перегруппировки наши части в десятых числах октября располагались в следующем порядке.

II-ая армия генерала Абрамова – от Азовского моря до Днепровских плавней; штаб армии в Мелитополе; 3-я донская казачья дивизия – на участке от Азовского моря до Б.Токмака (включительно); от Б.Токмака до плавней – 6-ая и 7-ая пехотные дивизии 3-го армейского корпуса; в резерве Главнокомандующего, в районе Михайловка – Тимашевка – 1-ая и 2-ая донские казачьи дивизии.

1-ая армия генерала Кутепова – от Днепровских плавней по нижнему течению Днепра до Черного моря; штаб армии на станции Рыкове; 42-ой донской стрелковый полк – на участке Балки – Знаменка, в Днепровке – ядро Марковской дивизии, в Верхнем Рогачике – ядро Корниловской дивизии, перед каховским тэт-де-поном – 13-ая и 34-ая пехотные дивизии 2-го армейского корпуса; в Б. Маячках – ядро гвардейского отряда; в Нижних Серагозах – Торгаевке – ударная группа 1-ой армии; Дроздовская пехотная дивизия, 1-ая конная дивизия, Кубанская казачья дивизия, Терско-Астраханская конная бригада; 2-ая конная дивизия подходила к Нижним Серагозам со стороны Рыкова.

Части противника располагались:

на участке от Азовского моря до плавней – IV-ая и XIII-ая советские армии:

запасная кавалерийская бригада Федотова, морская экспедиционная дивизия, 2-ая донская и 3-ья, 9-ая, 23-ья, 30-ая, 40-ая и 46-ая стрелковые дивизии, бригада 29-ой стрелковой дивизии, бригада курсантов, 5-ая кубанская кавалерийская дивизия, 7-ая и 9-ая кавалерийские дивизии и повстанческие отряды, именующие себя «махновцами»; на участке по правому берегу

Днепра: в никопольском районе – II-ая конная армия Миронова, в составе 2-ой, 16-ой и 21-ой кавалерийских дивизий и отдельной кавалерийской бригады с приданными конной армии 3-ей и 46-ой стрелковыми дивизиями, бригадой курсантов и 85-ой бригадой 29-ой стрелковой дивизии, далее от Ново-Воронцовки до Алешек и в каховском тэт-де-поне – части VI-ой армии в составе латышской, 1-ой, 13-ой, 15-ой, 51-ой и 52-ой стрелковых дивизий, огневой ударной бригады, отдельной стрелковой бригады в районе Херсона и кавалерийской бригады Гофа.

К 14-му октября в районе Бериславля сконцентрировалась 1-ая конная армия Буденного, в составе 4-ой, 6-ой, 11-ой и 14-ой кавалерийских дивизий и отдельной кавалерийской бригады. (Таким образом, против Русской армии во второй половине октября 1920 года развернулись IV-ая, VI-ая и XIII-ая советские армии, I-ая и II-ая конные армии и повстанческие отряды, именовавшиеся повстанческой армией Махно; в составе армии южного фронта действовало не менее четырнадцати пехотных и двенадцати кавалерийских дивизий: 1-ая, 2-ая донская, 3-ья, 9-ая, 13-ая, 15-ая, 23-ья, 30-ая, 40-ая, 42-ая, 46-ая, 51-ая, 52-ая, латышские стрелковые дивизии, отдельные бригады и отряды и 2-ая, 4-ая, 5-ая кубанская, 6-ая, 7-ая, 9-ая, 11-ая, 16-ая, 21-ая кавалерийские дивизии, сводная кавалерийская дивизия Гофа и несколько отдельных кавалерийских бригад).

Общая численность красных войск на южном фронте должна была быть исчислена в 55–60 тысяч штыков и 22–25 тысяч сабель, имея в виду только бойцов на фронте. Численность всех войск красного южного фронта вместе с тыловыми частями была конечно значительно больше.

Соотношение сил было не в пользу Русской армии не менее как в три, три с половиной раза.

План красного командования сводился к захвату в клещи на полях Северной Таврии живой силы Русской армии и к стремительному прорыву через перешейки в Крым. С этой целью по красному южному фронту была дана следующая директива: II-ая конная армия должна 13-го октября старого стиля форсировать течение Днепра в никопольском районе. Части VI-ой советской армии получили задачу расширить Каховский плацдарм и обеспечить за собой все нижнее течение Днепра от Ново-Воронцовки до устья. Одновременно IV-ая и XII-ая советская армия с севера и с востока должны были выдвинуться на линию Ногайск – Большой Токмак – Васильевна, для занятия более выгодного для маневра положения. После этих подготовительных операций IV-ая, VI-ая, XIII-ая, I-ая и II-ая конные армии должны были нанести решительный удар для разгрома Русской армии и прорыва в Крым.

Я своевременно учел планы красного командования и, стянув ударную группу генерала Кутепова в район Серагоз, предпринял операцию последовательных, по внутренним операционным линиям, ударов частями ударной группы по главным силам противника, наступающим из никопольского района и каховского плацдарма; на восточном участке нашего фронта предполагалась активная оборона.

Согласно директивы красного командования, противник 13-го октября переправился в никопольском районе частями II-ой конной армии, с временно приданными ей пехотными дивизиями. В дальнейшем II-ой конной армии Миронова была поставлена задача стремительно ударить на юг в направлении станции Сальково. IV-ая армия из района Орехов – Александровск двинулась всей массой пехоты в направлении Васильевка – Тимашевка для нанесения удара главным силам Русской армии с северо-востока. XIII-ой армии,

занимавшей линию Бердянск – Пологи ставилась задача овладеть Мелитополем. Главный удар должен был быть нанесен из каховского плацдарма частями I-ой конной и VI-ой советских армий, причем в то время, как VI-ая армия должна была наступать на юг в общем направлении на Перекоп, I-ая конная должна была бить по нашим главным силам в районе Серагоз, стремясь прорваться к Салькову и Геническу. Закончив сосредоточение, противник 15-го октября перешел по всему фронту в решительное наступление.

Ко времени моего прибытия в Джанкой части генерала Кутепова и генерала Абрамова уже третий день вели бой. Мороз все крепчал, десятилетиями Крым не видал в это время года таких холодов. Количество обмороженных беспрерывно росло. Люди кутались в первое попавшееся тряпье, некоторые набивали под рубахи солому… Несмотря на всю доблесть войск, Корниловская дивизия была оттеснена от Н. Рогачека, противник прочно закрепился на левом берегу реки и стал распространяться на юг. Потеснены были 15-го октября и части 2-го корпуса наступавшим из каховского плацдарма противником. Отсюда должно было ожидать главного удара красных.

Я передал в распоряжение генерала Абрамова бывшие в моем резерве 1-ю и 2-ую донские казачьи дивизии, приказав им ударить в тыл, действовавшей со стороны Н. Рогачека II-ой конной армии красных, стремясь отрезать ее от переправ. Одновременно я приказал генералу Кутепову, заслонившись с севера Корниловской дивизией, всеми силами ударной группы сосредоточенной в районе Серагоз обрушиться на каховскую группу красных.

16-го октября мороз с утра достиг 14 градусов. Спустился густой туман. В нескольких шагах ничего не было видно. К вечеру поступило донесение от 2-го

корпуса, что части последнего, теснимые противником, продолжают отходить к Перекопу. Крупные массы конницы красных, обтекая правый фланг 2-го корпуса, быстро продвигались на восток, I-ая конная армия красных всей своей массой двинулась в тыл нашим армиям, стремясь отрезать их от Крыма. Между тем генерал Кутепов медлил. В течение целого дня 16-го он продолжал оставаться в районе Серагоз. Я по радио передал ему приказание спешно двигаться к Салькову, стремясь прижать прорвавшегося противника к Сивашу. Однако было ясно, что противник успеет подойти к перешейку прежде, нежели части генерала Кутепова туда прибудут. Противник двигался беспрепятственно и ожидать его в районе Салькова можно было к вечеру 17-го. Укрепленная позиция, прикрывшая выходы из Крыма, была занята лишь слабыми караульными командами. Красные части с налета легко могли захватить сальковское дефиле, прервав всякую связь Крыма с армией. Необходимо было спешно занять дефиле войсками.

Генералу Абрамову я послал приказание в ночь с 16-го на 17-ое направить к Салькову под прикрытием бронепоездов сосредоточенную в Мелитополе 7-ую пехотную дивизию. В течение ночи эшелоны с войсками двинулись по железной дороге. Однако вследствие забитости пути движение шло крайне медленно. Мороз достиг 20 градусов. Неприспособленные к таким холодам станционные водокачки замерзли. Эшелоны с войсками застряли в пути. Наступили жуткие часы. Под рукой у меня войск не было, – доступ в Крым для противника был открыт. В течение всего дня 17-го все, что только можно было собрать из способного носить оружие, направлялось к Салькову: юнкерское училище из Симферополя, артиллерийская школа, мой конвой; из Феодосии были вытребованы не успевшие закончить формирование кубанские части генерала Фостикова.

В сумерки передовые части красной конницы подошли к Салькову и завязали перестрелку с нашими слабыми частями. К ночи спешенная красная кавалерия пыталась наступать, однако ружейным огнем и артиллерией была отбита.

Среди ночи удалось связаться по радио с генералом Кутеповым. Он занимал район с. Агаймана и на утро 18-го предполагал двигаться в Отраду – Рождественское. Я приказал ему возможно ускорить движение, войти в связь с частями II-ой армии, отходящими по железной дороге и, объединив командование, ударить на противника с севера, прижимая его к Сивашу.

Утром 18-го части генерала Абрамова стали подходить к станции Рыково. 3-ья донская дивизия доблестного генерала Гусельщикова завязала бой с противником в районе Ново-Алексеевки. К полудню части генерала Кутепова подходили к Рождественскому и Отраде, имея в правой, западной, колонне Кубанскую казачью. 2-ую конную дивизии и Терско-Астраханскую бригаду, в левой, восточной, – 1-ую конную и Дроздовскую дивизии, в арьергарде – Корниловскую дивизию.

Противник, видимо, плохо осведомленный в обстановке, продолжал всей массой своей конницы оставаться в районе Ново-Алексеевка – Сальково – Геническ. Положение конницы «товарища» Буденного, прижатой с северо-востока и с севера нашими частями к болотистому, солончаковому, еще плохо замерзшему Сивашу, могло оказаться бесконечно тяжелым. Части пешей 3-ей донской дивизии генерала Гусельщикова, совместно с подошедшей 7-ой пехотной дивизией, поддержанные бронепоездами, решительно обрушились на, видимо, не ожидавшего удара с этой стороны врага. Конница Буденного была застигнута врасплох; полки стояли по дворам расседланными. Беспорядочно

металась красная кавалерия. Врассыпную выскакивали наспех собранные эскадроны, прорываясь между нашей пехотой. Одна батарея противника в полной запряжке и большая часть его обозов попали в руки генерала Гусельщикова. Выход в Крым для армии был открыт.

Действуй генерал Кутепов более решительно, цвет красной кавалерии, конницу «товарища» Буденного, постигла бы участь конницы Жлобы. К сожалению, наступательный порыв войск был уже в значительной степени утерян. Не имея тыла, окруженные врагом со всех сторон, потрясенные жестокими испытаниями, войска дрались вяло. Сами начальники не проявляли уже должной уверенности. Главная масса красной конницы почти беспрепятственно успела проскочить перед фронтом конницы генерала Кутепова на восток.

К ночи части генерала Кутепова сосредоточились в районе Отрада – Рождественское, где и удерживались, отбивая атаки красных в течение 19-го октября. Части генерала Абрамова медленно отходили, ведя тяжелые бои, к Геническу и Салькову.

20-го октября генерал Абрамов стал втягиваться в дефиле. За частями генерала Абрамова стали подходить части генерала Кутепова, преследуемые по пятам конницей красных, II-ая конная красная армия к этому времени сосредоточилась в Петровском, туда же подтягивалась латышская, 9-ая, 30-ая и 52-ая стрелковые дивизии. Восточнее, вдоль линии железной дороги, наступали 5-ая и 9-ая кавалерийские дивизии и части «батьки» Махно. Западнее действовали части 1-ой конной армии красных. К вечеру 20-го октября сальковскую позицию заняла Дроздовсккая дивизия. Остальные части генералов Кутепова и Абрамова (1-ая и 2-ая донская дивизии, 1-ая и 2-ая конные дивизии, Кубанская казачья дивизия, Терско-Астраханская бригада и Корниловская дивизия) проходили на Чонгарский

полуостров. Марковская дивизия с частями 7-ой пехотной и 3-ей донской дивизией прошли на Геническ.

В ночь на 21-ое октября красные обрушились на сальковскую позицию, прорвали было фронт Дроздовской дивизии и на плечах ее ворвались на Чонгарский полуостров, но контратакой были отбиты и положение восстановлено. Части 2-го корпуса заняли перекопскую позицию.

Решительная битва в Северной Таврии закончилась. Противник овладел всей территорией, захваченной у него в течение лета. В его руки досталась большая военная добыча: 5 бронепоездов, 18 орудий, около 100 вагонов со снарядами, 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом и около двух миллионов пудов хлеба в Мелитополе и Геническе. Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Значительное число было оставлено пленными и отставшими, главным образом, из числа бывших красноармейцев, поставленных разновременно в строй. Были отдельные случаи и массовых сдач в плен. Так сдался целиком один из батальонов Дроздовской дивизии. Однако армия осталась цела и наши части в свою очередь захватили 15 орудий, около 2000 пленных, много оружия и пулеметов.

Армия осталась цела, однако боеспособность ее не была уже прежней. Могла ли эта армия, опираясь на укрепленную позицию, устоять под ударами врага. За шесть месяцев напряженной работы были созданы укрепления, делающие доступ врагу в Крым чрезвычайно трудным: рылись окопы, плелась проволока, устанавливались тяжелые орудия, строились пулеметные гнезда. Все технические средства Севастопольской крепости были использованы. Законченная железнодорожная ветка на Юшунь давала возможность обстреливать

подступы бронепоездами. Не были закончены лишь блиндажи, укрытия и землянки для войск. Недостаток рабочих рук и отсутствие лесных материалов тормозили работу. Наступившие небывало рано морозы создавали особенно неблагоприятные условия, так как линия обороны лежала в местности мало населенной и жилищный вопрос для войск становился особенно острым.

Еще в первые дни по заключению мира с поляками, решив принять бой в Северной Таврии, я учитывал возможность его неблагоприятного для нас исхода и того, что противник, одержав победу, на плечах наших войск ворвется в Крым. Как бы ни сильна была позиция, но она неминуемо падет, если дух обороняющих ее войск подорван.

Я тогда же приказал генералу Шатилову проверить составленный штабом, совместно с командующим флотом, план эвакуации. Последний был рассчитан на эвакуацию 60 000 человек. Я отдал распоряжение, чтобы расчеты были сделаны на 75 000; распорядился о срочной доставке из Константинополя недостающего запаса угля и масла.

Как только выяснилась неизбежность отхода нашего в Крым, я отдал распоряжение о срочной подготовке судов в портах Керчи, Феодосии и Ялты на 13 000 человек и 4000 коней. Задание объяснялось предполагаемым десантом в район Одессы для установления связи с действовавшими на Украине русскими частями. Дабы полнее скрыть мои предположения, были приняты все меры, чтобы в версию о подготовке судов для будущей десантной операции поверили. Так штабу было приказано распускать слухи, что десант намечается на Кубань. Сама численность отряда была намечена в соответствии с общей численностью войск, так что не могла возбудить в лицах даже осведомленных о

численности армии особого сомнения. На суда было приказано грузить запасы продовольствия и боевые.

Таким образом, имея в Севастопольском порту некоторое число свободного тоннажа, я мог, в случае несчастья, быстро погрузить в главнейших портах – Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, 40–50 тысяч человек и, под прикрытием отходящих войск, спасти находящихся под их защитой женщин, детей, раненых и больных.

20-го вечером прибыл в Джанкой генерал Кутепов. Он выглядел наружно спокойным, однако, в словах его проскальзывала тревога. Он между прочим осведомился, приняты ли меры на случай несчастья. Мой ответ его, видимо, успокоил, 21-го прибыл генерал Абрамов. Переговорив с обоими командующими армиями, я 22-го октября отдал войскам директиву:

Оборона Крыма возлагалась на генерала Кутепова, в руках которого объединились войска; от Азовского моря до Чувашского полуострова включительно, располагалась 3-ья донская дивизия, до смены ее на этом участке 34-ой пехотной дивизией, которая в свою очередь подлежала смене на правом участке Перекопского вала 1-ой бригадой 2-ой кубанской дивизии 24-го октября;

1-ая и 2-ая донская дивизии должны были сосредоточиться в резерве в районе к северу от Богемки; на этот же участок должна была оттянуться после смены 3-я донская дивизия;

средний участок Сиваша оборонялся Донским офицерским полком, Атаманским юнкерским училищем и стрелковыми спешенными эскадронами конного корпуса;

конному корпусу с Кубанской дивизией приказано было сосредоточиться в резерве в район к югу от Чирика;

Корниловская дивизия к 26-ому октября должна была сменить на левом участке перекопского вала 13-ую пехотную дивизию; последняя временно, до подхода Марковской дивизии, оставалась в резерве 1-го армейского корпуса в районе Воинки; Дроздовская дивизия должна была сосредоточиться к 26-ому октября в Армянском Базаре;

Марковская дивизия, отходившая по Арбатской стрелке к Акманаю, подлежала перевозке по железной дороге в район Юшуни.

По завершении перегруппировки всех частей I-ой армии к 29-ому октября, правый боевой участок от Азовского моря до Чувашского полуострова включительно должен был обороняться частями 2-го армейского корпуса генерала Витковского; левый участок, от Чувашского полуострова до Перекопского залива, передавался 1-ому армейскому корпусу генерала Писарева.

В ночь на 22-ое я выехал в Севастополь. Малейшая паника в тылу могла передаться в войска. Необходимо было сделать все, чтобы этого избегнуть. Немедленно по приезде я вызвал представителей прессы и ознакомил их с общим положением. Последнее было обрисовано мною, как не внушающее особых опасений.

Одновременно появилось сообщение штаба:

«Официальное сообщение Штаба Главнокомандующего Русской Армией.

№ 661.

Ставка.

21-октября / 3-го ноября 1920 года

Заключив мир с Польшей и освободив тем свои войска, большевики сосредоточили против нас пять армий, расположив их в трех группах у Каховки, Никополя и Пологах. К началу наступления общая числен-

ность их достигла свыше ста тысяч бойцов, из коих четверть состава – кавалерия.

Сковывая нашу армию с севера и северо-востока, красное командование решило главными силами обрушиться на наш левый фланг и бросить со стороны Каховки массу конницы в направлении на Громовку и Сальково, чтобы отрезать Русскую армию от перешейков, прижав ее к Азовскому морю и открыв себе свободный доступ в Крым.

Учтя создавшуюся обстановку, Русская армия произвела соответствующую перегруппировку. Главная конная масса противника, 1-ая конная армия с латышскими и другими пехотными частями, численностью более 10 000 сабель и 10 000 штыков, обрушилась с каховского плацдарма на восток и юго-восток, направив до 6000 конницы на Сальково. Заслонившись с севера частью сил, мы сосредоточили ударную группу и обрушившись на прорвавшуюся конницу красных, прижали ее к Сивашу. При этом славными частями генерала Кутепова уничтожены полностью два полка латышской дивизии, захвачено 216 орудий и масса пулеметов, а донцами взято в плен четыре полка и захвачено 15 орудий, много оружия и пулеметов. Однако, подавляющее превосходство сил, в особенности конницы, подтянутой противником к полю сражения в количестве до 25 000 коней, в течение пяти дней атаковавшей армию с трех сторон, заставили Главнокомандующего принять решение отвести армию на заблаговременно укрепленную Сиваш-Перекопскую позицию, дающую все выгоды обороны. Непрерывные удары, наносимые нашей армией в истекших боях, сопровождавшиеся уничтожением значительной части прорвавшейся в наш тыл конницы Буденного, дали армии возможность почти без потерь отойти на укрепленную позицию.

Начальник Штаба, генерального штаба

генерал-лейтенант Шатилов. Генерал-квартирмейстер, генерального штаба

генерал-майор Коновалов

Начальник оперативного отделения, генерального штаба

полковник Шкеленко».

Вечером 22-го состоялось под моим председательством заседание правительства Юга России, на котором я подробно ознакомил участников совещания с последними боями, указал на тяжелое положение войск, на большое превосходство сил противника. Остановившись на том исключительно тяжелом положении, в котором окажутся армия и население в осажденном Крыму и на той напряженной работе, которая от всех потребуется, я выразил уверенность, что мы отстоим последнюю пядь родной земли и, оправившись, отдохнувши и пополнившись, вырвем победу из рук врага.

Создавшиеся условия требовали в тылу сильной руки. Эту сильную руку, конечно, не мог представлять собой мягкий, гуманный С. Д. Тверской. Последний был назначен товарищем председателя высшей комиссии правительственного надзора. 25-го октября последовал приказ об объявлении Крыма на осадном положении. В тот же день я отдал приказ о назначении исполняющим обязанности таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующего войсками армейского тылового района командира 3-го корпуса генерал-лейтенанта Скалона.

Принятыми мерами удалось рассеять начинавшуюся тревогу. Тыл оставался спокойным, веря в неприступность перекопских твердынь. 26 октября открылся в Симферополе съезд представителей городов, в

резолюции своей приветствовавший политику правительства Юга России и выразивший готовность всеми силами правительству помочь. На 30-ое октября в Севастополе готовился съезд представителей печати. Жизнь текла своим чередом. Бойко торговали магазины. Театры и кинематографы были полны.

25-го октября Корниловский союз устраивал благотворительный концерт и вечер. Заглушив в сердце мучительное беспокойство, принял я приглашение. Мое отсутствие на вечере, устроенном союзом полка, в списках которого я состоял, могло бы дать пищу тревожным объяснениям. Я пробыл на вечере до 11 часов, слушая и не слыша музыкальных номеров, напрягая все усилия, чтобы найти ласковое слово раненому офицеру, любезность даме-распорядительнице…

17-го октября скончался в Ялте адмирал Саблин и последовал мой приказ об утверждении адмирала Кедрова в должности. Последний с первых же шагов проявил кипучую деятельность, требуя такой же от своих ближайших помощников. В качестве таковых он привлек ряд новых лиц. Помощник начальника морского управления контр-адмирал Евдокимов был заменен контр-адмиралом Тихменевым, а начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Николя – капитаном 1-го ранга Машуковым.

К 25-ому октября группировка противника была следующая: в районе Геническа и на Чонгарском полуострове последовательно части XIII-ой и IV-ой советских армий; за правым флангом IV-ой армии – на Чонгарском полуострове – II-ая конная армия; на среднем участке северного побережья Сиваша – 1-ая конная армия, 7-ая кавалерийская дивизия и повстанческая армия Махно; на Перекопском перешейке – VI-ая советская армия. В течение 23-го, 24-го и 25-го октября противник безуспешно атаковал наши части в районе

Чонгарского моста. Наши войска заканчивали перегруппировку. Жестокий мороз сковал болотистый соленый Сиваш льдом, наша линия обороны значительно удлинилась; благодаря отсутствию жилья и недостатка топлива, количество обмороженных росло. Я приказал выдать весь имеющийся в складе запас обмундирования.

В эти дни прибыл, наконец, большой транспорт «Рион» с зимней одеждой для войск, но было уже поздно…

У последней черты

26-го октября вечером я присутствовал на заседании правительства, когда вошедший ординарец вручил генералу Шатилову, переданную по юзу, телеграмму генерала Кутепова. Пробежав телеграмму, генерал Шатилов передал ее мне. Генерал Кутепов доносил, что в виду создавшейся обстановки, прорыва противником позиций на Перекопе и угрозы обхода, он отдал приказ в ночь на 27-ое войскам отходить на укрепленную позицию к озерам Киянское – Красное – Старое – Карт-казак. Как содержание, так и самый тон донесения не оставляли сомнения, что мы накануне несчастья. Сославшись на необходимость переговорить по прямому проводу с генералом Кутеповым, я передал председательствование А.В.Кривошеину и вышел в соседнюю комнату. За мной последовал генерал Шатилов. Для него, как и для меня, было ясно, что рассчитывать на дальнейшее сопротивление войск уже нельзя, что предел сопротивляемости армии уже превзойден и что никакие укрепления врага уже не остановят.

Необходимо было срочно принимать меры к спасению армии и населения. Я вызвал из зала заседания адмирала Кедрова и вкратце ознакомил его с обстановкой.

– «Боже, зачем я согласился принять этот крест», – вырвалось у адмирала. Однако он быстро овладел собой. Он имел тоннаж на 60000 человек. Высланный из Константинополя дополнительный запас угля и масла только что прибыл; это давало возможность использовать еще некоторый тоннаж и рассчитывать принять 70–75 тысяч человек. На большее количество тоннажа не имелось. Я отдал распоряжение принять меры, чтобы все суда, могущие держаться на воде, были использованы. Из Константинополя приказал срочно вытребовать количество судов, какое только предста-

вится возможным. Наконец, задержать в портах Крыма все коммерческие суда, в том числе и иностранные, для использования их тоннажа.

Предчувствуя недоброе, вышел из зала заседания А. В. Кривошеий. Он сильно волновался. Мы постарались успокоить его, заверив, что все меры на случай несчастья уже приняты. Я просил его с своей стороны всячески успокоить членов правительства.

Сам я решил ехать на фронт, дабы на месте отдать себе отчет в обстановке.

27-го в три часа дня я выехал в Джанкой, куда и прибыл уже в темноте. В Симферополе сели в мой вагон командующий II-ой армией генерал Абрамов и его начальник штаба генерал Кусонский; с объединением командования войсками, обороняющими Крым, в руках генерала Кутепова, штаб II-ой армии расположился в Симферополе.

Немедленно по приезде в Джанкой я принял генерала Кутепова, доложившего мне общую обстановку.

В ночь на 26-ое октября пехота красных атаковала северную оконечность Чувашского полуострова («Турецкие батареи»), но была остановлена огнем у проволоки. Пользуясь туманом, противник большими силами пехоты, поддержанной конницей, обошел «Турецкие батареи» с запада и повел наступление на Старый Чуваш. С утра 26-го октября обнаружилось наступление противника против перекопского вала, особенно интенсивное на флангах. Сосредоточив на Чувашском полуострове до двух пехотных дивизий с конницей, красные 26-го октября продолжали движение от Старого Чуваша на юго-запад.

1-ая бригада 2-ой кубанской дивизии под давлением противника отошла на укрепленную позицию к северу от Карповой балки, 2-ой и 3-ий дроздовские полки, двинутые в атаку (из Армянского Базара) в район

Караджаная против красных, распространявшихся от Чувашского полуострова, успеха не имели. Понеся большие потери, главным образом в командном составе, Дроздовская дивизия к вечеру 26-го октября сосредоточилась в Армянском Базаре, 13-ая пехотная дивизия, отходившая после смены на Воинку, была задержана в районе Карповой балки для усиления 1-ой бригады 2-ой кубанской дивизии. Красные распространялись до Тупого полуострова, занимая основание Чувашского.

В виду создавшейся обстановки, угрожавшей обходом перекопского вала и прорывом позиции на Перекопском валу, вследствие разрушений проволочных заграждений, частям 1-го армейского корпуса приказано было в ночь на 27-ое октября отойти на укрепленную позицию по северо-западным окраинам озер Киянское – Красное – Старое – Карт-казак. Отход был совершен без особого давления со стороны противника. Одновременно в Карповой балке был подтянут для контрудара конный корпус генерала Барбовича (1-ая и 2-ая кавалерийская и Кубанская казачья дивизии); 1-ая и 2-ая донские дивизии были направлены из района Богемки на Чирик.

На рассвете 27-го октября 1-ая кавалерийская дивизия произвела успешную атаку и отбросила красных к Чувашскому полуострову, но вследствие тяжелых потерь от мощного артиллерийского огня, развить успеха не смогла, и красные вновь распространились к хутору Тихоновка. Для восстановления положения были двинуты 2-ая кавалерийская и 1-ая кубанская казачья дивизии. В дальнейшем обнаружилось наступление больших сил красных на перешеек между озерами Красным и Старым. Наши части были вынуждены отходить на последнюю укрепленную позицию – юшуньскую.

Генерал Кутепов предполагал с утра перейти в наступление с целью обратного захвата утерянных позиций, однако сам мало надеялся на успех. По его словам, дух войск был значительно подорван. Лучшие старшие начальники выбыли из строя и рассчитывать на удачу было трудно. Я сам это прекрасно понимал, однако настаивал на необходимости удерживать позиции во что бы то ни стало, дабы выиграть по крайней мере пять-шесть дней, необходимых для погрузки угля, распределения судов по портам и погрузки на суда тыловых учреждений, раненых, больных из лазаретов и т. п. Генерал Кутепов обещал сделать все возможное, но по ответам его мне было ясно, что он сам не надеется удержать позиции своими войсками.

Гроза надвигалась, наша участь висела на волоске, необходимо было напряжение всех душевных и умственных сил. Малейшее колебание или оплошность могли погубить все. Прежде всего необходимо было обеспечить порядок в Севастополе. Войск там почти не было. Несущий охранную службу мой конвой был незадолго перед тем выслан в район Ялты для окончательного разгрома загнанных в горы «зеленых» – «товарища» Мокроусова. Я приказал по телеграфу вызвать на вокзал в Симферополь к приходу моего поезда роту юнкеров Алексеевского военного училища и подготовить нужное число вагонов, дабы рота могла с моим поездом следовать в Севастополь. В Симферополе я принял и.д. Губернатора А. А. Лодыженского и ознакомил его с обстановкой. Приказал генералу Абрамову принять все подготовительные меры к эвакуации военных и гражданских учреждений Симферополя, раненых и больных офицеров и юнкеров, семей служащих и лиц, коим в случае прихода большевиков, грозила бы особая опасность. Все подготовительные меры должны были быть приняты по возможности скрытно, дабы

преждевременно не возбудить тревоги. Я обещал, что приказ о начале эвакуации будет своевременно прислан и необходимое число подвижного состава предоставлено.

В девять часов утра 28-го октября я, в сопровождении юнкеров, прибыл в Севастополь. С вокзала я проехал во дворец, пригласил А. В. Кривошеина, генерала Шатилова, адмирала Кедрова и генерала Скалона и отдал последние распоряжения: приказал занять войсками главнейшие учреждения, почту и телеграф, выставить караулы на пристанях и вокзале. Окончательно распределил по портам тоннаж, по расчету: Керчь – 20 000, Феодосия – 13 000, Ялта – 10 000, Севастополь – 20 000, Евпатория – 4000. Дал указания разработать порядок погрузки тыловых учреждений, раненых, больных, продовольственных запасов, наиболее ценного имущества, дабы, по отдаче приказа, погрузка могла начаться немедленно. В десять часов я принял французского верховного комиссара графа де Мартель, представителей иностранных миссий, адмирала Мак-Колли, полковника Ульша, майора Токахасси, коих просил снестись с представителями их правительств в Константинополе на предмет оказания возможного содействия иностранными судами на случай необходимости для нас оставить Крым. Днем я пригласил представителей русской и иностранной печати, которых ознакомил с создавшимся положением: армия, сражавшаяся не только за честь и свободу своей родины, но и за общее дело мировой культуры и цивилизации, армия, только что остановившая занесенную над Европой кровавую руку московских палачей, оставленная всем миром, истекла кровью. Горсть раздетых, голодных, выбившихся из сил героев продолжает отстаивать последнюю пядь родной земли. Их силы подходят к концу и не сегодня, завтра они могут быть

сброшены в море. Они будут держаться до конца, спасая тех, кто искал защиты за их штыками. Мною приняты все меры, чтобы на случай несчастья вывезти всех, кому грозит кровавая расправа. Я вправе надеяться, что те государства, за общее дело которых сражалась моя армия, окажут гостеприимство несчастным изгнанникам.

С быстротой молнии тревожные вести распространились по городу. Беспрерывно звонили по телефону, приходили справляться о положении. Среди тревожной, болезненной обстановки неожиданно всплыла фигура генерала Слащева. На его больное, расстроенное воображение опьяняюще подействовала нездоровая атмосфера тревоги и смутных слухов. В своем фантастическом костюме он появлялся на улицах, беседовал с толпой, собравшейся перед витриной телеграфного агентства, давал интервью представителям печати, давая понять, что в создавшемся положении виновны те, кто не слушал его, генерала Слащева, что и теперь еще не все потеряно и что, если ему, генералу Слащеву, поручат разбить врага, то он так же, как и несколько месяцев назад, это сделает.

По совету А. В. Кривошеина и генерала Шатилова, я послал предписание генералу Слащеву выехать немедленно на фронт в распоряжение генерала Кутепова; последнему приказал передать, чтобы он задержал генерала Слащева при себе, не допуская возвращения его в Севастополь. Генерал Слащев на автомобиле выехал в Джанкой.

Поздно вечером были получены сведения с фронта: наши части с утра перешли в контратаку, временно овладели оставленной накануне укрепленной позицией, но удержаться на ней не могли и, под натиском превосходящих сил противника, откатились на прежнюю позицию. Правый участок последней заняли спешенные

части подошедших донцов. Наши резервы были исчерпаны. Красные в течении дня, вводя свежие силы, продолжали наступление и к вечеру сбили наши части с последней укрепленной позиции у Юшуни.

На утро 29-го октября коннице генерала Барбовича, при поддержке донцов, была дана задача: ударом во фланг опрокинуть дебушировавшие из Перекопского перешейка части противника, но наша конная группа сама была атакована крупными силами красной кавалерии с севера, в район Воинки и контрманевр нашей конницы не удался. Одновременно противник продвинулся по Арабатской стрелке южнее хутора Счастливцева. На Тюп-Джанкойском полуострове (юго-восточнее Чонгарского) шли бои в районе Абуз – Крка. У Сивашского моста противник подготовлял переправу.

Положение становилось грозным, остававшиеся в нашем распоряжении часы для завершения подготовки к эвакуации были сочтены. Работа кипела. Днем и ночью шла погрузка угля; в помощь рабочим грузчикам были сформированы команды из чинов нестроевых частей, тыловых управлений и т. п. Спешно грузились провиант и вода. Транспорты разводились по портам. Кипела работа в штабе и управлениях, разбирались архивы, упаковывались дела.

В два часа дня прибыл из Константинополя французский крейсер «Waldeck Rousseau», в сопровождении миноносца, имея на своем борту временно командующего французской средиземной эскадрой адмирала Дюмениля. Адмирал Дюмениль был с графом де Мартель у меня и произвел на меня чарующее впечатление, человека выдающегося ума и исключительного благородства. Мы беседовали около двух часов, итоги нашей беседы были изложены в письме адмирала ко мне от 29 октября (11 ноября):

«Командующий
Легкой эскадрой
№ 9 – Ам.

Крейсер «Вальдек-Руссо» 11-го ноября 1920 г. Контр-адмирал Дюмениль, командующий легкой эскадрой. Его Превосходительству генералу Врангелю, Главнокомандующему вооруженными силами на юге России.

Ваше Превосходительство,

При сем имею честь препроводить Вашему Превосходительству резюме нашего сегодняшнего разговора и просить не отказать подтвердить мне правильность такового резюме, прежде нежели я поставлю о нем в известность французское правительство:

– »Ваше Превосходительство, полагая положение на фронте безнадежным, не видите ныне иного исхода, как эвакуацию всего гражданского населения, желающего избежать расправы большевиков, вместе с остатками белой армии, как ранеными, так и здоровыми. Для осуществления такой эвакуации необходима моя помощь, так как она не может быть осуществлена полностью без прикрытия подчиненными мне судами и помощи некоторых французских транспортов и буксиров.

Ваше Превосходительство, в случае если Франция не обеспечит перевозку армии на соединение с армией русско-польского фронта, в каком случае армия была бы готова продолжать борьбу на этом театре, полагаете, что ваши войска прекратят играть роль воинской силы. Вы просите для них, как и для всех гражданских беженцев, помощи со стороны Франции, так как продовольствия, взятого с собой из Крыма, хватит лишь на десяток дней, громадное же большинство беженцев окажутся без всяких средств к существованию.

Актив крымского правительства, могущий быть употребленным на расходы по эвакуации беженцев, их содержание и последующее устройство, составляет боевая эскадра и коммерческий флот.

На них не лежит никаких обязательств финансового характера и Ваше Превосходительство предлагаете немедленно передать их Франции в залог».

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Дюмениль».

Теснимые противником, наши части продолжали отходить. К вечеру части конного и Донского корпусов с Дроздовской дивизией отошли в район Богемки. Прочие части 1-го армейского корпуса сосредоточились на ночлег в районе села Тукулчак.

Я отдал директиву: войскам приказывалось, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки, 1-ому и 2-ому армейским корпусам – на Евпаторию; Севастополь, конному корпусу генерала Барбовича – на Ялту, кубанцам генерала Фостикова – на Феодосию; донцам и Терско-Астраханской бригаде, во главе с генералом Абрамовым – на Керчь. Тяжести оставить. Пехоту посадить на повозки, коннице прикрывать отход.

Вместе с тем мною был подписан приказ, предупреждающий население об оставлении нами родной земли.

«ПРИКАЗ

Правителя юга России и Главнокомандующего Русской Армией. Севастополь, 29-го октября 1920 года.

Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существуют право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель».

Одновременно было выпущено сообщение правительства:

«В виду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств, правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в

дальнейшем. Все это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага – остаться в Крыму».

Приказ и сообщение разосланы были по телеграфу для широкого оповещения населения городов.

29-го поздно вечером состоялось под председательством А. В. Кривошеина последнее заседание правительства. С утра 30-го должна была начаться погрузка многочисленных отделов военного и гражданского управлений. Отдав последние распоряжения, А. В. Кривошеин выехал в Константинополь на отходящем английском крейсере «Centaur». Я просил его переговорить с французским верховным комиссаром в Константинополе г. де Франс и заручиться содействием его, на случай прибытия нашего в Босфор. Вместе с тем, я поручил Александру Васильевичу принять меры к организации помощи имеющим прибыть беженцам, привлекши к работе русские, и, если представиться возможность, и иностранные общественные силы. Особенно надеялся я на помощь американского красного креста.

Поздно ночью, закончив работу, я лег отдохнуть, однако вскоре был разбужен. От командующего флотом прибыл начальник его штаба капитан I ранга Машуков. Наша радиостанция приняла советское радио. Красное командование предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции за исключением одной, обслуживаемой офицерами.

Отпечатанный в течении ночи мой приказ и сообщение правительства утром 30-го были расклеены на улицах Севастополя.

Охватившее население в первые часы волнение вскоре улеглось. Население почувствовало, что власть

остается в твердых руках, что представители ее не растерялись, что распоряжения их планомерны и сознательны, что каждый сможет рассчитывать на помощь, что всякий произвол будет в корне пресечен. Несколько лиц, пытавшихся самоуправными действиями внести беспорядок, были тут же схвачены и один из них, солдат автомобильной команды, по приговору военно-полевого суда, через два часа расстрелян.

Погрузка лазаретов и многочисленных управлений шла в полном порядке. По улицам тянулись длинные вереницы подвод, шли нагруженные скарбом обыватели. Чины комендатуры, в сопровождении патрулей юнкеров и моего конвоя, ходили по улицам, поддерживая порядок движения обозов и наблюдая за погрузкой. Желающие выехать записывались в штабе генерала Скалона. Количество таковых оказалось необыкновенно велико. Становилось ясным, что расчеты наши будут значительно превзойдены и тоннажа может оказаться недостаточно.

Мороз стал спадать. На море был штиль и адмирал Кедров решил использовать все суда и баржи, могущие держаться на воде, взяв их на буксиры. В эти тяжелые часы, среди лихорадочной напряженной работы, он проявил редкую распорядительность, не отдыхая ни днем ни ночью, поспевая всюду, требуя от подчиненных того же. Огромная работа выпала и на долю начальника штаба. Он также не знал ни минуты покоя. И адмирал Кедров, и генерал Шатилов, и генерал Скалон и помощник его генерал Стогов – все оказались на высоте положения, с полным самообладанием, неослабевающим напряжением сил, выполняя свое дело.

Около полудня я прошел в штаб и вызвал к аппарату генерала Кутепова; последний находился на станции Сарабуз (15 верст к С. от Симферополя). Войска продолжали отход. Линия фронта проходила южнее

станции Юшунь, отход производился в полном порядке. В конце разговора генерал Кутепов доложил, что со мной желает говорить генерал Слащев. Я уклонился от разговора под предлогом недостатка времени. Вскоре мне была доставлена телеграмма генерала Слащева.

«Главкому. Лично видел части на фронте. Вывод – полное разложение. Последний приказ о неприеме нас союзниками окончательно подрывает дух. Выход следующий: из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою родину, – сформировать кадры Русской армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант в направлении, доложенном вам мною еще в июле месяце и повторенному в моих докладах несколько раз. Колебанию и колеблющимся не должно быть места – должны идти только решившиеся победить или умереть. С подробным докладом выезжаю к вам в поезде юнкеров и прошу по моем приезде немедленно принять меня, хотя бы ночью. Жду ответа в штарм один. (т. е. в штаб 1-ой армии). № 10285, 12 часов 20 минут 30–10–20. Слащев-Крымский».

В ответ я просил генерала Кутепова передать генералу Слащеву:

«Желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты сейчас, за неимением средств, не выполнимы. Единственный способ – оставаться в тылу противника, формируя партизанские отряды. Если генерал Слащев решится на это – благословляю его на дальнейшую работу. Предлагаю вам задержать генерала Слащева на фронте, где присутствие его несравненно нужнее, нежели здесь. Севастополь, 30–10– 20. № 417. Врангель».

Однако генерал Слащев не успокаивался. Через несколько часов я получил новую его телеграмму, в которой он заявил, что глубоко оскорблен нежеланием

моим с ним говорить. «Прошу либо доверия, либо военно-полевого суда. Я же буду спасать родину или умирать», и неожиданно кончал: «прошу вас не отказать дать срочный ответ и сообщение ответной телеграммой. Пока всего хорошего». – Я конечно ничего не отвечал. Ночью генерал Слащев прибыл в Севастополь, пытался меня видеть, однако я его не принял. «Спасать родину или умирать», он видимо уже раздумал и поспешил погрузиться на ледокол «Илья Муромец».

Вечером посетили меня представители городского самоуправления. Последние просили заблаговременно принять меры к охране города, портового завода и артиллерийских складов после нашего ухода. Они предлагали охрану эту принять на себя, организовав ее из рабочих. Я охотно дал свое согласие, обещал выдать своевременно рабочим оружие. Это впоследствии и было сделано.

Прибыли граф де Мартель и адмирал Дюмениль. Граф де Мартель выражал согласие принять под покровительство Франции всех оставляющих Крым. Для покрытия расходов по содержанию этих лиц французское правительство брало в залог русский тоннаж.

31-го октября состоялся обмен официальными письмами.

«Севастополь, 31-го октября (13 ноября) 1920 года.

В тот момент, когда события заставляют меня покинуть Крым, я должен иметь в виду использование моей армии на территориях еще занятых русскими силами, признавшими мою власть. Оставляя за моими войсками их свободу действий в будущем, согласно тем возможностям, каковые мне будут даны в деле достижения национальных территорий, а равно принимая во внимание, что Франция явилась единственной державой, признавшей правительство юга России и оказавшей ему материальную и моральную поддержку – я ставлю

мою армию, мой флот и всех тех, кто за мной последовали, под ее защиту.

Вследствие сего я отдал приказ, каковой я Вам при сем препровождаю, различным частям, входящим в состав русского военного и торгового флотов.

С другой стороны я считаю, что эти суда должны служить залогом оплаты тех расходов, каковые уже произведены Францией, или могут ей предстоять, по оказанию первой помощи вызванной обстоятельствами настоящего времени.

Генерал П.Врангель».

«Севастополь, 13 ноября 1920.

Имею честь уведомить вас о получении вашего сообщения сего дня, каковым вы меня уведомляете, что покидая Крым под давлением событий, вы должны иметь в виду использование в будущем вашей армии на территориях, еще занятых русскими силами, признавшими вашу власть.

Оставляя за вашими войсками их свободу действий в будущем, вы меня уведомляете, что, покидая Крым под давлением событий и принимая во внимание, что Франция явилась единственной державой, признавшей правительство юга России и оказавшей ему материальную и моральную поддержку, вы ставите вашу армию, ваш флот и всех тех, кто за вами последовали, под ее покровительство.

Кроме того, вы сообщили мне приказ, отданный по сему поводу различным частям, входящим в состав русского военного и торгового флотов, добавив, что вы считаете, что эти суда должны служить залогом оплаты тех расходов, каковые уже произведены Францией, или будут ей предстоять, по оказанию первой помощи, вызванной обстоятельствами настоящего времени.

В согласии с адмиралом Дюмениль, командующим французским флотом в Севастополе, имею честь уве-

домить вас, что при условии последующего одобрения (таковое одобрение вскоре последовало, о чем граф де Мартель уведомил меня письмом от 4(17) ноября 1920 г.), я принимаю от имени своего правительства решение и обязательства, изложенные выше.

Граф де Мартель. Дюмениль»

Я решил в ночь на 31-ое перейти в гостиницу Кист у графской пристани, где помещалась оперативная часть моего штаба; там же находился штаб генерала Скалона.

Я собирался оставить дворец, когда мне доложили, что меня просит к прямому проводу «революционный комитет города Евпатории». Комитет желал доложить мне о положении в городе. Я подошел к аппарату, говорил представитель революционного комитета.

– «В городе полное спокойствие. Власть принял образовавшийся революционный комитет. Войска и все желающие граждане погружены на суда. Суда вышли в море».

– «Известно ли вам что-либо о войсках красных?».

– «Ничего неизвестно. Войск в городе никаких нет».

– «Благодарю вас за сообщение. Желаю всего хорошего».

– «Всего хорошего».

Около полуночи вспыхнул пожар американских судов красного креста. Толпа черни начала грабить склады, однако, прибывшая полусотня моего конвоя быстро восстановила порядок. Ночь прошла спокойно.

С утра 31-го октября начали погрузку прибывшие из Симферополя эшелоны. Раненые грузились на оборудованный под госпитальное судно транспорт «Ялта». Начальник санитарной части С. Н. Ильин, сам совершенно больной, с трудом державшийся на ногах, лично распоряжался всем, принимая прибывающих раненых и наблюдая за их размещением.

Суда, принявшие накануне севастопольские учреждения, перегруженные до последних пределов, выходили в море. К счастью, последнее было совершенно спокойно. В бухте продолжали оставаться транспорты, предназначенные для частей 1-ой армии. Транспорты, по моему приказанию, были заняты караулами от частей. Наши войска продолжали отходить согласно директиве. К десяти часам утра фронт проходил около Сарабуза. Отступление шло почти без соприкосновения с противником. Около полудня я с адъютантом ходил по городу. Улицы были почти пусты, большинство магазинов закрыто, изредка встречались запоздавшие повозки обозов, спешившие к пристани одинокие прохожие. При встрече, как всегда, приветливо кланялись. Крепла уверенность, что погрузка пройдет благополучно, что всех удастся погрузить.

В сумерки прибыл генерал Кутепов со своим штабом. Войска отходили в полном порядке. Всем желающим остаться была предоставлена полная свобода, однако, таковых оказалось немного. Генерал Кутепов рассчитывал закончить погрузку к десяти часам утра.

Я отдал директиву: для прикрытия погрузки войскам приказывалось занять линию укреплений 1855 года. На генерала Скалона, в распоряжение которого были переданы Алексеевское, Сергиевское артиллерийское и Донское атаманское училища, возложено было прикрытие северной стороны, от моря до линии железной дороги. Далее от линии железной дороги до вокзала и дальше к морю выставлялись заставы от частей генерала Кутепова. Командующему флотом было указано закончить всю погрузку к 12 часам 1-го ноября. В час дня вывести суда на рейд.

В десять часов утра 1-го ноября я с командующим флотом объехал на катере грузящиеся суда. Погрузка почти закончилась. На пристани оставалось несколько

сот человек, ожидавших своей очереди. При проходе катера с усеянных людьми кораблей и пристани неслось несмолкаемое «ура». Махали платками, фуражками… Больно сжималось сердце и горячее чувство сострадания, умиления и любви ко всем этим близким моему сердцу людям наполняли душу…

Снялись последние заставы, юнкера выстроились на площади. У гостиницы стояла толпа обывателей. Я поздоровался с юнкерами и благодарил их за славную службу.

– «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам…»

Отдав приказание юнкерам грузиться, я направился к катеру. В толпе махали платками, многие плакали. Вот подошла молодая девушка. Она, всхлипывая, прижимала платок к губам:

– «Дай Бог вам счастья ваше превосходительство. Господь вас храни».

– «Спасибо вам, а вы что же остаетесь?»

– «Да, у меня больная мать, я не могу ее оставить».

– «Дай Бог и вам счастья».

Подошла группа представителей городского управления; с удивлением узнал я некоторых наиболее ярких представителей оппозиционной общественности.

«Вы правильно сказали, ваше превосходительство, вы можете идти с высоко поднятой головой, в сознании выполненного долга. Позвольте пожелать вам счастливого пути».

Я жал руки, благодарил…

Неожиданно подошел, присутствовавший тут же, глава американской миссии адмирал Мак-Колли. Он долго тряс мою руку.

– «Я всегда был поклонником вашего дела и более чем когда-либо являюсь таковым сегодня».

Заставы погрузились. В 2 часа 40 минут мой катер отвалил от пристани и направился к крейсеру «Генерал Корнилов», на котором взвился мой флаг. С нагруженных судов неслось «ура».

«Генерал Корнилов» снялся с якоря.

Суда, одно за другим, выходили в море. Все, что только мало-мальски держалось на воде, оставило берега Крыма. В Севастополе осталось несколько негодных судов, две старые канонерские лодки «Терец» и «Кубанец», старый транспорт «Дунай», подорванные на минах в Азовском море паровые шхуны «Алтай» и «Волга» и старые военные суда с испорченными механизмами, негодные даже для перевозки людей. Все остальное было использовано. Мы стали на якорь у Стрелецкой бухты и оставались здесь до двух с половиной часов ночи, ожидая погрузку последних людей в Стрелецкой бухте и выхода в море всех кораблей, после чего, снявшись с якоря, пошли в Ялту, куда и прибыли 2 ноября в девять часов утра.

Погрузка уже закончилась. Тоннажа оказалось достаточно и все желающие были погружены. В городе было полное спокойствие, улицы почти пусты. Я с начальником штаба флота капитаном 1-го ранга Машуковым съехал на берег и обошел суда, беседуя с офицерами и солдатами. Прикрывая отход пехоты, наша конница сдерживала врага, а затем, быстро оторвавшись, усиленными переходами отошла к Ялте. Красные войска значительно отстали и ожидать их прихода можно было не ранее следующего дня. Я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов»

Около полудня транспорты с войсками снялись. Облепленные людьми проходили суда, гремело «ура». Велик русский дух и необъятна русская душа… В два часа дня мы снялись и пошли на Феодосию. За нами следовал адмирал Дюмениль на крейсере «Waldeck-Rousseau», в сопровождении миноносца. Вскоре встретили мы огромный транспорт «Дон», оттуда долетало «ура». Мелькали папахи. На транспорте шел генерал Фостиков со своими кубанцами. Я приказал спустить шлюпку и прошел к «Дону». В Феодосии погрузка прошла менее удачно. По словам генерала Фостикова тоннажа не хватило и 1-ая кубанская дивизия генерала Дейнеги, не успев погрузиться, пошла на Керчь. Доклад генерала Фостикова внушал сомнения в проявленной им распорядительности. Вернувшись на крейсер «Генерал Корнилов», я послал радиотелеграмму в Керчь генералу Абрамову, приказывая во что бы то ни стало дождаться и погрузить кубанцев.

3-го ноября в девять часов утра мы стали на якорь в Феодосийском заливе. Приняли радио генерала Абрамова: «кубанцы и терцы прибыли в Керчь, погрузка идет успешно».

Начальник штаба флота капитан 1-го ранга Машуков пошел в Керчь на ледоколе «Гайдамак», с ним только что прибывший из Константинополя транспорт «Россия» для принятия части войск с барж, перегруженных до крайности.

После недавних жестоких морозов, вновь наступило тепло, на солнце было жарко. Море, как зеркало, отражало прозрачное голубое небо. Стаи белоснежных чаек кружились на воздухе. Розовой дымкой окутан был берег.

В два часа дня «Waldeck-Rousseau» снялся с якоря, произведя салют в 21 выстрел – последний салют русскому флагу в русских водах… «Генерал Корнилов» отвечал.

Вскоре было получено радио от капитана 1-го ранга Машукова: «посадка закончена, взяты все до последнего солдата. Для доклада главкому везу генерала Кусонского. Иду на соединение. Наштафлот». – В 3 часа 40 минут «Гайдамак» возвратился. Посадка прошла блестяще. Войска с барж были перегружены на «Россию». Корабли вышли в море. (На 126 судах вывезено было 145 693 человека, не считая судовых команд. За исключением погибшего от шторма эскадренного миноносца «Живой», все суда благополучно пришли в Царьград).

Огромная тяжесть свалилась с души. Невольно на несколько мгновений мысль оторвалась от горестного настоящего, неизвестного будущего. Господь помог исполнить долг. Да благословит Он наш путь в неизвестность…

Я отдал приказ идти в Константинополь.

«Генерал Корнилов» принял радио «Waldeck-Rousseau»:

«Генералу Врангелю от адмирала Дюмениля.

В продолжении семи месяцев офицеры и солдаты армии Юга России под Вашим командованием дали блестящий пример. Они сражались против в десять раз сильнейшего врага, стремясь освободить Россию от постыдной тирании. Борьба эта была чересчур неравной и Вам пришлось покинуть Вашу родину, – я знаю, с каким горем. Но Вы имеете удовлетворение в сознании образцово проведенной эвакуации, которую французский флот, Вам оказавший от всего сердца содействие, счастлив видеть столь блестяще законченной. Ваше дело не будет бесплодным: население Юга России быстро сумеет сравнить Вашу справедливую и благожелательную власть с мерзким режимом советов. Вы тем самым окажете содействие прозрению и возрождению Вашей страны. Горячо желаю, чтобы это произошло в скором времени. Адмиралы, офицеры и

матросы французского флота низко склоняются перед генералом Врангелем, отдавая дань его доблести».

Вскоре было принято другое радио из Севастополя в Москву, с требованием выслать срочно «ответственных работников, так как таковых в Крыму не осталось». Блестящая аттестация генералу Климовичу.

Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море.

Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний…

Прощай Родина!

30 декабря 1923 г. *П. Врангель*
Сремские Карловцы

Приложение

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

О ЗЕМЛЕ

От 25 мая 1920 года. (Со всеми дополнениями)

1. Правительственное сообщение по земельному вопросу.
2. Приказ о земле от 25 мая 1920 года.
3. Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев.
4. Временное Положение о земельных учреждениях.
5. Указ Правительствующего Сената от 27 июня 1920 г.
6. Приказ о скопщине № 3367 от 26 июня 1920 г.
7. Телеграфное распоряжение о сборе и хранении одной пятой части урожая, вносимой скопщиками в казну.
8. Приказ о Временном Положении о Волостных Земствах, № 94 от 15 мая 1920 г.
9. Временное Положение о Волостных Земствах.

Правительственное сообщение по земельному вопросу

В тяжелую пору великой смуты, в страдные дни кровавых столкновений, Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России решил издать свой знаменательный «Приказ о земле». Выработанный в

суровой обстановке военного лагеря, издаваемый при неслыханно трудных хозяйственных условиях, этот Приказ, конечно, не может принести с собою общего удовлетворения. Земельный вопрос слишком долго тревожил и терзал русских людей, чтобы какое бы то ни было его разрешение могло в корне примирить нередко противоречивые интересы и до конца успокоить давно разгоревшиеся страсти. Но оттягивать решение этого вопроса далее было невозможно, и 25 мая этот безнадежно запутанный узел был разрублен.

Сущность земельной реформы, возвещенной в приказе Главнокомандующего о земле, – проста. Она может быть выражена в немногих словах: земля – трудящимся на ней хозяевам. Эта руководящая мысль приказа опирается на два основные стремления: охранить всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилий и захватов, и передать трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие.

Приказ имеет в виду создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченность жизни, дабы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем.

Установляя общее положение об отчуждении земель в пользу трудящихся на них хозяев, Приказ прежде всего определяет необходимые изъятия из этого положения, подсказываемые как требованиями справедливости, так и соображениями государственной пользы. За прежними владельцами часть их владений сохраняется, но размер этой части не устанавливается заранее, а составляет в отдельной местности предмет суждения волостных и уездных земельных учреждений, которым всего более знакомы местные хозяйственные условия. Правительственной власти принадлежит в

этом отношении лишь утверждение решений местных учреждений в соответствии с пользой государственной.

Свободными от отчуждения и подлежащими возврату законным собственникам признаются все надельные земли, земли, приобретенные с содействием Крестьянского Поземельного Банка и не превышающие установленного размера участки, выделенные на отруба и хутора по законам землеустроительным, церковно-приходские наделы, усадебные и высококультурные участки (сады, виноградники, поливные посевы и т. п.), земли, принадлежащие сельскохозяйственным опытным ученым и учебным учреждениям и училищам, участки под промышленными заведениями (фабриками, заводами и т. п.), а также всякие вообще владения, не превышающие известных размеров.

Все отчуждаемые земли закрепляются за обрабатывающими их в настоящее время хозяевами в размерах, устанавливаемых местными земельными учреждениями, но эти учреждения не могут уменьшать заведенные уже хозяйства ниже норм Крестьянского Банка. Соответственно произведенному таким образом распределению, составляются акты о закреплении земель в собственность, подобные прежним документам о полюбовном размежевании общих дач. Эти акты – на бесспорное владение. На основании их выдаются крепостные документы, после уплаты Государству полной стоимости земли новыми собственниками.

Земли, хотя и без немедленного размежевания, передаются в вечную наследственную собственность каждого хозяина. Такой порядок землепользования всего более обеспечит хорошее ведение хозяйства. Этим устанавливается коренное отличие ныне осуществляемой земельной реформы от всяких опытов коммунистического характера, столь ненавистных русскому крестьянству.

Земля отчуждается не даром, а за выплату Государству стоимости ее. Это – другая важная сторона новых земельных правил, отличающая их от неисполнимых и несправедливых посулов дарового и всеобщего наделения. Такая передача земли обеспечивает переход ее к настоящим, прочным хозяевам, а не ко всякому падкому на даровщину и чуждому земле человеку.

Плата за отчуждаемую землю должна вноситься новыми собственниками хлебом, который ежегодно ссыпается в государственный запас, с каждой десятины в размере пятой части принимаемого за средний урожай одного из главных хлебов (ржи или пшеницы), и в общем достигает за десятину – пятикратного среднего урожая с нее, зерна. По постановлению Правительства или по ходатайству плательщиков, предоставляется заменять хлебные платежи денежными по рыночной стоимости хлеба к сроку платежа.

Таким образом, уплачивая скопщину, значительно уменьшенную по сравнению с той, какую обычно, в прежнее время, платили съемщики земли, оставаясь при том вечными арендаторами, новый владелец через двадцать пять лет погашает весь лежащий на его участке долг и становится полным собственником своего участка.

Соотношение стоимости взимаемого Государством хлеба с продажною ценою отчуждаемой десятины земли почти то же, что было при прежних условиях хозяйственной жизни: земли, имеющие урожайность в 40–50 пудов, при цене пуда пшеницы в рубль, стоили 200–250 р. за десятину: отношение и прежде было, следовательно, пятикратным.

Выручка Государства от хлебных взносов новых собственников должна служить основным источником для вознаграждения за отчужденную землю прежних ее владельцев, расчет с которыми Правительство признает

обязательным. Разработка подробностей этого расчета возлагается приказом Главнокомандующего на Управление Финансов. Рассчитываться с бывшими собственниками предполагается или хлебом в натуре или стоимостью его в деньгах. Но для того, чтобы эта операция была без убыточна для казны, уплату вознаграждения придется, конечно, рассрочить на большое число лет.

Приказ предусматривает судьбу советских и коммунистических хозяйств, обязывая сохранять в распоряжении Правительства или волостных земельных учреждений все уцелевшие при большевиках промышленные и государственного значения хозяйства, производя отчуждения из них немедленно только арендных земель.

Далее – устанавливается непременная обязанность земельных учреждений, при укреплении земель за хозяевами, в первую очередь удовлетворить воинов борющейся за государственность армии, арендаторов, постоянно живущих на чужой земле и т. п. На земельные учреждения возлагается право и обязанность действительного наблюдения за тем, чтобы вся земля была обработана и засеяна, а урожай собран.

Таким образом, с введением новых правил, во всех, занимаемых войсками Главного Командования местах, устанавливается охрана действительного землепользования, какое в этих местах сложилось. Всякое владение, на каком бы праве оно не осуществлялось ко времени обнародования настоящих правил, не может быть нарушаемо ни какими самовольными захватами и насилиями. Одни лишь местные земельные учреждения распоряжаются отныне землею, согласно новым правилам о земле, возвращая прежним собственникам угодия, не подлежащие отчуждению, закрепляя земли, которые подлежат отчуждению, за новыми собствен-

никами, и наблюдая за тем, чтобы все пригодные для сельскохозяйственного пользования земли были своевременно обработаны и засеяны, а урожай собран. Но, во всяком случае при всех изменениях владения, каждому посевщику непременно обеспечивается право снять урожай, а каждому обрабатывающему землю – оплата его труда.

Чрезвычайное разнообразие хозяйственных и почвенных условий не допускает единообразного практического осуществления основных мыслей приказа на всем обширном пространстве России. Посему, проведение в жизнь приказа Главнокомандующего предполагается возложить на Волостные Земства, предоставив им широкие полномочия. Положение о Волостном Земстве уже подготовлено. Но прежде, чем ввести это положение в действие, необходимо обсудить и сообразовать с ним также и положение об Уездных и Губернских Земствах. Затем и после введения в действие о Волостном Земстве, потребуется более или менее значительное время на некоторые подготовительные действия и на производство выборов земских гласных. Наконец, Волостным Земствам, на первое время, необходимо будет обратить особое внимание и на другие стороны местной жизни, не менее важные, чем землеустройство, и в особенности на охрану безопасности и на упорядочение народного хозяйства. Поэтому, чтобы не задерживать проведение в жизнь «Приказа о Земле», впредь до прочного устроения и упорядочения земской жизни, осуществление земельных мероприятий возлагается на Волостные и Уездные Земельные Советы, действующие на основании ныне же издаваемого «Временного Положения о земельных учреждениях». Эти Советы Учреждаются на один год.

Это нисколько не нарушает первоначальных предположений «Приказа о Земле». Члены Волостных

Земельных Советов избираются особыми Земельными Волостными Сходами, составляемыми из того же круга лиц и избирающими членов из той же среды, как и в Волостных Земствах, и именно из мелких земельных собственников крестьянского типа, с участием старших представителей от владеющих землею в пределах волости церковных причтов и училищ и всех прочих землевладельцев. Равным образом и в Уездных Земельных Советах половина членов (четыре из восьми) состоит из лиц, избранных теми же Волостными Земельными Сходами.

Волостные и Уездные Земельные Советы, снабженные широкими полномочиями, разрешают окончательно все земельные дела. Лишь некоторые вопросы, имеющие общегосударственное значение, доводятся до Высшей Правительственной Власти. Столь обширные права предоставляются местным учреждениям в уверенности, что они отнесутся, при выполнении возлагаемых на них обязанностей, с полным вниманием к интересам хозяйственной жизни и пользе государственной.

Реформа, возвещенная Приказом Главнокомандующего о земле, может показаться одним слишком крайней и социалистической, другим – чересчур односторонней и недостаточной. Все будут ее критиковать: ибо земельный вопрос может решаться на тысячу ладов, и каждый имеет свое решение, которое кажется ему лучше, чем другие. Но те, кто вникнут в существо дела, должны будут признать, что далекая от мечтаний социализма, реформа эта все же решительно ставит самый важный и больной вопрос русской хозяйственной жизни и не останавливается на полумерах.

Когда речь идет о восстановлении самих основ государственной жизни. Государство вправе требовать от всех самых тяжких пожертвований и самого напряжен-

ного труда. Все должны твердо помнить, что нет тех лишений и тягот, которые мы не должны были бы принять на себя для восстановления мира и согласия на Родной Земле. Без этого нам не изжить лихолетья и не вернуть России.

Приказ о Земле

8-го апреля 1920 года мною отдан приказ о разработке мероприятий по земельному вопросу на следующих основаниях:

1. Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована.

2. Землей должно владеть на правах прочно укрепленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд.

3. Посредником между крупным землевладельцем и новыми собственниками должно быть Государство.

В развитие этих оснований приказываю:

I. В местностях, занимаемых войсками Главного Командования, ввести в действие утвержденный мною 25-го сего мая и прилагаемые при сем «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев».

II. Впредь до прочного устроения и упорядочения земской жизни на местах, осуществление земельных мероприятий, предусматриваемых упомянутыми в предшедшем (1) Отделе Правилами, возложить на Волостные и Уездные Земельные Советы, учреждаемые временно, на один год и действующие на основании прилагаемого при сем «Временного Положения о земельных учреждениях».

III. Волостным и Уездным Земельным Советам, при исполнении обязанностей, возлагаемых на них упомянутым в Отделе (1) Правилами, иметь особую заботу о предоставлении свободных земельных участков в первую очередь воинам борющейся за государственность армии и их семьям.

IV. Начальнику Финансового Управления в срочном порядке разработать и представить на мое утверждение предположения об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета Государства с собственниками отчуждаемых земель и о возмещении Государственному Казначейству расходов по этим расчетам.

Генерал Врангель.

25 мая 1920 г. г. Севастополь.

«Утверждаю» Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России Генерал Врангель.

25 Мая 1920 года. Г. Севастополь.

ПРАВИЛА

о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев.

Ст. 1. В местностях, на которых распространяется власть Главного Командования Вооруженными Силами на Юге России, всякое владение землей сельскохозяйственного пользования независимо от того, на каком праве оно основано, и в чьих руках оно находится, подлежит охране Правительственной Власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодия остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими

хозяев. Изменения этого владения допускаются лишь в порядке, установленном настоящими правилами (ст. ст. 2, 6,7,10,12,13 и 18 п.1).

Ст. 2. Охрана владения, не основанного на актах о праве собственности, не распространяется на захваты, произведенные из земель. 1) надельных, 2) купленных при содействии Крестьянского Банка, по установленным для сего нормам, 3) выделенных в хутора и отруба по законам землеустроительным, 4) отведенных в надел церквам и причтам, а также монастырских и вакуфных, 5) принадлежащих сельскохозяйственным опытным, ученым и учебным учреждениям и училищам, 6) усадебных, огородных, равно как занятых искусственными насаждениями, поливными посевами и особо ценными культурами (виноградниками, хмельниками, табачными плантациями и т. п.) или садами, кому бы и в каком бы размере таковые земли не принадлежали, 7) под мельницами, фабриками и заводами и другими постройками промышленного характера в размере, необходимом для правильной их работы, а также занятых подсобными к ним сооружениями и устройствами и 8) частновладельческих сельскохозяйственного пользования, подлежащих сохранению за владельцами в том предельном размере, который будет для сего установлен, по представлениям Уездных Земельных Советов, Высшею Правительственною Властью (ст. 14 п. 1). Охрана собственности на эти земли и возврат их, в случае захвата, законным собственникам производятся распоряжениями Волостных Земельных Советов и Правительственной Власти.

Ст. 3. Все, за исключением упомянутых в предшедшей (2) статье, пахотные, сенокосные и выпасные угодья казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих имений, и в первую очередь не обрабатываемые самими собственниками или

оставленные ими без надлежащего использования, либо сдаваемые обычно в аренду за деньги или из части урожая, подлежат передаче трудящимся на земле хозяевам в собственность мелкими участками, с обложением новых владельцев этих земель, впредь до оплаты Государству их стоимости, особыми государственными сборами хлебом или деньгами (ст. ст. 8, 9 и 10). Порядок и сроки расчета Государства с бывшими собственниками упомянутых земель будут определены особыми правилами.

Ст. 4. Забота о сохранении в руках трудящихся хозяев обрабатываемых ими земель, мероприятия, необходимые для прочного укрепления за ними этих земель, во всех случаях, когда не последует об их покупке добровольных соглашений с законными собственниками, и обязанности по установлению и охране земельного правопорядка и передаче земель мелкими участками в собственность трудящихся на земле хозяев – возлагаются, впредь до прочного устроения и упорядочения земской жизни на местах, на учрежденные временно, на один год, Волостные и Уездные Советы, действующие, на основании «Временного Положения о земельных учреждениях», в порядке, установленном статьями 11–16 настоящих Правил.

Ст. 5. Все казенные леса сохраняются в распоряжении заведующих ими правительственных учреждений, а частновладельческие принимаются под наблюдение тех же учреждений. Волостным Земельным Советам предоставляется выяснение потребностей местного населения в топливе и строительных материалах и в расширении сельскохозяйственного пользования за счет лесных площадей, а также интересов этого населения в способах разработки леса. Постановления Волостных Земельных Советов по этому предмету, по проверке и обсуждении их ведающими лесное дело правительст-

венными учреждениями и по одобрении Уездными Земельными Советами, приводятся в исполнение, с обеспечением лесовладельцам причитающегося им вознаграждения.

Ст. 6. Устроенные в казенных, частновладельческих или общественных землях коммунальные хозяйства, за исключением из них земель, подлежащих возвращению их владельцам на основании ст.2 настоящих Правил, поступают в распоряжение Волостных Земельных Советов, которые либо учреждают для заведования этими хозяйствами особые управления, либо устраивают в них трудящихся на земле хозяев.

Ст. 7. Советские хозяйства, устроенные в пределах волости, а также имения, в которых ведется культурное или промышленное хозяйство, имеющее государственное или краевое значение, переходят всецело в распоряжение Правительства и могут быть им передаваемы для заведывания либо особым казенным управлениям, либо Волостным Земельным Советам, с обязательством сохранения в них инвентаря, правильного хозяйства и всех хозяйственных обзаведении. Отчуждение из этих имений угодий сельскохозяйственного пользования трудящимся земледельцам, сверх обычно сдававшихся последним в аренду, производится с учетом необходимости сохранения находящихся в таких имениях сельскохозяйственных промышленных предприятий и заводов.

Ст. 8. Впредь до укрепления за новыми владельцами земельных участков, о покупке которых у прежних собственников не последовало взаимного соглашения, а по укреплении – до уплаты Государству за укрепляемые участки полной их стоимости деньгами или натурою (зерном), – хозяева, в пользовании которых находятся эти земли, облагаются сборами в деньгах или зерном в средства Государства. Сборы эти предназначаются на

покрытие лежащих в земле долгов кредитным учреждениям и частным лицам и в Государственный фонд для вознаграждения бывших собственников этих земель.

Ст. 9. Размер упомянутых в предшедшей (8) статье сборов хлебом или деньгами с новых собственников отчуждаемых земель определяется на следующих основаниях:

1. полною оплатою Государству стоимости каждой десятины удобной земли, без различия – пахотной, сенокосной и выпасной, – признается сдача в государственный запас хлеба в зерне преобладающего в данной местности посева (ржи или пшеницы) в количестве пятикратного, среднего за последние 10 лет, урожая этого хлеба с казенной десятины;

2. размеры среднего за последние 10 лет урожая ржи или пшеницы с десятины для каждого уезда, части уезда или волости, без различия размеров владения посевщиков, выясняются Уездным Земельным Советом на основании имеющейся земской статистики, сведений Волостных Земельных Советов и других данных и представляются в установленном порядке на утверждение Совета при Главнокомандующем;

3. причитающееся в оплату отчуждаемых участков количество хлеба вносится новыми собственниками в течение 25 лет ежегодно, равными частями, составляющими на каждую десятину одну пятую часть среднего урожая;

4. плательщикам, в случае их о том ходатайстве и удостоверенной Волостными земельными Советами неплатежеспособности, либо повреждения урожая в связи с военными действиями, может быть предоставляема, по постановлениям Уездных Земельных Советов, отсрочка той или иной части причитающихся за первый год взносов, с присоединением отсроченной части к взносам последнего платежного года (п.3);

5. плательщику предоставляется во всякое время досрочно произвести полную оплату стоимости всего или части укрепляемого за ним участка земли взносом хлеба или денежной стоимости его по рыночным местным ценам времени уплаты;

6. Правительству, в случае государственной надобности, а также плательщикам, по их о том ходатайствам, предоставляется заменять годовые хлебные платежи деньгами по рыночной стоимости хлеба к сроку платежа, и

7. порядок сбора хлеба, места и сроки ссыпки, определение необходимого качества ссыпаемого зерна и разрешение вопросов об условиях замены зерна денежными сборами устанавливаются инструкциями, издаваемыми Начальником Управления Финансов, по соглашению с Начальниками Управлений Гражданского и Снабжения.

Ст. 10. Разверстка между плательщиками (отдельными хозяевами, товариществами и обществами) установленных сборов, взыскание, хранение и сдача их по назначению возлагаются на Волостные Управления, под наблюдением податной инспекции. В случае не внесения в срок упомянутых сборов, состоящие в пользовании неисправных плательщиков участки, как неукрепленные в собственность, так и укрепленные, передаются распоряжением Волостных Земельных Советов другим лицам, с правом укрепления за ними этих участков.

Ст. 11. Волостные Земельные Советы, немедленно по их открытии, производят по каждому казенному и частновладельческому имению обследования для выяснения: 1) какие угодья, в каком размере, на каком основании и в чьем именно пользовании состоят, причем составляют опись имения и перечень обрабатывающих в нем землю хозяев и прежних владельцев; 2) сколько у

кого из обрабатывающих землю хозяев имеется сверх сего надельной или купленной земли; 3) сколько и каких угодий в имении остается без обработки или без хозяев; 4) сколько и каких угодий может быть немедленно закреплено за новыми владельцами по добровольным соглашениям о покупке их у законных собственников; 5) какие земли состоят в пользовании постоянных их арендаторов имеющих на них оседлость и хозяйственное обзаведение; 6) какие и в каком количестве угодья подлежат возврату или сохранению за собственниками на основании ст. 2 настоящих Правил, как не подлежащие отчуждению.

Ст. 12. На основании упомянутых в предшедшей (11) статье обследований и согласно установленным условиям укрепления обрабатываемых земель за трудящимися на них хозяевами и предельным размерам укрепления за каждым отдельным хозяином его действительного землепользования (ст. 14, п. 2 и 3), Волостные Земельные Советы составляют и представляют на утверждение Уездных Земельных Советов свои предположения о распределении земель каждого имения между обрабатывающими их хозяевами для укрепления за ними этих участков.

Ст. 13. По утверждении упомянутых в предшедшей (12) статье проектов укрепления Уездным Земельным Советом, постановления последнего служат бесспорными актами владения землей новых собственников до замены этих документов по уплате Государству полной стоимости отчужденных земель, основанными на упомянутых актах крепостными данными.

Примечание: Вопрос о праве на недра земель, укрепляемых в собственность обрабатывающих землю хозяев, подлежит разрешению Общероссийской Государственной Власти.

Ст. 14. На Волостные Земельные Советы возлагается: 1) представление через Уездные Земельные Советы на утверждение Высшей Правительственной Власти предположений о предельном размере владения сельскохозяйственными угодьями, менее которого не может быть оставлено у всякого земельного собственника при отчуждении его земель, а в случае захвата, подлежит возврату и отводу к одному месту при его усадьбе (ст.2, п.8); 2) определение условий, которым должны удовлетворять хозяева для укрепления за ними обрабатываемых ими земель (подданство, несудимость, личный труд на земле, технические познания в земледелии, арендование земли, проживание в имении и т. п.); 3) представление на утверждение Уездного Земельного Совета предположений о размерах, в каких действительное пользование отдельных хозяев может быть закреплено за ними в собственность; 4) утверждение добровольных соглашений между хозяевами об обмене и разверстании угодий; 5) выдача хозяевам, коим предоставлены участки, актов на последующее укрепление этих участков в собственность, по уплате их стоимости Государству (ст. 13), и 6) одобрение всех добровольных сделок о купле-продаже земель сельскохозяйственного пользования в пределах волости.

Ст. 15. При определении условий и размера укрепления действительного землепользования за обрабатывающими землю хозяевами. Волостные Земельные Советы обязаны руководствоваться нижеследующими требованиями: 1) преимущественное право на укрепление за ними обрабатываемых участков предоставляется хозяевам, имеющим на них усадебную оседлость и хозяйственное обзаведение и обычно снимавшим эти земли в аренду за деньги или из части урожая, а между этими хозяевами – прежде всего воинам, участвовавшим в борьбе за Государственность, или их семьям;

2) земли каждой волости должны служить в первую очередь обеспечением устройства на них постоянных жителей из числа хозяев – земледельцев, и лишь за удовлетворением их, могут быть обращаемы на устройство пришлого земледельческого населения, и 3) установление предельного размера, до которого фактическое землевладение может быть закрепляемо за отдельными обрабатывающими землю хозяевами, должно сообразоваться с возможностью вести на этой земле прочное хозяйство; во всяком случае действительное владение хозяев, ведущих хозяйство на участках, не превышающих в общей сложности размеров, установленных для данной местности норм для покупки земель с содействием бывшего Крестьянского Банка, не может быть уменьшена.

Ст. 16. При охране владений трудящихся на земле хозяев и при составлении предположений об укреплении за ними в собственность обрабатываемых ими земель, а равно при распределении свободных участков, образуемых из казенных и частновладельческих имений, Волостные Земельные Советы имеют непременную обязанность: 1) выяснять в каждом случае права на землю и принимать особые меры к охране интересов воинов, находящихся в рядах войск, борющихся за восстановление государственности, и их семейств; предоставлять упомянутым лицам и семьям преимущественные перед прочими, в равных с ними условиях находящимися, хозяевами права на укрепление земли, и 3) принимать меры к тому, чтобы каждому хозяину, засеявшему или обрабатывавшему под посев землю, при всех перемещениях или изменениях землепользования, было обеспечено получение урожая его посева и вознаграждение за вложенный в землю труд по ее обработке.

Ст. 17. По укреплении в собственность участков и восстановлении законных собственников (ст. ст. 2, 12 и

13), все последующие споры о праве собственности на эти земли и о нарушении владения ими подлежат на общем основании ведению судебных учреждений.

Ст. 18. Сверх указанных выше обязанностей (ст. ст. 11–16) на Волостные Земельные Советы возлагается: 1) ответственное попечение о производстве на землях волости своевременной и надлежащей обработки, засева и сбора урожая, для чего Волостные Земельные Советы могут принимать все соответствующие меры и в необходимых случаях брать в свое распоряжение и заведывание необрабатываемые участки и сдавать их в аренду, и 2) руководство и наблюдение за деятельностью по указанным в п. 1 делам должностных лиц сельского управления.

Ст. 19. Жалобы на постановления и распоряжения Волостных Земельных Советов могут быть приносимы в двухнедельный срок со дня восстановления или распоряжения – Уездному Земельному Совету, который рассматривает эти жалобы в порядке, установленном во «Временном Положении о земельных учреждениях».

Ст. 20. В развитие, дополнение и разъяснение настоящих правил выдаются, с одобрения Высшей Правительственной Власти, наказы и инструкции.

«Утверждаю» Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России Генерал Врангель.
25 мая 1920 года. Г. Севастополь.

Временное положение о земельных учреждениях

1. Для осуществления на местах Земельных предприятий, впредь до устроения и упорядочения земской жизни, учреждаются временно на один год: 1) Волостные и

уездные Земельные Советы, и 2) должности Губернских Посредников по земельным делам и их Помощников.

2. Избрание Волостных Земельных Советов производится на особых Волостных Земельных Сходах, созываемых под председательством Волостного Старшины, из следующих лиц в возрасте не менее 25 лет: 1) всех сельских старост волости; 2) выборных от сельских и других земельных обществ и товариществ, избираемых для сего по одному от каждых десяти хозяев, имеющих земельную собственность и ведущих самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство; 3) не принадлежащих к сельским и другим земельным обществам и товариществам землевладельцев, без различия сословия и независимо от размера их земельного имущества, по одному представителю от каждого входящего в состав волости владения, составляющего особое хозяйство; 4) старших представителей от церковных причтов и приходских обществ всех вероисповеданий и учебных заведений, владеющих в пределах волости земельными участками сельскохозяйственного пользования, по одному от каждого причта, общества и учебного заведения и 5) представителей от казны, Государственного Земельного Банка, городов, земств и ученых, благотворительных и других обществ, по одному от каждого учреждения или общества, если в пределах волости находятся принадлежащие им земли сельскохозяйственного пользования.

3. В выборах не могут участвовать:

1. дезертиры и уклоняющиеся от воинской повинности;

2. состоявшие под судом за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в

заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества и ростовщичество, если они судебными приговорами не оправданы;

3. отрешенные по судебным приговорам от должности, в течение трех лет со времени отрешения;

4. состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, перечисленных в п. 2, и

5. члены земельных коммун.

4. Списки выборных, упомянутых в п. 2 ст. 2, сообщаются Волостному Правлению подлежащими сельскими и земельными обществами и товариществами, а списки остальных избирателей – составляются Волостным Правлением, выставляются для общего обозрения за семь дней до созыва избирательного схода и могут быть в течение этого срока исправляемы и дополняемы на основании поступающих Волостному Старшине заявлений о неполноте списков или допущенных в них неправильностях.

5. Созванный на указанных выше основаниях Волостной Земельный Сход избирает из своей среды Членов Волостного Земельного Совета на один год в количестве не менее пяти и не более десяти, и заместителей к ним на случай выбытия их по болезни и другим уважительным причинам и устанавливает размеры вознаграждения Председателю и Членам Совета.

6. Первое заседание Волостного Земельного Совета открывается Волостным Старшиной и избирает из своей среды Председателя. Внутренний распорядок дальнейшей деятельности устанавливается самим Советом.

7. Волостному Земельному Совету предоставляется избирать из своей среды комиссии, обязанности и полномочия коих определяются Советом в пределах его владения.

8. В помощь Волостным Земельным Советам, по их о том ходатайствам могут быть командируемы для

технических работ землеустроительные и землемерные чины ведомства Земледелия и Землеустройства.

9. Предметы ведения, права и обязанности Волостных Земельных Советов определяются утвержденными Главнокомандующим 25 мая 1920 г. «Правилами о передаче распоряжением Правительства казенных. Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев».

10. Уездный Земельный Совет состоит, под председательством Уездного Советника по земельным делам, из заменяющего Председателя, в случае его отсутствия, Председателя Уездной Земской Управы, или его заместителя, Мирового Судьи по назначению Мирового Съезда, представителя от ведомства Финансов и представителей от волостей, избираемых на один год, по одному от волости, упомянутыми в статье 2 Волостными Земельными Сходами из своей среды, одновременно с избранием Членов Волостного Земельного Совета. Избранные Волостными Земельными Сходами представители от волостей распределяются Председателем Уездного Земельного Совета на несколько сессий с таким расчетом, чтобы в каждой из них участвовало не менее четырех представителей.

11. При Уездном Посреднике по земельным делам состоит Секретарь и необходимое число канцелярских и вольнонаемных служащих.

12. На Уездные Земельные Советы возлагается: 1) содействие успешному выполнению Волостными Земельными Советами возложенных на них обязанностей и наблюдение за тем, чтобы, при осуществлении земельных мероприятий на местах, соблюдались постановления и распоряжения Правительственной Власти; 2) разрешение жалоб на постановления и распоряжения. Волостных Земельных Советов и на действия по

земельным делам отдельных должностных лиц; 3) разрешение дел и выполнение обязанностей, предусмотренных упомянутыми в ст. 9 настоящего Положения правилами; 4) распределение между Волостными Земельными Советами откомандированных для содействия им Управлением Земледелия и Землеустройства землеустроителей, землемеров и других техников, и 5) исполнение обязанностей по земельным делам, лежавших на основании Положения о крестьянских учреждениях (Св. Зак., т. IX, Особ. Прил.) на бывших Уездных Советах.

13. Дела, предусмотренные в пунктах 2 и 5 предшедшей (12) статьи, рассматриваются Уездными Земельными Советами в открытых заседаниях при обязательном участии Уездного Посредника по земельным делам или лица, его заменяющего, Мирового Судьи и одного из выборных от волостей.

14. Постановления Уездных Земельных Советов почитаются окончательными и могут быть отменены высшей губернскою властью лишь в случае нарушения общих узаконении и постановлений Правительственной Власти, либо законных прав частных лиц и интересов общественных и государственных.

15. Должности Губернского Посредника по земельным делам и его Помощника учреждаются при Управлениях Земледелия и Землеустройства в губерниях. На Губернского Посредника по земельным делам возлагается объединение деятельности Уездных и Волостных земельных учреждений и содействие успешному выполнению ими возложенных на них обязанностей.

16. Губернскому Посреднику по земельным делам непосредственно подчиняются Отделения Управления Земледелия и Землеустройства в губернии: Межевое и Земельное, с сосредоточением в последнем всех земельных и землеустроительных дел, подведомственных

Губернскому Посреднику по земельным делам. На помощника Губернского Посредника по земельным делам возлагается заведывание Земельным Отделением упомянутого Управления.

17. В Межевом Отделении, под председательством Губернского Посредника по земельным делам, образуется Межевое Присутствие в составе Члена Окружного Суда, по назначению суда, и Губернского Землемера, на которое возлагается: 1) утверждение планов и межевых документов по всякого рода межевым исполнениям, и 2) завершение землеустроительных дел, незаконченных бывшими Землеустроительными Комиссиями.

18. Начальнику Гражданского Управления предоставляется издавать наказы и инструкции о порядке действий Уездных и Волостных земельных учреждений и подведомственных им чинов.

Указ Правительствующего Сената

Именем Закона, Правительствующий Сенат слушали: предложение Обер-прокурора первого департамента Правительствующего Сената от 20 июня 1920 года за № 241, в коем предлагает на благоусмотрение Правительствующего Сената копию журнала заседания первого департамента от 19 июня 1920 года и приказ Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России о земле от 25 мая 1920 года и утвержденные Главнокомандующим того же числа правила о передаче распоряжением Правительства казенных, государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев и Временное положение о земельных учреждениях.

Приказали: Правительствующий Сенат по первому департаменту 19 сего июня признал подлежащим обнародованию приказ Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерала Врангеля от 25 мая 1920 года о земле, утвержденные им в тот же день «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и «Временное положение о земельных учреждениях».

Ныне закон этот будет проводиться в жизнь и Правительствующий Сенат, неизменно стоя на страже порядка и законности, почитает для себя долгом отметить значение сего акта в деле государственного устроения нашей родины.

Земледелие и сельское хозяйство в жизни главной массы населения России занимает исключительное положение. Не раз на почве земельных недоразумений возникали серьезные обострения. В нынешнюю кровавую смуту вокруг земли вновь разгорелись страсти, а враги России использовали это в своих преступных целях.

Законы попраны, свирепствует насилие над личностью и имуществом; уничтожены веками созданные хозяйственно-культурные ценности.

Но окончательную гибель Родины русский народ не допустит. Он стряхнет тяжелый недуг и мощно сплотится вокруг своего Правителя и Главнокомандующего, чтобы прекратить братоубийственную смуту и восстановить порядок и мирный труд.

Приказ Правителя, облеченного всею полнотою власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственность, но не даром, а за выплату государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель.

Такой путь перехода, распределения и укрепления земельных угодий отвечает правовым понятиям народа и соответствует историческому развитию земельного законодательства Верховною властью.

Отныне в деревнях должен установиться твердый земельный порядок и хозяйственная обеспеченность жизни трудящихся на земле, а самый закон будет осуществляться при ближайшем участии сельских хозяев, под высшем контролем Правителя и Главнокомандующего.

Закон земельный направлен к общему благу государства, и на нем будет строиться мощь России.

Споры, неудовольствия, раздоры вокруг земельного вопроса должны смолкнуть. Каждый верный сын нашей многострадальной Родины, не из-за страха, а по долгу совести, обязан отдать свои силы и знания и поступиться своими личными интересами, всемерно помогая Правителю и Главнокомандующему в скорейшем и наилучшем осуществлении закона о земле.

А посему Правительствующий Сенат, в общем собрании всех Департаментов определяет: о точном и неуклонном исполнении всеми приказа от 25 мая сего года предписать всем подчиненным местам и лицам и объявить во всеобщее сведение.

Июня 27 дня 1920 г.

Обер Секретарь П. Мезенцев. Помощник Обер Секретаря В. Белинский.

Приказ

Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России № 3367

Г. Севастополь.

26 июня 1920 г.

Только что вернулся из объезда Бердянского и Мелитопольского уездов. Видел повсеместно горячую го-

товность населения помогать войскам, жертвовать, несмотря на трудное время уборки хлебов, рабочими силами на пополнение войсковых частей, давая армии безропотно все требуемое.

Такое отношение к войскам со стороны народа, за благо и свободу которого они борются, обеспечивает дальнейший успех нашего дела.

Со своей стороны, озабочиваясь облегчением земледельческому населению тяготы падающих на него натуральных на военные нужды повинностей, вменяю в непременную обязанность войсковым частям оказать народу деятельную помощь в уборке урожая и засеву озимых полей отпуском свободных от наряда лошадей и войсковых обозов на полевые работы.

В беседах моих с крестьянами-земледельцами о сборе урожая и новом земельном законе я заметил неправильное понимание на местах сделанного по моему приказанию 17 июня Управлением Земледелия и Землеустройства распоряжения об уплате аренды и скопщины в нынешнем году. (Распоряжение Управления Земледелия и Землеустройства, от 17 июня 1920 года, о сборе урожая в текущем году по приказанию Главнокомандующего Управление Земледелия и Землеустройства разъясняет:

«I. Арендаторы и съемщики, заключившие письменные или словесные договоры об аренде сельскохозяйственных угодий с их собственниками, уплачивают им за урожай текущего года аренду натурой или деньгами, условленную в договорах. Возникающие споры разрешаются в судебном порядке.

2. Во всех прочих случаях земледельцам-хозяевам, пользовавшимся в текущем году сельскохозяйственными угодьями частновладельческих имений, предоставляется право беспрепятственно снять урожай, с обязательством внести в казну, применительно к

Правилам Приказа о земле, одну пятую часть действительного урожая хлебов и трав, натурой или деньгами, по рыночной стоимости зерна и сена. Такой же сбор производится с земледельцев-арендаторов в имениях, владельцы которых или их представители отсутствуют»).

Арендными правилами 21 сентября 1919 года высший предельный размер аренды и скопщины по договорам ограничен одной пятой частью средней урожайности. Поэтому требования собственников, превосходящие этот предел, не подлежат удовлетворению. Внесение же скопщины в законном размере непосредственно собственникам впредь до отчуждения подлежащих участков, согласно распоряжению 17-го июня, только облегчает скопщикам расчет с Государством за урожай текущего года, сравнительно с требованием нового земельного закона: платежи по договору могут быть в некоторых случаях менее пятой части, скопщина может вноситься не обмолоченным хлебом всякого сорта вместо установленного для платежей зерна и рассчитываться по действительному урожаю только с засеянных десятин вместо средней урожайности всей площади участка.

В видах скорейшего приступа к расчету новых приобретателей земли с казной за отчуждаемые участки, я признаю возможным все арендные платежи и скопщину за урожай настоящего года на мелких, подлежащих отчуждению участках, вносимые прежним их собственникам или в казну, зачесть в первый платеж Государству за счет покупной стоимости приобретаемой плательщиками земли.

Поэтому приказываю:

1. По договорам на посев земли, в которых условленная плата натурой или деньгами превышает пятую часть собранного в действительности урожая, призна-

вать за собственниками земель право на получение только указанной пятой части.

2. Все взносы натурой скопщины и денежные платежи, поступающие от поставщиков собственникам или в казну, зачитывать плательщикам первым платежом Государству в счет выкупной стоимости отчуждаемой земли, окончательный расчет за которую с бывшими собственниками принимает на себя Государство.

3. В помощь земледельческому населению по уборке урожая и засеву полей отпускать нуждающимся в рабочем скоте хозяевам лошадей военных обозов и привлеченных к отбыванию подводной повинности, хотя бы на один или два дня, для полевых работ уборных машин и плугов, в свободное от нарядов время. Начальникам Гражданских Частей при Корпусах собрать сведения по волостям, ближайшим к расположению войск, о числе требуемых для уборки хлеба лошадей. Командирам Корпусов сделать соответствующие наряды. Исполнение этого приказа возлагаю на Командиров частей, наблюдение – на ответственность Начальников дивизий и Командиров Корпусов. О сделанных нарядах Штабам Корпусов доносить мне каждую неделю. При вторичном объезде, если увижу вблизи военной части неубранные поля, с Командира строго взыщу.

Генерал Врангель.

Телеграфное распоряжение Начальников Гражданского Управления и Управления Земледелия и Землеустройств Таврическим Губернатору и Губернскому Посреднику по земельным делам, от 10 (23) июля 1920 года

Губернатору.

Симферополь. Копия Губернскому Посреднику.

Сбор и хранение пятой части урожая, вносимой скопщиками в казну, согласно приказа Главнокомандующего № 3367 и распоряжения Управления Земледелия от 17 июня, на землю, которая к ним должна перейти, надлежит устроить, не ожидая распределения между ними приобретаемой земли, на следующих основаниях:

1. Ссыпка и хранение хлеба и сена возлагается, до открытия Земельных Советов и Волостных Земских Управ, на Волостные Сельские Правления, под наблюдением Начальников Уездов и Уездных Посредников, а потом на Земельные Советы. Старшины и старосты обязаны срочно подыскать соответствующие помещения и приспособить их: найти весы, назначить приемщиков, позаботиться об охране и записи принятой скопщины, с обозначением, кто, за какую землю и сколько вносит, для пополнения последующего расчета.

2. Волостным Управлениям и Земельным Советам предоставляется реквизировать для ссыпки хлебозапасные магазины сельских обществ и всякие частновладельческие свободные хранилища, имеющиеся при станциях и пристанях, а также в перешедших в заведывание Управления Земледелия бывших советских имениях.

3. Хлеб, по мере ссыпки, будет сдаваться Уполномоченным Управления Торговли или Интендантству и перевозиться в указанные пункты.

4. Причитающуюся пятую часть соломы и сена можно заменять деньгами по местным рыночным ценам. Зерно заменяется деньгами только с особого разрешения.

5. Не обмолоченный хлеб принимать нельзя.

6. Каждому земледельцу, доставившему хлеб и сено, или внесшему денежный платеж, выдается расписка приемщика по правилам засыпки магазинов; позднее разослана будет форма.

7. Поступившее натурой сено передается заготовщикам фуража для армии, денежные поступления из кассы Управлений вносятся в Казначейство.

8. Ссыпка хлеба по местам в пределах волости лежит на обязанности общественных Управлений, а расходы на охрану и перевозку в назначенные для сдачи пункты будут возмещаться из особого кредита, до получения которого Волостные Правления необходимо снабдить суммами из кредита, отпущенного на управление бывшими советскими имениями.

9. Все взносы должны быть произведены не позднее первого октября.

10. Ссыпаемое зерно должно быть удовлетворительного качества, чистое, сухое, как оно принималось для армии. Проверять поручается избранным самими обществами хозяевам.

К осуществлению изложенного примите срочные меры – совместно с Губернским Посредником, о ходе дела доносите еженедельно.

Начальник Гражданского Управления Тверской. Начальник Управления Земледелия Сенатор Глинка.

Приказ Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России № 94 15/28 июля 1920 года

Переход земли в собственность обрабатывающих ее хозяев и раздробление крупных имений на мелкие участки предрешают изменение прежнего строя земского управления.

К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной земской жизни необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников, из числа трудящегося на земле населения.

Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения.

Только на этом начале построенное земское самоуправление я считаю в настоящее время прочной опорой дальнейшего государственного строительства.

В уверенности, что широкие круги хозяйственного крестьянства, самою жизнью призываемые отныне к преобладающему участию в устройстве земского дела на местах, дружно откликнутся на этот призыв, выдвинут из своей среды наиболее способных работников и тем посильно послужат общей нашей задаче спасения Родины.

Приказываю:

Впредь до установления общегосударственной властью окончательного порядка земского самоуправления, вводить в действие в местностях, занимаемых войсками Главнокомандующего В.С.Ю.Р., утвержденное мною 15-го сего июля Временное Положение о Волостных Земствах.

Генерал Врангель. (По Гражданскому Управлению)

На подлинном

Правителем и Главнокомандующим

написано:

«Утверждаю» Июля 15/28 1920 г. Генерал Врангель.

Временное положение о Волостных Земских Учреждениях.

I. Общие Положения

1. Ведению Волостных Земств подлежат в пределах волости дела местного общественного хозяйства, составляющие предметы ведения Уездных Земств, и дела управления, входящие в круг ведения Волостного Правления и Волостного Старшины.

2. Волостное Земство составляет Волостное Земское Собрание и Волостная Земская Управа.

3. К предметам владения Волостных Земских Собраний относятся: 1) заведывание имуществом Волостного Земства; 2) заведывание Земскими повинностями, денежными и внутренними; 3) выполнение возложенных на Земство повинностей по снабжению войск и населения продовольствием и фуражем по требованиям военных и гражданских властей; распределение между отдельными сельскими обществами и жителями волости натуральных повинностей и принятие мер понуждения к их исполнению; 4) разверстка между плательщиками сборов, установленных утвержденными 25 мая 1920 г. Правилами, и меры к их поступлению; 5) разрешение вопросов землепользования на основании особых по сему предмету правил; 6) попечение о народном образовании путём устройства и содержания школ, а также иными мерами; 7) попечение о хозяйственном благосостоянии населения и о народном продовольствии; 8) попечение об общественном призрении, народном здравии и санитарном состоянии волости и участие в борьбе с заболеваниями животных; 9) содействие поддержанию и развитию местных путей и средств сообщения; 10) попечение о благоустройстве селений; 11) меры предупреждения и тушения пожаров и борьбы с народными бедствиями; 12) участие в расходах на Государственную стражу; 13) производство

выборов в указанные законом должности и определение размера присваиваемого этим должностям содержания и 14) дела, предоставленные ведению Волостных Земств, согласно особым узаконениям и распоряжениям Правительства.

4. На Волостной Земской Управе лежат обязанности по подготовке и исполнению постановлений Волостных Земских Собраний, по составлению земских смет и раскладок, а также отчетов и вообще по выполнению всей текущей работы в пределах ведения Волостного Земства. Кроме того, Волостная Земская Управа обладает правами и несет обязанности Волостного Правления, а Председатель Волостной Земской Управы пользуется правами и несет обязанности Волостного Старшины.

5. Волостные Земства имеют право, на основании общих гражданских законов, приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать в обязательства и также вчинять гражданские иски и отвечать на суде по имущественным делам Земств, с соблюдением правил, установленных для казенных управлений.

6. Для удовлетворения потребностей, отнесенных к ведению Волостного Земства, Волостное Земское Собрание имеет право облагать денежными и натуральными сборами все находящиеся в пределах Волости недвижимые имущества и торгово-промышленные предприятия.

Примечание 1. Впредь до составления Волостной оценки, утверждаемой Уездным Земским Собранием, в основание раскладки волостных сборов принимается последняя земская оценка облагаемых имуществ.

Примечание 2. При обложении недвижимых имуществ и торгово-промышленных предприятий, наблюдается, чтобы на одно недвижимое имущество или предприятие не упадало более одной пятой суммы всех волостных земских сборов.

7. При обложении сборами и платежами имуществ, находящихся в пределах волости, должна соблюдаться полная уравнительность в основаниях обложения – кому бы таковое имущество не принадлежало. Все постановления, нарушающие это правило, признаются недействительными.

II. О составе Волостных Земских Собраний

8. Волостное Земское Собрание составляется из Волостных Земских Гласных, избираемых на один год, согласно правилам, в ст. ст. 10–21 изложенным.

9. Число Гласных на каждую волость определяется расписанием, составляемым Начальником Уезда и утверждаемым подлежащим Губернатором с тем, чтобы на каждый избирательный сельский сход, имеющий не менее двухсот избирателей, по возможности, приходился хотя один Гласный, и чтобы общее число Гласных в Волости составляло не менее двадцати и не более сорока человек. Избирательные сходы, содержащие менее двухсот избирателей, самостоятельно выборов не производят, а присоединяются к соседнему избирательному сходу – распоряжением Начальника Уезда, который наблюдает, чтобы в один избирательный сход соединялись, преимущественно, равные по числу избирателей сходы.

10. Выборы Волостных Земских Гласных производятся на Сельских избирательных сходах. Правом участия в этих сходах пользуются следующие, достигшие двадцатипятилетнего возраста лица:

а) домохозяева, имеющие надельную, иную земельную собственность и ведущие самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство, не исключая женщин, удовлетворяющих изложенным условиям и являющихся главами семьи;

б) землевладельцы, без различия сословий и независимо от размера их земельного имущества, по одному представителю или представительниц от каждого, входящего в состав волости владения, составляющего особое хозяйство. В случаях совладения, к избирательному сходу приписывается и в нем участвует один из совладельцев, по их о том соглашению;

в) настоятели местных церквей, а также по одному представителю от приходских обществ всех исповеданий, если эти общества владеют землей в пределах волости;

г) лица, пользующиеся землей на праве аренды, имеющие на этой земле оседлость и проживающие в пределах волости не менее 3-х лет, если они ведут на арендуемой ими земле самостоятельное сельское хозяйство или имеют на ней торгово-промышленное либо фабрично-заводское предприятие;

д) представители казенных общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ, по одному от каждого, если эти учреждения, общества и товарищества владеют в пределах волости недвижимой собственностью.

Примечание. Лица, перечисленные в п.п. б-д этой (10) статьи, приписываются, по своему выбору, к одному из ближайших избирательных сходов.

11. В Гласные могут быть избираемы только лица, имеющие право участия на избирательном сходе.

12. В выборах не участвуют:

а) дезертиры и уклоняющиеся от воинской повинности;

б) признанные в установленном порядке безумными, сумасшедшими и глухонемые;

в) подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу,

мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы, после состоявшегося осуждения, они были освобождены от наказания за давностью, примирением или помилованием;

г) состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, означенных в п. в) этой (12) статьи.

13. На выборах никто из избирателей не имеет более одного голоса. Доверенности на передачу голосов, на избирательном сходе не допускаются. Разрешается замена находящегося на военной службе избирателя другим представителем семьи, достигшим двадцатипятилетнего возраста.

14. Лица, имеющие право участия на избирательных сходах (ст. ст.10–12), вносятся в избирательные списки, составляемые отдельно по каждому избирательному сходу. Составление избирательного списка возлагается на Волостную Земскую Управу, а впредь до начала действия Волостных Земств – на Сельское Управление.

15. В течение семи дней, со дня выставления для всеобщего обозрения избирательного списка, избиратели могут подавать на неправильность и неполноту списка письменные жалобы или делать словесные о том заявления, подлежащие занесению в протокол. Жалобы приносятся ближайшему Мировому Судье, который рассматривает их в пятидневный срок.

16. Избирательный сход созывается в срок, назначенный Начальником Уезда, и открывается Сельским Старостой. Вслед за этим сход избирает Председателя.

17. Выборы Председателя схода и Волостных Гласных производятся закрытой подачей голосов. Способ подачи голосов, а также порядок избрания устанавливается самим сходом.

18. Жалобы на неправильности, допущенные на выборах, подаются в Волостное Земское Собрание, до первого заседания сего Собрания.

19. Лица, виновные в нарушении свободы и правильности выборов Волостных Гласных, подлежат ответственности, предусмотренной ст. ст. 328(1)-328(7) Улож. о Наказ. Св. Зак., т. XV изд. 1915 года.

20. В случае отмены Волостным Земским Собранием выборов одного или нескольких Гласных, производится на сходе, где были допущены неправильности, новые выборы по правилам, изложенным в предшествующих статьях.

III. О порядке действий Волостных Земских Собраний и Волостных Земских Управ

21. Волостное Земское Собрание в первом заседании, открываемом Начальником уезда или, по его уполномочию, другим должностным лицом, избирает из своей среды Председателя Собрания. Допускается совмещение, по постановлению Собрания, должностей Председателя Собрания и Председателя Волостной Земской Управы.

22. Волостное Земское Собрание в первом заседании избирает на один год из числа лиц, имеющих право участия на сельских избирательных сходах (ст. 10–12), Волостную Земскую Управу в состав Председателя и не менее трех членов, из которых один избирается заместителем Председателя.

23. Председатель и члены Управы во всяком случае пользуются правами Волостных Гласных.

24. Волостное Земское Собрание избирает, в случае надобности. Комиссии для исполнения возлагаемых на них поручений.

25. По делам земельным Волостное Земское Собрание избирает из числа лиц, пользующихся правом участия на сельских избирательных сходах (ст. ст. 10–12). Волостные Земельные Советы, состав и порядок действий, которых определяется утвержденным Главнокомандующим 25 Мая 1920 г. Временным положением о Земельных Учреждениях. Из числа тех же лиц Волостное Земское Собрание избирает представителя в местный уездный Земельный Совет.

Примечание 1. В тех Волостях, где выборы в Земельные Советы, Волостные и Уездные, уже произведены на Волостных земельных сходах, новые выборы в эти Советы на Волостных земских Собраниях производятся лишь в случае особых о том постановлений подлежащих Волостных Земских Собраний.

Примечание 2. Допускается совмещение должности Председателя Волостного Земельного Совета с должностью Председателя Волостной Земской Управы.

Примечание 3. Расходы на делопроизводство Волостных Земельных Советов относятся на счет подлежащих Волостных Земств.

26. Председатель и члены Волостной Управы, члены избираемых Волостным Земским Собранием Комиссий и Земельных Советов получают вознаграждение в размере, установленном Волостным Земским Собранием. Вознаграждение служащих по найму определяется тем же Собранием или, по уполномочию его, Земскую Управою.

27. При выборе должностных лиц по Волостному Земству наблюдается, чтобы в одном и том же учреждении не служили одновременно лица, состоящие в первой степени свойства и в степенях родства: в

прямой линии – без ограничения, а в боковых – до третьей включительно.

28. Совмещение должности, назначение на которую производится властью Волостной Земской Управы или ее Председателя, со званием Гласного того же Земства, не допускается.

29. Председателю и членам Волостной Земской Управы, членам ревизионной Комиссии, а равно лицам, служащим по Волостному Земству, воспрещается участие в подрядах и поставках по предметам земского хозяйства и вообще совершение каких-либо сделок по имуществу с подлежащим Волостным Земством.

30. Для законного состава заседаний Волостного Земского Собрания требуется присутствие не менее одной половины числа Гласных, определяемого расписанием (ст. 9). Для действительности постановлений Земского Собрания, подлежащих утверждению губернатора (ст. 31), требуется принятие решения большинством двух третей присутствующих Гласных.

31. Следующие постановления Волостных Земских Собраний подлежат утверждению Губернатора: 1) об отчуждении и залоге недвижимых имуществ Волостного Земства; 2) о заключении займов и об условиях их, а также поручительствах и гарантиях от имени Волостного Земства, если займы, поручительства и гарантии, в общей сложности с прежним, превышают итог волостных доходов по смете текущего года и 3) о заключении договоров с частными предпринимателями, относительно устройства и эксплуатации ими волостных земских сооружений или предприятий общего пользования, в случае, когда срок договора превышает 12 лет или стоимость сооружений превышает итог земских доходов по смете текущего года.

32. Все постановления Волостных Земских Собраний представляются в копиях Начальнику Уезда в семидневный, со дня воспоследования постановлений, срок.

33. Постановления Волостных Земских Собраний, не подлежащие утверждению Губернатора, вступают в законную силу, если Начальник Уезда, в семидневный со дня получения постановлений срок, не приостановит их исполнения по основаниям, означенным в ст. 34. О приостановлении постановлений Начальник Уезда одновременно сообщает Волостной Управе.

34. Начальник Уезда останавливает исполнение постановления Волостного Земского Собрания, когда усмотрит, что оно: а) не согласно с законом или постановлено с нарушением круга ведомства, пределов власти, либо порядка действий Волостных Земских Учреждений, или б) не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности.

35. Начальник Уезда, приостановив постановление Волостного Земского Собрания по основаниям, указанным в п. а) предшествующей (34) статьи, одновременно приносит протест Председателю Съезда Мировых Судей, действующему в качестве Административного Судьи.

36. Постановление Земского Собрания, приостановленное Начальником Уезда по основаниям, указанным в п. б) ст.34, немедленно передается им на рассмотрение Общего Присутствия Уездного Управления.

37. Состав Общего Присутствия Уездного Управления (ст. 169 Времен. Полож. о Гражд. Управл.), при обсуждении передаваемых Начальником Уезда, в порядке предшествующей (36) статьи постановлений Волостных Земских Собраний, пополняются: Председателем Уездной Земской Управы, Уездным Посредником по земельным делам. Податным Инспектором и, сверх того, Председателем, по назначению подлежащей Волостной Земской Управы, того Волостного Земства, которого касается рассматриваемое дело.

38. Жалобы частных лиц, обществ и установлении на постановления Волостных Земских Собраний, не вошедшие в законную силу, когда по свойству предмета не может быть начато иска, на общем основании, приносятся в семидневный, со дня воспоследования сих постановлений, срок, Председателю Съезда Мировых Судей, действующему в качестве Административного Судьи. Жалобы же на постановления Земских Собраний, вошедшие в законную силу, приносятся в двухнедельный, по вступлении их в силу, срок в Окружной Суд по административному Отделению.

С подлинным верно:

Вр. и. д. Управляющего Делами Совета при Главнокомандующем

Сергеенко-Богокутский.

За Начальника Кодификационной Части Канцелярии Совета Гостковский.

Содержание

Петр Николаевич Врангель

Записки

Книга вторая

16+

Ответственный редактор *Н. Соломадина*
Корректор *М. Глаголева*
Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16